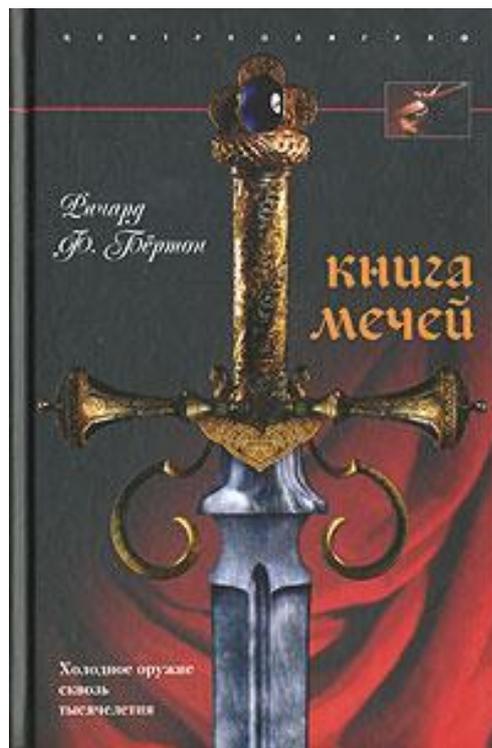

Ричард Фрэнсис Бёртон Книга мечей

Ричард Ф. Бертон Книга мечей

...Продай одежду свою и купи меч.
Евангелие от Луки, 22:36

Но более всего благоприятствует величию империи, когда вся страна развивает искусство владения оружием как предмет своей главной гордости и самое славное занятие.

Бэкон. О приумножении наук. VIII, 3

Голос каждого народа – это меч, охраняющий его или повергающий наземь.

Теннисон. Гарольд

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мне нужна книга о мече, а не трактат о «квартах» и «терциях», – сказал мне издатель, когда я принес ему несколько лет назад свою первую рукопись.

И я понял, что издатель прав. Поэтому книга была переписана в более популярном и менее профессиональном стиле.

У меня есть только одно пожелание к читателю и рецензенту, а именно – отнестись объективно к некоторым «продвинутым воззрениям» на египтологию. Я убежден, что данное исследование, пусть и находящееся в начальной стадии, сильнейшим образом изменит почти все наши прежние взгляды на археологическую историю.

Ричард Ф. Бёртон

ВСТУПЛЕНИЕ

История человечества – это история меча. «Белое оружие» – это нечто большее, чем просто «самое древнее, самое универсальное, имеющее больше всего разновидностей оружие, единственное дожившее до наших времен».

Он (или она, оно – поскольку разные имена меча имеют разный грамматический род) – был объектом поклонения как божество, ему приносились человеческие жертвоприношения. Иудейские откровения гласят, что обоюдоострый меч явился изо рта Царя Царей, Господина Господ. Мы читаем о «Мече Божьем, священном Мече», о «Мече Господа и Гедеона» и что «не мир я вам принес, но Меч», что свидетельствует о борьбе и муках человека.

На более низком плане меч предстает изобретением и любимым оружием богов и полубогов: это волшебный дар, одно из сокровищ, ниспосланных на землю с небес, с помощью которого Малкибер («Малик Кабир», великий царь) стал божеством, а Вёлунд, Кида, Талант или кузнец Вейланд – героями. Его посвящали богам, хранили в церквах и храмах. Это был «ключ к небесам и к аду»; пословица гласит, что, «не будь меча, не было б и закона Мухаммеда», а самой высшей наградой за храбрость у мусульман было звание «Саиф Алла» – «Меч Аллаха».

Меч, неизменно обладавший индивидуальностью, из абстракции превратился в личность, наделенную как человеческими, так и сверхчеловеческими качествами. Меч стал чувствующим существом, он мог говорить, петь, радоваться и печалиться. Единый со своим владельцем, он был предметом привязанности; его гордо именовали возлюбленным сыном и наследником. Сдавший меч признавал себя тем самым подчиненным; преломить меч означало унижить его владельца. Целовать меч означало, а кое-где и до сих пор означает принести высшую форму присяги.

«Возложите свои руки на наш королевский меч», – говорил король Ричард II. А Вальтер Аквитанский заявлял:

*Contra Orientalem prostratus corpore partem
Ac nudum retinens ense[m] hac cum voce precatur ¹.*

Меч убивал и исцелял; в безнадежном положении герой бросался на свой меч, а героиня, подобно Лукреции и Кальфурнии, вонзала в себя клинок стоя. Мечом разрубался гордые узел любой сложности. Меч стал символом справедливости и мученичества; он уходил вместе со своим хозяином в могилу, как до этого сопровождал его в пиру и в бою. «Положите меч на мой гроб, – сказал, умирая, Генрих Гейне, – ведь я доблестно сражался за свободу человечества».

С незапамятных времен Царь оружия, созидатель и разрушитель одновременно, он «высекал историю, создавал народы и придавал форму миру». Он предрешил победы Александра и Цезаря, которые открыли человечеству новые горизонты. Он повсюду распространял яркий свет и многочисленные преимущества войн и побед, чья роль в прогрессе столь важна. Утверждение о том, что «la guerre a enfanté le droit» – «без войны не было бы права», – далеко не парадоксально. Стоимость жизни, утверждает Эмерсон, тоскливый хаос комфорта и времени, перевешивается той точкой зрения, которую меч открывает на Вечный Закон, реконструирующий и возвышающий общество. Он ломает старый горизонт, и сквозь трещины мы имеем возможность шире взглянуть на вещи.

Война улучшает общество, поднимая его над той невыразимой мелочностью и убожеством, которой характеризуется ежедневная жизнь многих. В присутствии Великого Разрушителя мелкая вражда, ничтожная зависть и жалкая злоба затихают в благоговейном страхе. Очень глупой в наши дни звучит шутка Вольтера о войне, когда он заявляет, что

---

¹ Повернитесь лицом на Восток И, обнаженным держа меч, вознесите молитву (лат.).

война – это когда «король берет кучку людей, которым нечем заняться, одевает их в синее платье ценой по два шиллинга за ярд, обвязывает их шляпы грубой белой тканью, заставляет маршировать и вертеться влево-вправо и отправляет маршем вперед, за славой».

Меч, и только меч, поднял самый достойный народ над развалинами беспомощной дикости; а вместе с собой он вел с незапамятных времен по всему цивилизованному миру – Северо-Восточной Африке, Азии и Европе – искусства и науки, которые гуманизируют человечество. На самом деле, какое бы очевидное зло ни творил меч, он действовал во благо высшего окончательного добра. У арабов меч был типом индивидуальности. Так, быстроногий Шанфара поет в своей «ламийе»:

Три друга: бесстрашное Сердце-герой,
Меч острый и белый и Лук золотой.

Заид бин-Али хвастается, подобно Муганабби:

Послушен руке моей мастерской Меч,
И служит мне верой и правдой Копье.

И Зияд эль-Аям пишет эль-Мугарая такую эпитафию: «Так умер он, снискав смерть между наконечником копья и лезвием меча».

Ныне эта гордость распространилась и на Запад. В рыцарские времена «добрый меч» паладинов и рыцарей породил новую веру – религию Чести, первый шаг на пути к религии гуманизма. Эти люди преподали еще один урок благородной истины, великолепной доктрины, известной стоикам и фарисеям, но непонятно почему забытой всеми остальными: «Твори добро, поскольку творить добро – хорошо».

Пренебрежение всеми последствиями подняло их над всеми эгоистическими системами, которые подталкивают человека к тому, чтобы творить добро из личных соображений, чтобы завоевать мир или спасти собственную душу. Так, Аристотель обвинял своих современников, спартанцев: «Это действительно хорошие люди, но у них нет того высшего совершенного качества – любви ко всем стоящим того вещам, благопристойным и похвальным, таким, какие они есть, и ради них самих; не ради тренировки в добродетели или другого мотива, но ради единой любви к присущей им красоте». «Вечный закон Чести, связующий всех и для каждого свой», полностью удовлетворил бы самые высокие ожидания стагирского мудреца.

В рыцарских руках меч не знал другой судьбы, кроме свободы и свободной воли; он воспитал сам рыцарский дух, острое личное чувство самоуважения, достоинства и верности, с благородным стремлением защищать слабых от произвола сильных. Рыцарский меч был и остается представительной идеей, сегодняшним и вечным символом всего, что человек больше всего ценит, – храбрости и свободы. Это оружие всюду считалось лучшим другом храбрости и злейшим врагом предательства; спутником власти и знаком командира; видимым и заметным знаком силы и верности, победы и всего, что человечество хотело бы иметь и чем хотело бы быть.

Меч никогда не носили цари и не носили перед царями, и клеймо, а не скипетр, отмечало их государственные печати. Как прочный друг короны и горностаевой мантии, меч стал вторым источником чести. Среди древних германцев даже судьи сидели на своей скамье при оружии, а на свадьбах меч представлял жениха в отсутствие последнего. Благородный и облагораживающий; его касание возводило в рыцарский сан. В качестве награды это было высшим признанием доблести воина, доказательством того, что он «столь же храбр, сколь и его меч». Его присутствие было моральным уроком; в отличие от греков, римлян и евреев жители Западной и Южной Европы в ее рыцарский период нигде и ни при каких обстоятельствах не появлялись без меча. Он всегда готов был выпрыгнуть из ножен в случае слабости и по зову чести. Так с его бесцеремонной индивидуальностью меч все еще остается

«предостаточнейшим типом и знаком высших чувств и высших стремлений человеческой природы».

В обществе положение меча было замечательным. Вид его был ярким; манеры – учтивыми; обычаи его – педантичными, а связи – аристократическими. Даже пороки, его были яркими; в большинстве своем это были неизбежные спутники его применения. Он надменно вел себя, как победитель, как судья; и непременно случались времена, когда его превосходные качества демонстрировали сопутствующие им недостатки. В руках подлецов он слишком часто становился, по «логике силы», демоном, задирой, бандитом, тираном, убийцей, «знаком смерти»; в таких условиях это было «извращением лучшего». Но его прегрешения были временными и частными; достоинства же его для человечества были всеобщими и вечными.

Временем расцвета для меча стало начало XVI века, этот великий водораздел, отделяющий темное прошлое Европы от ее блестящего настоящего. Внезапное пробуждение и возбуждение человеческой мысли в этот период стало возможным благодаря оживлению наук и соединению Запада с Востоком; благодаря открытию нового полушария – удвоению мира; благодаря широкому распространению книгопечатания, несущего знание; благодаря так называемой Реформации, этому протесту северян против попытки поработить душу. В это же время в свете вспыхнувшей от работы мысли электрической искры статус меча внезапно изменился. Он уже не был убийцей, став вместо этого защитником, хранителем. Он приучился быть щитом, а не только мечом. И именно тогда возникло фехтование, как таковое, когда «владеть оружием» стало означать «уметь фехтовать». XVI век стал золотым веком меча.

В это время меч был не только Царем оружия, но и первостепенным оружием для выяснения отношений между людьми. Затем медленной, спотыкающейся и неслышной поступью подошел век пороха, «подлой селитры». Постепенно меч потерял свое значение главного оружия пехоты, уступив место штыку, этому современному варианту пики, происходящей от копья дикарей, первого из видов «белого оружия», по той лишь причине, что последний можно совмещать с оружием огнестрельным. Веком позже, во время войны федералов и конфедератов Американских Штатов, и кавалеристы стали предпочитать револьверы и ружья сабле, которой пользовались предыдущие поколения. Стало бесспорной истиной, что исход кавалерийского сражения решают шпоры, а не меч. Это никоим образом не уникальный шаг прогресса; это вообще не шаг прогресса, а возвращение к прошлому, к инстинктивному изобретению первобытных людей, это впадение в детство. Обращаясь к баллистике, наука войны практически вернулась к практике первых веков существования человечества, к способу ведения боевых действий, характерному для дикарей и варваров – ведь именно они, как правило, свое оружие метают. Пушка – это баллиста, катапульта, метательная машина, приводимая в действие не мышечной, а химической энергией. Граната – это все та же древняя петарда; подводный выступ броненосца – это давно забытый корабельный таран; энергия пара – это лишь грубая, дешевая замена мышечной силы людей, замена гребцов на скамьях, работой которых можно было управлять с точностью, недоступной для машин, сколь бы искусно сделаны они ни были. Вооруженные страны, которые в Европе вновь становятся придатками к своим армиям, представляют собой дикарскую и варварскую стадии развития общества – доисторические народы, где каждый мужчина от пятнадцати до пятидесяти лет – воин. То же самое касается и морали: общее распространение революционного духа, республиканства, демократических идей, коммунистических, социалистических и нигилистических идей и притязаний, имеющих ныне столь большое влияние на общество и на братство народов, является новым расцветом тех давних дней, когда народы сами управляли собой, без царей из числа жрецов и воинов. То же самое касается и «нематериального». Школа Сведен борга, повсеместно известная под простым названием «спиритуализм», воскресила магию, и эта «новая движущая сила», как я ее называю, оживила понятие о «духах», которое, как казалось многим мудрецам, уже давно почило.

Лебединая песня меча уже спета, и нам заявляют, что «сталь перестала быть джентльменом»². Это не так! Ни в коем случае не так! Это узкий и предубежденный взгляд, и Англия, несмотря на то что она – мать народов, современный Рим, по отношению ко всему миру – лишь частичка. Англичане, так же как немцы и скандинавы, весьма неохотно приняли образ действий фехтовальщика, как такового, – то есть сражающегося именно рапирой, острием ее; это достаточно узкое и специализированное оружие защиты и нападения, присущее Южной Европе – Испании, Италии и Франции. Даже если взять время расцвета меча, трудно найти клинок, на котором стояло бы клеймо английского производителя, и английские надписи на нем, как правило, датируются самым ранним XVIII столетием. Причина тому очевидна. Северяне рубили большими мечами, топорами и саблями, потому что это оружие как нельзя лучше соответствовало их могучему сложению, весу и силе. Но это – грубое использование оружия. В Англии фехтование – это экзотика, и всегда было ею. Здесь фехтование – удел немногих и, встречаясь редко, считается явлением чужеродным.

Но вот в Европе, на континенте, ситуация совсем другая. Наверное, никто и никогда не изучал меч с таким жаром, с каким это сейчас делается наследниками латинян – французами и итальянцами. Никогда еще не было между школами столь разработанных различий, как в интеллектуальной, так и в моральной подготовке. Почти повсеместным стало использование рапиры, как притупленной, так и непритупленной. Недавно (в сентябре 1882 года) десять журналистов одной парижской газеты предложили сотрудникам издания-соперника дуэль в лучших традициях своих предков. Даже слабый пол во Франции и Италии стал искусен в фехтовании; и женщины сейчас есть и среди самых успешных учеников *salles d'armes*³. Взять хотя бы несчастную мадемуазель Фейгин из Французского театра, хорошо известную своей искусностью в «кварте и терции и отвлекающих маневрах».

В поисках причин столь широкой увлеченности далеко ходить не надо. Перед лицом точного оружия меч как средство защиты и нападения может полностью выйти из употребления. Он больше не будет ни общепринятым оружием, ни представителем идеи. Он потеряет свое высокое положение наставника великих и благородных. Однако работы ему осталось, и еще останется. Бывший Царь оружия ныне предстает как главный инструктор боевого искусства. Как математика является основой всех точных наук, так же и фехтование учит солдата обращению с любым другим оружием. Это хорошо знают в континентальных армиях, где у каждого полка есть свой фехтовальный зал.

Опять же, человек мыслящий не может не знать о присущей мечу способности стимулировать физические качества. «Недостаточно утруждать только душу, необходимо утруждать также и мышцы», – пишет Монтень, отмечая при этом, что фехтование – единственный вид упражнений, где «упражняется дух». Являющийся лучшей из гимнастик, этот вид физической деятельности учит человека быть воином. Фехтование делает человека сильнее, активнее, проворнее и быстрее в движениях. Ученые подсчитали, что за час интенсивных занятий фехтованием человек с потом и выдыхаемым воздухом теряет до сорока унций веса. Фехтование – непревзойденное средство тренировки координации движений, глазомера, оценки собственных возможностей и, в конце концов, подготовки к реальному бою. Для успеха в фехтовании требуется уверенность духа, которая становится для фехтовальщика привычным состоянием; нельзя не предложить эту фантастическую, приносящую небывалые плоды дисциплину для преподавания в школах.

Теперь же, по мере того как вместе с обычаями прошлого века меч теряет славу разрушителя, нельзя не заметить, что характер народов при этом меняется, и не в лучшую сторону. Как только во Франции перестали носить шпаги, так французы стали заявлять о

---

² Я имею в виду живую, но одностороннюю статью «О мече» в «Эдинбургском журнале Блэквуда» за май 1881 г.

³ Оружейные залы (фр.).

своих согражданах, что «самый галантный в Европе народ вдруг стал самым грубым». То учтивое обхождение англичан, которое так очаровывало в англичанах начала XIX века пылкого и требовательного Алфиери, сохранили ныне лишь немногие. Да, действительно, бретеров, профессиональных дуэлянтов, больше нет. Но учтивость и пунктуальность, вежливость в отношениях между людьми и галантное служение женщине (*frauencultus*) – суть рыцарского духа – по большей части остались при этом за бортом. Последнее, похоже, сохранили лишь в Европе наиболее культурные классы, а широкие массы – только в Соединенных Штатах, где мы видим любопытный оазис рыцарства, сохраняемый с помощью не меча, но револьвера. В Англии запрещены дуэли, и ничего не предложено взамен: мы устранили следствие вместо причины.

Все вышенаписанное доказывает, что книга, которую вы держите в руках, – не «ложка после обеда», что в том героическом оружии, которое я избрал ее героем, и сейчас есть жизненная сила. Подробности всех этих общих утверждений будут изложены на последующих страницах. Теперь следует, наверное, представить читателям эту книгу.

В 70-х годах я с легким сердцем взялся за «Книгу меча», предполагая закончить ее за несколько месяцев. В результате у меня ушло на нее столько же лет. Необходимо оказалось не только исследовать источники и размышлять над ними, но и попутешествовать по свету, изучая положение вещей самостоятельно. Для написания монографии по мечу и исследования литературы о нем пришлось посетить все крупные арсеналы Европейского континента и совершить в 1875–1876 годах поездку в Индию. За короткий срок в несколько месяцев удалось показать только то, что записями об истории меча являются все исторические хроники мира. За долгий срок в несколько лет я убедился, что полностью охватить эту тему невозможно, надо каким-то образом себя ограничить.

Нельзя сказать, чтобы монография по мечу была не нужна. Ученым, интересующимся его происхождением, генеалогией и историей, не удастся найти у себя под рукой ни одной публикации. Им придется перерывать каталоги и книги по оружию в целом, количество которых исчисляется десятками. Придется искать брошюры с беглыми обзорами, статьи в беспорядочных складах информации, именуемых журналами, и разбросанные по пухлым сборникам и общим работам по хоплологии. Придется продирается том за томом сквозь пространные описания историй и путешествий ради нескольких разбросанных предложений. И постоянно они будут обнаруживать, что указатель в конце английской книги, в котором обширно перечисляются упоминания стекла или сахара, по поводу меча не сообщает ничего. Временами им придется блуждать в темноте, потому что авторы источников, кажется, совершенно не представляли себе важность предмета повествования. Например, много написано об искусстве Японии; а вот знания наши о японской металлургии, особенно о производстве железа и стали, не выходят за пределы элементарных, хотя информации о причудливых и замечательных мечах японцев на удивление много. А путешественники и коллекционеры описывают мечи в той же манере, что и предметы естественной истории. Они обращают внимание только на то, что привлекает их внимание, – на редкости, на те формы, которых они не видели раньше, на нечто поразительное и на уникальные экземпляры, не имеющие никакой представительской ценности. И таким образом, они не обращают внимания на экземпляры гораздо более ценные и значимые для ученых, а те, что они привозят домой, часто заплатив за них большую цену, являются разве что экспонатом для лавки диковинок.

Трудность в описании меча заключается и в том, что меч отличается отчетливой индивидуальностью. Окончательный облик каждого оружия определяется множеством факторов: от бессознательного выбора до глубочайшего расчета. Одним из свойств произведений аборигенов является то, что у них не бывает двух одинаковых предметов, особенно это касается оружия (хотя возможные различия между ними и сильно ограничены). Количество мелких различий между мечами может быть безграничным. Даже и сейчас фехтовальщики зачастую делают себе шпаги на заказ – той формы, того размера или веса, которые они считают (зачастую сильно при этом ошибаясь) лучше общепринятых.

Кто-нибудь, желая сделать свои руки сильнее, разрабатывает оружие, которое подошло бы титану, а попробовав им поорудовать, понимает, что оно просто бесполезно. Рассказывают об одном оружейнике из Шеффилда, который, получив из Марокко деревянную модель меча с наставлением воспроизвести ее в стали, сделал по одному и тому же образцу несколько сотен клинков, но так и не смог найти ни одного покупателя. Общее сходство всех мечей с единым образцом затмевают особенности, делающие их негодными для всеобщего использования. Они настроены только на своего владельца, который всегда гордится тем, что вот его-то меч самый лучший и имеет какое-то, подчас неразличимое, достоинство перед остальными. Ничего другого и ожидать нельзя – ведь меч должен быть частью хозяина, продолжением его руки. Естественным результатом такого положения вещей является вопиющее многообразие разновидностей этого оружия и трудность в попытке урезать это многообразие для создания какого-то упорядоченного описания. Следовательно, я не могу согласиться с президентом Антропологического института, когда тот утверждает: «Конечно же мечи похожей формы можно найти во многих странах, но они не столь причудливы (как габонские мечи), если только их форма не является заимствованной. Мечи практически одной и той же формы могут независимо друг от друга появляться в разных частях света, поскольку количество их ограничено, а требования человека везде едины».

Таким образом, главным, что заставило меня задержаться на столь долгий срок, стала потребность ввести систематику, последовательность и ясный порядок в хаос деталей. Возникла необходимость найти какое-то единство, какую-то точку отсчета эволюции и развития этого оружия, без которой все рассуждения оказались бы рассеянными и непоследовательными. Но как найти тот ключ, который превратит запутанный лабиринт в прямую дорогу, ту точку отсчета, которая позволит нам обозреть всю панораму; тот угол зрения, который верно отразит расположение деталей, связующую нить взаимодействий и прогресс частей и всего целого?

В музеях и, следовательно, в их каталогах приняты две системы «классификаций, определяющих поля нашего невежества». Я приведу здесь только английские коллекции, а континентальный читатель пусть сам найдет примеры применения обоих принципов у себя дома. Первый принцип – тематический, или географический (например, коллекция Кристи), который, как понятно из самого названия, определяет место экспоната в основном по его отношению к местности, природе, культуре, среде и дате; этот принцип рассматривает человека и его работу как выражение почвы, его взрастившей. Второй принцип – материальный и чисто формальный (например, коллекция генерала А. Питт-Риверса); он рассматривает только экспонаты сами по себе, вне зависимости от их авторов или среды, в которой они были сделаны; бесстрастно исследуя законы развития соперничающих разновидностей, этот принцип преследует цель расширения наших знаний о человечестве. У обоих принципов есть свои достоинства и недостатки. Тематический принцип более последователен с антрополого-этнологической точки зрения, потому что рассматривает культуру народа в целом; но показать путем сопоставления возникновение, жизнь и смерть отдельного предмета он не в силах. Формальный принцип берется за изучение конкретных представлений; он описывает их переходы, связи и последовательность, развитие и деградацию. Он приводит примеры действия законов бессознательного выбора, в отличие от заранее обдуманного и планируемого. Таким образом, он претендует на интерес социологов, хотя и отделяет и изолирует предмет от его окружения – человечества.

Опять же неразумно было бы не отметить хронологический принцип (коллекция Деммина). Он помогает нам уверенно проследить возникновение предметов и происхождение их друг от друга; хроники приключений и случаев, связанных с этим самым универсальным оружием, чья замечательным образом размеченная карьера заслужила столько внимания религии, поэзии и прозы, как ничто другое в этом мире. И я не забыл о мудром предупреждении доктора Артура Митчелла о том, что «грубая форма инструмента может не только предшествовать формам более совершенным, но и, напротив, приходиться им на смену». Должное внимание к датам позволяет нам избежать ужасной мешанины, царящей

в обычных музеях. Деммин обнаружил большое количество мечей, отмеченных в каталоге принадлежащими к эпохе Карла Смелого, в то время как форма их говорила о том, что они относились к концу XVI века или даже к началу XVII. В Аквилехском музее мне показывали «римский меч», который был на самом деле венецианским, с закрытым эфесом; от силы ему было лет двести. Лишь в рамках точной хронологии обретают силу и географический, и формальный принципы.

Взявшись за такой предмет, как меч, который существует на протяжении всей истории человечества, было бы, осмелюсь я выразить свое мнение, глупо принять на вооружение только одну из этих систем. Поскольку лишь методологическое распределение материала помогает добиться ясности, все подходы должны быть как можно искуснее объединены. Формальный, который рассматривает и материал и форму оружия, позволяет выбрать для классификации один признак. Например, материал изменяется от дерева до стали или очертания – от прямой линии до сегмента окружности. Тематический подход, начиная (как нам известно) от долины Нила, затем охватывает Африку, Азию, Европу и Америку, описывая распространение меча, и показывает всю непрерывную преемственность этого благородного оружия. Он также очень хорошо объединяется с хронологически-историческим подходом, начинающимся *ab initio*⁴ и показывающим общий прогресс, прерываемый неровными отшатываниями назад и в конце концов распространяющийся на наиболее интересующую нас эпоху.

После продолжительного изучения вопроса я решил разбить «Книгу меча» на три части.

Часть I будет описывать появление и становление меча. Она начинается с самого начала, с доисторических времен и протоисторических народов, а заканчивается периодом, когда меч встал в полный рост, – периодом расцвета Римской империи.

Часть II описывает период расцвета меча. Начинается она с подъема цивилизаций северных варваров и с упадка Рима при Константине (313–324 гг.), который объединил христианство с митраизмом; когда столица мира была перенесена в Византию и подражание Востоку, особенно Персии, привело к упадку технологий – с периода Восточной Римской империи. Дальше описывается период возникновения ислама; становление рыцарского сословия; Крестовые походы и войны вооружений допороховой эры, когда битвы еще не решались с помощью взрывчатых веществ и работающих на их основе орудий. Это был триумфальный период меча. Он стал прекрасным произведением искусства; самые гениальные мастера не гнушались заниматься украшением его рукояти и ножен. И кульминацией его карьеры стало начало XVI века, когда это наступательное оружие приобрело и оборонительные свойства, и поднялось на такую высоту, откуда можно было только падать вниз.

Часть III продолжает воспоминания о мече, который после долгого периода упадка переживает в наши дни второе рождение. В этой части будут описаны современные клинки, коллекции, как частные, так и общественные, производители.

Часть I, которой является книга, что вы держите в руках, состоит из тринадцати глав, беглый обзор которых приведен в содержании. Первые семь выстроены в формальном хронологическом порядке. Это «Происхождение оружия» (глава 1), где показано, что, в то время как оружие природное одинаково свойственно человеку и зверю, оружие искусственное есть только у людей. В главе 2 рассказывается о первом собственно оружии – о камне, заложившем основы и баллистики, и представлений об оружии ударного действия. За ней следует (глава 3) рассказ об основных материалах – дереве, камне и кости. Их до сих пор используют те народы, которые не в силах произвести ничего получше. Отсюда мы переходим к металлическому клинку, который сначала явно был не более чем подражанием вышеперечисленным видам оружия. Сначала (глава 4) эти клинки делались из чистой меди,

---

⁴ С самого начала (лат.).

хотя в переводах ее и называют зачастую «бронзой» или «латунью». Затем (глава 5) были материалы промежуточного периода – сплавы, которые естественным образом ушли со сцены, когда начался так называемый век раннего железа; он наблюдался в Европе тогда, когда в долинах Нила, Тигра и Евфрата уже всюду ковали чистейшую сталь. Завершает этот раздел формальная и техническая глава 7, где рассматривается форма меча и разбираются отдельные его части. Предмет этой главы – неблагоприятная тема для живого повествования; но, если уж мне пришлось быть скучным, я, по крайней мере, всячески постарался избежать того, чтобы быть нудным.

Затем изложение переходит к географическому и хронологическому порядку. Следующие пять глав посвящены тематическому распространению меча и взаимосвязям этого распространения. Первая из них (глава 8) начинается с обзора различных форм меча, бытовавших в Древнем Египте и разошедшихся по всему тогдашнему цивилизованному миру; заканчивается она тезисом о том, что именно в Египте обрело свою сегодняшнюю форму «белое оружие» в том виде, в каком оно распространено сейчас в Африке, и что имя, которое носит меч в большинстве европейских языков, тоже египетского происхождения. Вторая (глава 9) описывает Палестину, Сирию и Малую Азию, страны, которые явным образом заимствовали это оружие из Египта и передали его в Ассирию, Персию и Индию. Оружие и доспехи долины Двуречья стали предметом рассмотрения главы 10. Дальше, сменив географическое направление, мы двинемся на запад и увидим (глава 11), как греки, заимствовав меч у египтян, внесли свой вклад в его дальнейшее развитие. Недавно обнаруженные в Микенах бронзовые рапиры имеют столь же совершенную форму, как и стальные шпаги из Бильбао и Толедо. В главе 12 древнюю историю меча продолжает рассказ о различных видах клинков, которые использовались прогрессивными римлянами, чей мудрый выбор оружия позволил им выигрывать великие битвы с наименьшими потерями. Ко всему этому я приложил, для географической и хронологической симметрии, последнюю главу (глава 13), содержащую беглый обзор меча варваров – современников Римской империи: даков, италийцев, иберов, галлов, германцев и бриттов. Однако эта часть истории меча, особенно в том, что касается скандинавов и ирландцев, будет более подробно изложена в части II.

В этой книге я старался, насколько это было возможно, ограничить себя темой меча – впрочем, в этой теме уже содержится *embarras de richesses*⁵. Но оружие нельзя полностью разделить между собой, особенно при обсуждении его возникновения. Одно естественным образом вытекает из другого и связывается с другим; вряд ли можно позволить себе не замечать этих связей. Поэтому временами я буду позволять себе отступления, особенно в сторону топора и копья; но забывать об основной линии я при этом не собираюсь.

Не вижу причин извиняться и за обилие филологических данных, которые оказываются необходимыми при обсуждении меча. Если я в чем-то выражаю несогласие с авторитетными источниками, моя позиция остается открытой, и я всегда готов признать свою неправоту. Путешественники отказываются верить, что «арийская раса» зародилась в голых, суровых горах Центральной Азии или что «семитская раса» происходит из бесплодных пустынь Аравии. Мы не верим, что Индия «больше, чем Греция или Рим, заслуживает звания колыбели грамматики и филологии». Я не могу избавиться от уверенности, что Англия в последнее время слишком уж увлеклась «арийской ересью», и с нетерпением жду, когда же изучение этого вопроса будет иметь под собой более твердую основу.

Двести девяносто три иллюстрации были доверены искусной руке мистера Джозефа Грегора, который проявил дружеский интерес к моей работе. Но не стоит ожидать слишком много от иллюстраций, предназначенных для книги, которая задумывалась как популярная, а следовательно, недорогая. Поэтому в результате размер иллюстраций оказался меньше, чем я предполагал. В европейских библиотеках есть много каталогов оружия, где приводятся

---

⁵ Ошеломительное богатство (фр.).

крупные цветные рисунки, которые здесь были бы явно не к месту. В том, что работа по мечу, где они будут присутствовать, вскорости появится, я несколько не сомневаюсь; смиренно надеюсь на то, что моя книга окажется к ней достойным вступлением.

И в завершение я хочу высказать благодарность множеству моих *mitwerkers*⁶, которые помогали мне в подготовке этой монографии; более писать здесь нужды нет, все имена будут упомянуты в тексте книги. Путешествие на Золотой Берег и его итоги, в двух томах, описывающих богатства этого края, пусть послужат моим извинением за задержку в работе над этой книгой. Рукопись эта была послана домой из Лиссабона еще в декабре 1881 года, но «тирания обстоятельств» задержала ее года на два.

Ричард Ф. Бёртон

Постскриптум

Задним умом понял, что необходимо признаться, как перед читателями, так и перед самим собой, что многочисленные цитаты, как правило, я приводил не из первоисточника и что выверение их, чем так любят заниматься авторы, не всегда представлялось возможным. Таких недостатков не избежать в первом издании. В Триесте и в других местах, удаленных от центров цивилизации, библиотек нет, и тщетно было бы искать первоисточники. Конечно, мистер Джеймс Фергюсон написал мне как-то раз, что творить в таких условиях историю меча – большая дерзость. Однако я постарался извлечь как можно больше пользы из моих визитов в Лондон, Париж, Берлин, Вену и другие столичные города и сделал все, что мог, чтобы устранить недостатки. И последнее – в иллюстрациях не всегда соблюден масштаб; они брались из различных источников, не все из которых придавали этому должное значение.

Глава 1

ПРЕАМУЛА: О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОРУЖИЯ

Человеческую цивилизацию породил огонь, породило умение его разводить и поддерживать. До того как это произошло, наши примитивные предки, очевидно, владели животное существование. В легенде о «храбром сыне Юпитера» Прометее, как и во многих других, придуманных греками, или, правильнее было бы сказать – позаимствованных ими у египтян, под видом сказки скрывается глубокая истина, преподнося урок, не теряющий ценности и поныне. Результатом работы предвидения стал спуск *semina flammae*⁷ с неба в полом сосуде или его кража из колесницы Солнца. В нем персонифицирован тот неизвестный гений, который, увидев однажды, скажем, дерево в джунглях, подожженное молнией, вздумал попробовать подкормить пламя топливом. Точно так же и в том, что Гермес, он же Меркурий, носил имена «Pteropedilos», или «Alipes», а на ногах у него сидели «Pedila» или «Talaria», крылатые сандалии, сокрыта идея о том, что солдат сражается не столько с помощью рук, сколько с помощью ног⁸.

---

⁶ Здесь: товарищи (нем.).

⁷ «Семена пламени» (лат.).

⁸ Фридрих Великий заявлял, что армия, подобно змее, движется лежа на брюхе. Согласно Плутарху, змея почиталась священной за то, что движется, не имея ног, как это делают звезды. По словам Плиния, впервые огонь высек из камня Пирод, сын Циликса (от слова *silex*, означающего характерный для древности кремень), а Винсент де Бово объяснял: («Кремень есть камень твердый, так говорят о нем те, кто искры из него высекает». Санскритское слово «шила» означает «камень» – оба слова, очевидно, восходят к общему корню, «ши» или «си». «Religiosa silex» («Священный кремень») Клаудиана, возможно, представлял собой каменный столб, вроде тех, что символизируют Зевса Касийского и Венеру Пафийскую, не говоря уж о каменных обелисках, которым поклонялись египетские и арабские приверженцы литолатрии, и древнем троянском Паллади,

Я не буду здесь распространяться о том, сколь большой интерес вызывает хоплология сама по себе; история различных видов оружия, их связей между собой и переходов друг в друга играет в мировых хрониках важнейшую роль.

Создание оружия было, наверное, самым первым достижением материальной культуры человечества. История и этнография мира показывают, что не существует в нем народов настолько отсталых, чтобы не иметь искусственно созданных средств для защиты и нападения.

Разумеется, юное человечество должно было всецело посвятить свою изобретательность и творческие усилия разработке оружия. Я имею в виду отнюдь не зрелое человечество, чьи тело и душу взрастили жреческие касты Египта, Финикии, Иудеи, Ассирии, Персии и Индии. Тот *Homo Sapiens*, о котором я говорю, – это Адам Кадмон⁹, в понимании не каббалистов, но антропологов, поднявшийся над окружающим зверьем силой своих мозгов и рук.

Животные рождаются без оружия, хотя невооруженными их не назовешь.

Использование для защиты и нападения средств, данных природой, – это действительно доля животных, а не людей, оружие же, в общем, свойственно человеку, а не животному. Натуралисты до сих пор не могут точно сказать, пользуются ли животные в так называемых естественных условиях оружием, как таковым. Полковник А. Лэйн Фокс, усердный исследователь примитивного вооружения и выдающийся антрополог, придерживается четкой убежденности в том, что первым доисторическим оружием был зажатый в руке камень. Он приводит примеры того, как обезьяны с помощью камней разбивают орехи; как гориллы защищались от карфагенян Ганнибала, а Педро де Съеза де Леон повествует о том, что, «когда испанцы [в Перу] проходили под деревьями, на которых сидели обезьяны, эти твари отламывали сучья и швыряли их вниз, непрерывно строя при этом рожи». Еще во времена Страбона отмечалось, что обезьяны Индии забираются на скалу и сталкивают вниз на своих преследователей камни – что является и излюбленной тактикой дикарей.

Несложно поверить и в то, что обезьяны, чьи человекоподобные руки обладают способностью хватать, закидывают агрессора кокосовыми орехами и другими снарядами. Майор Денхэм (1821–1824), путешественник, вполне заслуживающий доверия, рассказывает о четвероруких обитателях страны Йеу, где он побывал, исследуя окрестности озера Чад: «Обезьяны, или, как их называют арабы, – «заколдованные люди»¹⁰, были столь многочисленны, что я видел, как вечером на одном месте собиралось их до полутора сотен. Они, казалось, совершенно не собирались уступать место, а вместо этого взгромоздились все вместе на обрыве на высоте футов в двадцать, издавали ужасный шум и, как только мы

перевезенном в Рим. Идея о Прометее, обучившем людей хранить огонь внутри стеблей сухих растений, была позаимствована индусами, которые сделали из него Прамантху. Однако Прамантха – это торчащий вверх факел, впервые созданный Твасту, Священным Плотником, который, кажется, является братом Горнила; в общем, он считается мужским символом. Корень «пир» (солнечный жар) мы встречаем даже в перуанском Китцуа, где он входит в имя царской семьи – Пирхуа. В бельгийских и французских пещерах привязанность этого корня к вспыхивающему огню подтверждается названием пиритов, которые были известны первобытному человеку.

⁹ Этот первочеловек Адам был двуполым, став единым родителем из книги Бытия – «мужчинами и женщинами создал Он их» – до-адамитов из мусульманских представлений. Главной ошибкой современных читателей Библии становится то, что они воспринимают все эти мифы и символы как банальные исторические подробности. Во времена иудейских мудрецов люди выше ценили мистическую мудрость евреев.

¹⁰ В поисках представлений о превращениях не нужно далеко ходить и обращаться к древним грекам и римлянам. Эти представления свойственны человеческой природе в целом, и, вне всякого сомнения, источником их является сходство человека с животным по внешнему виду и поведению; возможно, они существуют еще с тех пор, когда человек был еще почти равен в развитии с животными.

приближались на определенное расстояние, начинали слегка, как бы в предупредительном порядке, кидаться в нас». Герр Голуб тоже «становился мишенью для стада африканских бабуинов, рассеявшихся в ветвях деревьев»; а в другой раз наши «братья меньшие» даже обратили его вместе с его людьми в позорное бегство. «Так, – пишет полковник А. Лэйн Фокс, – наши «бедные родственники», даже выросшие в неволе, сохраняют привычку яростно трясти ветку, прыгая по ней всем своим весом, чтобы с нее оторвался плод и упал противнику на голову». В Египте, как свидетельствуют рисунки из гробниц, обезьяны (бабуины или собакоголовые) были обучены помогать при сборе фруктов и носить факелы. Их врожденная непоседливость не раз приводила к возникновению забавных сцен при выполнении последнего вида службы ¹¹.

Сам я свидетелем таких обезьяньих бомбардировок не был. Но когда мой полк стоял в Бароде, Гуджарат, я видел, вместе с моими собратьями по офицерскому званию, как оружие применял слон. Это умное животное, именуемое туземцами Хатхи («рукастый» ¹²), приковали к одному месту во время опасного жаркого сезона, и он в раздражении ходил туда-сюда.

Наверное, его обидело внезапное появление белых лиц, потому что он схватил хоботом тяжелый чурбан и запустил в нас с такой силой, что не оставалось сомнения в злобности его намерений.

По сведениям капитана Холла, который, однако, лишь повторяет услышанное от эскимосов ¹³ – единственных живых представителей палеолита в Европе, – о белых медведях часто рассказывают, что если они находят спящего у подножия скалы моржа, то stalkивают на него своими рукоподобными передними лапами камни и булыжники. Целится зверюга при этом в голову и в итоге вышибает своей ошеломленной добыче мозги. Может быть, конечно, эти случаи и принадлежат к тому же разряду, что и свидетельства о том, как страус бросает камни, приводимые многими натуралистами, в том числе и Плинием, в то время как на самом деле булыжники просто вылетают из-под ног птицы, когда та улепетывает от врага. То же самое касается и легенд о том, что дикобразы мечут иглы ¹⁴, отчего многие получали тяжелые травмы, а иногда и умирали. С другой стороны, эму, например, лягается, как дикий осел, и от его пинка человек может перелететь через шканцы.

Но хотя человек первым делом, только появившись на свет, вооружился, нам не

---

¹¹ Неповиновение обезьян каралось «палкой и лишением ужина». Древние египтяне, как и карфагеняне или средневековые татары, славились тем, что приручали и дрессировали самых диких зверей – горных кошек, леопардов, крокодилов и газелей. На века прославились «царские боевые львы» Рамсеса II. Приручали египтяне и домашних кошек приносить водоплавающую дичь на охоте.

¹² Лукреций называет слона «anguimanus» (змеерукий). Как хорошо известно, между индийским и африканским слоном есть межвидовые различия. Последний – ниже, крепче и компактнее сложен, чем первый, бивни его крупнее и тяжелее, уши – значительно длиннее; различаются эти слоны и формой костей лба.

¹³ Это слово происходит от оджибуэйского «аскимег» или от абинакского «эскиманцик», что означает «поедатели сырого мяса». Раньше под этим словом подразумевали народы крайнего севера Америки и прилегающего побережья Азии. Более современный термин «иннуиты» в дословном переводе означает не более чем «народ» или «люди», подобно «хои-хои» («люди из людей»), как называют себя готтентоты, или «банту» («народ») – слово, которым, скорее по ошибке, обозначают многочисленную семью южноафриканских народов. Более того, термин «иннуиты» ни в коей мере не универсален. Эскимосы – весьма благодарный объект для изучения; в частности, среди их типично первобытных свойств – нехватка уважения к мертвым и слабая привязанность к одному месту.

¹⁴ Рассказ о том, как дикобраз обстрелял иглами собак, многие из которых были тяжело ранены, описан у Марко Поло. Полковник Юл приводит свидетельства Плиния, эллинов и китайцев. На самом же деле животное сбрасывает на бегу пустые иглы, а если не может убежать – пытается, как еж, свернуться и спрятать голову. Цыгане хорошо знают, что мясо их очень вкусно, как самая изысканная свинина, разве что немного суховато, если не добавлять жира.

следует вслед за циниками и гуманистами полагать, что с самого его недавнего появления на арене Творения, или, скорее, на подмостках жизни, начался постоянный процесс разрушения. Огромные млекопитающие третичного периода, предшествовавшие человеку, – гоппотерий, дейнотерий и другие «терии» – задолго до него превратили Землю в арену постоянного кровопролития, и скромный вклад человека мог разве что сделать эту жуткую картину еще чуть-чуть ужаснее. И даже в наши дни хищные рыбы, не имеющие совершенно никакого представления о бесчеловечном обращении людей друг с другом, демонстрируют не меньше свирепости, чем самые дикие и необузданные представители рода человеческого.

Первобытный человек – животное, возникшее после третичного периода, – самими условиями своего существования и среды был обречен на жизнь воина: он должен был постоянно нападать, чтобы добыть пищу и защищаться, чтобы сохранить жизнь. Улисс патетически заявляет:

Меж всевозможных существ, которые дышат и ходят
Здесь, на нашей земле, человек наиболее жалок ¹⁵.

То же ощущение встречается и в «Илиаде», а пессимист Плиний пишет: «Человек есть единственное животное, которое может плакать».

Путь восхождения этих несчастных, не имевших ни «ума», ни «души», представлял собою непрерывную военную кампанию против голодных зверей и таких же «родственников»-дикарей. Мир всегда был для них не более чем краткой передышкой. «Золотой век» поэтов – лишь сказка. Существование наших далеких предков представляло собой в полном смысле слова битву за жизнь. Развитие искусств и технологии направлял тогда, как и сейчас, Его Величество Желудок, а война была естественным состоянием человечества, от которого по большей части и зависел прогресс, продвижение от низшей к высшей стадии развития. Как современные дети, беспомощные и не умеющие говорить, Первобытные люди, как и все животные того периода, обладали только инстинктами, необходимыми для самосохранения в благоприятных условиях. Мысль, которую не развивают, творит немного; мозг не порождает идей: он лишь комбинирует их и развивает все новое способом дедукции. То же самое происходит и в языке – ономотопея, имитация звуков природы, изначальная речь человечества, все еще продолжает существовать; а к ней уже мы добавляем наши более живописные и оживленные выражения. Но, несмотря на всю слабость человека, лучший учитель – необходимость – все время заставлял дикаря и варвара делать из опасного безопасное, создавать комфорт из его противоположности.

Человек, вынужденный вооружаться самой природой, несет с собой два великих начала – умение подражать и стремление к прогрессу. И то и другое – странные свойства, у животных они находятся в зачаточном состоянии. Способность человека к языковой речи наряду с постоянным развитием букв и письменности вообще позволили ему накапливать для себя и передавать другим опыт, достигнутый посредством чувств, который, будучи полученным однажды, таким образом, никогда уже не терялся. Дикарь собирал и применял к настоящему и будущему накопленную мудрость прошлого, хотя, конечно, неизмеримо в меньшей степени, чем цивилизованный человек.

Способность к подражанию, это замечательное преимущество двуногих, лишенных врожденных приспособлений, над четвероногими, приучило первых с детства заимствовать *ad libitum* ¹⁶ и не отдавать взамен ничего или почти ничего. Будучи практически охотником-одиночкой, человек был обречен на сражения и погони; на то, чтобы уничтожить других ради того, чтобы выжить самому и дать выжить своей семье. Это было столь

---

¹⁵ Перевод Н. Гнедича.

¹⁶ Неограниченно (лат.).

постоянным и всеобъемлющим условием его существования, что все остальные цели оказывались менее значительными. Став пастухом, человек продолжал сражаться со зверьем и другими людьми за то, чтобы сохранить и приумножить свои стада; поднявшись до уровня земледельца, он еще больше стал нарушать мир, будучи влеком жаждой наживы, амбициями и инстинктивными стремлениями.

Но не существует абсолютной точки водораздела, по крайней мере, в том, что касается материальных предметов, которой была бы отмечена заря нового «творческого периода»; и *Homo Darwiniensis*, созданный этим Аристотелем нашего времени, величайшим из натуралистов Англии, напрямую связан с *Homo Sapiens*. Есть много животных и птиц, способных к подражанию, но их способности всегда естественным образом ограничены. Более того, это всего лишь «инстинктивные» действия, которые невозможно развивать, в противоположность «размышлению» как процессу высокоразвитой нервно-мозговой системы. За то время, пока человек научился членораздельно разговаривать, собака, которая только выла и скулила, так ничему и не научилась, разве что лаять. Человек опять же способен развиваться, и границы развития мы не можем определить; а зверь, неспособный к созданию собственной культуры, развивается в благоприятных условиях автоматически и лишь в достаточно узких пределах.

Я еще немного задержусь на способности к подражанию и ее реализации. Достоин сожаления, что в полных утонченной мудрости словах Поупа не обратили внимания на великий урок из мира животных в предложении и применении искусства защиты и нападения:

С прилежных тварей не своди ты глаз!
Учись у зверя раны исцелять;
Пчела искусство строить преподаст;
Крот – землекоп, червь ткать весьма горазд;
Моллюск-малютка, вверившись ветрам,
Тебя научит плавать по морям ¹⁷.

Человек, особенно в тропиках и субтропиках, которые были его первым домом, если не колыбелью, получил много полезных подсказок от обладающих ужасным арсеналом тропических растений. Тут и ядовитые деревья, и большие острые шипы акации и мимозы, например «подожди-ка» (*Acacia detinens*), гледиции, сокотрского алоэ и американской агавы, и прокалывающие кожу колючки *Caryota urens* и некоторых видов пальм. Туземные народы получали дальнейшее обучение в искусстве защиты и нападения у сильных и грозных *ferae* ¹⁸ солнечных речных отмелей, где дикари впервые начали строить жилища.

Перед тем как перечислять средства нападения и защиты, предложенные самой природой, мы должны разделить хоплологию, науку о доспехах и оружии защиты и нападения, присущих людям и животным, на два больших раздела, из которых последний можно разделить на четыре вида:

Наука о метательных снарядах.

Наука об оружии ближнего боя:

- а) ударного действия;
- б) проникающе-колющего действия;
- в) рубящего действия;
- г) режуще-пилящего действия.

Полковник А. Лэйн Фокс («Примитивное вооружение») классифицирует вооружение

---

¹⁷ Поуп Александр. Опыт о человеке. Перевод В. Микушевича.

¹⁸ Звери (лат.).

«животных и дикарей» таким образом:

Способы защиты	Орудия нападения	Элементы стратегии
Укрытие в убежищах Броня в виде сплошных пластин Броня в виде составных пластин Чешуя	Колющие Ударные Режущие-пилящие Отравленные Метательные	Бегство Засада Тактика Колонны Вожди Сторожевое охранение Искусственные укрепления Военные кличи

Мой список менее обстоятелен, и в нем перечисляется только то, что имеет отношение к «белому оружию».

1. Как уже говорилось, метательный снаряд был, наверное, самым первым оружием, и по сей день он все еще является излюбленным оружием дикарей. Его использование не противоречит естественному инстинкту самосохранения. «Чем короче оружие, тем храбрее его владелец» – с этим никто не спорит. Первобытный охотник, время которого принадлежит только ему самому, выбирал метательное оружие; но земледelec, которому надо поспеть домой к сбору урожая, брался за оружие для рукопашной, которое ускоряет работу. Мы можем без излишней легковёрности принять к сведению тот факт, что метательное оружие общепринято и у животных, и у людей. Если взять так называемых рыб-стрелков¹⁹, то, например, токсот²⁰, рыба-лучник, безошибочно сбивает каплей воды насекомых, находящихся в воздухе на высоте три-четыре фута. Четодона, или японскую рыбу-стрелка, держат в аквариуме и кормят, поднося мух на прутике на расстояние нескольких дюймов от поверхности воды; она сбивает их без промаха. У млекопитающих этот трюк повторяют лама гуанако и ее родственники, которые плюются на приличное расстояние с поразительной точностью²¹.

А метание камней имеет многовековую историю, как мы читаем в одном источнике XV века:

Побольше подготовьте вы камней;
Пращу получше подберите тоже.
Пусть будет враг весь в стали иль в броне,

¹⁹ Сепия (кальмар, каракатица) защищается, разряжая свой «чернильный мешок», находящийся у него в печени, и скрывается под чернильным покровом. Это защищает не хуже щита.

²⁰ Что кажется родственным латинскому слову *taxus*, обозначающего «тис» – излюбленный материал для изготовления оружия. Славянский «тис», скандинавский «ир», кельтский «юбар» – все эти слова означают тис, а подразумевают еще и лук. Скальды называли лук еще и «алмр» (вяз) и «аскр» (рябина). Ту же этимологию имеет и латинское слово *toxicum*, которое продолжает использоваться и в наши дни в словосочетаниях типа «алкогольная интоксикация»

²¹ Это я испытал на себе, обидев чем-то одну гуанако в Кордобе, республика Аргентина; разозлившись, она тут же плюнула мне на шляпу, неприятно удивив меня своей точностью.

Но град камней он вынести не сможет ²².

2. Примеры удара, приводящего к рваной ране, можно найти у животных семейства кошачьих, например, это страшный удар лапы льва, тигра или удар хобота «полуразумного однорукого». Можно наблюдать и то, как зебра и квагга (получившая свое название по издаваемому ей крику «Ваг-га, ваг-га!»), лошадь и осел, верблюд и даже корова защищаются, лягаясь копытом; а страус, журавль и крупные хищные птицы, атакуемая, бьют крыльями.

Касатка вооружена крепким тараном. Обыкновенный кит бьет головой с такой силой, что может потопить китобойный корабль; более того, это млекопитающее использует свой мощный хвост в боях с людьми и животными, к примеру, в битве с акулой или морской лисицей ²³.

В исполнении сильных кулаков человека это дает нам «благородное искусство» бокса, восходящее к глубокой античности; на кулаках бились еще в Древнем Риме, Греции и Лузитании. Хотя бокс и принято связывать с Великобританией, но он популярен не только среди крестьян России, но и среди чернокожих мусульман хауса, сослуживших такую хорошую службу на войне с ашанти. Любопытным подражанием вооружению кошачьих является индийский баг-нак. Вслед за Деммином полковник А. Лэйн Фокс ²⁴ впадает в заблуждение, описывая «лапу тигра» как «индийское предательское оружие, принятое в тайных обществах, изобретенное около 1695 года нашей эры». Деммин ошибочно приписывает изобретение багнака Сиваджи, князю страны Маратха, находящейся на западе Индии, с помощью обмана убившего этим оружием Афзал-хана, мусульманского полководца Аурангзеба, посланного в 1659 году на подавление восстания Сиваджи. Тогда было принято решение о встрече вождей противоборствующих сторон, и мусульманин, выйдя из рядов своей армии, двинулся вперед в сопровождении одного слуги; на нем была тонкая мантия, а из оружия только прямой меч. Сиваджи же, выйдя из крепости, казался робким и неуверенным и к тому же был безоружен. Но под тонкой хлопковой курткой у него была кольчуга, а помимо спрятанного кинжала – «тигриная лапа». Хан с презрением посмотрел на сторбленную маленькую «горную крысу», которую мусульмане грозились запереть обратно в клетку; но, обнимая врага, Маратха вонзил свой багнак в его тело и добил кинжалом. Как мне было сказано, тот самый багнак до сих пор хранится как реликвия в семье Бхонсла ²⁵.

---

²² Струтт. Спорт и развлечения. II, гл. 2

²³ Все находившиеся на борту потерпевшего кораблекрушение крейсера «Х.М.С. Грифон», в том числе и я, стали свидетелями боя между акулой и китом в бухте Бьяфры (1862?).

²⁴ Антропологическое собрание. С. 180. Деммин же, однако, не прав еще и в том, что описывает это оружие как имеющее «два с половиной фута в длину» (Оружие и вооружение. С. 413. Издание Белла, Лондон, 1877). В «Каталоге индийского искусства музея Южного Кенсингтона» лейтенанта Х.Х. Коула, R.E. (С. 313). По его словам, Сиваджи убил мусульманина с помощью «бичва», или «скорпиона», – «изогнутого обоюдоострого лезвия». Возможно, имеется в виду некий уменьшенный кинжал.

²⁵ Говорят, что ему поклоняются в старой крепости, столице Маратхи, Саттара (от слов «сат-истара», «семь звезд», – созвездие Плеяд). Здесь же находится и меч Сиваджи, «Бхавани», длинный генуэзский клинок хорошего качества. Миссис Гатри, видевшая последний, описывает его как «хороший меч из Феррары (?), четыре фута в длину, с шипом на эфесе для нанесения ударов». Также она отмечает малый размер эфеса. В индийском музее в Южном Кенсингтоне находится браслет из семи «когтей тигра», отделанный золотом, с застежкой на руке. Мистер Рузлет, приехавший в Бароду в 1864 году, описывает в своей замечательной книге одно из любимых зрелищ раджи Геквара или Бароды – «наки-ка-каусти» («наки-ка-кушти»). Голые бойцы вооружались «тигриными лапами» из рога, позже замененными на стальные; смерть одного из спортсменов была неизбежной. Оружие, снабженное чем-то вроде рукоятки, было пристегнуто ремнями к сжатому правому кулаку. Бойцы, опьяненные бхангом (индийской коноплей), набрасывались друг на друга и раздирали лицо и тело соперника, как два тигра; нередко один из них или даже оба умирали от потери крови. Возбуждение правителя в этих случаях было столь высоко, что ему едва удавалось удержаться от повторения движений дуэлянтов.

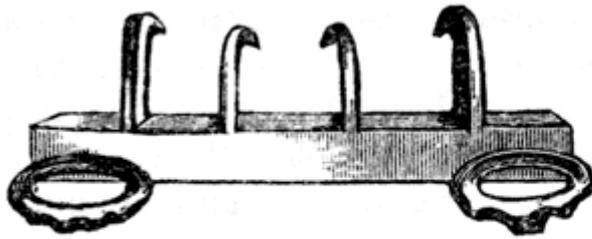

Рис. 1. Индийский багнак

Рис. 2. Багнак, примененный Маратхой

С тыльной стороны ладони ничего не было видно, кроме двух массивных золотых колец на указательном пальце и мизинце; в ладони между этими кольцами лежала полоска стали, на которой крепились три-четыре «когтя», достаточно тонкие, чтобы спрятаться между пальцев полусжатой руки. Нападение начиналось с резкого распарывания живота противника: слышал я и об отравленных багнаках, подобных, видимо, отравленным перстням древней и средневековой Европы.

Дата изобретения этого оружия совершенно неизвестна; цыгане, эти европейские индийцы, производят его в своей модификации, весьма любопытной и изобретательной.

3. Колющее оружие сделано явно в подражание «вооружению» коз, оленей и прочих рогатых животных, типа буйвола или дикого быка, – все они разбегаются, наклонив голову, и вонзают рога в тело противника. Антилопа гну и другие африканские антилопы, будучи загнанными, отбиваются от охотников именно таким образом. В Европе «удар оленя» (вспарывающий и разрывающий удар) унес в могилу множество людей. Гиппопотам, опасное животное, которое часто недооценивают, подныривает под каноэ, как кит, внезапно всплывает и пробивает прочнейшими костяными клыками две дыры в днище нарушителя его спокойствия. Черный носорог, самое свирепое и раздражительное животное африканской фауны, хоть и является травоядным, имеет на изогнутых носовых костях один-два рога из древоподобных сплетений волокон, крепящихся посредством развитого аппарата мышц и связок. Это оружие, мягкое и обвислое, когда животное настроено мирно, становится жестким и неподвижным, когда он разгневан, что подтверждает единственное предназначение этого органа – боевое. Это великолепный кинжал, который распарывает слона и протыкает ребра лошади сквозь седло и подкладку. Вымерший саблезубый тигр, имевший один резец и пять клыков, тоже убивал проникающим ударом. Если взять птиц, то и выпь, и павлин, и белый журавль бьют клювом в глаз; последний известен тем, что погружает свой длинный острый клюв глубоко в противника; чтобы поймать журавля, ему подставляют дуло ружья: птица с силой загоняет клюв в отверстие, тут-то ее и ловят.

Цапля защищается на лету от сокола своим острым длинным клювом. Фазан и куропатка, домашний петух и перепел, не говоря уж об остальных, пользуются своими шпорами как кинжалами; фазан-аргус из Индии, американская якана, рогатый крикун, австралийская цапля и ржанка из Центральной Африки несут свое оружие на крыльях.

По сведениям, которые приводит Плиний, дельфины, заплывающие в Нил, вооружены острым плавником на спине, чтобы защищаться от крокодилов. Кювье относит это упоминание на счет *Squalus centrina* или *Spinax* Линнея. Европейский спинорог (*Balistes capricus*), живое ископаемое, редкое в британских водах, замечательно показывает эффективность, красоту и разнообразие такого рода вооружений. Он протыкает неприятеля снизу сильным, способным натягиваться шипом на первом переднем спинном плавнике; основание этого копья широкое и содержит отверстия, и шип из поддерживающих пластин свободно проходит сквозь него.

**Рис. 3. а — Balistes
Capricus; б — Cottus
Diceraus; в — Nasrus
Fronticornis**

Когда позвоночник поднимается, паз на спине заполняется выступом от следующего костяного луча, который закрепляет шип в поднятом положении.

Как и взведенный курок, этот шип уже невозможно опустить, просто нажимая на него с силой, пока не произведен сброс, например, не нажат спусковой крючок. По словам образованного и опытного профессора Оуэна, этот механизм можно сравнить с примыканием и отмыканием штыка: когда шип опускается, он укладывается в выемку в поддерживающей пластине и, таким образом, совершенно не мешает плавать.

Драчливая и жадная маленькая колюшка (*Gasterosteus*) снабжена похожим механизмом. Подкаменщик (*Gottus diceraus*) имеет на спине шип с зазубринами, в точности похожий на копья эскимосов и дикарей Южной Австралии.

Желтобрюхая рыба-хирург, или рыба-ланцет (*Acanthurus*), обитающая во всех океанах, вооружена двумя длинными шипами по обеим сторонам хвоста; этим «ланцетом» она искусно защищается от своих многочисленных врагов. *Naseus fronticornis*, помимо рога на морде, снабжена еще и режущими копьевидными лезвиями на зазубренном и утыканном шипами хвосте. После укула «жалящей рыбы» (*Trachinus vipera*) ничего не остается, кроме как ампутировать раненую часть тела. В плавниках рыбы есть полые каналы, в которых хранится яд – кстати, подсказка изготовителям кинжалов.

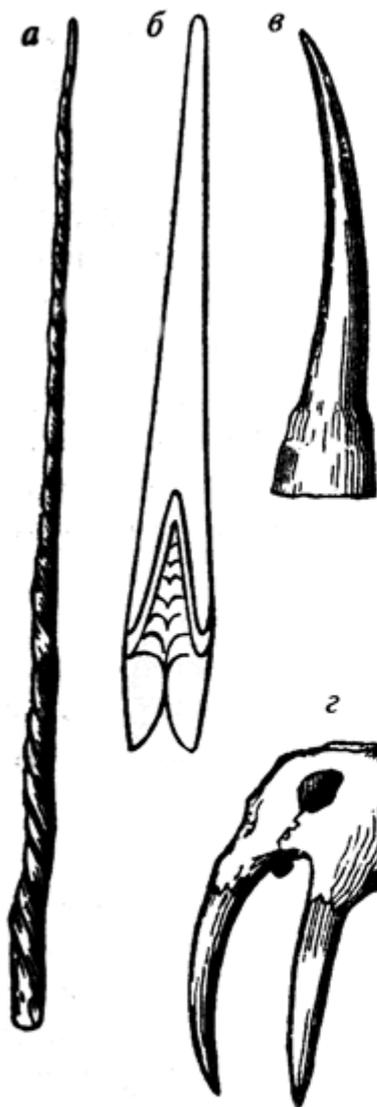

Рис. 4. *a* — меч нарвала; *б* — меч меч-рыбы; *в* — рог носорога; *г* — клыки моржа

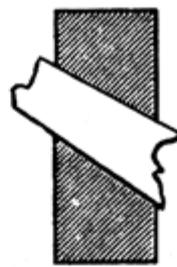

Рис. 5. Меч нарвала протыкает доску

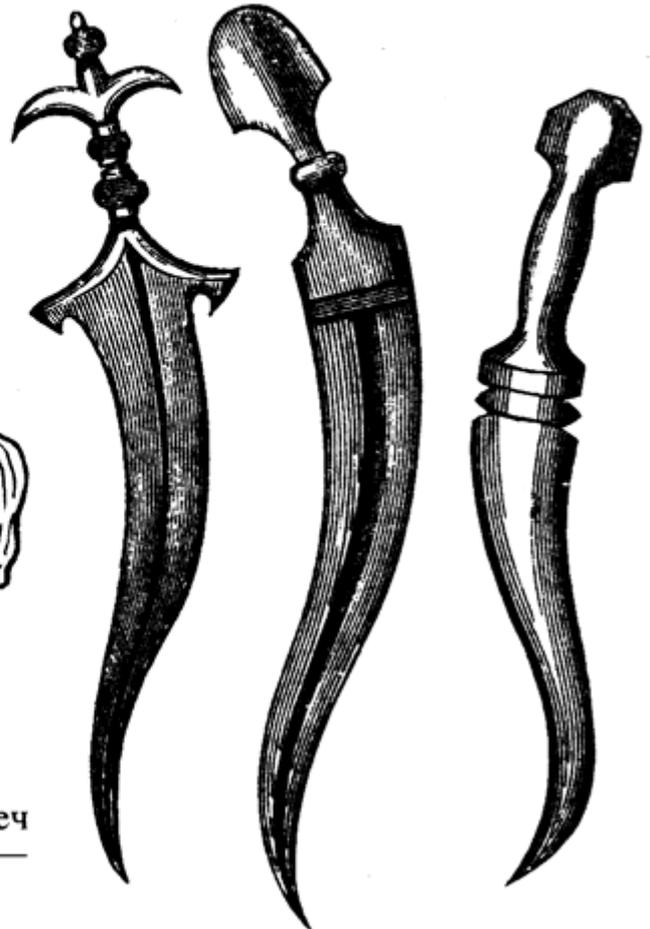

Рис. 6. Металлические кинжалы, повторяющие изгиб рога

Морской кот (он же хвостокол, *Raia trygon* и *Raia histrix*) оборачивает свой длинный тонкий хвост вокруг объекта нападения и режет шипованным краем этого хвоста, нанося ранение, которое заживает очень долго. Шипы эти мало того что отравлены, так еще и рассчитаны на то, чтобы задерживаться в ране: их широко используют дикари Фиджи, островов Гамбье и Пелью, Таити и Самоа.

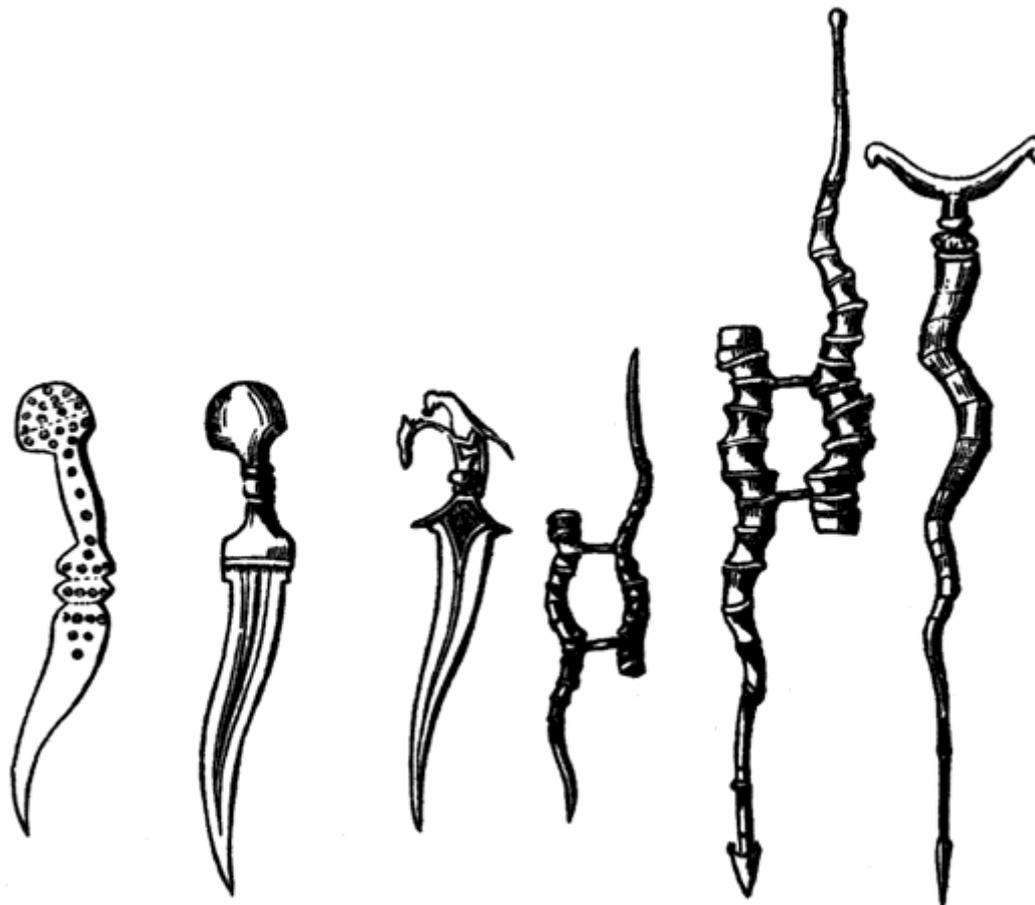
В них воплощена идея об отравленном оружии, которое нельзя извлечь. Именно таковы стрелы бушменов, шошонов, гуйанских макоинчи, а вершиной развития подобного направления является продукт высокой технологии — стилет, которым пользуются низы общества.

Меч-рыба (*Xiphias*), хоть и является растительноядной, отмечена Плинием как способная потопить корабль. Имеются записи, что она убила человека, когда тот купался в Северне близ Уорчестера.

Меч-рыба нападает на акул, и известен случай, когда она пробила своим чудовищным оружием борт корабля. Нарвал, или морской единорог (*Monodon monoceros*), снабжен

замечательным клыком; такую же форму часто придают клинкам мечей.

Можно предположить, что человек, живший среди животных и зависевший от них в вопросах пропитания, в начале своего эволюционного пути перенимал у них же привычки и способы защиты и нападения.

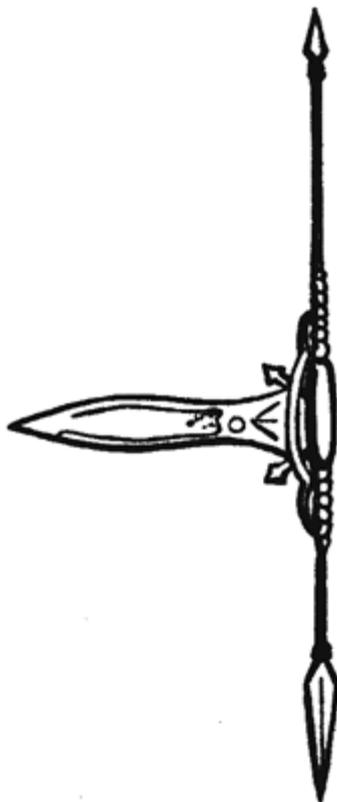
Рис. 7. Маду, он же мару

На этой иллюстрации изображены сингхаута, маду, или мару (двойные кинжалы), сделанные из рогов широко распространенной в Индии антилопы, соединенных поперечинами. Их до сих пор используют в качестве оружия – как в необработанном виде, так и с металлическими наконечниками дикие бхилы и адепты мистических направлений – йоги (индусы) и факиры (хинди и мусульмане). И тем и другим религия запрещает носить светское оружие. Служили сингхаута и для обороны, как средство защиты от ударов – в Африке и Австралии; при этом их оснащали гардой, которая в настоящее время превратилась в маленький круглый щит. Этот древний инструмент с грациозными изгибами имеет четыре четко выраженные стадии своего развития: первая – естественный вид, вторая – ранний искусственный, когда для улучшения пробивных качеств к рогам были добавлены металлические наконечники. Третьим шагом стал переход к изготовлению всего оружия целиком из металла; четвертым же и последним было добавление прямого широкого лезвия, выходящего под прямым углом из центральной перекладины. Это и была «адага» ²⁶

---

²⁶ Боутелл в «Оружии и вооружении» приводит гравюру защитного оружия с лезвием, находящимся под прямым углом к рукояти. Он назвал его «маврской адаргой» (XV век). Адарга это просто арабское «эль-дакара», что означает «щит»; от этого слова и происходят английские «targe» («круглый щит») и «target» («мишень»). Адага (а не «адарга»), которой, по описаниям Камозэнса в «Лузиадах», были вооружены восточноафриканцы, представляет собой оружие типа маду. Я перевел его как «боевой щит», потому что в этой части света он объединяет в себе и щит, и кинжал. Дикари и коварные аборигены Соломоновых островов все еще пользуются неопишуемым оружием, наполовину мечом, наполовину щитом, имеющим около шести футов в длину.

средневековых авторов.

Рис. 8. Адага

4. Первоначально представления о режущем оружии, возможно, подсказали различные растения и травы; их острые листья под определенными углами могли разрезать тело до кости, что на своем опыте познали многие люди, пробираясь через заросли дикого сахарного тростника. Взрослые растения вырастают выше человеческого роста, а острейшие листья, торчащие во все стороны, образуют лабиринт из лезвий мечей. Также и мавинго-винго (*Pennisetum benthami*), как «конский хвост» или испанская «травка-бритва», использовался вместо ножа палачами угандских королей Сунна и Мтеса, когда те разрезали жертву на куски.

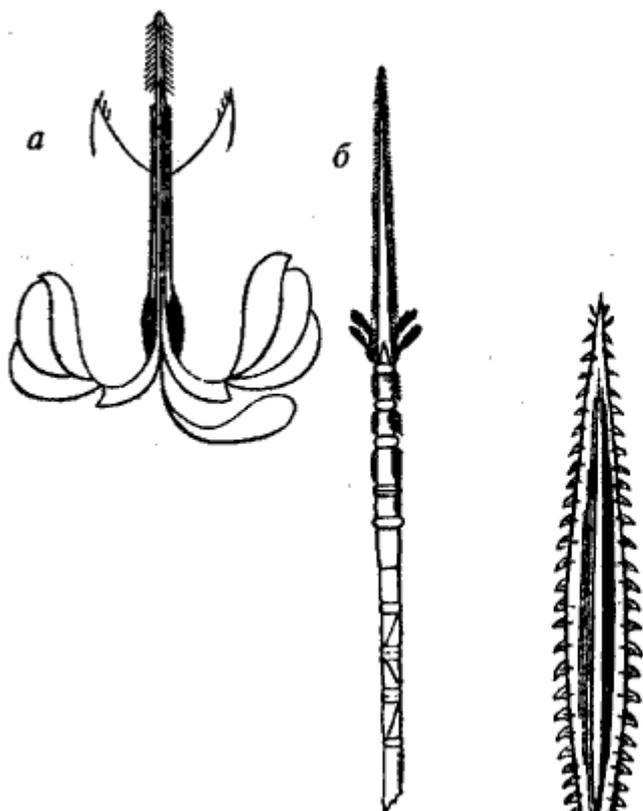
Таковы же «травка-меч» и «травка-бамбук». Многие народы, в особенности андаманезийцы и жители островов Полинезии, делают ножи из расщепленного и заостренного бамбука: их изначально вырезают из зеленого растения, а затем высушивают и обугливают, чтоб заострить кромку. Если взглянуть снова на животных и птиц, то мы видим, что казуар разрывает противника режущими ударами, а лисуха, будучи раненой, царапается как кошка. «Старик кенгуру» длинными когтями своих мощных задних лап вспорол живот не одной охотничьей собаке. Дикий кабан начинает атаку с колющего удара, за которым следует расчетливое распарывающее движение снизу вверх. Именно такова была схема действия некоторых древнегреческих и варварских сабель – режущий край находился у них на внутренней, а не внешней стороне клинка. Я бы добавил к этому, что именно эта древняя атака воплощена в недавно вошедших в обиход фехтовальных приемах ²⁷.

Для оружия с зазубренным или волнообразным краем моделью послужило такое оружие нападения, как жала многочисленных насекомых и зубы животных, включая самого человека. Так, полковник А. Лэйн Фокс подмечает: «Неудивительно, что результаты первых попыток человека создать режущее оружие полностью состоят из зубов и острых обломков

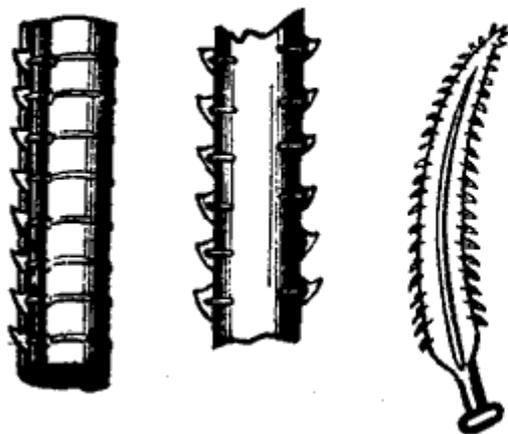
---

²⁷ Я имею в виду атаку, именуемую «манжетой», при которой кисть, запястье и предплечье режутся внутренним лезвием оружия.

кремня, расположенных по краю несущей основы». Но очевидно, нож все-таки был придуман раньше пилы, поскольку последняя является не более чем зазубренным лезвием ножа.

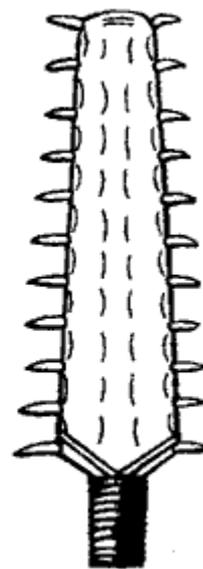
Рис. 9. Оружие с зазубренными краями: *а* — жало обычной пчелы; *б* — жало ската

Рис. 10. Оружие, изготовленное из акульих зубов

Рис. 11. Итальянский кинжал с зазубринами и полостями для яда

Рис. 12. Меч с клинком из оружия рыбы-пилы

Кроме зубов животных, человеку с давних пор были знакомы и зазубренные жала насекомых, особенно обычной пчелы. Опять же есть еще оса, шершень, обитатель умеренных и тропических широт, чьи бои, зрелищем которых наслаждались китайцы, сравнивают с дуэлями на саблях. Для защиты и парирования они используют предплечье, на котором расположены ряды прочных острых шипов; удачный удар обезглавливает или рассекает противника. К этой же категории принадлежит и вооружение рыбы-пилы (*Pristis*), широко распространенной в арктических, умеренных и тропических морях акулы. Ее способ

нападения заключается в том, чтобы выпрыгнуть высоко из воды и упасть на противника не острием, а одним из краев своего замечательного оружия: рядом прочных и острых зазубрин, похожих на зубы, глубоко врезающихся в мясо кита. Так в Новой Гвинее зазубренный клинок стал излюбленным видом меча.

Таким образом, человеку, который изначально представлял из себя животное, способное к изготовлению орудий и обреченное самими условиями своего существования на бесконечную непрерывную битву с жестокими существами, его же противники предоставили не только образцы для подражания в области оружия и инструкции о том, как их использовать, но и собственное же оружие, которое человек приспособил под свои цели. Различий между оружием и инструментом первобытный человек не делал; в его руках для обеих целей служил, похоже, один и тот же предмет. Самые первые осколки кремня делались, возможно, для применения и в качестве оружия, и в качестве орудия труда – чтобы раскапывать корни, рубить деревья и выдалбливать каноэ²⁸.

Восточноафриканское племя ватуси изготавливало корзины с помощью заостренных наконечников копий, а так называемые кафиры (амазулу и т. д.) все еще бреются ассегаями. И тут, поскольку одинаковые условия нередко порождают одинаковые результаты, оружие и орудия труда различных народов так предельно похожи, что можно предположить их общее происхождение даже в тех случаях, где подражание было, на первый взгляд, невозможным.

К примеру, возьмем два самых распространенных вида оружия. Духовая трубка была разработана и доведена до совершенства по одному и тому же плану в самых отдаленных друг от друга географических областях²⁹.

Другой пример – *chevaux-de-frise*³⁰, знакомые древним металлические пики. Они существуют до сих пор в виде щепы бамбука, выращиваемого в земле босоногими мпангве (фанам) страны Габон и рангами из Малакки.

На заре развития антропологии мы слышали жалобы о том, что «невозможно установить среди орудий современных дикарей четкую последовательность возникновения», хотя в отношении некоторых подробностей истину можно установить, и, «что касается изначального порядка развития, многое остается еще открытым для предположений». Но по ходу дальнейшей работы и набора большего объема материала цепь преемственности, местами разорванная, была по большей части восстановлена. Сейчас мы с определенной

---

²⁸ Маори имели «токи», или каменные топоры, которыми пользовались в основном для того, чтобы рубить лес и выдалбливать каноэ из древесных стволов, расчищать участки для хижин, раскапывать корни и убивать животных ради пропитания, заготавливать дрова, соскрести мясо с костей и для других хозяйственных целей. Но во время войн они использовались в качестве оружия защиты и нападения, как примитивные томагавки.

²⁹ Французская сарбакана, итальянская и испанская сербоната, португальская граватана и немецкий бласрор (от слов «дуть» и «труба»), по мнению Деммина, восходят к слову «арботана», или скорее «карпиканна», происходящему от «Капри», по названию места изготовления, и ассирийскому «кане», оно же греческое и латинское саппа («тростник»), от которого происходит и английское «саппон». Эта трубка, распространенная в трех регионах, заселенных различными расами – в Южной Азии, в Африке и Америке, – используется для метания вращающихся глиняных шариков или стрелок, отравленных и неотравленных. На Борнео, где Пигафетта (1520) отмечает наличие подобных растений на островах Каян и Палаван, это называется сумпитан. Сиамские лаосы до сих пор используют полый бамбук, а у малагасийцев это сейчас излюбленный мальчишками способ охоты на птиц. Пьер Бурье отмечает его среди негроидных аборигенов Малак-кана, которых малайские мусульмане именуют «оран-бануа» (лесными людьми); они называют это оружие «томканг». Оно известно на Цейлоне, в Силхете и по обеим сторонам Бенгальского залива. Кондамин описывает его среди ямео (североамериканские индейцы); Уотерфлоу и Клемм – в Новой Гвинее, а Маркхэм – среди уапе и других племен верховьев Амазонки. В Новом Свете существуют две его разновидности: длинная тяжелая зарубатана и более тонкая и легкая пукуна. В конце концов оно деградировало до современного европейского развлечения. Основной метательный снаряд для этого оружия – отравленный дротик; поэтому оно практически неизвестно среди племен, которые, подобно, например, жителям Андаманских островов, не знают ядов.

³⁰ «Волосы Фриз» (фр.).

точностью можем проследить продвижение эволюции, которая по прошествии множества лет привела к появлению систематизированного военного искусства. Искусство это дошло до таких высот, что в последнее время общество стало получать периоды отдыха, вернее даже, восстановления; и больше свободного времени для практики, которая в отношении оружия, как и всего остального, позволяет «добиться совершенства»³¹. А представления о завершенности человек не имеет: он не остановится ни на чем, кроме абсолютного совершенства. Он будет работать над броненосцем так же, как работал над каноэ, и над гранатой так же, как работал над петардой³².

К использованию оружия восходят и примитивные искусства дикаря. Музыка началась с того, что он принялся выражать радость и печаль эмоциональными криками, – так человеческий голос стал первым музыкальным инструментом (и поныне остается лучшим). За этим последовали инструменты, подражающие голосу, – на этом пути четко различаются этапы – и больше ничего об этом развитии мы не знаем.

Стукнув друг о друга двумя дубинками, дикарь впервые изобрел ударный инструмент, свистнув – духовой инструмент (свирель, орган, волынку и т. д.); а дернув за тетиву лука – струнный инструмент.

Рисование и скульптура были сначала всего лишь простыми линиями, нарисованными или вырезанными на томагавке или другом первобытном орудии – оружии. «Как люди живут и думают – так они и строят», – говорил Гердер; и архитектура, которая в конце концов объяла все остальные искусства, зародилась тогда, когда дикарь впервые попытался защитить и украсить свой насест среди веток дерева или вход в свою пещеру.

После этого предисловия, которое получилось больше, чем я предполагал, перейдем к первым, самым примитивным формам истинного оружия, которыми пользовался первобытный человек.

Глава 2

ПЕРВОЕ ОРУЖИЕ ЧЕЛОВЕКА – КАМЕНЬ И ПАЛКА. РАННЯЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОРУЖИЯ. «ДЕРЕВЯННЫЙ», «КОСТЯНОЙ» И «РОГОВОЙ» ВЕКА

Так что же было первым оружием человека? Он рождается беспомощным и безъязыким, в отличие от всех других зверей. Вырастая, он обретает некоторое оружие, но это плохое оружие. Мышцы первобытного человека были, наверное, сильнее наших, но все равно хилый нетренированный удар его кулака нельзя было сравнить, скажем, с ударом копыта осла. По выдающейся его челюсти видно, что он мог кусаться, и зубы его, без сомнения, были великолепны³³, но все же, в силу формы челюстей, как оружие уступали зубам гиены и даже собаки. Человек царапался и рвал ногтями, как и сейчас поступают женщины; но ногти его были не более опасны, чем челюсти мелких кошачьих.

Однако у древнего человека были руки – самое совершенное из всех хватательных приспособлений, и необходимость вынуждала его использовать это орудие. Камень, первое

---

³¹ «К третьей попытке сделайте свою руку совершенной», – сказал Тимократ.

³² «До сих пор, – отмечает полковник А. Лэйн Фокс, – Провидение занималось своей работой самостоятельно, напрямую; впредь же оно будет управлять косвенно прогрессом и развитием создания, вначале посредством инстинктивно использующего инструменты дикаря, и так постепенно вплоть до разумного человека».

³³ Мудрый Дарвин придерживается мнения, что наши человекоподобные предки обладали мощными зубами, как у собак, такие и до сих пор имеются у некоторых исключительных индивидуумов. Отту да и унаследовали мы привычку обнажать клыки, зевая или огрызаясь на собрата-человека.

«оружие» первобытного человека, достойное этого наименования, мог служить ему в двух качествах – в качестве метательного снаряда и ударного инструмента. Еще задолго до начала исторических времен наш первобытный предок напрягал мышцы-разгибатели и расслаблял мышцы-сгибатели, швыряя в воздух то, что поднимал с земли, и таким образом бессознательно увеличивал пределы своей досягаемости и предпринимал первые шаги на пути создания науки баллистики. Его потомки добились чрезвычайных успехов в бросании камней, и здесь опять добиться совершенства позволила постоянная практика. Диодор Сицилийский (44 г. до н. э.), который так замечательно повторил Геродота, утверждает, что ливийцы «не используют ни мечей, ни копий, ни другого оружия – лишь три дротика и камни в специальных кожаных сумках, которые они швыряют, преследуя или отступая». Уанши (гуанчи) ³⁴ – ливийские или берберские народы Канарского архипелага, по сведениям Ка да Мосто (1505 г.), были опытными метателями камней.

Они проводили поединки «на площади, бойцы забирались на два каменных помоста, расположенные на противоположных ее краях, каждый из которых был плоским и с пол-ярда в диаметре. Там они стояли, не сходя с места, пока каждый не бросит в противника по три круглых камня. Будучи хорошими метателями, они все же, как правило, уворачивались от этих снарядов, ловко изгибаясь. Затем, вооружась острыми кусками кремня (обсидиана?) и дубинкой, соперники прыгали вниз и принимались избивать и резать друг друга до изнеможения». Рассказывали случай, когда один из гуанчи с одного броска свалил пальмовую ветвь, способную выдержать удар топора. Кольбен, писавший около полутора веков назад, так описывает обезьяноподобные жесты хои-хои (они же готтентоты ³⁵): «Наиболее впечатляющим образом их сноровка проявляется в том, как они бросают камни. Они попадают в цель с потрясающей точностью, будь она даже на расстоянии в сотню шагов и не крупнее монеты в полпенни. Я с огромным удовольствием и изумлением наблюдал, как они выполняют это, и никогда не уставал от этого зрелища. После множества удачных попаданий я все еще ожидал промаха – но ожидал тщетно. Камень все так же точно ложился в цель, и мое удовольствие и изумление удваивались.

Можно прийти к выводу, что либо камню не положено промахиваться, либо вам не положено этого видеть. Но безошибочность руки готтентота – не единственное здесь, что достойно удивления; не меньше поражает сам способ, каким метатель целится. Он не замирает с поднятой рукой, пристально всматриваясь в цель, как это сделали бы мы, а постоянно движется, прыгает туда-сюда, внезапно наклоняется, внезапно выпрямляется; то нагнется в одну сторону, то в другую. Его глаза, руки и ноги находятся в постоянном движении, и можно прийти к выводу, что он валяет дурака и думает о чем угодно, но не о мишени; и вдруг камень яростно вылетает вдаль и попадает прямо в центр мишени, как будто управляемый какой-то невидимой силой».

Ближе к нашим краям современные сирийцы все еще сохраняют былое проворство: я часто слышал, и у меня нет причин не верить этому, что ливанцы убивали бурого медведя

---

³⁴ «Гуанчи» – это искажение от «гуан» (берберское «уан»), «один человек», и от «Чине», или острова Тенерифе; «гуан-чине» означает «человек с Тенерифе».

³⁵ Это слово, которое иногда пишут также «гюттентют», имеет голландское происхождение; предполагается, что изначально оно было имитацией прищелкивающего или цыкающего сонанта, который характеризует их сложный и трудный язык и который проник в родственные языки великой южноафриканской языковой семьи. На тот момент, когда их впервые встретили европейцы, готтентоты уже находились на пастушеской стадии развития, а бушмены, например, все еще были охотниками. Некоторые относят происхождение бушмено-готтентотского «прищелкивания» на счет египетского звука Т (а). Но Клапрот обнаружил его и в Киркассии, в Уитми, у меланезийских негритосов, а Хальдеман – у некоторых североамериканских племен. Профессор Махаффи отмечает, что «и у нас пожилые женщины, как правило, выражают сожаление небным щелчком». На Европейском континенте он обычно выражает «не хотели бы вы этого?».

ударом между глаз ³⁶. Когда арабские бедуины во время набега не хотят использовать свои ружья с фитильным замком, то нападают ночью и обрушивают на своих жертв град камней. Подвергнутые нападению тщетно расстреливают свои боеприпасы по теням, которые подобно призракам скользят по скалам; а когда огонь прекращается, убийцы бросаются вперед и заканчивают свою работу. Использование камней почти всеохватно среди диких племен Азии, Африки и Америки. В Европе это занятие оставлено школьникам, но дикие ирландцы, рано начиная, с возрастом становятся специалистами в этом деле. Как правило, везде искусными метателями камней являются пастухи.

Тернер описывает «кавас» людей племени танна, Новые Гебриды, как камень длиной такой же, а шириной в два раза больше, чем обычный краеугольный камень, закладываемый при постройке дома; его бросают с большой точностью на расстояние двадцать ярдов. Этот же автор упоминает о том, что камни, круглые, как пушечное ядро, употреблялись населением острова Дикарей и Эроманга. Командир Байрон отмечает, что камни использовались в качестве метательных снарядов жителями островов Разочарования. Бичи, чья экспедиция подверглась нападению жителей острова Пасхи, утверждает, что их камни, бросаемые сильно и точно, сбивали нескольких моряков под шварты. Кранц свидетельствует о том, что дети эскимосов обучаются кидать камень в цель сразу же, как только вообще начинают пользоваться руками.

Рис. 13. Древние египтяне метают ножи

Недавно сэр Р. Шомбург описал один обычай индейцев демагара. Когда мальчика посвящают в юноши, ему дают твердый круглый камень, который он шлифует руками, пока тот не станет гладким; часто мальчик становится мужчиной прежде, чем успеет выполнить это задание. Наблюдатели предположили, что единственный смысл этой традиции в том, чтобы преподать «урок настойчивости, каковое качество, по мнению многих, лучше всего приобретается, когда юноша концентрирует свой ум на вопросах, не приносящих никакой практической пользы».

В более цивилизованные времена нож, как метательный снаряд, занял место камня. Мы знаем, что древние египтяне тренировались на деревянном чурбане, а германские чемпионы, сидя на скамьях, вели дуэли путем метания друг в друга трех ножей, которые следовало отбить щитом. Современные испанцы с детства начинали учиться искусству метания ножа-кучильо или фальчиона ³⁷.

³⁶ Я лично был свидетелем меткости назаретских крестьян, которые называют себя, по большей части ошибочно, греками. В 1871 году, разбив лагерь рядом с деревней, трое из моих слуг были серьезно ранены брошенными камнями, один из них едва не погиб.

³⁷ Фальчион имеет около двух футов в длину. И то и другое оружие метают двумя способами. Наиболее известный – когда лезвие кладется ладонью на ладонь, сжимаемую так, чтобы большой палец касался мышцы в

«Жнецы» Римской Кампании, будучи просто цивилизованными варварами, тоже «метали» серп с удивительной точностью.

Обычай швырять камни в конце концов не мог не привести к изобретению пращи, которая, как пишет Меррик в «Критическом исследовании древнего оружия» (1842), является «самым ранним и самым простым оружием античности». В самой грубой форме это пастушеское оружие использовалось только на открытых пространствах и представляло собой шар и шнур; позже последовали различные усложнения в виде струнных или ременных – пращей. Последняя – раздвоенная палка, задерживавшая камень до момента собственно броска, могла представлять собой как раз примитивное оружие: Лепсий показывает египтянина, у которого в руках была такая праща, а рядом – куча запасных камней. Нильсон предположил, что Давид был вооружен именно так, когда Голиаф обратился к нему со словами: «Я что, собака тебе, чтобы ты шел ко мне с ремнем?» – то есть пастушеская принадлежность, превращенная в пращу. И именно в этой форме она просуществовала дольше всего, как римская «fustibulus», искаженная в наше время до «фустибулы»: последняя, со своей деревянной рукояткой, использовалась в Европе в XII веке и применялась для метания ручных гранат вплоть до века XVI. Простейший шар на шнуре, известный еще в Древнем Египте, все еще сохранился в виде боласов южноамериканских гаучо. В то же время был изобретен и еще один метательный снаряд – метательная дубинка и ее модификация – бумеранг, о котором я еще скажу. А использование гибкости и упругости, ныне хорошо известное, привело к изобретению лука и стрел ³⁸.

Это изобретение, следующее по важности за умением разводить и поддерживать огонь (хотя и очень сильно от него отстающее), стало первым принципиальным отличием оружия человека от оружия животного. Нильсон и многие другие придерживались мнения, что это изобретение инстинктивно и свойственно всем народам; и мы не должны удивляться, что его приписывают полубогам – Нимроду, Скифу ³⁹, сыну Юпитера, или Персу, сыну Персея ⁴⁰.

Появление метательного оружия наконец-то количественно, если не качественно, разделило человека и зверя и сыграло, наверное, наиболее заметную роль из всех видов оружия в анналах человечества. От него произошла греческая гастрафega, римская аркибаллиста (арбалет) ⁴¹, баллиста и арбласта (огромные луки, предназначенные для метания больших дротиков), катапульта, скорпион, онагр и другие замечательные виды классической артиллерии ⁴², которые предшествовали «дешевому и отвратительному»

основании мизинца. Второй – это когда нож держат за рукоятку и заставляют его в полете перевернуться, чтобы он попал в мишень острием.

³⁸ Английское слово «bow», «лук», происходит от готского «bogo» (гнущийся?), скандинавского «bogi», датского «buc» и древнегерманского «роко». Древние очень четко различали виды пращи: так, имеющее три ремня оружие Эгема, Патре и Диме считалось сильно превосходящим вооружение Балеаров, имевшее только один ремень.

³⁹ Плиний. VII, 57. Легенда указывает на великолепно развитое искусство стрельбы из лука у скифов (туранцев) и персов.

⁴⁰ Даже в наше время доктор Вудворт предполагает, что первая модель кремневых наконечников стрел была принесена из Вавилона. Она восхитительно архаична.

⁴¹ Арбалет, очевидно, был изобретен в каком-то из племен Индокитая, а на вооружении европейцев оказался в XII веке (Ю л. Марко Поло. II, 143).

⁴² Военные машины древних были чаще всего основаны на принципе torsion, средневековые же – двух типов: по принципу пращи и крестообразного лука. «Torgmentum» получил свое название благодаря тому, что все его части были раздвоенными: «скорпион» (или катапульта) – потому что лук был расположен вертикально, как вздернутый хвост насекомого, а онагр («дикий осел») – потому, что «дикие ослы, когда на них охотятся, швыряют назад камни ударами копыт, да так, что пробивают грудь преследователям.

изобретению – химической взрывчатке.

Вот что можно сказать о камне, взятом в руку, как о предшественнике метательных снарядов и науки баллистики. Зажатый в кулаке, он давал удару момент, вес, скорость, силу и ударную мощь. В этом случае он выступает предшественником дубинки, прямой и изогнутой, боевого цепа, морнингстара, кропила и всего куста оружия схожего толка, которое добавило руке человека еще один, самый сильный, сустав.

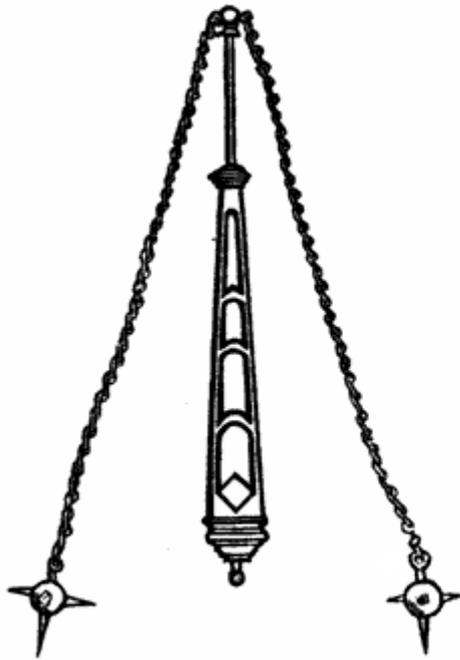
Дубинки, целью которых обычно является голова – в отличие от копий, которые обычно направляются в тело, легко сделать, вырвав с корнем молодое прямое деревце или отломав сук от ствола и оборвав с него веточки и листья. На дубинках из Австралии (континента, который мы так любим за присущие ему оригинальные формы) основания сучков, от ходящих от ствола дубинки, не удаляют и расщепляют, а специально оставляют, чтобы они служили шипами; более того, для остановки или отбивания оружия противника дубинка была превращена в булаву с утолщением на конце. Действительно, утолщение, шар, шишка или шляпка древесного гриба были родоначальниками австралийского щита. Следующим шагом было обматывание оружия тряпками и поджигание его; снабжение его кремневыми ножами, ракушками и прочими зубцами для превращения еще и в режущий инструмент, помимо ударно-дробящего; и в этом и есть одно из множества начал меча и его производных, кинжала и ножа. Заостренная на одном конце, дубинка могла стать пикой и копьем, шпагой и пальстабом, дротиком, метательным копьем и ассегаем.

Немало авторитетов считают, что самыми первыми видами оружия всегда и везде были копье и топор и что топор являлся результатом дальнейшего развития заостренного кельта⁴³, копье – листообразного или миндалеобразного инструмента. Но это касается, во-первых, лишь стран, где каменный век достиг больших высот в своем развитии⁴⁴; во-вторых – камень в оружие такого рода мог бы превратиться гораздо позже, чем дубинка или заостренная палка.

---

⁴³ Это слово, обозначающее каменный топор, зубило или долото, ошибочно относят к кельтам, но филологи старшего поколения относят его к *caelando* («инструмент для чеканки» (лат.), что превращает его в однокоренное с *caelum* («небо» (лат.)). Это латинское слово, обозначающее «зубило», возможно, родственно валлийскому «келлт» – «кремень»; оно обнаружено, по сведениям мистера Эванса, только в Вульгатском переводе исследования, в Сен-Жероме, и в смешанном написании. Впервые слово это было применено в антикварском описании в бегеровском «Бранденбургском тезаурусе» (1696), где металлический *securis* (топор) именуют «кельт».

⁴⁴ В 1650 году сэр Уильям Дагдэйл (история Уорвикшира) говорил о каменных кельтах как об оружии древних бриттов, а в 1766-м его примеру последовал и епископ Лительтон. В 1797 году мистер Фрер привлек внимание Антикварного общества к инструментам, найденным в Хоксне, Саффолке, вместе с останками слонов и других вымерших животных. Он был одним из нескольких; но, как это обычно случается, острый ум одного человека собрал и систематизировал разрозненный опыт многих. Этим человеком оказался М. Буше де Пертес, чьи открытия в могильниках св. Ахеула под Амьеном (1858) появились в «*Antiquites Celtiques et Ante-diluviennes*» («Кельтских и до-дильювиальных древностях») и стали эпохальными, изменив принятую хронологию человечества.

Рис. 14. Японская боевая плеть

Рис. 15. Турецкая боевая плеть

Рис. 16. Морнингстар

Геродот, отец древней истории в ее современном виде, ученый-путешественник и великий гений, чья поэма в прозе (ведь она является именно таковой!) оказалась для нас несравнимо более ценной, чем любой из трудов его последователей, описывая скульптуру Сесостриса-Рамсеса в скале, заставляет того держать в правой руке копье (египетское), а в левой – лук (ливийский или эфиопский). Поэтому некоторые авторы трудов по хоплологии приписывают ему мнение, что эти виды оружия – старейшие. Но древние не изучали доисторического человека, пока не стали находить человеческие кости рядом с костями вымерших млекопитающих. Август Цезарь был одним из первых коллекционеров, по мнению Светония: «Сам же, однако... выискивал тщательно вещи примечательной древности и редкости; среди них Саргаeis – огромные члены зверей, красивые и большие, которые именуются гигантскими костями и оружием героев».

Император (которого позже так напоминал Наполеон, даже своей манерой носить скрытое оружие ⁴⁵) предпочитал эти редкости статуям и картинам. Древние тоже, как и Марко Поло и слишком многие в наши дни, говорили о мире в целом, изучив подробно лишь малую его часть.

Здесь галикарнасец, очевидно, имеет в виду ту эпоху, в которую были сделаны замечательные шаги к родичу обезьян четвертичного периода. Мы должны вернуться к более ранней эпохе. Лукреций, чей проникновенный гений был особенно пронизателен, писал, как современный ученый:

⁴⁵ Если верить Светонию, римские цезари заседали в сенате с мечом на боку и в кольчуге под туникой.

Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа, потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали.

Насколько же освежает великолепная антропология этих язычников после чудо-мифов о сотворении человека, провозглашаемых так называемыми «обновленными» религиями!

С самых ранних времен все без исключения металлы использовались без разделения для оружия защиты и нападения; кроме того, все три эпохи перемешиваются по всем странам и захлестывают одна другую; они скорее сосуществуют, чем сменяют друг друга. Как говорит один современный автор, как три основных цвета радуги, эти три стадии цивилизации отбрасывают друг на друга отсветы; и все же их смену, по крайней мере, в том, что касается Западной Европы ⁴⁶, кажется, можно достаточно четко определить, как и основной цвет, хотя пропорция спектра может в разных странах быть разной.

И хотя смешение идей, особенно в том, что касается североевропейского меча, и будет создано с отрицанием этой превосходной классификации, я сохраню его, занимаясь отслеживанием развития «белого оружия» в этих весьма условных пределах.

Более того, я должен отметить, что это условное разделение мало того что не имеет абсолютного хронологического значения и не предоставляет никаких датировок, кроме сравнительных, но и является недостаточным. Во время каменного века, а возможно, и до него широко использовались также дерево, кость, зубы и рог; их использование продолжалось еще долго на протяжении и железного века. По всей нижней долине Амазонки, где камень полностью отсутствует, первобытные люди должны были вооружиться чем-то другим. Твердые и тяжелые деревья и в тропических, и в умеренных широтах представляли собой ценный материал, который можно было обрабатывать с помощью одного только огня, без участия металла или даже камня. Рамузио упоминает некое «дерево саго», из которого жители острова Суматра делают короткие копья: один конец его заостряется и обугливается в огне, и, будучи обработанным таким образом, копьё это протыкает любую броню гораздо лучше, чем это сделало бы железо.

Оружие обрабатывалось кропотливым трудом в течение многих дней и даже недель – зарыванием в горячие угли, паром и дымом, обугливанием и трением, обскребанием ракушками и зубами животных, шлифованием множеством материалов: например, шагреноподобной кожей многих рыб, особенно ската, травами с грубой фактурой; листьями различных деревьев, шершавыми, как язык кошки. Первым шагом вперед стало снабжение оружия кремнем, обсидианом и другими режущими камнями. Описание «деревянной сабли», которую пословица несправедливо ставит в один ряд с *pistolet de paille* ⁴⁷, я оставлю для следующей главы.

Кость, частным случаем которой является зуб, представала перед дикарем твердым и долговечным материалом для обработки деревянного оружия. Теледам, или Телегон, сын Цирцеи и основатель Гускула и Пренеста, по традиции убил своего отца, Улисса, копьем с наконечником из рыбьей кости – из кости *aculeum marinae belluae*. Зубы *Squalus* (акулы) и другие *gigantum ossa* (гигантские кости) или останки эпохи мегатерия предоставляли основу для самых первых экземпляров оружия прокалывающего действия и добавляли протыкающей мощи к удару палицы. Таким образом, по всему миру можно проследить

---

⁴⁶ В Дании это разделение отмечено даже растительностью. Каменный век лежит под слоем еловых деревьев; дубовый слой покрывает век бронзовый, а железный век покрыт березой и бузиной.

⁴⁷ Соломенный пистолет (фр.).

«костяной век», и то, что фраза «народы, использующие кость и камень», верна, доказано на Всемирной выставке в Вене (1873), превосходная коллекция которой нашла себе талантливого описателя в лице профессора А. Уолдриха.

В пещерах Святого Мустьера (департамент Дордонь) в Бельгии и Лхерма (департамент Аррьеж) было найдено множество челюстных костей пещерного медведя (*Ursus spelaeus*); восходящее ответвление нижней челюсти было отрезано, чтобы удобнее было держаться, а мощные глазные зубы образовывали орудие, инструмент или оружие. Пещеры Пеггау в Штейермарке (Сирия) или Палкау и Пфальбаутен в Моравии ⁴⁸ или деревни на сваях в Ольмюцце предоставили большое количество костных элементов и останков пещерного медведя. Эти грубые инструменты напоминают нам об орудиях, которые с таким успехом использовали библейский Самсон, еврейский Геркулес, силач, убийца чудовищ и бог-солнце (Шамсун) ⁴⁹.

Дикие племена Камбоджи превратили костяной рог меч-рыбы в наконечник копья, с которым они вполне уверенно нападают на носорогов.

В Коцебу-Саунд капитан Бичи нашел пику из дерева, на конце которой находился моржовый клык; это средство применялось также и в томагавках. Племена Новой Гвинеи используют в качестве наконечников стрел зубы рыбы-пилы и шипы рыбы-шара. Жало малаккского королевского краба (*Limulus*), ракообразного, которое достигает иногда двух футов в длину, тоже применяется в качестве наконечника стрел.

Аборигены залива Короля Джорджа в Австралии используют в качестве наконечников своих копий острые рыбы шипы; аборигены острова Сан-Сальвадор, когда их открыл Колумб, насаживали на острия своих копий рыбы зубы. Нугуит гренландцев (рис. 23) Гранц описывает как имеющий на конце рог нарвала, с деревянной рукояткой, украшенной барельефом с изображением двух мужчин. Сбоку находится еще одно копьё (рис. 24) с перекладиной в виде нарвала; древко его сделано из такой же кости и вставлено в мундштук, чтобы представлять собой естественную защиту.

---

⁴⁸ Слово «Пфальбау» изначально применялось к швейцарским деревням на сваях.

⁴⁹ Уилкинсон придерживается мнения, что египетский Хонс, или Хонсу, новый месяц в году, который появлялся во время осеннего равноденствия, когда «мир был сотворен», переходит в библейское «сем» и что «Самсон» – это «Сем-кон», то есть «Солнечный огонь». Яблонский («Египетский пантеон») поддерживает ту теорию, что Сон, Сем, Кон, Хонс или Дьом – это бог или дух летнего солнца.

Рис. 17.
Наконечник
стрелы из рога
олени

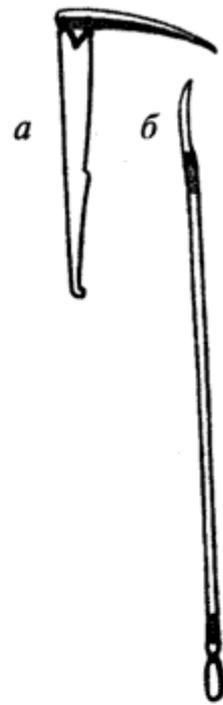
Рис. 18. Боевые дубинки из рога с металлическими остриями

Рис. 19. Двойное копьё со щитом

Рис. 20. Копьё Диодона

Рис. 21: *а* — томагавк из моржового клыка; *б* — моржовый клык в качестве наконечника копья

Здесь мы видим связь в сознании создателя между животным, от которого происходит само оружие, и разрушительной целью, для которой оно в основном используется. Также оно хорошо иллюстрирует близкую всеобщую практику среди дикарей делать оружие, имитируя животные формы. Причиной тому может быть суеверие, которое все еще предстоит объяснить.

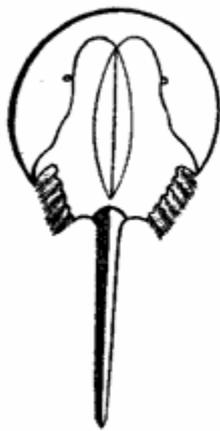

Рис. 22. Жало
малаккского
краба

Рис. 23.
Гренландский нугуит

Рис. 24.
Древко из
рога нарва-
ла, наконеч-
ник — ме-
таллический

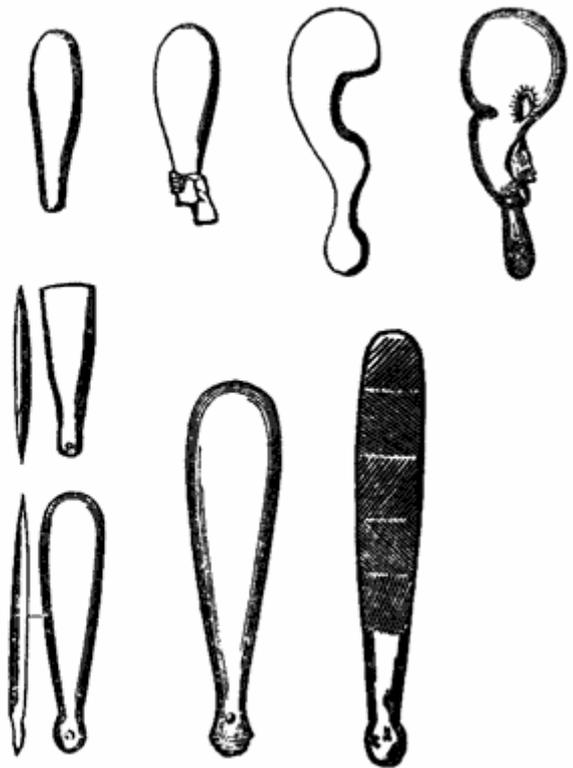

Рис. 25. Дубинки патту-патту

Костяные раструбы и наконечники все еще используются в стрелах южноафриканских бушменов. Переменяясь с деревянными, сланцевыми и металлическими, они встречаются по всей Северной Америке, от земель эскимосов до Калифорнии. Замечательное сходство прослеживается между костяной дубинкой «индейцев» залива Нутка и новозеландских дикарей патту-патту или мери. Следовательно, подозревается, что это короткое, плоское оружие, овальной или листообразной формы, сделанное таким образом, чтобы хорошо лежать в руке, изначально представляло собой имитацию плечевых костей. Как и кельт, который является каменной дубинкой, что нашел полковник А. Лэйн Фокс в ложе реки Баун в Северной Ирландии.

Длинные кости животных, косой срез на которых обнажал пустоту внутри, прикреплялись к палкам и жердям; в результате получались замечательные дротики и копья. Таковы же и бамбуковые наконечники стрел североамериканцев, полость в середине которых служит для того, чтобы хранить яд ⁵⁰.

---

⁵⁰ Говорят, что племя дакота все еще обрабатывает пули, наполняя ядом четыре просверленные в них дырки, которые затем закрываются металлическими ободками. Папуасы заканчивают свои стрелы человеческой костью, которая отравляется трупным ядом, когда ее втыкают в гниющее тело. От такой стрелы, говорят, принял смерть коммодор Гуденаф.

Рис. 26. а — костяной наконечник стрелы для яда; б — железный наконечник стрелы для яда (Южная Америка)

Рис. 27. Кинжал

Рис. 28. Кость с полостью для яда

Рис. 29. Костяной нож

Рис. 30. Костяной наконечник стрелы с кремневыми обломками

Рис. 31

Более того, ломанием и трением о твердую и грубую поверхность они легко превращаются в мечи и кинжалы. Фенни, или финны, Тацита, не имея железа, использовали стрелы с костяными наконечниками. Инуиты, или эскимосы из Гренландии и других северных мест, делают из китовых ребер челноки, так же как и мечи. «Кремневые обломки» свидетельствуют нам о том, что у древних жителей Мексики были костяные кинжалы. Уайлд приводит уникальный образец такого оружия, найденный в ложе реки Бойн «в затвердевшей голубой глине, под четырьмя футами песка, вместе с несколькими каменными наконечниками для копий». Сделанное из бедренной кости одного из крупных жвачных, оно имеет десять и одну шестую дюйма в длину, из которых грубая ручка составляет всего два с половиной дюйма ⁵¹; лезвие обработано до очень гладкого состояния.

Этот скейн (ирландское «скьян») ⁵² похож на уменьшенный вариант металлического клинка колюще-рубящего действия (рис. 27). Не менее интересен и клинок ножа (рис. 29), найденный вместе со многими другими костяными изделиями в кранноге («свайных раскопках») Баллиндерри ⁵³(графство Вестмит): общая длина его – восемь футов, а рукоятка

⁵¹ Автор добавляет: «...таким образом подтверждая то мнение (выведенное на основе величины черенов наших бронзовых мечей), что руки у людей того народа, который их использовал, были малы». Я вряд ли с ним соглашусь, и причины тому приведу на следующей странице.

⁵² Уайлд пишет: «Скьяна, что является множественной формой от «скьян», «нож», шотландское «сгьян-дху», или «скене» («Практическая грамматика и словарь ирландского языка» преподобного Поля О'Брайена, Дублин; Фитцпатрик, 1809).

⁵³ Лучше писать «кранног», хотя звучит это слово как «кранной». Оно происходит от ирландского «кранн», что означает «дерево», например, «кранн ола» – «оливковое дерево»; слово это обозначает платформу или дощатый пол.

– богато украшена.

Другие костяные ножи упомянуты в «Каталоге». Кости, подготовленные для того, чтобы из них делали ручки или даже ферулы для мечей и кинжалов, тоже упомянуты там: этот материал, ввиду своей легкости в обработке и сравнительной долговечности, никогда не оставался без использования. Будучи сделанными из слоновой кости⁵⁴, моржового клыка или зуба гиппопотама, они становятся предметом роскоши. В последнюю очередь кость служила основой для режущих средств. В музее профессора Свена Нильсона выставлен (рис. 31) гладкий, заостренный расщепленный кусок, около шести дюймов в длину, в котором с обеих сторон прорезаны пазы около четверти дюйма глубиной. В каждом из этих пазов закреплен смолой ряд из острых и слегка волнистых кусочков кремня.

Похожее орудие (рис. 30) представлено в иллюстрированном каталоге Копенгагенского музея. Об этом приспособлении я буду говорить более подробно, когда речь пойдет о деревянном мече. Кость чрезвычайно широко использовалась первобытным человеком, а в местах, изобиловавших таким материалом, как рог, он заменял ее. В озерных поселениях Швейцарии находили оленьи рога и деревянные рукоятки или черены, в которых были продолблены пазы; сверла, шила или буравы; жернова, точильные бруски и множество других инструментов. Пещеры «оленьего» периода на юге Франции не менее богаты. Топоры из оленьего рога часто встречаются в Скандинавии, и тот экземпляр, который хранится в Стокгольмском музее, содержит на себе выведенный талантливой рукой контур оленя. В Англии находят бородки, кнопки и другие украшения. Этот материал, если брать его от старого оленя, имеет большую плотность, чем кость, и почти каменную твердость, поскольку переплетенная структура рога содержит известковые соли; более того, она к тому же еще и легко обрабатывается огнем и паром.

Диодор (III, 15) описывает, что ихтиофаги используют рога антилоп при ловле рыбы, «поскольку нужна есть учитель всем вещам». Самое первое упоминание об оружии из рога встречается у Гомера (Илиада. II, 827 и IV, 105), где он описывает, как Пандарус, Лициан, сын Ликаона, использует лук, сделанный из шестидюймовых⁵⁵ кусков рога «проворного горного козла». Это оружие могло сохраниться в первоначальном виде. Луки древних греков могли быть как простыми, так и составными. Персы⁵⁶ предпочитали, и использовали впоследствии очень долгое время, дерево и рог, протравленный, лакированный и украшенный как только можно. Дуарте Барбоса описывает турецкий лук с острова Гормуц как «сделанный из рога буйвола и негибкого дерева, позолоченный и раскрашенный в приятные цвета».

В «Песни о Нибелунгах» упоминается «хорнбоуг» (роговой лук), а венгры появились в Европе с луками из рога и отравленными стрелами.

Луки индейцев сиу и юта сделаны из рога и обиты для увеличения упругости полосками из сырой кожи. Лук племени черноногих сделан из рога горной овцы (Кэтлин), а шошоны со Скалистых гор придают рогу форму, нагревая и увлажняя его, а затем комбинируют его с деревом. Эскимосы крайнего севера Америки, где недоступно другое

---

⁵⁴ Брюзга Плиний жалуется (XXXIII, 54): «Сами наши солдаты, презирая даже слоновую кость, покрывают или инкрустируют рукоятки своих мечей (capuli) серебром, ножны (vaginae) их позвякивают серебряными catellae (цепями), а ремни – серебряными пряжками (baltea laminis crepitant), которыми они увешаны». Позже станет ясно, что Божественный Цезарь имел более прямые и подобающие солдату взгляды на украшательство оружия. Сципион-младший, когда некий юноша показал ему украшенный щит, сказал: «Он действительно красив; но солдату следует полагаться больше на правую, нежели на левую руку!»

⁵⁵ Комментатор добавляет, что на концах лука были бараньи рога. Нет никакой необходимости переводить «козел» как «ibex».

⁵⁶ Пембертон. Путешествия.

дерево, кроме принесенного морем, вынуждены мастерить свои луки из нескольких кусков дерева, рога и кости, сгибая их до нужной формы посредством копчения или пропаривания.

Изумительные луки из рога буйвола – небольшие, но далеко стреляющие и сильные – все еще делают в долине Индусов неподалеку от Мултана. Для такого использования рога обрезают, обскабливают, шлифуют для придания им эластичности; у основания их усиливают деревянными гвоздями, щепками или колышками, которые удерживаются на месте, будучи приклеенными или примотанными жилами. Человек вскоре научится заострять свои деревянные рукоятки кончиками рогов, отнятых у своей добычи. Так, древние египтяне использовали рог в своих легких тростниковых стрелах.

В коллекции Кристи есть стрела из Южной Америки, на конце которой – клин из оленьего рога. На полуострове Мелвилл, где ощущался недостаток материалов, использовали в качестве наконечников стрел рога мускусного быка (овцебыка – в большей степени овцы, чем быка) и – в отшлифованном виде – рога северного оленя, усиленные жилами.

Рога антилопы до сих пор еще используются в качестве наконечников копий нубийцами, шиллуками и денка с верховьев Нила, джибба из Центральной Африки и племенами южного континента.

Народ банту, или «кафиры», зулусы и прочие делают свои кири (керри) или из дерева, или из носорожьего рога. Длина кири колеблется от фута до ярда, и завершает их набалдашник размером с куриное яйцо или с кулак мужчины: поэтому это оружие называется «палка с набалдашником», или «палка-бросалка». Га-не-у-га-о-дус-ха («боевая дубинка из оленьего рога») ирокезов заканчивается наконечником около четырех дюймов в длину; поскольку этот народ встречался с европейцами, то его представители научились делать оружие, похожее на европейское, но заменяя при этом металл. Форма оружия позволяет предположить, что *martel-de-fer*⁵⁷, оружие, распространенное в Персии и Индии, которое использовалось в Европе в XIV и XV веках, произошло от чего-то подобного: наконечники, годящиеся для того, чтобы увенчивать его, были найдены в Англии и

Ирландии. В Дублинском музее содержится рог марала, превращенный в ударно-дробящее оружие. Примером подобного рода является арабский джимбуйя (кривой кинжал), персидский и индийский ханджар⁵⁸, предтеча иберийского афганга («эль-ханджар») и нашего глупого «крюка», из формы и предназначения которого ясно, что изначально это была половина продольно расщепленного рога буйвола. У современного оружия, с металлическим лезвием и ручкой из слоновой кости, одна сторона последней – плоская, что и выдает его происхождение, оставляя за собой эту ничем более не обоснованную причуду. То же самое происходит и в том случае, когда вся джимбуйя, как это часто случается, целиком сделана из металла⁵⁹ (рис. 6).

---

⁵⁷ Железный молот (фр.).

⁵⁸ Ханджар правильной формы напоминает ятаган, о котором чуть позже.

⁵⁹ Мне не хотелось рассматривать доспехи в книге, посвященной мечу; но рассказ о костяном веке был бы неполон без нескольких слов о том, как этот материал в сочетании с копытом положил начало созданию крупных доспехов. Павсаний, как и Тацит вслед за ним, сообщает нам, что сарматы (славяне) заготавливали из материала, предоставляемого их многочисленными стадами, конские копыта и сшивали их жилами так, чтобы они покрывали поверхность, как чешуя еловую шишку. И добавляет, что такие латы не уступали в удобстве или защитной способности металлическим латам греков. Император Домициан носил латы из копыт вепря, скрепленных воедино; кусок таких роговых доспехов был найден и в Помпее. Аммиан Марцеллин описывает, что сарматы и квады защищали себя доспехами из костяных осколков – плоских, отшлифованных и закрепленных на одежде, подобно перьям. В некоторых районах Азии до сих пор используется защитное снаряжение из копыт животных, скрепленных воедино в отсутствие куртки-подкладки. Геродот (VII, 76) рассказывает нам о народе, имя которого утеряно, представители которого, помимо бронзовых шлемов, оковывали бронзой также бычьи уши и рога. Родственна этому и практика диких народов покрывать голову звериными шкурами.

То, что рога было вполне достаточно для удовлетворения скудных потребностей нецивилизованных обществ, замечательно иллюстрирует обнаружение свайной постройки, краннога, где-то милях в трех к югу от Лайбаха, столицы Карниолы, и чуть севернее деревни Брюннсдорф. Само место представляет из себя низкую котловину, опоясанную горами, прежде бывшую озером или дельтой реки Лаикум-Сава; во время ливней она до сих пор затопляется. Единичные находки случались там в 1854–1855 годах, а регулярные раскопки начались в июле 1875 года.

Рис. 32.
Наконечник
гарпуна

В течение этого года было раскопано сотни две предметов. Материалом их был в основном олений рог, точнее, отростки, срезанные у основания. В основном этими предметами, многие из которых были произведениями искусства «оленьей эпохи» Франции, были топоры, молотки, иголки, веретена, зубила из рога и расщепленной кости; рыболовные крючки, зажимные инструменты и скребки для кожи из свиной челюсти; кость с резьбой и бусы из зубов. На многих из этих предметов есть надпилы или зарубки, где роль пилки, скорее всего, выполняла нить, покрытая песком. Там были причудливой формы наконечники гарпунов, кажется, содержавшие свистки с не просверленными насквозь отверстиями ⁶⁰ – очевидно, они делались, чтобы выдавать местонахождение раненой добычи во время охоты на старом озере на сомов – крупных рыб, длина которых доходила до шести футов.

Деревянный раструб, присоединенный нитью к его наконечнику, служил поплавком, выдающим местонахождение жертвы. Это – третья стадия развития гарпуна: на первой он представлял из себя всего лишь тяжелую заостренную палку, на второй – копьё с зазубренным наконечником. Там были шесть роговых «Dolche» (дротиков) и один странный предмет – край отшлифованного камня, всаженный в рукоятку из рога: последнее говорит об изобилии кости и о дороговизне и недостатке минерала, который, возможно, принадлежал только богатым. Эти восемь каменных инструментов принадлежали к палеолитическому типу; немногие же металлические – лезвие меча листообразной формы, грубый нож, наконечники копий и стрел, иголки и шила – были в основном медными, только пять из них были бронзовыми; гончарные же изделия похожи на керамику неолита, имеющуюся в музеях Копенгагена и Стокгольма. Таким образом, эта находка, как и еще несколько в Швейцарии,

---

⁶⁰ Возможно, таково же происхождение и «орудий неизвестного предназначения с просверленными в них отверстиями», которые были обнаружены среди наконечников гарпунов из оленьего рога в пещере под Брюнигелем, Франция.

показала обилие в этих местах рогов, костей и зубов во время переходного периода, когда вся остальная Европа пользовалась отшлифованными камнями и металлическими изделиями ⁶¹.

В лайбахских болотах до сих пор нередко встречаются доисторические находки (1882). Лауэрза, селение на краю затопленного участка, внесло свой вклад (7 ноября) в виде большого каменного топора (Steinbeil), просверленного и отшлифованного, из кварцевого конгломерата, широко представленного в окрестных горах. Этот предмет – исключение, большинство каменных орудий – предметы палеолита. Под Ауссергорицем были обнаружены останки керамики (в том числе римской), и «пальстаб» ⁶², тоже из бронзы: последний представляет собой отделанный зубилом топор, кромка которого повернута так, чтобы соответствовать ручке; длина его – 16,5 сантиметра, а диаметр в нижней части – 3,5. Также пески Гросскупа выдали различные превосходные бронзовые браслеты этрусков, которые были найдены на закопанных скелетах. Все находки были выставлены в музее провинции Лайбах.

Рог, как и кость, еще используется и в наши дни – в качестве материала для рукояток ножей, кинжалов и шпаг. Существует множество его разновидностей, и стоят они по-разному, в зависимости от строения ткани, знаков на ней и прочих мелочей, известных торговцам ⁶³.

Глава 3

ОРУЖИЕ ДЕРЕВЯННОГО ВЕКА: БУМЕРАНГ И ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ; О КАМНЕ И СОЧЕТАНИИ ДЕРЕВА И КАМНЯ

Деревянный век начался рано, длился долго и закончился поздно. Как показывает изучение дикарей, копье изначально представляло из себя заостренную палку, затвердевшую в процессе обработки огнем; а стрелы, уменьшенные версии копья, как кинжалы – меча, увенчивались бамбуковыми щепами, чья кора выполняла роль камня. Перуанцы, уже умея создавать блюда из золота и серебра, сражались копьями без железных наконечников, концы которых были лишь обработаны огнем. То же самое касается и аборигенов Австралии, которые, если верить мистеру Говарду Спенсли ⁶⁴, тоже делали мечи из очень твердого дерева; арабы из Тихамата или низовьев Хазрамаута (библейского Хазрамавета) все еще вынуждены из бедности пользоваться копьями, лишенными металла. Я сразу перейду от

---

⁶¹ Останки животных принадлежали медведям, волкам, рысям, бобрам, барсукам (возможно, пещерным подвидам этих животных), кабанам, козам, овцам (чьи челюстные кости отличаются от костей ovis), собакам (очень много, и необъеденных) и коровам с мелкими, как у зубра, зубами. Птичьи кости похожи на кости обожженной утки. Человеческие – редки, что позволяет предположить, что жители свайных поселений хоронили умерших на окрестных склонах; единственной находкой «человеческого» происхождения оказалась нижняя челюсть с сильно сточенными зубами.

⁶² Слово «пальстаб», или «пальстейв», обычно переводят как «рабочий инструмент», от «at pula» или «pala», «работать», «labougeg». Доктор Джон Эванс считает, что глагол – at paela, «копать», а существительное – «pall», заступ, мотыга, лопата; латинское «pala», французское «pelle», да и «reel» – деревянная лопата наших пекарей. Под термином «пальстейв» он подразумевает две формы; первая – это кельт с крылышками, края которого расплющены молотком, чтобы создать-соединение; вторая – форма лопаты, где более тонкое лезвие находится выше, чем боковые края.

⁶³ Например, М. Кугельманн из Гамбурга – оптовый торговец, который любезно показал мне свой магазин, – предпочитает рога оленей из Северной Америки и Японии, особенно если речь идет о материале для изготовления пуговиц.

⁶⁴ Говард Спенсли – посланник от Виктории на Географическом конгрессе в Венеции, сентябрь 1881 года.

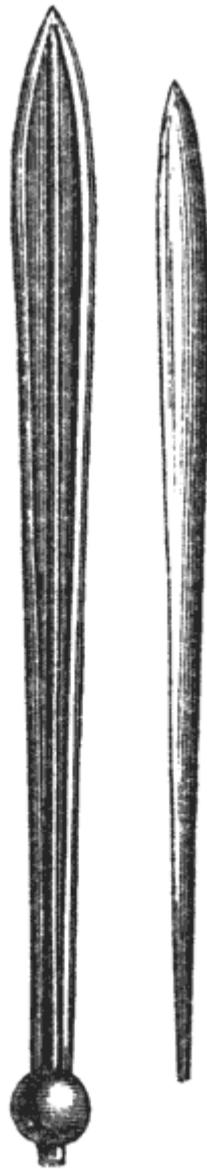
эпохи, когда этот распространенный материал использовался повсеместно, к эре, когда он породил истинный меч.

Деревянный меч, как показывает широкий ареал его распространения, должно быть, возникал независимым образом у всех народов, которые достигали той стадии цивилизации, когда в нем возникала потребность ⁶⁵.

Именно такое оружие обнаружил в руках индейцев Вирджинии капитан Джон Смит. Олдфилд, писавший в 1606 году, описывает мечи из тяжелого черного дерева на Сандвичевых островах, а капитан Оуэн Стенсли – на Новой Гвинее. Мистер консул Хатчинсон отмечал наличие деревянных мечей у южноамериканских индейцев итонанамас – клан в племени максос. Они сохранились в Ирландии, а другие, привезенные с островов Самоа, будут описаны далее. По большей части их можно охарактеризовать как плоские дубинки с заостренным концом, которые использовали, как мы используем стальные лезвия.

---

⁶⁵ Полезно отметить, как старые, давно известные изобретения обретали новое применение, когда того начинали требовать потребности эпохи. Способность пороха детонировать и взрываться была известна, петарды и фейерверки существовали за много веков до изобретения огнестрельного оружия. Сила пара, служившая для вращения игрушек и проверки медных сосудов, была известна еще древним египтянам и, возможно, грекам и римлянам под именем «*aelipyrae*». Но лишь в конце прошлого века его движущая сила привлекла всеобщее внимание; она стала нужной для цивилизованной жизни и наконец-то вытеснила с исторической арены гребцов и дилижансы. А с помощью прошлого мы можем просчитать и будущее. Человек может возиться с воздушными шарами, но так и не полетит, пока паровозы и пароходы не станут для него слишком медленными, пока «левитация» не станет ему поистине необходимой. Сейчас же такой способ передвижения стал бы для человечества абсолютным злом.

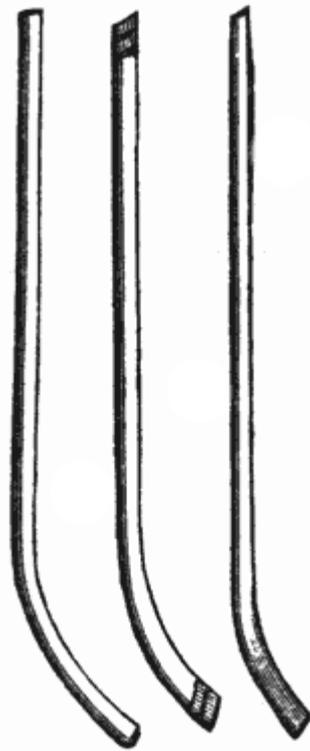
*Рис. 33. Лисан
в Египте и
Абиссинии*

По форме своей деревянные мечи сильно различаются, как и по происхождению. Мистер Тайлор впадает в заблуждение, столь распространенное в наше время классификаций, обобщений и упрощений, считая саблю происходящей от топора, поскольку это режущий инструмент, а рапиру – от копья, потому что это оружие колющее. У деревянных же мечей есть три собственных прародителя:

- 1) дубинка;
- 2) метательная палка;
- 3) весло.

В Булакском музее (Каир) представлены два хороших образца древней дубинки лисан («оружие-язык»), или искривленной палки.

В своих первых битвах, по словам Плиния (VII, 57), африканцы сражались с египтянами дубинками, которые именовали «фаланги». Более короткая дубинка-меч (2 фута 5 дюймов) имела ручку, на которую было надето восемнадцать колец.

*Рис. 34. Лисан,
или язык*

У более длинного же оружия, имевшего форму широкой сабли, рукоятка заштрихована насечками крест-накрест. И то и другое сделано из твердого дерева, почерневшего от времени; и у того и у другого четко различима режущая кромка. Древняя боевая дубина на конце оковывалась металлом, а рукоятка ее обматывалась ремнем для улучшения захвата, как римские фасции. Современная дубинка-лисан, сделанная из твердой древесины мимозы, имеет длину около 2,5 фута, и все еще используется в ближнем бою негритянскими племенами верховьев Нила. Для бишаринов и народа амри лисан занимает в танце и на праздничных церемониях место меча. В Абиссинии он существует в облегченной разновидности (1 фут 6 дюймов), обматывается поочередно красной, синей и зеленой тканью и защищается сеткой из бронзовой проволоки. Абабде (современные эфиопы) вполне удовлетворяются набором из этого оружия, копья, и его пары – щита, не боясь встреч с другими племенами, чье вооружение – мушкеты с фитильными замками и «прекрасно выглядящие, но в действительности безобидные мечи с удивительно большим прямым лезвием». Эти пасторальные кочевники принадлежат к странному и интересному типу. Невысокий рост и тонкие точеные конечности, чьи движения быстры, гибки и грациозны, как у леопарда, связывают их с бедуинами Аравии; но закрученные волосы, торчащие вверх, которые, будучи смазанными жиром, похожи на большие кочаны цветной капусты, связывают их с сомалийцами. Их оружие демонстрирует большее разнообразие, чем одежда, которая представляет из себя простые перепоясанные накидки, обычное платье жителя тропиков; а живут они на то, что сдают караванщикам напрокат своих верблюдов.

В Дублинском музее тоже можно посмотреть на переходные формы между дубинкой и мечом.

Дубинка дикаря эволюционировала и в других направлениях – в пастушескую палку, в епископский посох, в царский скипетр; а еще – в бестолковый фельдмаршальский жезл и жезлы спикера и мэра. Теперь мы можем ответить на вопрос, почему фельдмаршалу положена палка, а не меч. Его маленький невоинственный инструмент – всего лишь символ

высшей власти ⁶⁶, это розга – не учителя, но центуриона, чьим отличительным знаком изначально был молодой побег виноградной лозы, с помощью которого он поддерживал свой авторитет. Так, Лукан говорит о доблестном военачальнике Кассии Сцева, который, будучи многократно ранен, свалил двух воинов, вооруженных мечами:

Sanguine multo

Promotus Latiam longo gerit ordine vitem ⁶⁷.

Сейчас это практикуют младшие офицеры по всей Европе – от Англии до России. Сохранилась дубинка и как инструмент констебля и полицейского.

Форма метательной палки, которую мы уже привычно называем австралийским словом «бумеранг» ⁶⁸, таким образом незаслуженно придавая местечковый масштаб почти повсеместно распространенному – от земель эскимосов до Австралии – оружию, была, очевидно, непосредственным предком деревянного меча. Бумеранг был хорошо знаком древним египтянам. Уилкинсон указывает, что делались они из тяжелого дерева, вырезались плоскими, чтобы встречать наименьшее сопротивление воздуха, и имели длину от 1 фута 3 дюймов до 2 футов и около полутора дюймов в ширину. Форма их, однако, представляла собой не знакомый нам сегмент круга, а была S-образной, причем верхняя часть была сильнее изогнута, а часть возле рукоятки – более прямой. Одно оружие, кажется, имеет на себе знакомую змеиную голову («голову аспида») ⁶⁹.

В Британском музее находится бумеранг, привезенный из Фив преподобным Гревиллом Честером.

Конец ее сильно искривлен; на лезвии – четыре параллельных стока, и на нем стоит картуш Рамзеса Великого. никоим образом нет и следа от округлой формы и полета с возвращением, которые имеются у его австралийского сородича. На трех иллюстрациях показано, как большой спортсмен (хозяин) сбивает птиц, взлетающих с кучи папирусов (папирусного болота?), в то время как фигурка поменьше (раб), сидя в той же лодке, держит другое оружие, длиной в руку.

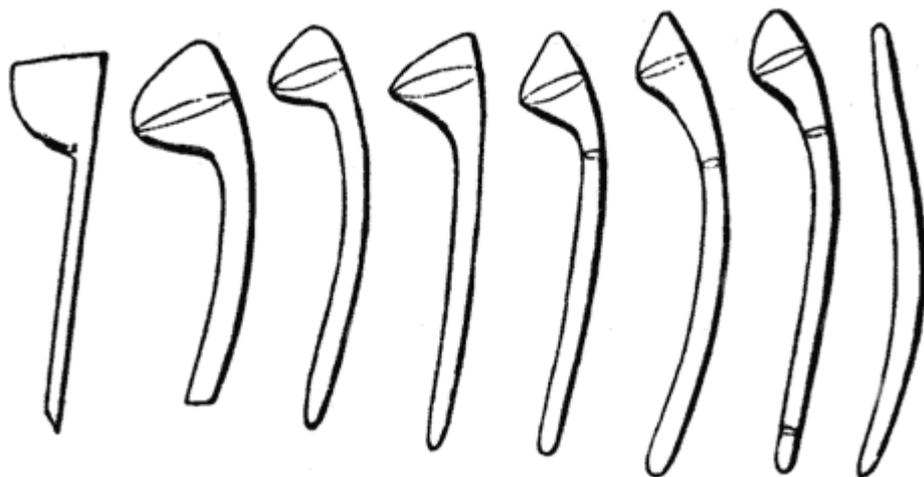
---

⁶⁶ Так, правитель Англии назначал лорда-казначея, простирая у него над головой лозу белого винограда, а лорда-распорядителя – протягивая ему оную со словами «Seneschall, tenez le bâton de nostre hostiell» («Сенешаль, примите жезл управления нашим хозяйством!») (*ст. – фр.*). Держать ее – означало быть королевским посланником, а в отсутствие послания ее несли пешком с непокрытой головой. По смерти своего сеньора главный управляющий преламывал жезл над его телом, и на этом его служба заканчивалась. Лорд-маршал Англии имел позволение носить в одной руке золотой жезл с королевскими регалиями, а в другой – свой собственный, покрытый черной эмалью. Король лично вручил «маршальский прут» Мод, дочери эрла Пемброка, которая передала его своему сыну, эрлу Роджеру.

⁶⁷ Весь в крови,
Далеко простирая Latiam, наводил порядок (лат.).

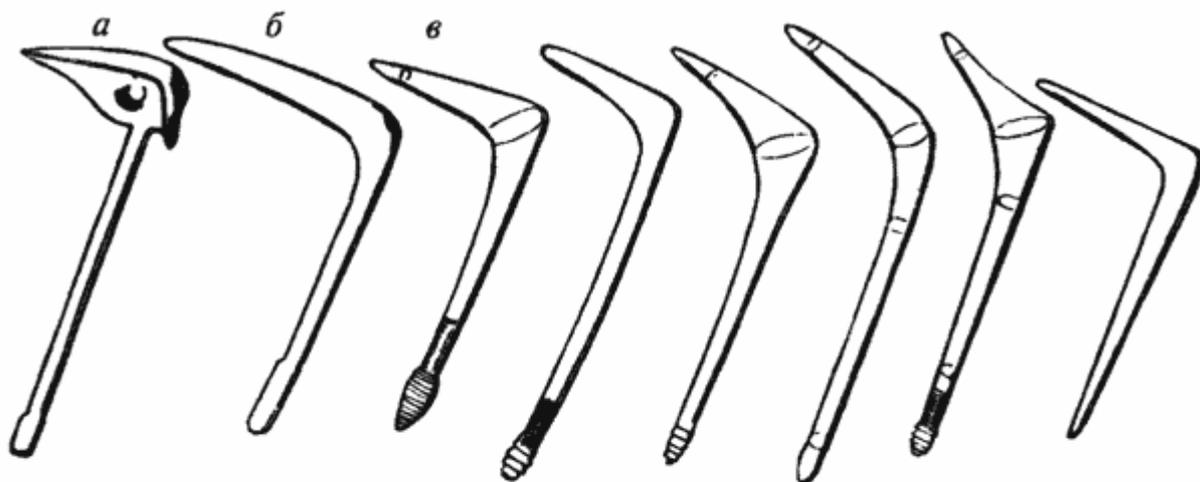
⁶⁸ Слово это происходит от «бурумунг»; а последнее обозначает у маори один из обрядов, выполняемых мальчиками при инициации. Заключается она в выбивании метательной палкой зуба. Мистер Говард Спенсли описывает средний бумеранг как имеющий 60 сантиметров в длину, 0,6 – в ширину и 0,15 – в толщину. Длина полета его составляет 100 метров.

⁶⁹ Путешественники по Египту часто предполагают, что на самом деле аспид – это Cerastes, рогатая змея. Как показывают иероглифы и монументальные изображения, это неизменно кобра с капюшоном (Coluber Naja), живущая как в Африке, так и в Азии. Цвет этого смертоносного существа (в Индии они ежегодно убивают тысячи людей) колеблется от светло-желтого до тускло-зеленого и темно-коричневого. Самые страшные из тех, что я видел, живут на побережье Гвинеи.

Рис. 35. Превращение бумеранга в топор (Австралия)

Страбон описывает, как (бельгийские) галлы охотились с куском дерева, напоминающим пилум и метавшимся вручную; он летал дальше, чем стрела.

Рис. 36. Австралийские кирки: а, б — кирки из Новой Каледонии; в — кирка племен малга и левел

Он назвал его grosfus, что также описывается как стрела, дротик или метательное копьё Полибием ⁷⁰; но, очевидно, «гросфус» означает метательную палку, которую греки обычно называли анкиле.

В своей «Пунике» Силий Италийский описал одно из ливийских племен, сопровождавших Ганнибала, вооруженным изогнутыми или перекрещенными «cateia»; доктор (ныне сэр) Самуэль Фергюсон, поэт и антиквар, опознал в них метательные палки ⁷¹:

Teretes sunt aclydes illis

Tela: sed haec lento mos est aptare flagello ⁷².

⁷⁰ Римляне называли его также «aclys», что словари описывают как «разновидность дротика». Это было архаичное и варварское оружие; Вергилий относит его к «Osci» («костям»).

⁷¹ Римляне называли его также «aclys», что словари описывают как «разновидность дротика». Это было архаичное и варварское оружие; Вергилий относит его к «Osci» («костям»).

⁷² Округлы его формы; и прикреплен к нему бич. Это могло бы означать, что после того, как оружие брошено, его можно было подтянуть обратно посредством кожаного шнура.

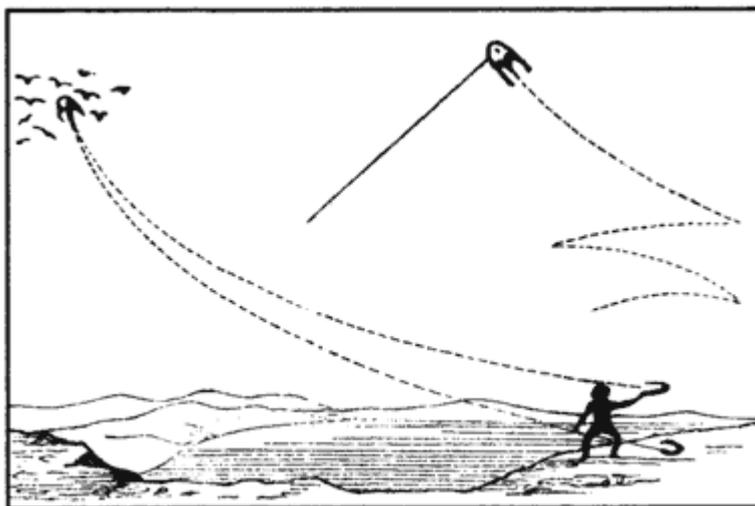
Энциклопедия епископа Исихора (600–636 гг.) особо определяет «сатеia» как «вид биты, которая, будучи брошенной, летит недалеко ввиду своего веса; но, попадая в цель, пробивает ее с огромной силой, и, будучи брошенной умелой рукой, возвращается к бросающему».

Рис. 37. Индийские бумеранги: а — боевой топор негров джибба; б — стальная чакра сикхов; в — стальная коллери; г, д — коллери из Мадраса с шишкой на рукояти

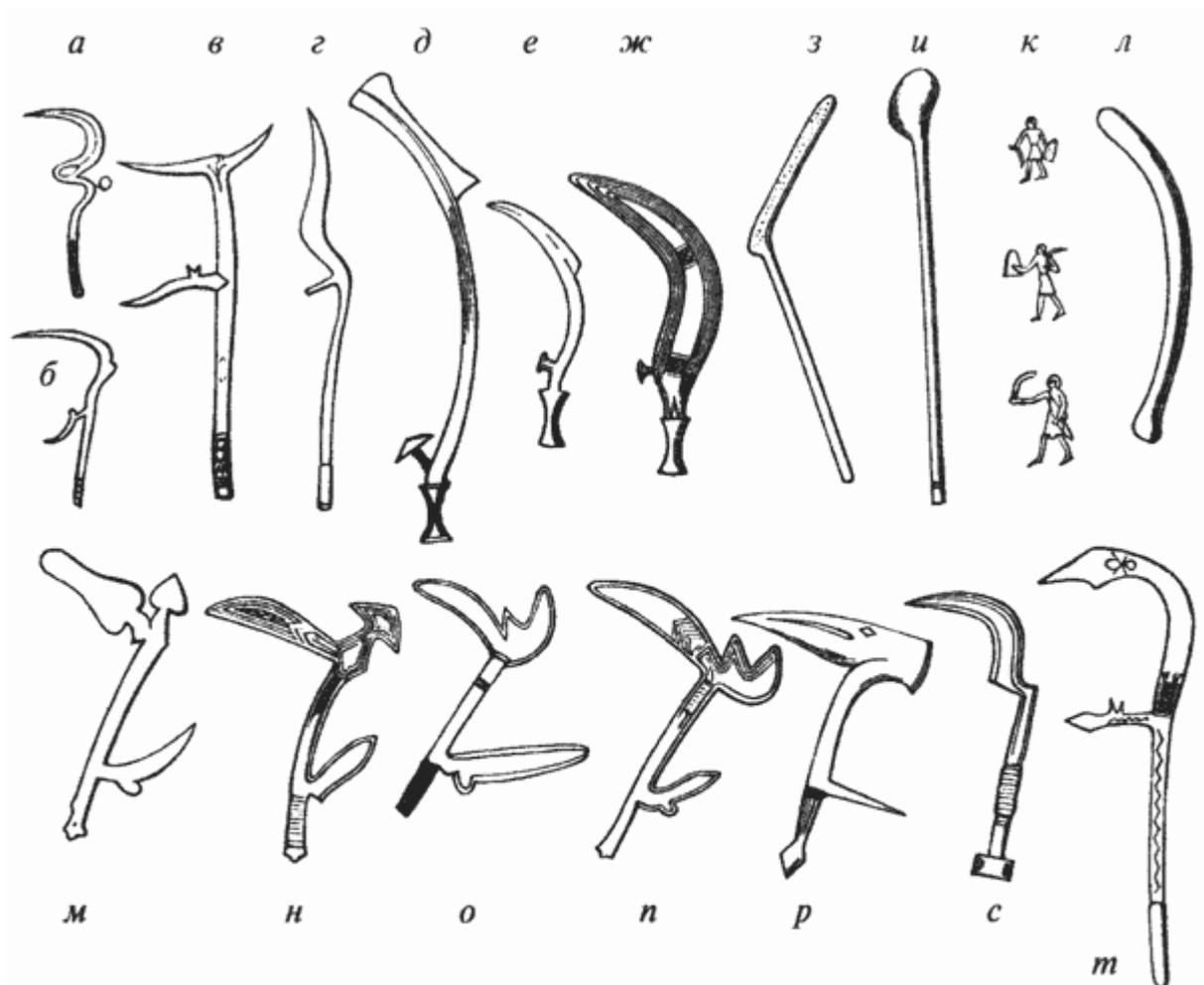
Йен вспоминает Мьёлнир, молот Тора, который возвращался обратно в руку.

Отмечалось, что эта особенность возвращаться не является всеобщей, даже для бумерангов, как таковых, а относится только к специфическим их формам. Несомненно, впервые это произошло случайно, а затем, когда выяснилась несомненная польза этого свойства оружия при охоте на птиц на реках и в горах, ее сохранили, отбирая ветки с подходящим изгибом. Формы эти широко различаются между собой по весу, толщине, изгибу и составу. Некоторые из них имеют одну и ту же ширину по всей своей протяженности; другие — утолщение посередине, а третьи — плоские с одной стороны и выпуклые с другой. У большинства экземпляров передняя часть несколько вогнута; такой перекокс приводит к тому, что оружие поднимается в воздух по принципу пропеллера. Тонкий конец оружия всегда направлен против ветра и встречает наименьшее сопротивление. Ось вращения, когда она параллельна сама себе, заставляет оружие подниматься вверх, пока не закончится движение вперед, путем давления воздуха на нижний край. Когда импульс иссякает, оружие падает вниз по пути наименьшего сопротивления, то есть в направлении того края, который по кривой указывает на бросающего.

Рис. 38. Бумеранг и воздушный змей

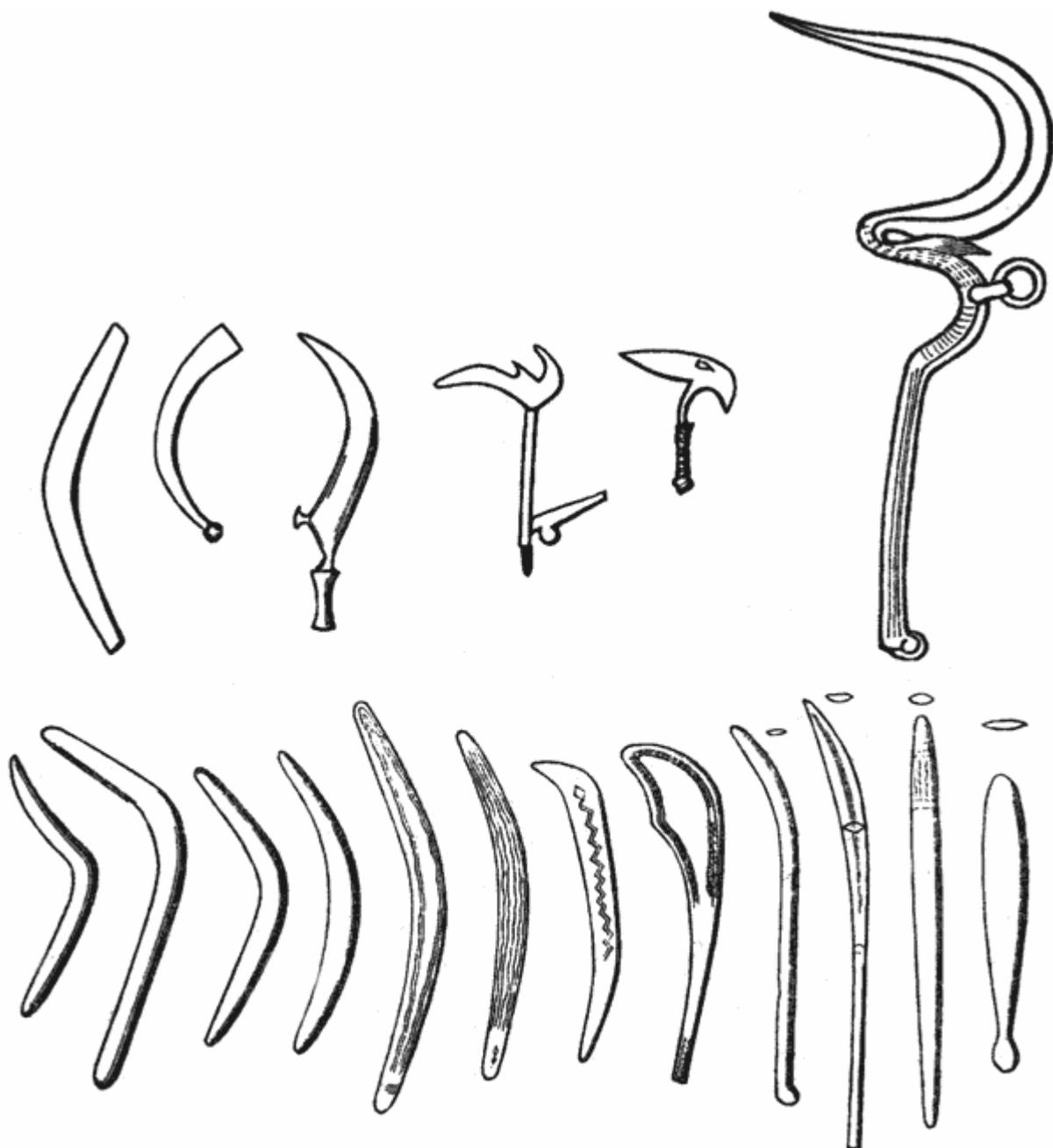
Бумеранг ведет себя подобно воздушному змею, у которого внезапно сломалась рейка, и он падает. Но пока бумеранг вращается, что продолжает делать и тогда, когда уже закончил движение вперед, то продолжает движение по той же линии, по которой взлетал, пока не вернется туда, откуда начал движение. Его поведение зависит и от веса: тяжелое оружие не может взлететь высоко и должно упасть под действием силы тяжести еще до того, как вернется к бросавшему.

Рис. 39. Африканские бумеранги: *а, б* — ханга-мунга; *в* — африканское оружие; *г* — оружие из Кордофана; *д* — оно же в продвинутом варианте; *е* — фальчион племени мундо; *ж* — он же в продвинутом варианте; *з* — оружие негров джибба; *и* — дубинка; *к, л* — древне-египетское оружие; *м—п* — томагавки племени ньям-ньям; *р* — томагавк племени фанов (мпангве); *с* — боевой топор дор; *т* — оружие племен дилка и шиллук

Из Египта это оружие распространилось и в сердце Африки. Абиссинский «тромбаш» сделан из твердого дерева, с остро заточенными кромками, около двух футов в длину; концы его находятся под резко выраженным углом 30°, но оружие при этом не возвращается ⁷³.

⁷³ Слово это имеет любопытное сходство с «томбат» — аналогичным австралийским оружием.

Рис. 40. Превращение малга, леоуел или дротика в бумеранг (Австралия)

Бумеранг племени ньям-ньям называется «кульбеда». То же происхождение и у изогнутого железного метательного снаряда племени мундо из верховьев Нила – оружие такого же вида представлено на древнеегипетских изображениях. Хунга-мунга негров, живущих южнее озера Чад, и окрестных народов показывает дальнейшее развитие шипов или зубов, расположенных под различными углами, что позволяло оружию резать любой стороной. Разновидностей этой формы, изобилующей причудливыми украшениями, в числе которых – боковые лезвия, служащие и крыльями и наносившие врагам тяжелые раны, бесконечно много.

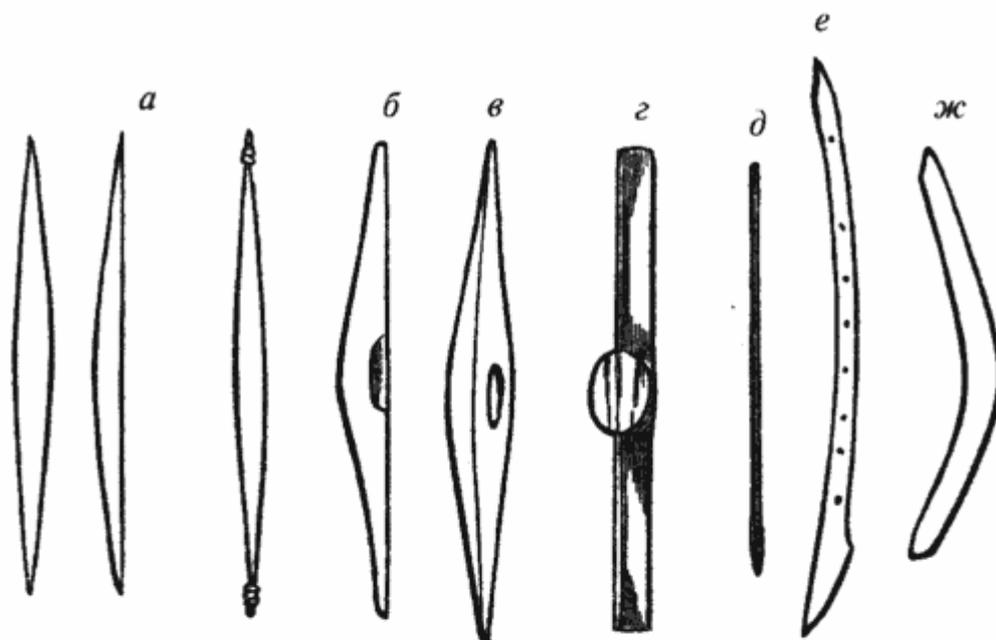
Денхэм и Клаппертон приводят иллюстрации центральноафриканского оружия в виде шеи и головы аиста. Так, негры племени мпангве ⁷⁴ с берегов Габона на западе Африки

⁷⁴ Любопытен арбалет мпангве (стреляющий отравленными стрелами), который, возможно, был заимствован ниже по течению Нила, как и метательная палка. Натягивание и спуск тетивы производятся так же, как и в европейских игрушках. В музее в Скарборо есть арбалет из Байта (Бенин). Племя борну (Северо-Западная

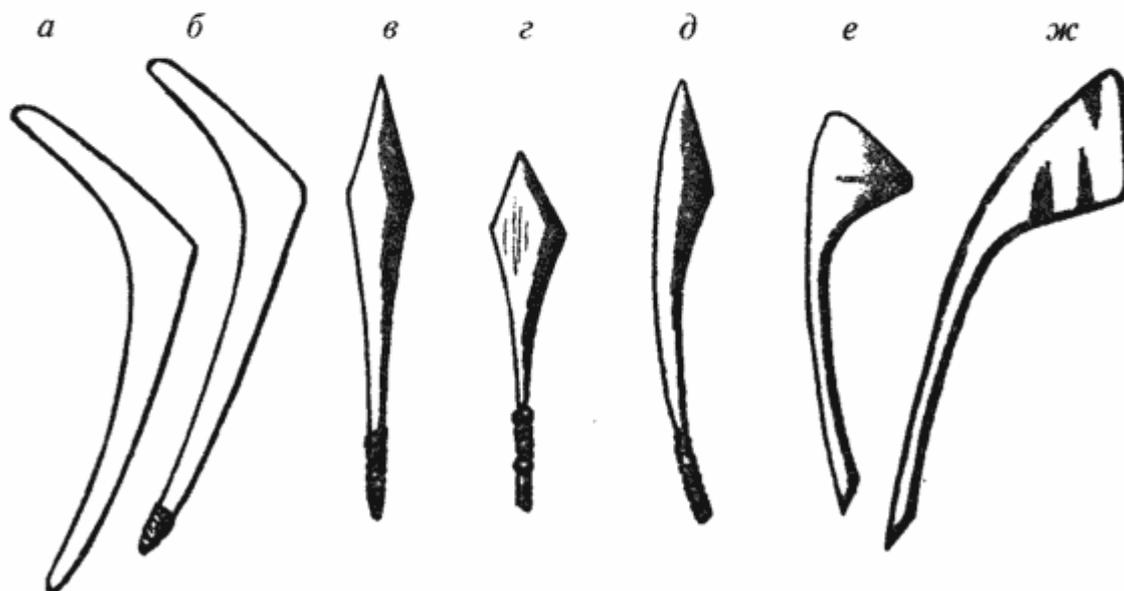
делают свое оружие в форме птичьей головы, где треугольное отверстие (рис. 40) представляет собой глаз.

Метательную палку находят и в ассирийских памятниках: Немруд, душащий льва, держит в правой руке бумеранг. Оттуда это оружие распространилось на восток; и санскритская асара («рассекатель») широко использовалась доарийскими племенами Индии. Коли, старейшие из известных обитатели Гуджарата, называют его «катурье»; возможно, это слово происходит от «катея»; дравиды округа Мадрас знают его под именем «коллери», а тамулианские каллары и маравары (из Мадурра), применяющие его для охоты на оленей, используют название «валай тади» («изогнутая палка»). В арсенале раджи Пудукоты всегда хранится запас этого оружия.

Длина их сильно изменчива, может различаться на локоть и более; в среднем, наверное, составляет три фута на ширину ладони. Где-то на расстоянии локтя идет изгиб; плоская поверхность с острым концом имеет ладонь в ширину.

Рис. 41. Палка и щит: *а* — различные виды австралийских тамарангов, или щитов; *б* — щит негров племени мундо; *в* — негритянский щит; *г* — древнеегипетский щит; *д* — прямая плоская метательная палка доваков (Австралия); *е* — бумеранг, который не возвращается; *ж* — бумеранг, который возвращается

Рис. 42. Метательные палки: *а* — австралийский томбат; *б* — боевое копье малга; *в—е* — австралийские дубинки вадди; *ж* — топорообразный бумеранг

«Оно выполняет три действия: кружится, рвет и ломает. Это подходящее оружие для пехоты и воинов в колесницах». Профессор Опперт, написавший «Об оружии, и прочем, древних индусов» (1880), повествует о том, что в музее правительства Мадраса есть две метательные палки из слоновой кости, привезенные из Танджура, и одна обычная деревянная из Пудукоты; в его же собственной коллекции содержится четыре из черного дерева и одна из железа. Все эти инструменты, как положено настоящему бумерангу, возвращаются к бросавшему. Экземпляры из старого музея «Индийский дом» совпадают с естественным

изгибом дерева, как и австралийские; но, будучи толще и тяжелее, они падают, не успев долететь обратно. Многие бумеранги режут внутренним краем, форма лезвия и рукояти делает их крайне неудобными в обращении.

Рис. 43.
Старый
египетский
бумеранг

Рис. 44.
Меч булак

От метательной палки происходит и чакра⁷⁵ – стальное колесо или боевое метательное кольцо, которое члены сикхской секты акали носили в прическе и бросали, раскрутив на указательном пальце.

---

⁷⁵ Еще оно именуется «чакарани». Негры племени джибба из Центральной Африки носили похожее оружие как браслет, обшив его маскировочной полоской.

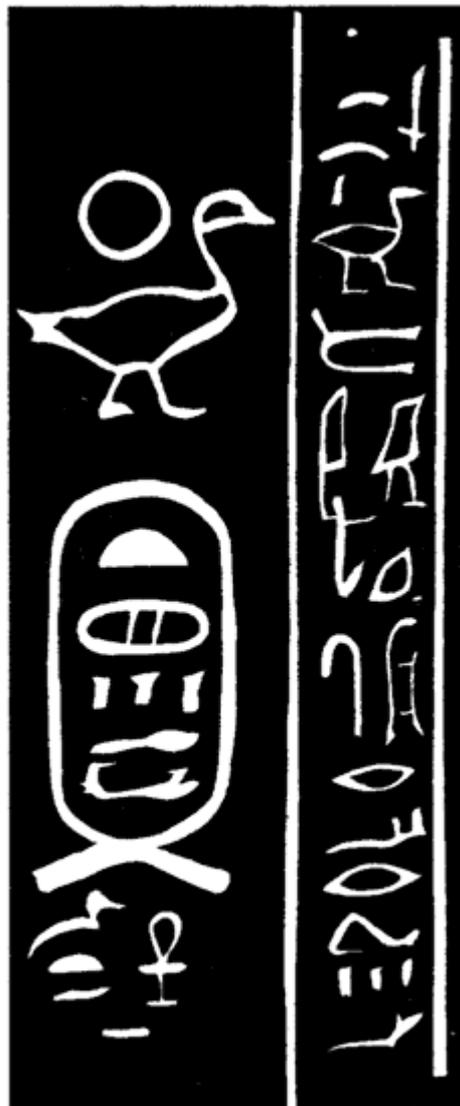

Рис. 45. Иероглифическая надпись на деревянном мече булак

Форму бумеранга повторяет и ужасный меч- нож куккри, или гуркха, ныне, однако, используемый только в рукопашном бою. Я уже отмечал кучильо – испанский складной нож и итальянский метательный серп. Австралийское оружие осталось, как и щит, неизвестным на Тасмании, где единственным метательным снарядом была палка-уэдди.

Австралийская палка с утолщением на конце с одной стороны эволюционировала, во-первых, в боевую мотыгу малга и топор, а во-вторых – выровненная, уплощенная и изогнутая – в бумеранг и бумеранг-меч. В итоге бесконечное разнообразие изгибов – некоторые изгибались даже под прямым углом – выпрямилось, и получился некий вытянутый овал, или листообразная форма для наилучшего момента и импульса.

Прямое происхождение египетского изогнутого деревянного меча от бумеранга показывают много образцов. Лезвие становится узким, плоским, более изогнутым; ручка доказывает, что это больше не обычный метательный снаряд, а рукоять изрезана зарубками, чтобы увеличить плотность захвата.

Наилучший из известных мне образцов его находится в Булакском музее ⁷⁶.

---

⁷⁶ Меч, стоящий во второй витрине Центрального зала, под номером 695. Я не могу целиком освободиться от подозрения, что это был бумеранг необычного размера. Некоторые из южноафриканских племен до сих пор пользуются метательными палками от ярда до полутора в длину. «На одном конце они вдвое толще, чем на

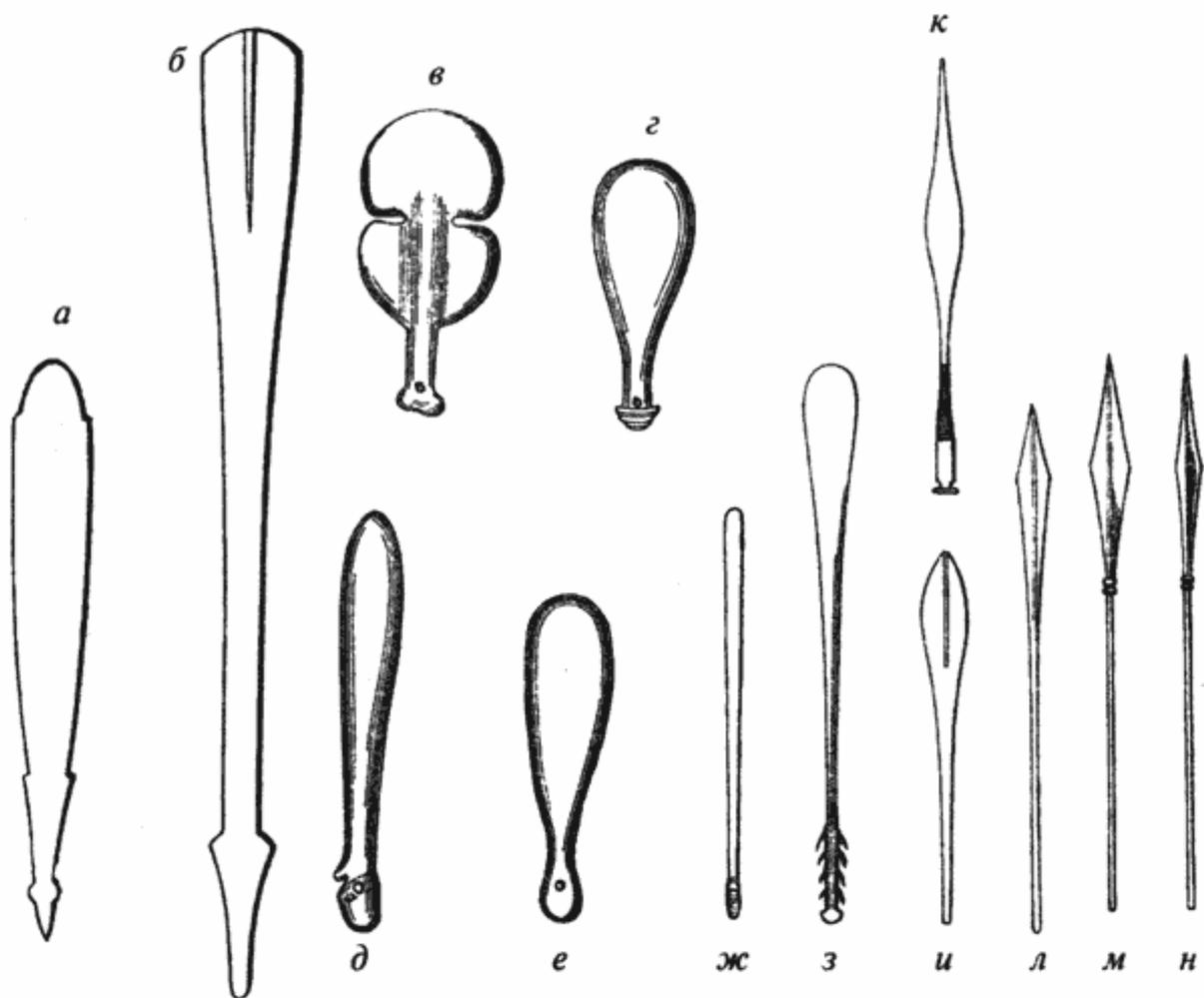
Это легкое оружие из древесины сикомора, 1 метр 30 сантиметров в длину, около 15 сантиметров в ширину и 0,2 сантиметра в толщину; глубина перпендикуляра, соединяющего изгиб с хордой, составляет 10 сантиметров. Но что особенно замечательно, так это то, что с одной стороны на мече содержится так называемый «картуш» ⁷⁷ фараона Та-а-а (Семнадцатая династия), а на другом конце – вписанное в параллелограмм имя и инициалы «князя Туау, слуги своего хозяина в его походах». Этот прекрасный образец был найден вместе с мумией и другими предметами в Дра-Абу'л- Негга, в фиванском захоронении. Прimitивное весло, прародитель знакомого нам весла, дикари используют, стоя или сидя лицом к носу лодки; оно предстает в двух вариантах ⁷⁸.

другом, – заявляет герр Голуб, – тонкий конец обычно имеет толщину в один палец».

⁷⁷ Это бессмысленное слово («cartuccia», клочок бумаги) было использовано Шампольоном для обозначения эллипса, содержащего в себе группу иероглифов. Это просто египетский щит, а горизонтальная линия под ним обозначает землю, на которой он стоит. Древние жители долины Нила, как и европейцы классического периода, или современные китайцы, используют щит для самообозначения, несения геральдических знаков и т. д. То же самое касается и нашей геральдики, которая зародилась во времена Крестовых походов на основе личной символики. Как показал мистер Хардвик, лошадь, ворон и дракон были старыми семейными символами; многие из наших клейм для овец идентичны «ordinaries»; племена Австралии использовали знаки в качестве «кобонгов», или наверхний шлемов. Таким же образом в фортификации из щита вышли амбразуры и зубцы стен; они делали «броненосцами» боевые корабли древних скандинавских пиратов.

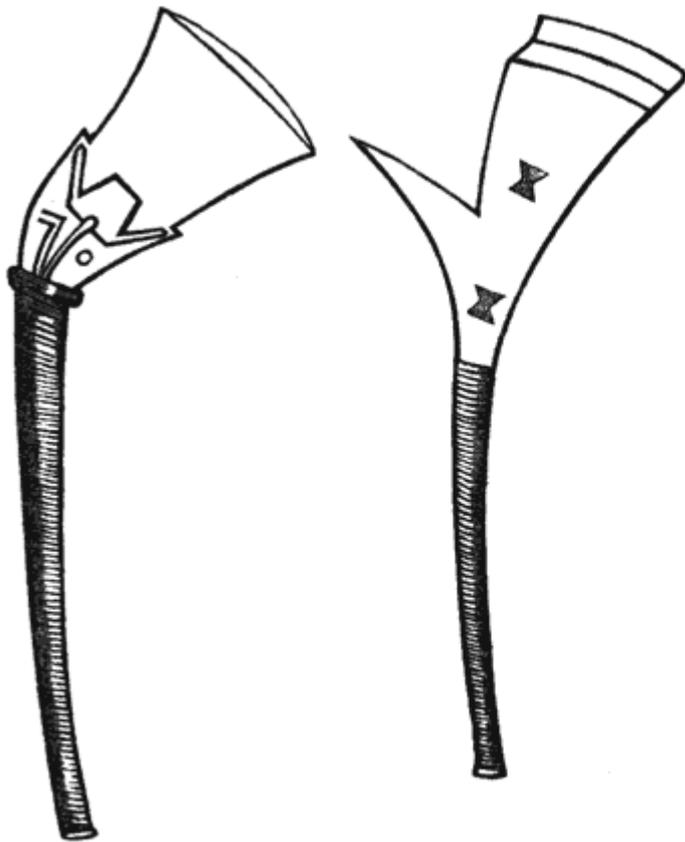
⁷⁸ Длинное, заостренное орудие, похожее на копье, используется, как правило, в более глубоких, а расширенное на конце – в более мелких водах. Оба предмета являются примерами переходного состояния от дубинки к мечу.

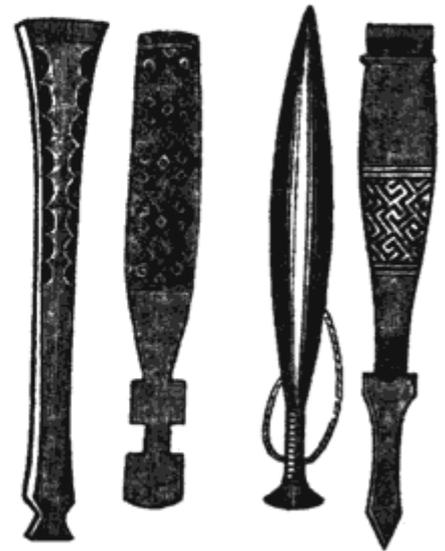
Рис. 46. Переход от кельта к веслу-копью и мечу: *а* — деревянная дубинка-меч из Новой Гвинеи; *б* — весло из Новой Гвинеи; *в* — патту-патту, или мери, из Новой Зеландии; *г* — патту-патту из Бразилии; *д* — оружие аналогичного вида; *е* — то же самое; *ж-к* — полинезийские дубинки-мечи; *л-н* — деревянные копья с дружелюбных островов

Мистер Кэлдер, описывая катамаран из болотного чайного дерева (*Melaleuca*) на южном и западном побережьях Тасмании, свидетельствует: «Способ приведения его в движение может шокировать как профессиональных мореходов, так и любителей. Обычные палки, с острыми наконечниками вместо лопастей — это все, что движет груженое судно по воде, и меня еще уверяют, что движется оно не так уж медленно!»⁷⁹ В некоторых частях Австралии копья использовались для гребли в легких каноэ из коры, а у жителей острова Никобар есть инструмент, совмещающий в себе свойства копья и весла: он сделан из дерева и железа, имеет форму ромба, заостренного на конце, и длину около пяти футов.

⁷⁹ Он также цитирует мистера Ф. Бэйна, который описывает весла жителей севера Австралии; их вальки имеют зазубренную и заостренную форму.

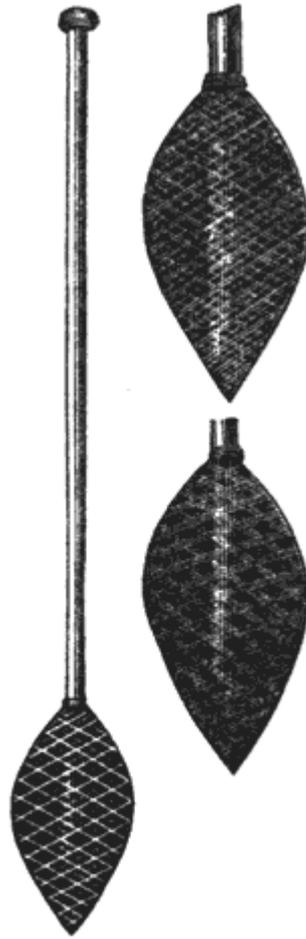
Рис. 47. Дубинки с островов Фиджи

Рис. 48. Деревянные мечи и дубинки бразильских индейцев

Африканские весла, используемые обычно в лагунах и во внутренних водах, имеют широкие лопасти, либо закругленные, либо снабженные одним или больше короткими наконечниками на конце. У каждого племени они чем-то отличаются, и натренированному глазу легко различить народы по их веслам. Широкое весло, почти круглое и очень слабо заостренное, делают также и на Австраловых, Маркизовых островах и островах Кингсмилл.

Переход весла в меч хорошо иллюстрируется примером диких индейцев Бразилии. Тупи до сих пор используют «такапе», «тангапе» или «иверапема», что Ганс Стейд из Гессена описал как «иварапема» в своем очаровательно наивном отчете о путешествиях и пребывании в плену. Оно представляет из себя цельный кусок твердого, тяжелого и смолистого дерева, характерного для тех краев, различной формы, с ручками и без них.

*Рис. 49. Пагайя,
заостренное весло*

Самое характерное орудие имеет длинную закругленную ручку с листообразной овальной, слегка заостренной лопастью; его вешали на шею на ремне. Таким оружием каннибалы убили Перо Фернандо Сардину, первого епископа Бахия, и перебили всю его свиту; «мученики» были убиты на отмели Дома Родриго возле устья реки Корурипе.

Похож на него бразильский инструмент макана, все еще используемый на Амазонке, именуемый там тамарана. Он сохранил форму первобытного весла, только для боевых целей вся лопасть весла имеет заточенную кромку. В некоторых частях Бразилии макана представляла из себя округлую дубинку, а заостренное весло, используемое в качестве меча, называлось пагайя.

Перуанская макана и каллуа – последнюю сравнивают с коротким турецким лезвием – делались из дерева чонта (*Guilielma speciosa* и *Martinezia ciliata*), древесина которого достаточно тверда, чтобы медные инструменты об него гнулись.

Мистер У. Боллерт сообщает нам, что «одни говорят, что макана имеет форму длинного меча, другие – что форму дубинки». Она была и тем и тем. Тапуя называли этим словом оружие с широким наконечником, с зубьями и заостренными костями.

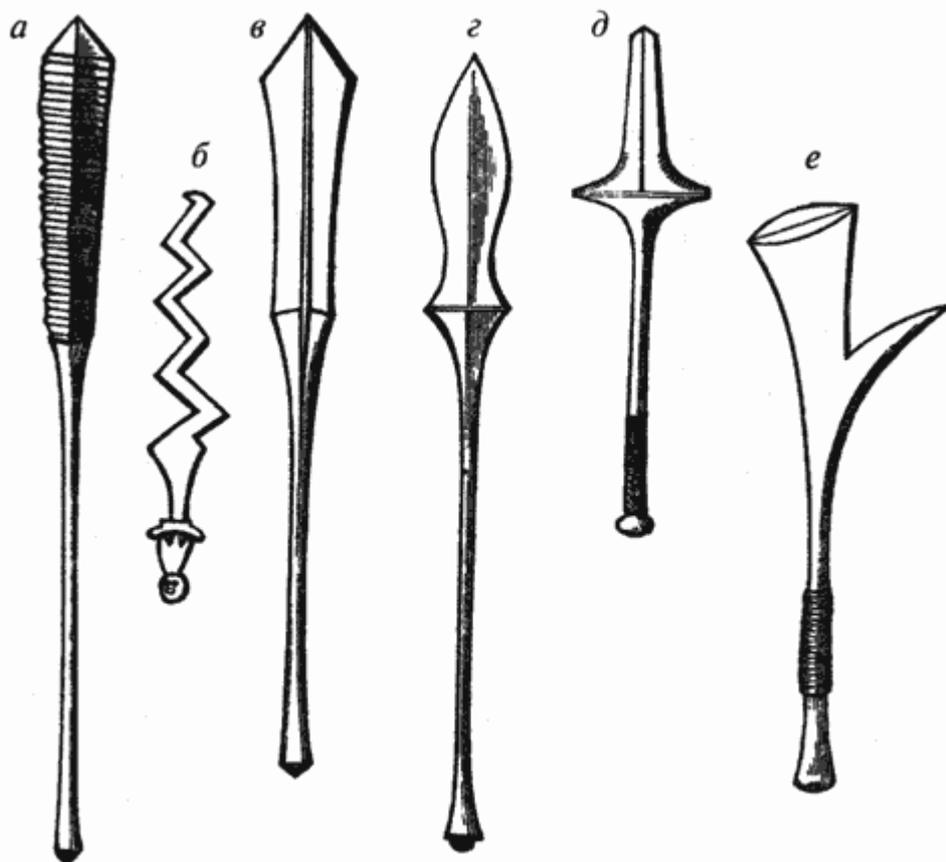

Рис. 50. Дубинки: а—г — дубинки с острова Самоа; д — дубинка с ребром жесткости; е — дубинка с шипом (Фиджи)

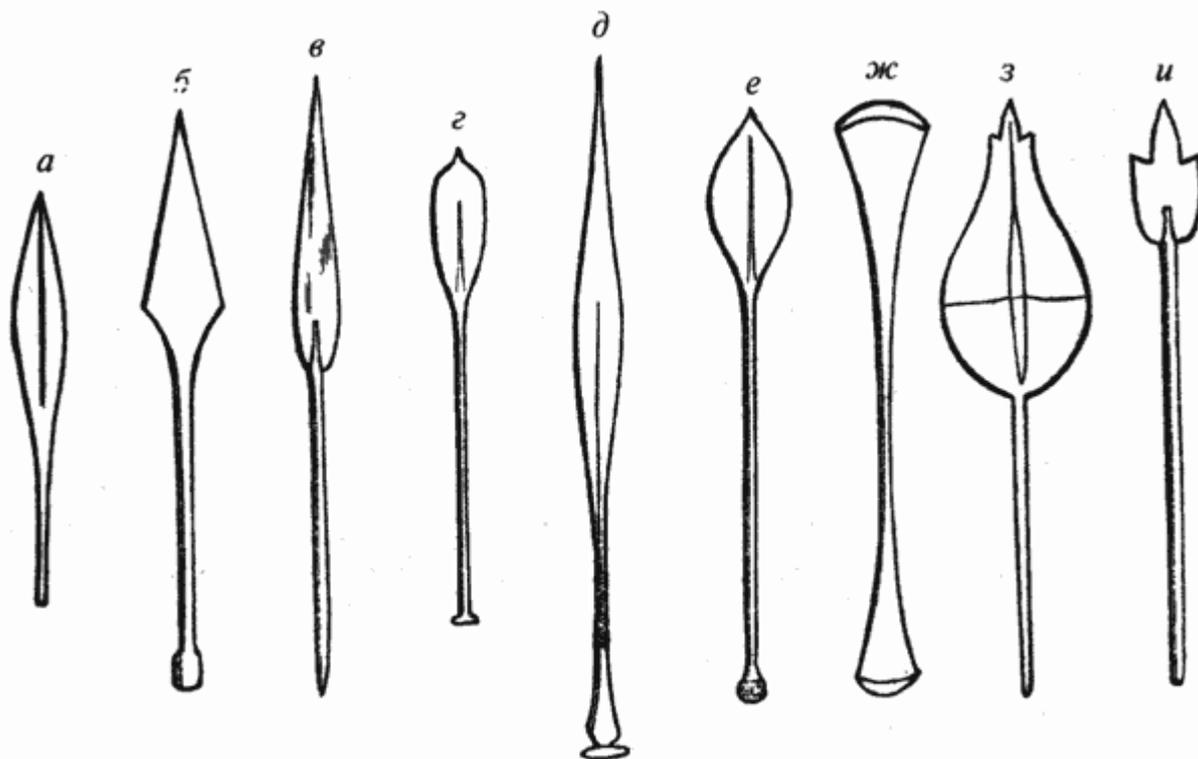
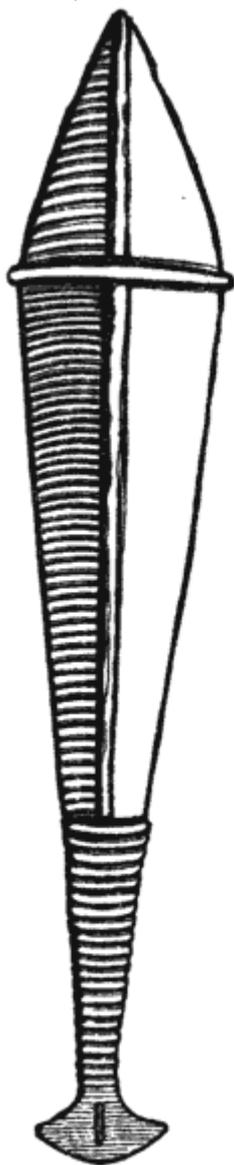

Рис. 51. Весла: а—в — весла-копья; г, д — листовидные; е — Австра-
ловы острова; ж — Новая Ирландия; з — Африка, река Габон; и —
Африка, Дахомское побережье

Во время своего знаменитого путешествия в Картахену Охеда обнаружил

воинственных карибов, размахивающих большими мечами из пальмового дерева, и женщин, «бросавших какие-то копья под названием «азагай». В собрании генерала Питт-Риверса есть замечательный плоский дубинко-меч, пяти футов и двух дюймов длиной, прямой, овальной формы из Квинсленда, и меньший предмет, около трех футов длиной, с более длинной ручкой, из Австралии. А из Бэрроу-Ривер, Квинсленд, было получено полуизогнутое деревянное лезвие пяти футов длиной.

Замечательный Этнологический музей герра Цезаря Годаффроя в Гамбурге и Самоа, иллюстрируя этнологию тихоокеанских островов, приводит много образцов палки с набалдашником, одна кромка которого заострена, выстраивая их ряд постепенно переходящим в меч. На правой стене у входа находятся, или находились, две великолепные сабли (рис. 53) из эвкалипта, с пометкой «Шверт фон Боуэн (Квинсленд)».

Рис. 52. Дубинка с острова Самоа (коллекция Годаффроя)

Рис. 53. Деревянная сабля

Рис. 54. Деревянный тесак

Рис. 55. Нож (дерево) из лавовой ванны

Жители Сандвичевых островов, как мы видим, все еще размахивают дубинко-мечами с острыми краями, как и их соседи из

Новой Ирландии. Дикарский архипелаг Соломоновых островов предоставил двуручную саблю из светлого ярко-желтого дерева; ребро жесткости четко показывает, что

это не дубинка-весло. Там есть и ромбовидная дубинка, явно ставшая моделью для позднейших кузнецов. Она сделана из твердого, темного и отшлифованного дерева, и рукоять ее обернута кокосовым волокном; длина ее – семьдесят сантиметров при ширине самое большее четыре. Мечи, к сожалению, в каталоге не фигурируют; но зато в нем присутствует замечательный деревянный нож сорока пяти сантиметров в длину и шести – в ширину, с открытой рукоятью и превосходно обработанной ручкой. Он получен с полинезийских островов из группы Новые Гебриды (рис. 55).

Рис. 56.
Ирландский
меч

Рис. 57.
Деревянный
клинок
рапиры

Деревянный меч глубоко вошел в эру металла. Предметы этого класса поступают из Новой Зеландии; они явно являются копиями современного европейского оружия. Уайлд упоминает деревянный меч, найденный на глубине пяти футов в Белликилмунари, возле Хай-Парк, графство Уиклоу, в болотном масле, но не смог идентифицировать его возраст. Длина меча – двадцать дюймов (рис. 56). На одной стороне лезвия, частично внутри, находится вставка, назначение которой неясно: для игрушки оно слишком неудобно; но если эта находка – модель для песочной формы, то этот нарост оставлял бы отверстие для заливки металла. Эта догадка подтверждается и формой рукояти, которая напоминает рукояти цельных бронзовых мечей, что находят в различных частях Европы. В Дублинском музее гоже содержится лезвие, очевидно предназначенное для колющих действий, и обозначенное как «деревянный объект, напоминающий меч». Сделано оно из дуба и стало черным, пролежав в болотном масле: лезвие имеет продольную грань, заостренный конец, и никаких признаков того, что это модель (рис. 57).

В то время как для изготовления мечей всю использовалась древесина, каменный век предоставил их немного. Широкие кремневые осколки листообразной формы, удостоенные

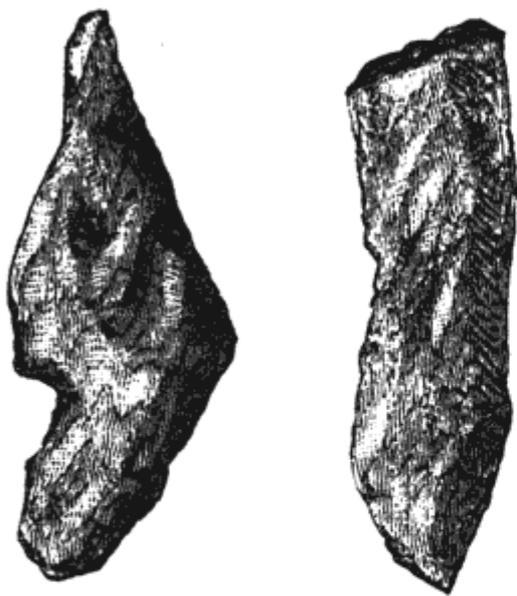
звания мечей, являются лишь кинжалами и длинными ножами. Структура кремня непостоянна, даже свежедобытого⁸⁰. Работники легко могли раскалывать его, чтобы делать скребки, топоры, наконечники стрел и копий; но, превысив определенную длину – восемь-девять дюймов, – эти осколки становятся тяжелыми, хрупкими и громоздкими. Обсидиан, как и кремь, годится для того, чтобы делать лишь кинжалы, а не мечи. В некоторых египетских музеях хранятся эти плоские листообразные ножи из темного кремня, найденные в Египте.

В Британском музее хранится отполированный нож со сломанной рукояткой, на котором иероглифами написано «Птамес («сын Пта»)). Есть там и египетский кремневый кинжал, все еще держащийся в своей оригинальной деревянной рукоятке, очевидно с помощью длинного хвостовика, вместе с остатками кожаных ножен.

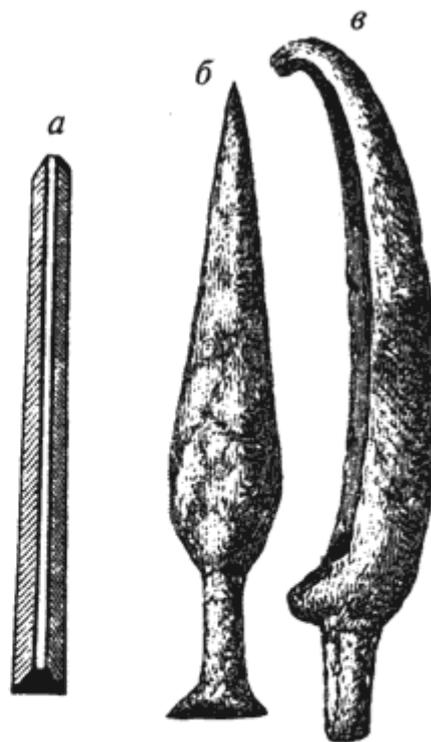
Евреи, заимствовавшие у египтян обряд обрезания, использовали для него каменные ножи. Атис, по словам Овидия, изуродовал себя острым камнем.

---

⁸⁰ В деревне Абы-Раваш, к северу от пирамид Гизы, этот материал все еще добывается в больших количествах; тамошние «келлутёры», или дробильщики кремня, производили на свет великолепные имитации так называемого «доисторического оружия». В марте 1881-го, приехав на пересохшее русло под Эльват-эль-Дибан между фиванских скал, генерал Питт-Риверс нашел кремневые осколки времен палеолита, обработанные и граненые, вставленные в укрепленную рукоятку, на глубине от шести с половиной до десяти футов. В тех же слоях были найдены и гробницы – комнаты с плоской крышей и прямоугольными колоннами. Фрагменты керамики позволили доктору Бирчу датировать результаты раскопок «не позднее Одиннадцатой династии, возможно, даже ранее». Новая империя, о которой идет речь, была основана Амосисом (Мах-Мес, или Дитя Луны), примерно в 1700 году до н. э.; в нее входили три великих Тутмоса, а продолжалась она около трехсот лет, завершаясь еретиком Аменхотепом IV, рабом Амона, примерно 1400 год до н. э., и Горемхибом – Гором человечества. Обработанные осколки кремня явно могли датироваться тысячами лет ранее. Это открытие чрезвычайной важности, и можно ожидать, вместе с мистером Кэмпбеллом, что «работы рук человеческих будут находить в изобилии под самой старой историей мира, в твердом галечнике, который лежит под грязью долины Нила от Каира до Асуана». В любом случае эта находка доказывает научный довод о том, что искусство зародилось не в Египте. Это лишь странная фантазия египтологов, которые, похоже, могут в будущем создать не меньше проблем, чем санскритологи.

Рис. 58. Осколки каменных ножей из Шетландии

Рис. 59. Кремневые кинжалы: *а* — иберийский или испанский клинок (коллекция Кристи), *б* — датский кремневый клинок, *в* — кремневая сабля из Дании

А римляне использовали осколки кремня для ритуального умерщвления свиней. Замечательны несколько кин калов неопределенной датировки из нашей коллекции: например — английские кинжалы из черного и белого кремня, редкие в Шотландии и не встречающиеся в Ирландии: а) иберийское или испанское лезвие из собрания Кристи, пяти с половиной дюймов длиной, найденное в Гибралтаре; халцедоновое лезвие из Тискуко, восьми дюймов длиной (там же); б) датский кинжал в Копенгагенском музее, тринадцати с половиной дюймов длиной (закругленная рукоятка превращает его в «чудо ручной работы»); и в) кремневый сабле-топор из той же коллекции, пятнадцати с половиной дюймов длиной. Остается тайной, каким образом на этих датских кремневых кинжалах были воспроизведены такие тонкие резные узоры.

Был обнаружен материал и получше, чем кремень, в лице спрессованного песчаника и гранитного афита (еще его называют «змеевик» за сходство со змеиной кожей). Обрабатывается камень легко, и в то же время он прочнее, чем обычный афит.

Каменный век не произвел ничего более замечательного, чем пату-пату или мери из Новой Зеландии, из которого впоследствии не получился меч лишь потому, что развитие этого оружия было прервано. Его форма — форма лопаточной кости животного — позволяет делать предположения о происхождении этого оружия; в Новой Гвинее существует почти идентичная форма, с соответствующим украшением в дереве. К мечу его приближает тот факт, что его конец заострен так же, как и кромки. Его используют для протыкания, так же как и для прорубания; мишенью для удара обычно служит место над ухом, где череп наименее прочен. Некоторые экземпляры сделаны из прекрасного нефрита ⁸¹, а ведь это

⁸¹ Нефрит получил свое название из-за того, что когда-то считался панацеей от болезней почек. Его находят в различных частях Европы; в горах Гарц (или Смолистых горах), на Корсике (Бристоу) и под Швайнзалеом и Потсдамом (Рундлер). Сюссюрит, «альпийский нефрит», появился вокруг Женевского озера и на Монте-Роза. Мистер Доклинс, впрочем, ограничивает район добычи истинного нефрита в Старом Свете Туркестаном и

неподатливый камень, признанный одним из наиболее трудных в обработке.

Из дерева, каким бы прочным и тяжелым оно ни было, получалось плохое режущее оружие, а из камня – жалкий меч, но их сочетание исправляло недостатки и того и другого. Так, деревянные мечи можно разделить на имеющие ровное и зазубренное лезвие, последние описывают как

Вооруженные этими маленькими крюками-зубами
на конце,
Которые открываются, впиваются в плоть
и вновь закрываются.

Само собой напрашивающееся решение – напичкать режущую кромку зубами животных и осколками камня. В Европе этими камнями были агат, халцедон и горный хрусталь; кварц и кварцит; кремень, лидийский камень, роговой камень, базальт, лава и нефрит (диорит); гематит, хлоритовый сланец, габбро (твердый сине-зеленый камень), настоящий жад (нефрит), жадеит и фибролит, найденный в Оверни. Широко использовались также плавники рыб и раковины – в частности, жителями Андаманских островов – в качестве наконечников стрел и орудий обработки.

На Тенерифе и в так называемом Новом Свете предпочитали черно-зеленый обсидиан, который легко колоть; из него инки делали свои ножи.

На Полинезийских островах существуют две различные системы крепления режущих элементов в дереве. Первая – это когда режущие фрагменты вставляются в желобок на кромке и привязываются или прикрепляются смолой или клеем. Вторая – когда они устанавливаются в ряд между двумя небольшими деревянными дощечками или рейками, что привязываются к оружию волокнами. Концы зубцов искусно заточены в обоих направлениях, чтобы наносить серьезные порезы как при втыкании, так и при вынимании оружия. Эскимосы укрепляют зубы деревянными или костяными колышками. Пачо жителей островов Южного моря – это дубинка, обитая с внутренней стороны акульими зубами, укрепленными таким же образом. Тапуйя из Бразилии вооружены дубинкой с широким набалдашником, на конце которой закреплены зубы и кости.

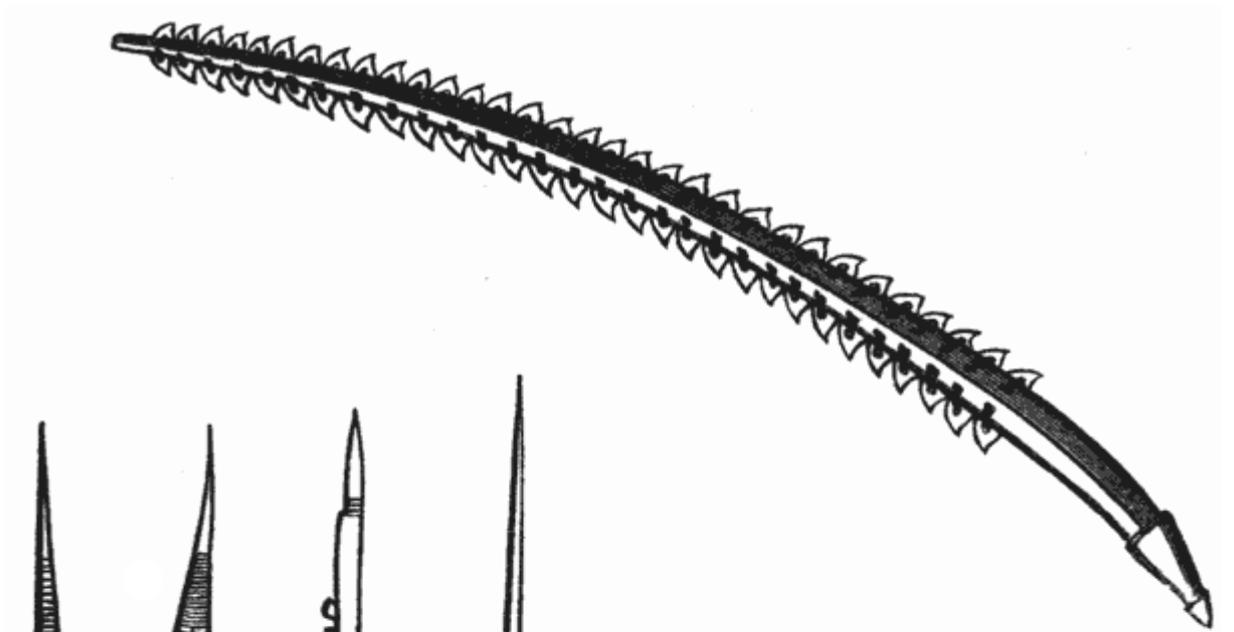
В «Кремневых осколках» мы читаем, что в одном североамериканском племени использовались для протыкания деревянные мечи длиной три фута, на конце которых была скорлупа раковины мидии.

По всей Австралии аборигены снабжали свои копья острыми кусками обсидиана или хрустала; позже они стали применять обычное стекло ⁸², придумав новое использование для мусора и битых бутылок (рис. 70).

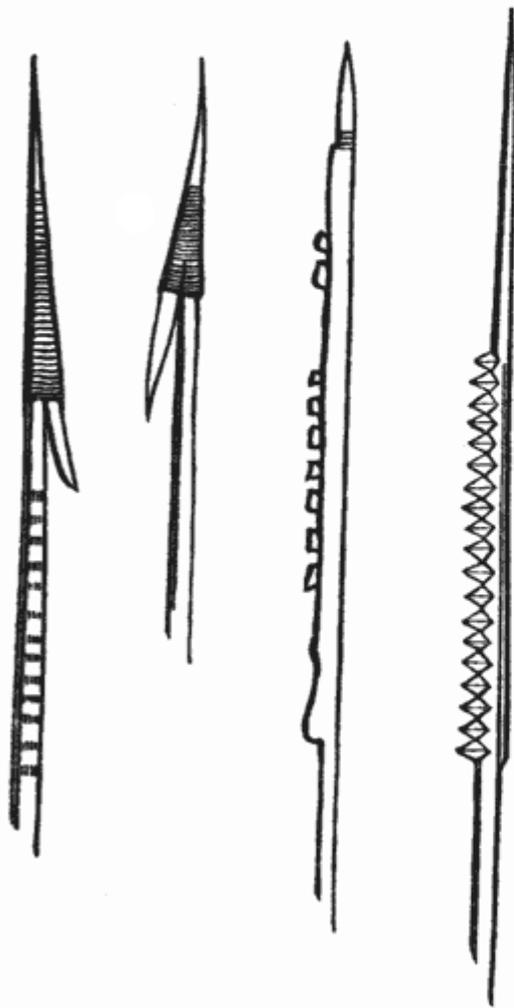

Китаем. Само слово «жад», которым иногда обозначают нефрит, принято считать происходящим от персидского «jadu» – «волшебный камень».

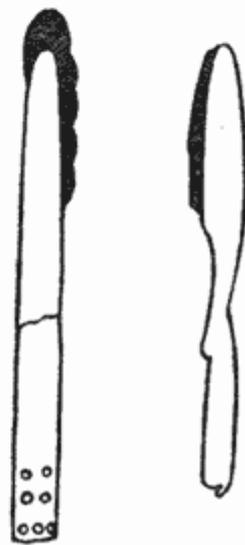
⁸² Английское слово «стекло» (glass) происходит от glees (gless, glessaria) – так древние германцы называли янтарь. Плиний (XXXVII, гл. И) тоже отмечает glasum (янтарь) и остров Глезария, называемый аборигенами «Остеравия».

Рис. 61. Меч или сабля с акульими зубами (юг Тихого океана) — из собрания Мейрика, ныне в Британском музее

Рис. 60. Австралийские копья с осколками кремня по бокам

Рис. 62. Вооружение из обсидиана (Мехико)

В этом случае осколки уже выстроены в один ряд по одной стороне возле наконечника и твердо закреплены. В Ирландии свидетельств такого закрепления осколков нет, но часто встречающиеся кремневые изделия, похожие на имеющиеся в могилах ирокезов, позволяют предположить, что они держались вместе на куске дерева, который не сохранился. В «Кремневых осколках» мы читаем, что в Сельденской рукописи описан осколок обсидиана, укрепленный в трещине в деревянной ручке, служащей центральной поддержкой, и почти по всей длине его идет ребро жесткости. Такое оружие могло использоваться только для колющих действий.

Рис. 63. Деревянные и роговые наконечники

Племя копан (Юкатан) воевало с Эрнанде де Шаве, вооружившись пращами, луками и «деревянными мечами с каменными лезвиями»⁸³. В отчете экспедиции, высланной в 1584 году Рэйли для основания колонии Вирджиния, мы читаем о «плоских, с заостренными кромками деревянных дубинках» около ярда длиной. В них были вставлены наконечники из оленьего рога, почти таким же образом, какой практикуется ныне, разве что теперь их место заняли европейские наконечники копий.

Ножи, мечи, палаши, окаймленные акульими зубами, находят на Маркизовых островах, на Таити, на острове Депенстер, на островах Байрона, на группе островов Кингсмилл, на Редакторском острове, на Сандвичевых островах, в Новой Гвинее. Капитан Граах отмечает подобный экземпляр, окаймленный зубами акулы, на восточном побережье Гренландии, и то же самое недавно видел у эскимосов доктор Кинг.

По поводу могильных курганов Северо-Западной Америки: мистер Льюис Морган, «историк ирокезов», отмечает, что при вскрытии «могильных курганов» Дальнего Запада обнаруживались ряды осколков кремня, лежавшие ряд за рядом в регулярной последовательности; возможно, они были, как в Мексике, укреплены в дереве. Эрнандес описывает «макуахьюитли», или боевую дубинку ацтеков, имеющую с обеих сторон бритвообразные зубья из «итцли» (обсидиана), воткнутые в отверстия вдоль краев и прикрепленные некоей разновидностью смолы.

Мистер П.Т. Стивенс («Кремневые осколки») утверждает, что мексиканские широкие мечи несли на себе по шесть или более зубьев на каждой стороне лезвия. Герерра, историк, упоминает в своих «Декадах» «мечи, сделанные из дерева, с желобом во фронтальной части, в котором были твердо укреплены острые осколки кремня с помощью некоей разновидности битума и нитки».

---

⁸³ Любопытные и искусные надписи на камне и гравировки южноафриканских бушменов производились треугольными осколками кремня, укрепленными на палках; они выполняли роль долота. Эти изображения были либо простыми – коровы, антилопы, мужчина по поясу, женщина с поклажей; либо композициями – страус и всадник, шакал преследует газель, носорог охотится на страуса.

Рис. 64. Мексиканский меч XV века, из железного дерева, с десятью лезвиями из черного обсидиана, закрепленными в древесине (это оружие имеет 25 дюймов в длину)

В 1530 году, если верить испанским историкам того времени, Капан защищали 30 тысяч воинов, вооруженных этим и другими видами оружия, по большей части закаленными на огне копьями.

То же самое демонстрируют и юкатанские скульптуры, являющиеся подражаниями ацтекским. Работа лорда Кингсборо над разрушенными мексиканскими древностями, в основном заимствованными из Дюпаиса, кажется, имеет тот же замысел. Меч, снабженный с обеих сторон лезвия шестью кусками обсидиана, можно увидеть в музее Мехико.

Мексиканский меч XV века сделан из железа и дерева, имеет длину 25 дюймов и снабжен десятью осколками черного обсидиана; таков же и еще один мексиканский меч, длиной около четырех футов.

Следующим шагом должно было стать использование металла с камнем и костью. Так, эскимосы пролива Давида и некоторые из гренландских далеко продвинулись в искусстве усаживания лезвия кусками метеоритного железа. Это приведет к навеске на все деревянное

лезвие целиком металлической кромки – поскольку для того, чтобы делать оружие целиком из металла, последнего было слишком мало, и стоил он слишком дорого. Такая экономичность простиралась не только в бронзовый, но и в железный век.

Лезвие повторяло форму зубов и в Средневековье, как мы видим по зазубренным и проколотым лезвиям итальянских кинжалов. И зубообразная форма лезвия еще не вымерла, как мы можем видеть по абсурдным пилообразным штыкам, появившимся недавно.

Рис. 65. Макуахьюитли

Рис. 66. Мексиканский воин

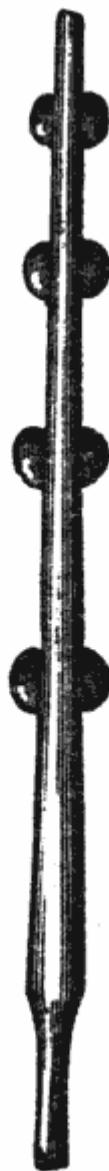

Рис. 67. Мексиканский меч из железа и дерева, усиленный обсидианом (метр и шесть дюймов в длину)

Рис. 68. Наконечник мексиканского копья (XV век). Черный обсидиан, деревянная рукоятка

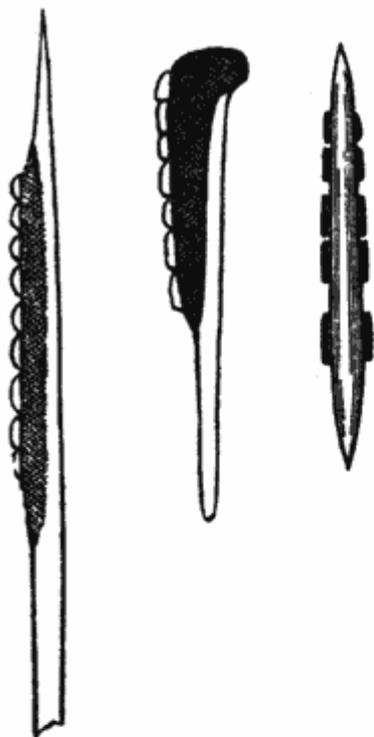

Рис. 69. Новозеландская дубинка

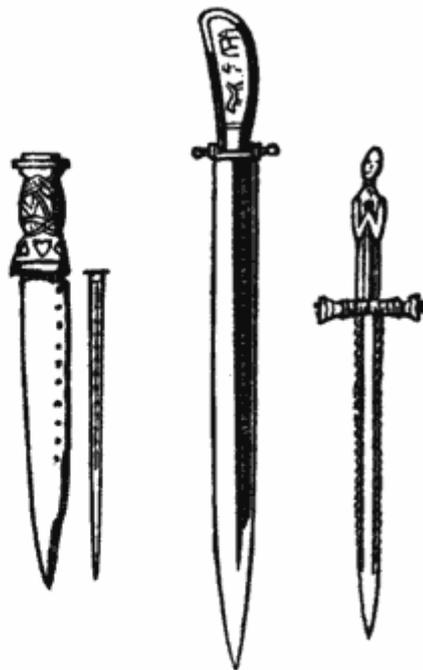
Теперь же мы дошли до того времени, когда человек, которого уже не удовлетворяли основные материалы – кость и зубы, рог и дерево, – научился использовать металл, может быть, после случайного пожара, когда «...кусок камня, брошенный в огонь, который охватил его логово, оказался сверкающей рудой и сделал повелителя зверей повелителем людей».

Открытие плавления руды иковки, последовавшее за поддержанием огня, позволило человеку заняться, со все большим успехом, усовершенствованием своего оружия. Но

многие народы быстро остановились на этом пути. Австралийцы, которые так и не изобрели лука, удовлетворившись бумерангом, не пошли дальше изогнутой и мечеобразной дубинки, пока их не обнаружили западные мореходы. Простота их ремесел приговорила их, по мнению некоторых антропологов, к тому, чтобы считаться живым примером первобытного *genus homo*.

Рис. 70. Австралийские копья с осколками обсидиана, хрусталя или стекла

Рис. 71. Итальянские кинжалы с ядом

Рис. 72. Арабский меч с направленными к острию концами поперечины и зазубренным лезвием (Музей артиллерии, надпись нечитаема)

Туземцы Новой Гвинеи, еще одного очага прерванного развития цивилизации, также не имели представления о металлическом лезвии. Аборигены Америки так и не научились создавать ни режущие, ни колющие мечи; они сохранили суеверный страх перед «длинным ножом» бледнолицего завоевателя. Очевидно, это касается всех низших ветвей человечества, которым совершенно незнаком металлический меч. Если считать нашей историей историю оружия, то как метательный снаряд является любимым оружием дикаря и варвара, так и металлический меч превосходно характеризует полудицилизованного человека, а использование пороха – цивилизованного.

Вождь по имени Сёнго из рода Немуро в Японии уверял мистера Джона Милна, что «в древности, когда не существовало режущих инструментов из металла, люди делали их из адзи, разновидности черного камня, или из твердого материала под названием «железный камень». Даже сейчас орудиями из этого материала пользуются люди в далекой глубинке».

Здесь мы видим еще один пример пересечения каменного и железного веков даже в том случае, когда в последнем уже достигнуто совершенство в работе со сталью.

Глава 4 ПРОТОИЗВЕСТНЯКОВЫЙ, ИЛИ МЕДНЫЙ, ВЕК ОРУЖИЯ

Вначале отмечу, что наш век поднял вопрос, который вызвал ожесточенные споры, поставив в тупик Грота и многих других полвека назад, до того как была изобретена фосфорная бронза. Это была технология отвердевания (не закалки) меди и ее сплавов. Все знали, что эти металлы использовались для разрезания самых неподатливых веществ: гранита, сиенита, порфира, базальта и, возможно, диорита ⁸⁴ древними египтянами, ассирийцами, троянцами и перуанцами. Но никто не знал, как это происходило. Некоторые пытались разрубить этот узел, просто отрицая реальность этих фактов. Что не можешь объяснить – отрицай, таково правило многих ученых.

Эту проблему устранила пушка Учатиуса ⁸⁵, которую долго считали сделанной из сплава «Stahl-bronze» ⁸⁶ и которая оказалась в результате просто бронзой, укрепленной давлением.

На антропологическом конгрессе в Лайбахе ⁸⁷ (27–29 июля 1878 года) граф Вурмбрандт из Петтау выставил различные литые предметы, два наконечника копий и листообразное лезвие из яркой бронзы (бронзы Доуриса), украшенные спиралью, чтобы имитировать древнее оружие. Будучи обработанными под давлением, они стали настолько твердыми, что могли резать обычный металл.

Опять же на антропологическом конгрессе в Зальцбурге (8 августа 1881 года) доктор Отто Тишер из Кенигсберга повторил старый эксперимент, показав, как мягкая медь и бронза становятся прочнее под воздействием «*opus mallei*» (простое отбивание молотком). Более того, таким образом сплюснутый металл мог резать и обрабатывать обычный мягкий металл без участия железа или стали. Тишер представил два бронзовых блюда, на которых бронзовыми же штампами были пробиты отверстия различной формы. Отбивание, прокатка, простукивание и прессовка меди для ее упрочнения хорошо известны современным и, вне всякого сомнения, были известны древним мастерам. Найти, вернее, заново найти предстоит теперь лишь степень сжатия.

Можно сомневаться, знали ли в Древнем Египте и Перу наш современный процесс

---

⁸⁴ К примеру, великолепная статуя Хафры (Хефрена или Хабры), находящаяся в Булакском музее, датируемая 3700–3300 годами до н. э. Скарабея из диорита можно легко купить в Египте, само вещество слишком трудно обрабатываемо для дешевой поделки. Доктор Генрих Шлиман постоянно упоминает диорит в своей книге «Троя и ее останки» (1875); к примеру, «клинья» (т. е. топоры), большие и маленькие: он говорит о безмерном количестве инструментов из диорита; о диоритовом Приапе высотой двенадцать дюймов; о «любопытных маленьких шариках для прачи» и о молотках. В Микенах он нашел «два отполированных топора из диорита». Но ввиду того, что он называет его также «твердым черным камнем», я подозреваю, что имеется в виду базальт, а «зеленый камень» может оказаться жадом или жадеитом.

⁸⁵ Процесс литья пушки, названной впоследствии по имени генерала Учатиуса, до сих пор хранится в тайне; я так и не смог лицезреть этот процесс в королевском арсенале в Вене.

⁸⁶ «Stahl-bronze» – стальная (т. е. укрепленная) бронза. Одна ошибка при переводе вызвала появление в английской прессе смехотворных ошибок.

⁸⁷ Как я докладывал «Атенауму» (16 августа 1879 года), это и есть «восстановление» утраченных египетских (и перуанских) тайн укрепления меди и бронзы, которое долго отрицалось металлургами. Медь, которую для прочности превращали в сплавы, описывается в «Археологии» губернатора Паунелла. Мистер «Эссе-Мастер» Элхорн нашел в ней частицы железа, которые, однако, могли находиться и в руде, и некоторую примесь цинка, но не серебра и не золота.

гидравлического прессования, простейшей формой которого является водопад. Но они применяли силу самым эффективным образом. Самые твердые камни разрезались, и из них делались обелиски; затем в прорези вставлялись клинья из высушенной в печи древесины, как правило – сикомора; последние, разбухая от воды, разламывали камень. И вряд ли можно отрицать, что народ, который умел перевозить камни весом по 887 тонн ⁸⁸ по холмистой местности от Эль-Суана (Ассуана) до Фив на расстояние 130 миль, мог и механическую компрессию довести до высочайшего уровня.

Бюффон («Естественная история», статья «Cuivre» ⁸⁹), верил в существование «утраченных технологий». Россиньоль рассказывает о «trempe que les anciens donnerent au cuivre» ⁹⁰; он упоминает, что химик Жофрей, работавший на графа де Кайла, преуспел в укреплении меди и в придании ей тончайшего лезвия; но тайна эта не была разглашена. Монж, академик, придерживается мнения, что медь отвердевала в результате закалки и постепенного воздушного охлаждения.

В 1862 году Дэвид Уилсон, вслед за Проклом и Цецесом, объявил «утраченной технологией» улучшения структуры меди и придания ей твердости вставку в медное оружие железного или стального лезвия. Маркхэм предполагает, что древние перуанцы упрочняли свою медь оловом или кремнием ⁹¹; он ошибочно считает, что олово в этой части Южной Америки встречается редко.

Современные археологические открытия позволяют заявить, что мы должны вставить между так называемыми каменным и бронзовым веками век чистой меди. Первым металлом, насколько нам известно, был золотой песок, который мыли египтяне; и, как доказал Шампольон, иероглифом для обозначения «нуб» (золота) является миска, над которой растянута ткань, сквозь которую фильтруется вода ⁹².

Рассказ об открытии стекла сидонцами в песках Белуса ⁹³, сказка, несущая *le charme des origines* ⁹⁴, повествует, как я уже сказал, о том, как кусок рудоносного металла, случайно брошенный в огонь в хижине дикаря, привел к появлению одной из самых прогрессивных технологий. И вскоре «двуногое без перьев», как Мулкибер и Маммона Милтона:

Обшарил все и нечестивыми руками
Полез в утробу матушки-Земли
Сокровища искать.

Использование меди в древности в Южной Европе определенно доказана, как мы уже

---

⁸⁸ Таков вес статуи «Сесостриса», Рамсеса II, и его отца фараона Сети I.

⁸⁹ Медь (фр.).

⁹⁰ «Закалка, которой древние подвергали медь» (фр.).

⁹¹ Съеза де Леон (Введение. С. XXVII): «Гумбольдт отмечает режущий инструмент, обнаруженный возле Куско, состоящий на 94 процента из меди и на 6 процентов из олова. Последний металл очень редок в Южной Америке, но, мне кажется, его можно найти в некоторых местах в Боливии. В некоторых экземплярах роль олова выполнял кремний». Южноамериканское олово крайне плохого качества; однако его можно было использовать в древности.

⁹² Очевидно, существует две формы иероглифа «нуб» (золото) – ожерелье и миска. См. гл. 8.

⁹³ Плиний. XXXVI, 65.

⁹⁴ Изначальное очарование (фр.). – Пер.

убедились. Применение покрытия металлом дерева или камня было известно еще в дни Гесиода (880–850? гг. до н. э.):

Медь для вооружения и оружие имели они,
а также и медь для домов.
Из меди они ковали свои произведения,
когда ничего не было известно о черном железе⁹⁵.
Их дома, инструменты и оружие
Сияют латунию – в моем же доме темное железо ожидает.

Медные листы также использовались и при настилке полов, как мы знаем из трагедии Софокла «Эдип-царь», где упоминается «медный порог». Так, во дворце Алкиноя (Одиссея. VII. 75) стены порог были медными, колонны и балки – серебряными, а двери и подставки для дров – золотыми.

Та же самая практика продолжалась и во время бронзового периода, как доказал доктор Шлиман, когда исследовал Таламос, прикрепленный к сокровищнице Минья в Орхомене. Набушаднеззар в «стандартной надписи» объявляет, что он устелил медью полы и колонны вавилонской твердыни, и есть подозрения, что золото и серебро устилали четвертый и седьмой этажи храма Белуса, в народе – Вавилонской башни.

Не оставляет сомнений в важности меди⁹⁶ и Лукреций.

Даже в дни расцвета своей роскоши Рим, как Этрурия, продолжал использовать медь (или бронзу?) для склеписта, или ножа для жертвоприношений. Основывая город, они вспахивали землю куском меди. Верховный жрец и жрецы Юпитера использовали ножницы из того же материала, даже, как сабинские жрецы, сами стриглись ножами из меди. Священный щит – Анциле – тоже был сделан из меди.

Поуп, как и другие авторы того времени, переводил «copper» («медь») и «bronze» («бронза») как «brass» («латунь» – сплав меди с цинком); в староанглийском «природная латунь» противопоставлялась «желтой меди» (cuivre jaune).

Моисею велют сделать пять латунных⁹⁷ раструбов-подставок для шестов (Исх., 26: 37), а Веселиил и Аголиав, художники молота и наковальни, работали по латуни (Исх., 31: 4).

Мы читаем о «стране, чей камень – железо, и из этих холмов вы можете выкапывать латунь (9). Джоб говорит нам: «Наверняка там есть серебряная жила и место для золота, где они его очищают. Из земли добывается железо, а из камня выплавляется латунь⁹⁸».

Гирам из Тира был «искусен во всех работах по латуни» (отливка иковка) для Храма Соломона, который датируется примерно двумя столетиями позже Троянской войны (1200 г. до н. э.). У Эзры (VIII, 27) в тексте встречается «два сосуда из чистой меди, изысканные,

---

⁹⁵ Здесь Элтон, как и другие авторы того времени, неверно переводит «медь» как «латунь».

⁹⁶ Медя у Софокла и Овидия, Элисса у Вергилия используют медный серп. Гомер, как мы видим, использовал тот же самый материал для описания оружия, топоров и кораблей. Вторит ему и Павсаний, цитируя описание топора Пизандра и стрелы Мериона; он также помещает копьё Ахилла с его наконечником и обжимным кольцом из меди в храм Афины в Фазеле и похожий меч Мемнона – в храм Эскулапа в Никомедии. Плутарх повествует нам, что меч и наконечник копьё Тезея, выкопанный Саймоном на Скиросе, были сделаны из меди.

⁹⁷ Я не очень понимаю, почему доктор Эванс настаивает, что эти раструбы были бронзовыми, мотивируя это тем, что «вряд ли они могли быть сделаны из такого туго ковкого металла, как чистая медь». Он сильно недооценивает металлургию евреев времен Исхода, которые, должно быть, заимствовали свои знания у египтян.

⁹⁸ Свинец там тоже отмечен, но не олово.

словно золотые»; а на полях написано «желтая или сверкающая латунь». Да и сейчас старое слово еще не забыто – мы говорим «латунная пушка».

«В медный век, – нефилософски замечает Шлегель (Философия истории, секция II), – преступление и беспорядок достигли своих высот: насилие характеризовало грубых и гигантских Титанов. Руки их были медными, а инструменты и орудия – латунными или бронзовыми».

Я бы, в общем, переводил, вслед за доктором Шлиманом и мистером Глэдстоуном гомеровскую *χαλκός*, как «медь», а не «бронзу», в основном по той причине, что первая – ковкая и блестящая, а вот сплав этими свойствами не обладает. Существуют ковкие сплавы⁹⁹ и сплавы, которые блестят (например, медь Дауна), но к обычной бронзе это не относится, и ни один поэт не назвал бы блеск характерным ее свойством.

Чистая же, однако, медь использовалась повсеместно лишь в тех краях, где не было олова, чтобы сделать бронзу, и цинка, чтобы сделать латунь; отдельные экземпляры могут свидетельствовать только о временной нехватке. Так, у медного века были определенные географические области. М. де Пульски и М. Катенак («*Materiaux...*») датировали определенный медный век между неолитом и веком бронзовым. Доктор Джон Эванс считает, что производство из меди обязано своим происхождением либо нехватке олова, либо предпочтению меди для узкоспециальных целей. Но эти образцы медных инструментов и т. д. не являются переходными.

Естественная руда использовалась во многих регионах Северной Америки. Кельты различного вида из Мхау в Центральной Индии были проанализированы доктором Перси, который не обнаружил в них олова. Телль-Сифр в Южной Вавилонии и остров Термия в Греческом архипелаге предоставили нам множество подобных предметов. Их находят исключительно в Дании, Швеции, Австрии и Венгрии, Франции, Италии и Швейцарии. Я отмечал использование чистого металла в кранногах Штирии. Кажется, они преобладали в Истрии: в Реппен-Таборе под Триестом, на предполагаемом поле боя с римлянами, в котором решилась судьба полуострова (178 г. до н. э.), был найден замечательный наконечник копья из чистой меди восьми с половиной дюймов в длину; сейчас он находится в Гражданском музее. То же самое касается и Далмации: в Спалато и других местах я видел топоры из чистого металла. А недавно мы получили свидетельства о том, что и древняя Лузитания, как и Ирландия, находилась в таких же условиях.

Медный век в определенных местностях был просто временным явлением, отделявшим эпохи рога, кости, зубов и дерева от эпохи металлов, даже несмотря на то, что последний приводил, при должном направлении развития, к всеобщему принятию железа и стали для изготовления мечей и другого оружия. Но у нас нет необходимости разделять эпохи, руководствуясь превратным методом деления, разработанным некоторыми исследователями, которые жадно хватаются за любой повод расширить классификацию. Если уж надо устанавливать какую-то последовательность, то она будет такова: медь, бронза, латунь. Однако же в большинстве мест остей эти «века» были одновременными, и некоторые народы продолжали использовать чистый металл, даже если олово и цинк валялись у них под ногами.

Венера (♀) алхимиков в семитских языках называлась «нхс» или «нхш», в арабском «нахас», а в иврите «нехошет». Само слово принято считать происходящим от трехбуквенного корня, означающего змею, извивающегося гада, змея морского, то ли потому, что этот металл ядовит, как змея, то ли за его яркость. Таким же образом «дхалав», золото, получило свое название благодаря своему блеску, а серебро, также означавшее деньги («*argentum*», белизна), было «казаф», «бледным металлом», египетским «белым золотом». Слова «нехошет» и «нахас» оба равным образом применяются к меди, бронзе и

---

⁹⁹ Некий герр Дромир запатентовал в Германии процесс изготовления ковкой бронзы. Он добавил в олово один процент ртути, а затем смешал полученную смесь с расплавленной медью.

латуни; так, похоже, что надо читать «медный змей» как «латунный змей», а «город меди» как «город латуни».

Та же неопределенность касается и греческих, и римских терминов. Слово *χαλκός*, «медь», принято считать происходящим от *χαλάειν*, «терять», за то, что он очень легко плавится: я бы предпочел финикийское «хар» или «хал» – ведь именно финикийцы представили медь в Греции. Эллины добывали ее в Эвбее, откуда, из «Медного города» пошла известность «камня» *χαλκίτις* – *chalcitis*» (Плиний. XXXIV, 2). Знали они руду, так же как и *η κύπρος*, а когда аннексировавшие Кипр в 57 году до н.э. римляне стали разрабатывать шахты, добываемое там, по словам Иосифа Флавия, называлось *χαλκός κύπριος*. Слово *chalcos* в основном остается неопределенным, если его смысл не уточняется прилагательными: красный, черный, красно-коричневый, железно-серый и т.д. На самом деле, как и «aes», это общее слово для так называемых «основных металлов» (железо, медь, олово, свинец и цинк) – названных так в противопоставление «благородным металлам» – золоту и серебру, к которым следует добавить еще и платину.

Хуже того, слово *χαλκεύς* – «красная медь» – применялось к кузнечному делу и даже к золотолитейному при дворе Нестора (Одиссея. III, 420, 432), да и к *χαλκήϊα* или – кузнечному делу в принципе. Римское слово «aes», противопоставляемое «*surgium*» или «*aes surgium*»¹⁰⁰ Плиния (XXXIV, 2, 9), и «*smaragdus surgius*», или малахиту, вводит в такое же заблуждение, если только мы не переведем его как «основные металлы». Мы не знаем, как переводить Варрона, там, где он рассказывает о кимвалах на празднике Реи (медь, бронза, латунь?). Здесь он мудро ограничивает сказанное Грецией и Римом.

Следуя Сексту Помпею Фесту, «*aerosam appellaverunt antiqui insulam Cyprium quod in ea plurimum aeris nascitur*»¹⁰¹. Сейчас мы считаем название Священного острова происходящим от «гуиб» (сосна) – по его основной растительности, «ер» (великий) и «ис» (остров), то есть «Гуиберис».

Кипр, скорее всего, являлся не местом добычи, а центром торговли, куда приезжали продавцы из отдаленных мест – например, с острова Сифанос (Сифанто), где была обнаружена и медь, и железо, и свинец. Это общая история островов и архипелагов, лежащих на прямых торговых путях от варварских и опасных берегов, в различных частях великих мировых торговых зон на путях транзита и перевозки. Касситериды тоже служили складами рассыпного олова и медного колчедана из Корнуолла и Девоншира, а приобрели славу места, где их добывают. В Средние века Хормуз, или Ормуз (Армуза), в Персидском заливе служил, а Занзибар до сих пор служит центром импорта, экспорта и обмена – как рынок и огромный порт.

Медная руда встречается в огромном числе мест¹⁰² и в самых больших количествах; она прочнее и эластичнее, чем серебро; это самый крепкий металл после железа и платины; ковкий и в горячем и в холодном виде, так что для него не требуется горна; плавится при

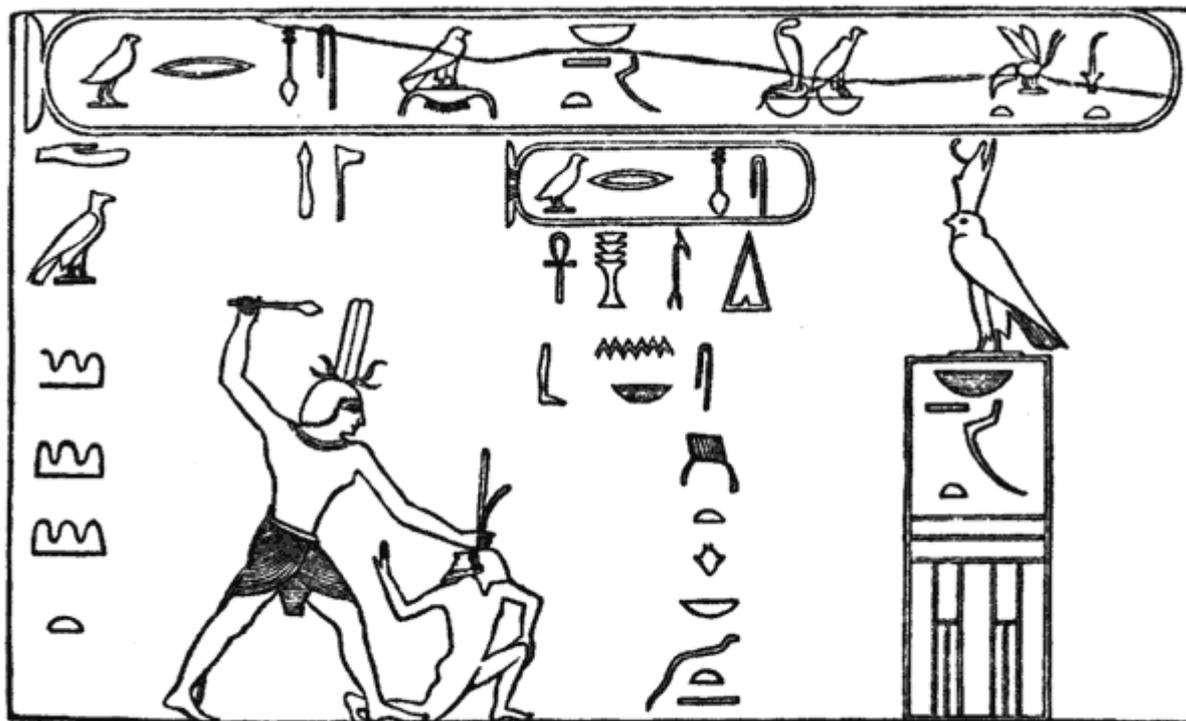
¹⁰⁰ Этот термин Плиний, очевидно, применял только к самому чистому продукту, который тогда становился «*surgium*», прилагательным, означавшим принадлежность к определенному месту, а в конце концов – «*surgum*». Это слово впервые использовал Спартиан в биографии Каракаллы, «*Cancelli ex aere vel sirgo*» – «двери из aes или меди». «*Aelius Spartianus*» датируется временем Диоклетиана и Константина. Когда Плиний пишет «*in Sirgo prima fuit aeris inventio*» («на Кипре впервые была открыта aes») (лат.), он так и оставляет нас в сомнениях – медь имеется в виду под «aes» или бронза; логичнее выбрать первое. Поэтому он утверждает, что лучшая «*missy*» (природная желтая медь) имеет кипрское происхождение (XXXIII, IV, 25 и XXXIV, XII, 31). Слово «*missi*» или «*missi*» все еще используется в Индии для обозначения купоросного порошка, которым красят зубы. Кипрос, жена Агриппы, возможно, получила свое имя от кафара – лавсонии, растения, из которого изготовляют хну: «*Cyprus*» Плиния (XII, 51) – это тоже, что и «*Lavsonia inermis*».

¹⁰¹ «Этот остров древние называли *Surgum* из-за обилия на нем меди» (лат.).

¹⁰² Геродот (III, 23) рассказывает нам, что в Эфиопии медь была самым редким и ценным металлом; узников в тюрьмах там заковывали в кандалы из золота. Как мы увидим, позже в Абиссинии нашли медь.

температуре средней между точками плавления серебра и золота (119 °f); легко отливается в формах из песка и лекалах. Медь не могла не использоваться с самых ранних веков и продолжает использоваться в наши дни там, где искусство ее отливки развито, пожалуй, сильнее, чем любой другой руды, – например, в Свенси в Южном Уэльсе.

Когда народы, вооруженные каменным и костяным оружием, принялись за свою примитивную металлургию, они должны были сохранить, не изменяя образ мышления, те же принципы дизайна. Старый кельт, или чекан, сделанный из змеевика или кремня, должен был копироваться и во вновь открытом и постепенно адаптируемом оружии-орудии из металла; а переход будет столь постепенным, что мы без труда можем проследить процесс развития. Первым металлическим лезвием, возможно, был медный кинжал, сохранивший форму старого деревянного, рогового или каменного; возможно, он был похож на медный нож, найденный в 1851 году в Мемфисе Хекекьян-беом, и из него впоследствии получился меч. Дерево, камень, медь и бронза, железо и сталь долгое время использовались одновременно, медленно вытесняя одно другое, как мушкет занял место ружья с фитильным замком, а ружье – мушкета. По словам Плиния (VII, 57): «Аристотель предполагает, что скифы, лидийцы, были первыми, кто сумел расплавить медь; а Теофраст, современник Аристотеля, приписывает это искусство Деласу во Фригии. Одни отдают пальму первенства халибам, другие – циклопам». Ахиллес, ученик Хирона (там же, V. 20), на картинах представляется соскребающим «аегуго»¹⁰³, или патину, с копья в рану Телефуса; вскоре для лечебного действия диацетата будет применяться открытый позже синий камень (сульфат меди, медный купорос) или халькантит, все еще популярный на Востоке. Павсаний информирует нас, что испанская медь, или медь с Тертессуса, использовалась прежде всего. Древние соглашаются с тем, что Кадмус (не «иностранец», а «старик», «эль-кадим», или «восточный человек», «эль-кадми») ввел металлургию в Греции.

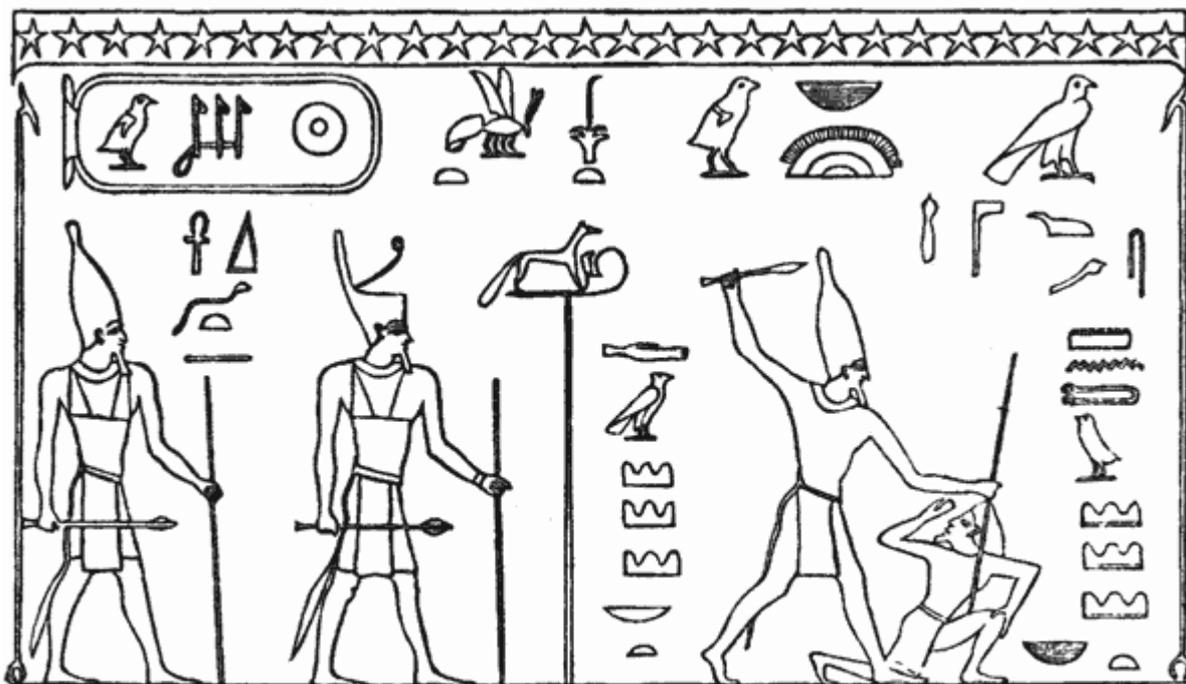

**Рис. 73. Сефурис в Вади-Магарах (старейшая плита с записью).
Третья династия**

У нас есть обширные свидетельства широких разработок и использования меди, именуемой «хومت», народами долины Нила. Руда встречается в Вади-Хаммамат, в

¹⁰³ Эту патину древние искусственно воспроизводили с помощью уксусной кислоты, которая превращала медь в зеленую соль.

Египетской пустыне, и на так называемом Синайском полуострове. Разработки впервые были открыты (примерно в 3700–3600 гг. до н. э.) восьмым царем Третьей династии, Сефурисом из Мането, Сеноферу («творящий добро») надписей, который захоронен в пирамиде Ми-тум (Мэйдум) ¹⁰⁴. Подобно тому как пирамиды являются самыми древними постройками, разработки Вади-Магарах (долина Пещер), возможно, самые старые в мире.

Рис. 74. Сорис и Кanaanит в Вади-Магарах (старейшая плита с записью). Четвертая династия

Плита с записью этого фараона, «Великого Бога, Подчинителя, Победителя народов», показывает его держащим пленника за волосы и бьющим схваченного булавой.

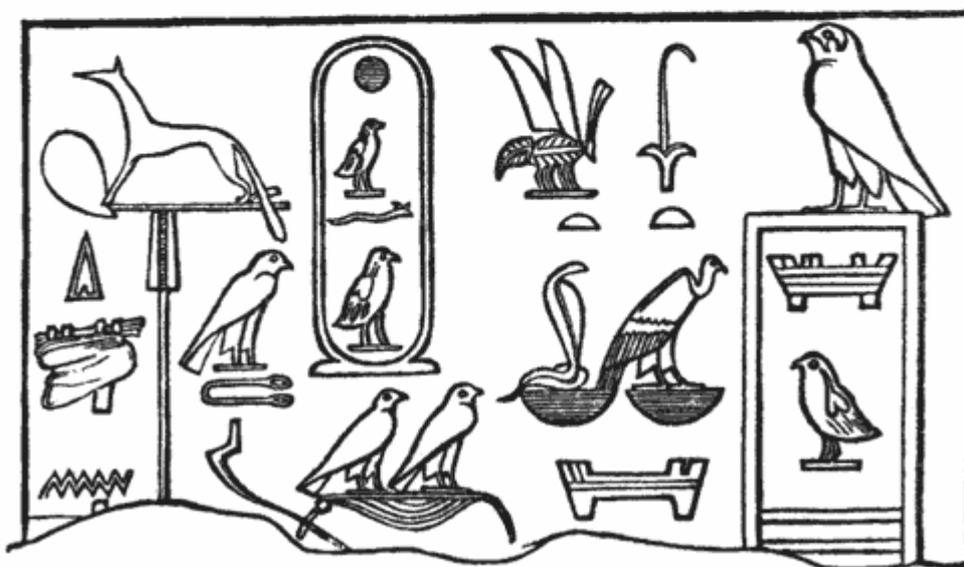
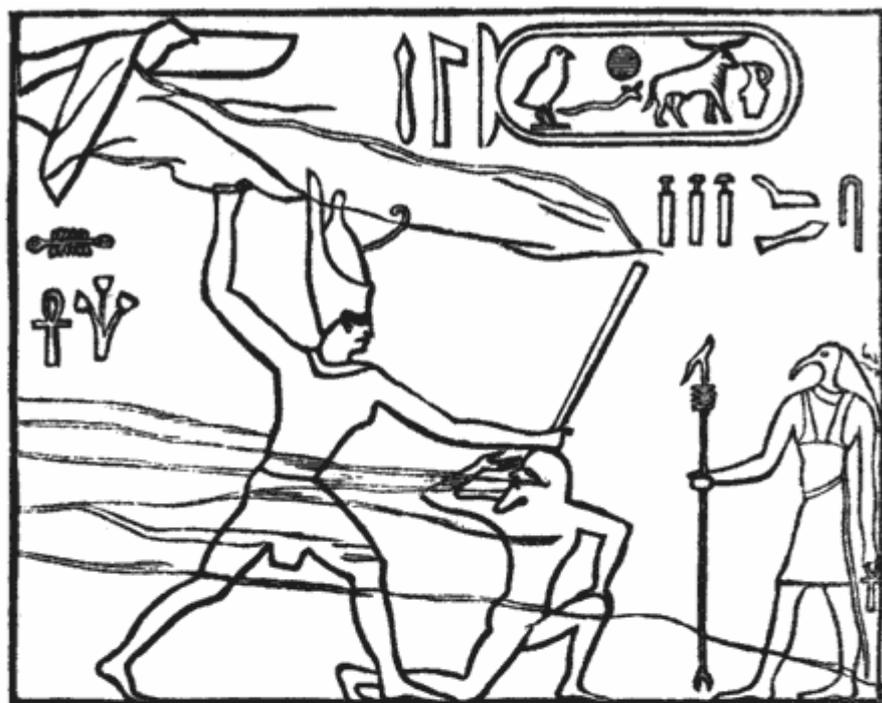
Над головой его вырезаны резец и киянка. Сорис, первый фараон Четвертой династии, «Повелитель Верхнего и Нижнего Египта, вечно живой», тоже повергает врага наземь, и над ним те же символы. Они вновь появляются в таблицах Суфиса, Шуфу или Куфу из Таблиц Абидоса и Саккара и Хеопса из Великой пирамиды, а вот у его брата Ну-Шуфу (Суфиса II) или Хафра (Кепрен) из пирамиды их не хватает.

Разработки не забрасывались до дней Аменемхета из Двенадцатой династии, когда рабочих перевели в Сарабит-эль-Хадим. Здесь толпы шахтеров, охраняемые солдатами, извлекали (как показывают отвалы шлака) «мафку», или «мефку» (этот иероглиф имеет несколько форм) (медь? малахит? ¹⁰⁵ бирюзу?), «черный металл» (медь), «зеленые камни» (малахит?), марганец и железо.

¹⁰⁴ В каменные блоки пирамиды Мэйдум внедрена керамика.

¹⁰⁵ «Малахит» – это греческое «molochitis», происходящее от названия травы алтей – «mohocle»; отсюда арабское «молохиех».

По польским поверьям, малахит и бирюза принадлежат месяцу декабрю.

Рис. 75. Таблица Суфиса и Ну-Суфиса в Вади-Магарах (Четвертая династия)

Супт и Атор, или Хатор (Венера), Изида чистого света, которая покровительствует стране Мафка, является «богиней меди» и упоминается в таблице. Другие иероглифы содержат имена и титулы правителей, а на фрагментах ваз написано имя Мене-Птаха, одного из предполагаемых фараонов Исхода.

«Руки» оставили свои следы в виде надписей-граффити или выцарапываний; и имеются обширные останки жилищ рабов, глубоких вырезов и выдолбленных в скале форм для отливки слитков.

Сарабит-эль-Хадим продолжал работать вплоть до Рамсеса IV (Двадцатая династия) – таково было последнее найденное там царское имя; приблизительно его можно датировать 1150 годом до н. э. Агатархид (100 г. до н. э.) свидетельствует, что в древнеегипетских золотых шахтах были найдены медные зубила; из этого он делает вывод, что железо было тогда неизвестно.

Из Кеми, «Страны черной земли», – она же Египет – искусство металлургии,

несомненно, распространилось на юг, в сердце Африки. Так, путешественники удивляются, когда видят восхитительные и искусные предметы кузнечного ремесла у народов, чье представление об архитектуре ограничивается круглой хижинкой из прутьев и глины. Единственная медь в Южной Африке, с которой я лично знаком, – это медь в Каданга, в стране Казембе, где долгое время торговали португальцы. Капитану Кэмерону показывали полный калабас самородков, найденных при прочистке родника. В Угуа он раздобыл «ганду» из Уруа – андреевский крест, с центральными ребрами к ручкам, с диагональю пятнадцать – шестнадцать дюймов, шириной два дюйма и полдюйма толщиной. Весил он два с половиной – три фунта. Местные больше ценят эту «красную медь», чем «белую медь» – так они называют золото. В пантеоне йрубанских абеокута «огун», местный Вулкан или кузнец Велунд, бог кузнецов и оружейников, символизируется гномьим копьем из меди или железа, и ему приносятся, или, по крайней мере, приносились, человеческие жертвы. Барт отмечает медь в Эль-Хофра (что переводится как «шахты») Вадаи, к югу от Дар-Фора, а также в странах Кано, Рунга и Бут. Украшения из медной проволоки носят женщины холмов Гурмы, но предполагается, что эта медь поставляется из Ашанти (?). Однако природные богатства Африки еще совершенно неисследованы, а Калифорнию Старого Света – Золотой Берег – мы еще только-только начинаем разрабатывать. Еще южнее Капитао-Мор Балтазар Ре-бельо де Арагао в 1621–1623 годах обнаружил очень важные медные разработки в Пемба, ныне Бемба, и других районах внутреннего Конго и Бенгуэлла. Еще южнее медную руду предоставляет страна Намаква: природный карбонат, выплавляемый на топливе из коровьих лепешек.

В Азии древние ассирийцы разрабатывали в шахтах как медь, так и свинец и железо, делая из них оружие, инструменты и украшения. Курды и халдены до сих пор извлекают из высот Тиари под Лизаном и в долине Бервари различные минералы – медь, свинец и железо; серебро, а возможно, и золото. Останки древних медеплавильных, небольших и грубой конструкции, встречаются в татарских степях и самых диких уголках Сибири. Дигару Мишмис из Ассама имеют стрелы с медными наконечниками.

Китайцы заявляют, что в старину люди использовали этот металл для вооружения, а в эпоху Цин (300 г. до н. э.) оружие начали делать из железа.

Сэр Джон Девис подтверждает тот факт, что китайские меч и сабля (и то и другое на самом деле слабенькое оружие) делались изначально из меди, но она давно была заменена железом. Доктор Физмайер рассказывает нам, что около 475 года до н. э. царь У послал министру У Цзе Цзуи стальное лезвие, чтобы тот обезглавил себя. По сведениям от Плиния, китайцы экспортировали в Европу железо вместе со своими тканями и кожей; они различали «цзе тунг» (пурпурную медь) и «тинг сунг» (зеленую медь), или бронзу. Предпочитают они «цзе лэ», или природную руду, добываемую в речных руслах Квейчоу и Юннань, – только в последнем добывается знаменитая «белая медь» пе тунг¹⁰⁶, имеющая белый блеск, подобно серебру. Медь они сделали основным материалом для чеканки монет, как и для оружия. Среди их многочисленных амулетов и талисманов есть «денежные мечи», представляющие собой множество древних медных монет с отверстием посередине, нанизанных на металлический стержень, в виде меча с крестовиной. Их развешивают по спальням, чтобы покровительство царей, в чьих владениях были выпущены деньги, отпугивало привидений и злых духов.

Японская медь – самого лучшего качества, используется в качестве стандарта для сравнения. Превосходство этого металла, в котором содержится и золото, позволило прирожденным мастерам-самоучкам делать отливки, ставшие предметом восхищения и отчаянной зависти европейских художников.

В Нагасаки и Кваши поставляют медь из Вески, Акита и Намбу; в других местах

---

¹⁰⁶ Так, наш «paskfong», или немецкое серебро, – это сплав меди (50 процентов), никеля и цинка (по 25 процентов) из Китая.

добывается металл менее высокого качества. Насыщенным красным цветом своей поверхности медь обязана тонкой, крепко держащейся пленке из диоксида; в Англии это сумели повторить. Знаменитая са- цумская медь, считающаяся лучшей в мире, добывается под контролем государственных чиновников и частным образом не продается. Руду прокаляют в печах для обжига по десять – двадцать дней, плавят в огромных угольных печах и отливают в воду, чтобы получить знаменитые японские слитки. Это граненые стержни; ширина грани их составляет полдюйма, длина – семь – девять дюймов.

Стержни упаковывали в ящики по пикулю весом каждый (в среднем в каждом получалось на сумму от 125 до 133,5 фунта стерлингов), чтобы такой ящик мог нести один человек. Цена этой меди сильно колебалась. Сперва торговля находилась полностью в руках голландцев, которые неплохо наживались на своей монополии. Сохранялся и древний путь японской меди на восточное побережье Индии, особенно в Коромандель. Открытие Японской империи для иностранцев привело к крупным переменам.

В Европе медь добывалась в больших количествах, и по всему континенту использовался чистый металл, кроме Скандинавии, экземпляры из которой крайне редки. В Дании железный век начался с приходом христианства, а до него были только бронза и камень. Нам ничего не известно об открытии меди в Ирландии. Легенда предполагает, что ее ввел Фири-болгс¹⁰⁷ (люди с сумкой, белги?), или Туатха из Данаана (Дании?).

Эти часто упоминаемые народы, о которых нам известно только их имя, имели связи с народами континента, даже с греками.

Об ирландских способах обработки руд мы можем только догадываться – дробили ли они породу, ломали ли камни, вырабатывали руду или выплавляли. Однако у нас имеется много образцов того, как они отливали. Местные называли металл кельтским словом «ума» или «умма»; или же «дерг умма», красная медь, в противопоставление «бан умма»¹⁰⁸ (белой меди), или олову; а затем это слово превратилось в «стан» – явно от «stannum» – «олово». Все еще сохраняются традиции тех медных шахт, что существовали в самом начале; среди чудес, относящихся к Нонниусу (Ирландское археологическое общество), мы находим Лох-Лейн, ныне Килларни, окруженное четырьмя кругами – из меди, олова, свинца и железа. Позже в окрестностях этого озера, в Северном Атриуме, где в Балликасл есть древняя шахта, и в песчаных частях Южной Ирландии, раскапывали «шахтерские молотки» – так местные называли дробилки.

Этот металл в небольших количествах встречается в Бонмахоне (Уотерфорд); медь и кобальт – в Мукроссе, а серая медная руда – в Корке, Керри, Типперари и Галуэе. В 1855 году по Лебединому морю было отправлено на кораблях около 1157 тонн.

Гренландцы и эскимосы вырезали и выковывали найденные медные самородки без расплавления и делали из них гвозди, наконечники для стрел и другое оружие и инструменты. Макензи (второе путешествие) свидетельствует о том, что чистая медь была широко распространена среди племен, живущих вдоль побережья Арктического моря; их наконечники стрел и копий выковываются «вхолодную», с помощью одного лишь молота. Колумб (четвертое путешествие), перед тем как достигнуть Гондураса, видел на острове Гуанага каное с Юкатана, нагруженное товарами, среди которых отмечает «медные топоры и другие искусные предметы, отлитые и спаянные; кованые и литые тигли».

---

¹⁰⁷ Фир, или фар («vir» – мужчина), и балг («bolgi», «belgae» – живот, сумка, бумажник или колчан). Они жили в Южной Британии и формировали третью колонию иммигрантов, предшествуя «милезианам», сынам Милида (или Миледа). У него было два сына, Эмер и Аирем, от которых происходит народ Ирландии. Эмер, как утверждает профессор Рис, может представлять ивернцев или прокельтское население, упоминаемое Птолемеем; а Аирем (это означает «фермер») – иранский народ, который внедрил агрикультуру в орды охотников. Четвертой колонией были туантха («народ», например, Туантха-Эйри-анн – «народ Эйрин»), названные по имени Данаира, путешественника, иностранца и явно датчанина.

¹⁰⁸ Бан – белый – это латинское «сanus». Также это и замещающее слово, обозначающее медь.

На Гаити (во время первой своей экспедиции) великий адмирал отмечал медные самородки массой по шесть арроб (четвертей).

Когда испанцы впервые попали в провинцию Тупан, они приняли блестящие медные топоры за низкопробные золотые и накупили за бусы около шестисот штук за два дня; Бернал Диас описывает эти предметы как прекрасно отполированные, с причудливыми резными ручками, служащие одинаково и как украшения, и как оружие.

В Северной Америке есть две большие медные области, снабжавшие весь континент ¹⁰⁹, – Верхнее озеро и Рио-Гранде. На первом можно наблюдать начало перехода от камня к металлу.

Руда встречается в лавовых и трапповых горах, высящихся над широким морем свежей воды, в виде твердых блоков: один такой кусок пятидесяти футов в длину, шести футов в глубину и шести футов в среднем в толщину оценивался как весящий восемьдесят тонн. В Медной гавани, Кавунам-Пойнт, из одной только жилы выработали сорок тысяч фунтов. Самая большая масса в Миннесотской шахте (февраль 1857 г.) заняла у мистера Петерика и сорока рабочих двенадцать месяцев: она была сорока пяти футов в длину, тридцати двух футов в ширину и восьмидесяти футов в толщину; состояла она из сорокадвухпроцентной руды и весила от четырехсот двадцати до пятисот тонн. Ковкая и эластичная, представляющая в среднем 3,1 процента природного серебра, она не требовала другого тигля, кроме природного; ее оставалось только отбить до нужной формы безо всякого искусного труда, необходимого для руд Корнуолла и Девона, которые внесли такой большой вклад в богатство Тира. Эти разработки приписывают народу, получившему удобное название «курганостроители»; датируются они II веком, когда и дамнориане из Корнуолла находились на той же стадии цивилизации. «Скальная шахта» предоставила образцы оружия и инструментов, наконечники стрел и копий, ножи и трехгранные, как у старых штыков, лезвия. Крепление формировалось путем расплющивания нижнего конца и частичного загибания (без наложения краев) так, чтобы получался ободок. Профессор Джеймс Д. Батлер («Доисторический Висконсин») скопировал двадцать четыре медных инструмента. «Индейцы» называли этот металл «мископеуалик» (красное железо), противопоставляя его черному железу. Как подтверждают броквильские остатки, этот народ знал, как укреплять медь.

Шахты низовьев Рио-Гранде снабжали Мексику материалом для оружия и инструментов. По сведениям капитана Р. Бонникасла, этот металл находили в Нью-Мехико и вулканических скалах Мехоакана (Вальядолид, Новая Испания). В Мексике, как и в Перу, использовали тигли и добавляли к меди бронзу. Металлам покровительствовал бог Кетцалькоатль, ацтекский Тубаль Кан-бен-Ламех.

Еще один крупный центр медного века – страна, «где люди добывают золото, как в Бискайском заливе – железо». Перуанская армия ¹¹⁰, где-то в 300 тысяч человек, набранных из общего населения в 20 миллионов, была вооружена луками и стрелами, дубинками, копьями, дротиками, боевыми топорами (каменными и медными) и мечами-веслами; народ Анахуака (Мехико) имел луки, копья, дубинки, топоры, ножи и мечи одноручные и двуручные, махкахью- итли, усаженные обсидиановыми зубьями.

Доинкское население, аймара, которые добывали золото и серебро, медь и олово, получали сплавы, практически игнорировали железо и сталь, которую называли «келла», как

---

¹⁰⁹ Профессор Браш из Йельского колледжа подсчитал, что в 1858 году было выработано 6000 тонн.

¹¹⁰ Она делилась, как и греческая и римская, на центурии (сотни, «пачакас»), хилярхии (тысячи, «хурангос») и инспекции («токрикрок»), обычно находившиеся под прямым правлением короля. Таковую организацию ввел Инка Инти-Капак (Великий) в 1500–1600 гг. до н. э. У них был большой флот, состоявший из кораблей, по размеру не меньше европейских того времени. Ни путешественники, ни историки не смогли объяснить, как эта могучая организация развалилась на части при одном «прикосновении нескольких» европейских авантюристов.

материал для своих «айри» – режущих инструментов. Слово «Анды» принято считать происходящим от слова «анта» из кечуа, означавшего «медь»¹¹¹: природная руда встречалась в местах выше земель для возделывания и изобиловала в медноносных песчаниках боливийского Корокоро. Страна Гуау-нанчуко, завоеванная девятым Инкой, предоставила прекрасное собрание каменных и медных топоров, зубил, иглол и щипцов. Блас Валера, один из первых авторов, которого все еще часто цитируют, свидетельствует о том, что «анта» использовалась вместо железа и что ее разрабатывали больше, чем другие руды, предпочитая ее золоту («хори») и серебру¹¹².

Именно из меди делались их ножи, инструменты для работы по дереву, женские булавки («тупи»), зеркала (медь полировали до блеска) и «все их скребки и молотки». Гарсилласо де ла Вега добавляет: «копья, дубинки, лопастные и клиновидные¹¹³ топоры, сделанные из серебра, меди и иногда из золота, «слез солнца», имели острые концы, некоторые укреплялись в огне; также плотницкие топоры, струги и резак, строительные крючья из меди и трубки для дутья в ярд длиной, применяемые к горшкам из земли или глины, которые носили с места на место. Самородок или подвешенный камушек играл роль молоточка, и медные статуэтки покрывались слоями драгоценного металла».

«Королевские комментарии об инках» повествуют нам о том, что медь служила вместо железа при изготовлении оружия; этот народ высоко ее ценил, поскольку она более полезна, чем золото и серебро; потребность в ней была выше, чем в любом другом металле, и именно ею платили налоги (т. I, с. 25, 43, 38). Мы находим упоминания о медных молотках, наконечниках мехов, стругах, топорах и строительных крючьях (I, с. 102). Съеза де Леон (гл. XIII) свидетельствует о том, что перуанцы клали в рот покойника кусок золота, серебра или меди. Он упоминает вазы из меди и камня (гл. CIV) и небольшие печи из глины, которые топили углем и раздували огонь с помощью тонкого камыша, а не мехов (там же). Во введении (с. III) отмечается, что перуанцы использовали медные скребки для разглаживания и полировки стен и «ужасное медное оружие в форме звезды». По сведениям Риверо и Чуди (гл. IX), перуанцы не умели обрабатывать медь так же хорошо, как золото или серебро, однако делали идолов, вазы, плиты в ярд длиной с инкрустированными змеями и наконечники для скипетров, украшенные кондороподобными птицами. Домашние вазы инков были сделаны из золота и серебра, меди и камня. Риверо, анализируя перуанское оружие и инструменты (топоры и зубила), находил там от пяти до десяти процентов диоксида кремния; он не смог определить, является ли эта примесь намеренно произведенной или случайно произошедшей. Чуди (1841 г.) обнаружил медное оружие в гробнице в трех лигах от Хуако и установил, что инки пользовались веслами-мечами и скимитарами. Медный топор, найденный в Хуако (древнее захоронение) в хорошо известной ныне Аника, был связан с пращей и другими примитивными инструментами.

Жители Новой Гранады, если верить истории Боллерта, «закаляли» свою медь путем «капания на нее соком растения и затем помещая ее в огонь, где она приобретала золотой цвет», – этот процесс напоминает нам лакировку бычьей желчью по Плинию. В Эквадоре ковали медные кусачки. Чича, они же «муиска», то есть «люди» Боготы, которые знали только золото и не знали меди, олова, свинца и железа, делали оружие и инструменты из

---

¹¹¹ «Милая долина Андахуалас» – название происходит от «анта» и «хуайяс» – пастбище, т. е. «луг медного цвета». По Съеза де Леону, «анта» – это медь, в то время как другие авторы считают, что это бронза.

¹¹² Индейцы забросили разработку природного серебра, когда руда стала слишком твердой и ее пришлось растапливать в небольших переносных печах. Знали они и химические комбинации – сульфат, сурьму и другие, добывали ртуть. У них были шахты по добыче «келла» (железа), но извлекать его им было сложно. Помимо выплавления, индейцы владели еще такана (молотком), отливкой в формы, инкрустацией и пайкой.

¹¹³ Эубанк, о котором чуть позже, оставил набросок хорошо отлитого топора. Он переводит «анта» как бронзу.

твердого дерева и камня. Томас Эубанк из Нью-Йорка классифицирует две пластины из меди и одну из бронзы, которая была при этом значительно легче двух первых, как «защитные нагрудные пластины». Среди множества «бронзовых» предметов из Перу он нашел четыре из чистой меди. В Чили было множество медных шахт, и их металл считается самым прочным: прут толщиной в три четверти дюйма можно было согнуть и разогнуть сорок восемь раз подряд, пока он наконец не ломался. Главными центрами добычи меди являются Копиапо (что значит «бирюза»), Хуаско, Кокимбо, Аконкагуа и Калео.

Хребет Куче в Гуатакондо, который видно из пустыни Атакама, давшей им атакамиту (гидрохлорокиси меди), говорят, поставлял из той же самой жилы золото, серебро, медь и кокимбит – или белый купорос, именуемый там «пампуа» ¹¹⁴.

Гиллис описывает в числе древностей, найденных возле Великой дороги инков, литой медный топор весом около трех с четвертью фунтов; однако он сомневается, что древние чилийцы работали с этим металлом. Дикие арауканы называли золото «медью». По данным Молина, племя пуэлче извлекало из шахт Пэйена медь, наполовину состоящую из золота; такой же природный сплав находили и в шахтах Кури ко.

Вернемся в Старый Свет. Мы видим, что медные инструменты с египетскими иероглифами отмечены красно-коричневым цветом ¹¹⁵; железо и сталь, как и в Ассирии, имеют не серый, а водянисто-голубой цвет ¹¹⁶.

Этими желтыми инструментами рабочие древности, видимо, резали каменные блоки и вырезали колоссальные статуи. Доктор Джон Форбес из Эдинбурга нашел большое зубило из чистой меди, на котором были следы использования, вместе с деревянным молотком в египетской могиле. Плоский кусок меди, очевидно лезвие ножа, был извлечен на поверхность при бурении на глубину тринадцати футов под поверхностью, на которой стояла статуя Рамсеса II (1400 г. до н. э.) ¹¹⁷.

Аббат Бартелемий подтвердил, к удовлетворению Россиньоля, что оружие греков сперва было медным; что железо появилось где-то приблизительно во время Троянской войны (около 1200 г. до н. э.) и что после этого «Атор-Венера» больше не использовался. Улисс (Илиада. I, 4) предлагает Ахиллу все золото и медь, что смог собрать, и Ахилл уносит все золото, красную медь, женщин и железо или сталь.

---

¹¹⁴ Этот белый купорос был обнаружен Скаччи в испарениях после извержения Везувия в 1855 году.

¹¹⁵ Для золота характерен желтый цвет, для серебра – белый. Доктор Эванс предполагает, что синяя круглая полоска, используемая забойщиками скота, – не стальная; но его аргументы звучат до странного убедительно.

¹¹⁶ Так, имеется голубой кольчужный боевой шлем, голубой боевой топор с деревянной рукояткой и копье с наконечником красно-коричневого и голубого цвета (медь и железо) из гробницы Рамсеса III. Боевая колесница царя Эфиопии времен Тутанхамона имела голубые колеса и желтый корпус (золото). Лепсий, однако же, добавляет: «Весьма примечательно, что во всех представлениях о древней империи голубые инструменты прослеживаются с трудом». Это доказывает лишь то, что железо и сталь встречались редко.

¹¹⁷ Мистер Е. Туки подверг его анализу и получил следующие результаты:

медь	97,12
мышьяк	2,29
железо	0,43
олово, со следами золота	0,24
в с е г о	100,08

Присутствие олова могло оказаться случайным. Содержание мышьяка (2,25 процента) могло быть введено с целью упрочить металл, хотя он все равно был таким мягким, что оказывался почти бесполезным.

Нума велел жрецам обрезать волосы медными, а не железными ножницами ¹¹⁸. Медные вазы и котелки в качестве обстановки гробниц были найдены доктором Шлиманом в Микенах; в музее Варвакейон в Афинах находится семь из этих погребальных урн. Их встречали также в этрусских Корнето, Палестрине; на австрийском Гальштатском ¹¹⁹ кладбище, которое датируется от тех времен, когда железо вошло в обиход, и, очевидно, принадлежит к более позднему периоду, чем микенские.

Индусы чеканили медные деньги, а в прилежащих к Гималаям провинциях, располагающихся по берегам Ганга, встречаются медные изделия древнее греческих. Есть медная монета, на реверсе которой изображена грубая фигура лошади, а на аверсе – человек и надпись древними буддийскими буквами (пали) – Хатрапаса Пагамашаса ¹²⁰. Евреи, у которых, как и у этрусков, были медные монеты, использовали этот металл для орудий защиты и нападения. Как и у филистимлян, финикийцев и карфагенян, чьи останки были найдены на Каннской равнине, металл сперва был чистым. «Стальной лук» следует понимать как «медный лук», либо окованный медью, либо (что вероятнее) закаленный таким образом, чтобы приобрести гибкость. Голиаф Гафский (1063 г. до н. э.), рост которого достигал девяти футов шести дюймов, имел щит, поножи, копье с железным наконечником и панцирь из медных чешуек; наконечник копья весил шестьсот, а доспехи – пять тысяч шекелей (320 зерен по троянской системе), или, соответственно, 33,33 и 277,77 фунта ¹²¹. У Давида же был медный шлем.

Иши-Беноб (1018 г. до н. э.), один из «сыновей великана», носил копье весом в триста шекелей (около шестнадцати с половиной фунтов) из меди. Баффон считает, что вооружение древних азиатов было медным.

Мистер Джон Лэтэм заявляет ¹²²: «Медь – это металл, предметов из которого, в чистом виде, без сплавов, в Англии найдено не было. Сначала – камень и кость, затем – бронза и сплав меди с оловом, но только не чистая медь. Я не могу понять этого пробела, не могу представить себе металлургическую промышленность, которая начинала бы сразу со сплавов». Но это – аргумент от отрицания. Использование чистого вещества быстро уступило место бронзе, и несколько экземпляров из чистой меди у нас все же есть. Сэр Дэвид Брюстер описывает большой боевой топор из чистой меди, обнаруженный в синей глине на глубине двадцати футов под болотом Рато. Филипс приводит анализ восьми так называемых «бронзовых» предметов, в числе которых – три меча: один из Темзы, два других – из Ирландии: наконечник копья состоял из нечистой, но несплавленной меди, 99,71 к 0,28

---

¹¹⁸ Так, в еврейской среде острые ножи для обрезания делались из кремня; евреи научились этому у египтян; и обычай этот сохранялся еще долгое время после того, как изобрели металлические лезвия.

¹¹⁹ Его открыл герр Рамзауер и тщательно описал в «Das Grabfeld von Hallstatt» барон фон Сакен. Я еще вернусь к нему в главе 13.

¹²⁰ В Индии рабочие из низшей касты извлекали из руды металл, плавя его в небольших доменных печах около трех футов в высоту, растапливая их древесным углем и коровьими лепешками. Они работали не только с легко распадающимися карбонатами, но и с сульфурированными рудами, медными колчеданами, со смесью железных колчеданов.

¹²¹ Шекель обычно приравнивают к 220 зернам (тройская система), что уменьшит вес до 22,91 и 190,97 фунтов соответственно; но Маймонид приравнивает его к 320 ячменным зернам; соответственно, он должен равняться такому же количеству зерен по троянской системе. Впрочем, любое из этих значений было бы тяжелой ношей даже для лошади; а копье было бы просто негодным для употребления, если только использовавший его был не десяти футов ростом.

¹²² Этнология Британских островов. Также мы читаем: «Медные мечи находили в Ирландии; железные – у бретонцев и галлов; бронзу использовали римляне, возможно – и египтяне; а сталь различной жесткости – единственное, из чего делается оружие в наши дни» (Лэтэм Дж. См. гл. VII).

серы. Доктор Дэниел Уотсон провел анализ семи «бронзовых» предметов из Британии в 1850 году и обнаружил один шотландский топор, грубо отлитый в песчаной форме, почти из чистой меди, природного сплава с золотом и серебром, содержание которых было менее одного процента. Более того, римляне определенно плавил медь в Англии, где находили комья чистого металла более-менее округлой формы, но всегда в связи с бронзовыми предметами.

Пеннант описывает предмет, обнаруженный в Кэрхуне (он же Кэрхен) (древнем Коновиуме), недалеко от Конуэя и Льяндудно, где еще добывают медь: он имел форму куска воска и насчитывал одиннадцать дюймов в длину и три и три с четвертью дюйма в ширину и высоту; весил сорок два фунта, а на верхней поверхности было глубоко выдавлено «Socio Romae» – «Партнеру в Риме». Через маркировку наискось было написано мелкими буквами «Natsoc». Этот слиток выплавляли явно на месте. Позже наша страна импортировала свою медь из Швеции и Венгрии: это видно из условий патента, выданного Джорджу Денби 21 января 1636 года. Каламин брали на корабли в качестве балласта. В этом веке начались наши величайшие разработки, кульминацией которых стали шахты на Лебедином море.

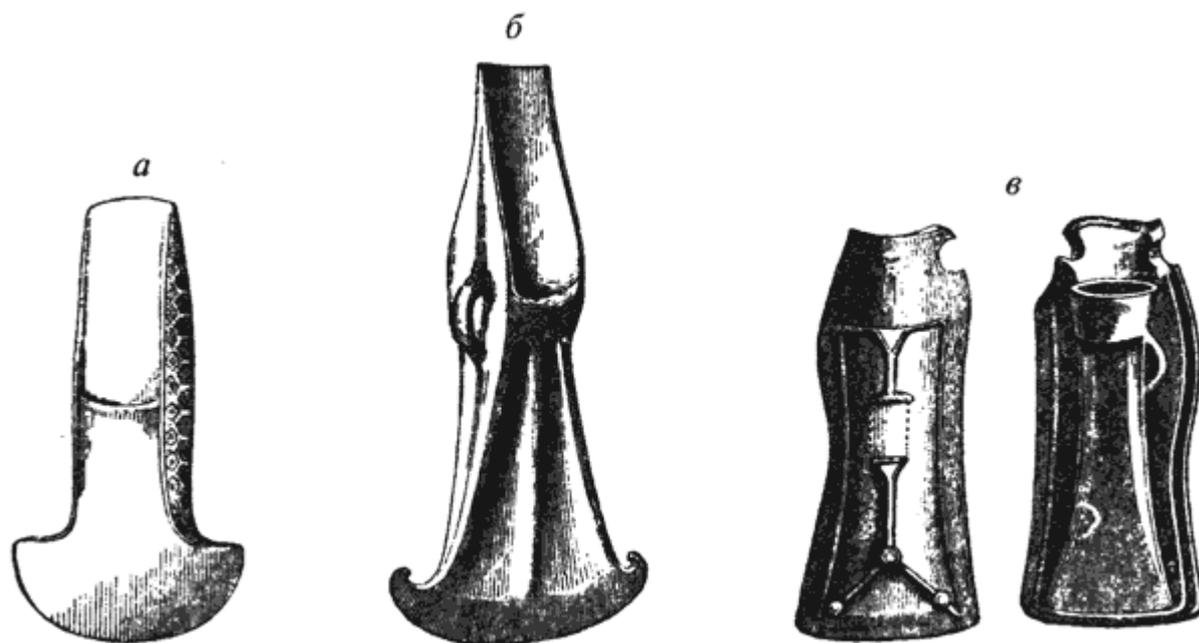
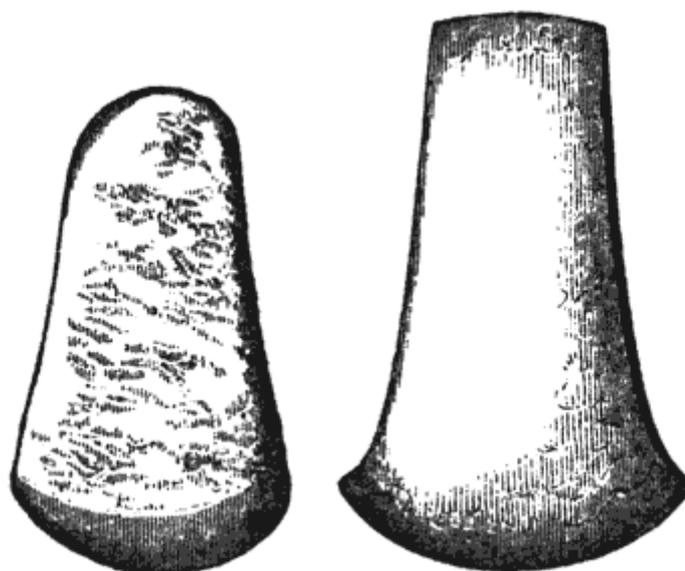

Рис. 76. а, б — кельты с крылышками, или пальстабы; в — бронзовая форма для отливки кельтов

Уайлд выражает распространенное мнение, когда утверждает, что «использование меди всегда предшествовало использованию бронзы». Он приводит две причины, по которым в Ирландии было найдено так мало древних инструментов из чистой меди: либо изобретение бронзы последовало очень быстро за открытием чистой руды, либо эти предметы, некогда широко распространенные, были переплавлены ради более ценного сплава. Последнюю причину делает правдоподобной раннее установление связей с Корнуоллом, одним из величайших рынков олова. «Оловянный камень» (природный пероксид олова) в небольших количествах производится в Ирландии, и доктор Чарльз Смит заявляет, что собирал его.

Уайлд отмечает также в Королевской Ирландской академии оружие, инструменты и украшения из красного металла, или чистой меди. Это тридцать кельтов величайшей простоты и самого раннего образца, инструменты грубой формы, несколько фибул, одна труба, два боевых топора и несколько лезвий мечей короткой, широкой и изогнутой формы.

Кельты из чистой меди, двух-трех разных форм, являются старейшими в дублинской коллекции, и, наверное, были непосредственно сменившими каменные орудия.

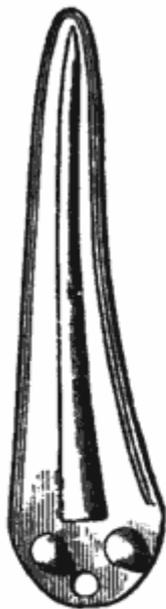
Рис. 77. Медные кельты из дублинского собрания

Как правило, одна сторона у них была более гладкая, чем другая, как будто их отливали в простой каменной форме; такие кельты толще и имеют более грубую поверхность, чем бронзовые. По большей части это грубые и не несущие украшений клинья из отлитого металла; некоторые из них имеют полукруглое лезвие в виде полумесяца. Очищенные экземпляры крайне различны по цвету. Когда их нашли, они были покрыты коричневой коростой, странной для окисленного металла, резко отличавшей их от патины бронзы, красивого налета зеленоватого оттенка, искусственного малахита, напоминающего по цвету природный карбонат меди.

Широкие косообразные мечи, числом сорок один, предположительно являются «специфически и особенно ирландскими». Прямые лезвия бросаются в глаза благодаря большим шипам, отверстиям и заклепкам, заканчивающимся либо массивными металлическими ручками, либо деревянными перекладинами, длинными или короткими. Некоторые из них имеют изогнутое лезвие. Столько же мечей сделаны из «красной бронзы» (чистой меди), потемневшей от окисления, возможно, что они очень старые, как кельты того периода. Хотя в некоторых случаях концы обломались, но кромки тем не менее не поломаны, не зазубрены, не стерты; отсюда можно сделать вывод, что это были мечи колющего действия. Хотя мистер Джон Эванс и заявляет, что он не знает такой вещи, как медный меч. В этом он частично вторит Левескье де ла Равальеру, который объявил, что ни греки ¹²³, ни римляне, ни галлы, ни франки не знали медного оружия; несостоятельность сего ученого мужа была доказана, и он был обвинен в подтасовке источников графа де Кайла при описании семи медных мечей, откопанных (в 1751 г.) в Гензале, Бурбонне. Аббат Бартеlemий отнес семь медных лезвий к франкам правления Хилдерика.

У нас есть обширные свидетельства того, что «медь» широко эксплуатируется современными путешественниками. Открытие в наше время Трои дает нам полный спектр изучения пятидесяти трех футов породы вглубь и описание слоев, на которых захоронены семь городов, вплоть до «первого этажа» и македонских руин. Два нижних слоя несут свидетельство того, что перед бронзовым шел медный век, поскольку они принесли урожай только в один позолоченный предмет, медный нож и продвинутые технологии образцов керамики ручной работы.

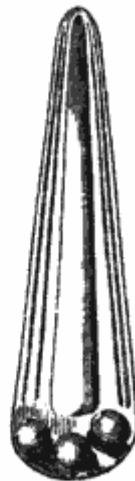
¹²³ Хотя Эсхил использует для оружия и «chalcos», и «sideros».

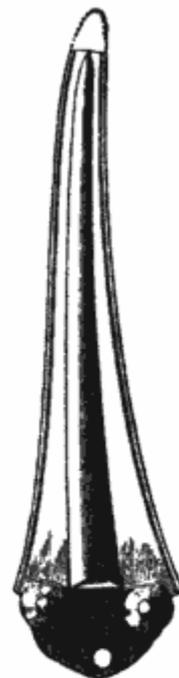
Рис. 78.
Лезвие в
форме косы

Рис. 79.
Прямое
лезвие

Рис. 80.
Прямое
лезвие

Рис. 81.
Лезвие в
форме косы

Город на втором снизу слое был обнесен стеной, а третий, самый важный, был Сожженным Городом, городом золотых сокровищ, идентифицированным с Троей. Исследователь утверждает, что уменьшил Трою Гомера до ее истинных размеров. Его находки характеризуются редкостью встречаемости железа, найденного только в виде окисленных «снарядов для пращи». Олово также отсутствует. Правда, что оба этих металла быстрее всего окисляются; однако если бы такие предметы были многочисленны, от них бы остались следы, хотя бы в виде ржавчины и пятен. Из «Трои» мы знаем, что «все обнаруженные медные предметы были сделаны из чистой меди, без примесей какого-либо другого металла»; также автор отмечает, что «инструменты из чистой меди использовались одновременно с огромным количеством каменного оружия и инструментов».

Он не признает, что дошел до бронзового периода, обнаружив в «тroyанском слое», на глубине 33–46 и 52 футов гвозди, ножи, копья и «элегантно сделанные боевые топоры из чистой меди»¹²⁴.

А найденный там медный браслет с шариками на концах дуги и сейчас является денежным средством на западном побережье Африки. Этот пережиток еще будет отмечен в главе 9.

Глава 5 ВТОРОЙ МЕДНЫЙ ВЕК – СПЛАВЫ. МЕЧ И ТОПОР

Использование меди, как я уже заявлял, естественно, является переходным. Открытие того, что можно плавить один металл, тут же повлечет за собой открытие того, что можно плавить и другие и что их можно смешивать. Более того, когда процесс отливки стал общеизвестен, оказалось, что не смешанную ни с чем медь плавить тяжело, а будучи расплавленной, она густая и тягучая, и, если в нее ничего не добавлять, она вряд ли хорошо

---

¹²⁴ Считается, что некоторые мелкие предметы были сделаны на гончарном круге, но это требует еще подтверждения (18 декабря 1880 г.).

зальется во все извивы формы. В этой главе я хотел бы остановиться на втором медном веке – веке самых ранних комбинаций металла, их разработчиков, на их применении в оружии.

Россиноль, вслед за мистиками и символистами, такими, как барон де Сент-Круа, Крузье, Фрере и Лобек, приписывает металлургии божественное происхождение, присоединяя ее в этом смысле к таким актам, как Творение, появление членораздельной речи и открытие зерна и вина. Так он понимает θεολογούμενα (предмет теологической природы), упоминаемый Страбоном. Это старая гипотеза о сверхъестественном воздействии на чисто природные явления, вроде миражей, которая устарела уже во времена Горация. Он называл куретов и корибантов, кабиров Лемноса и Имброса, дактилей с Крита и тельхинов с Родоса металлургическими δαίμονες, или духами, воплощенными в человеческом обличье и типизирующими успешные стадии технологии. В наше время мы вряд ли можем признать божественное вмешательство в тех случаях, когда человеческой природы достаточно, чтобы ослабить узел, не считаем мы и что наш род пошел от богов. Люди всегда боготворили одно: себя, и только себя, во плоти ли, в духе ли – то есть без плоти, как объективное Ничто, – пока не появился, как трансцендентальный Человек, высшая точка, идеал Себя.

Как мало известно нам о вышеупомянутых таинственных племенах, становится понятно, если взглянуть на классиков. Предполагается, что все шесть – азиатские, поклонялись Рее (Земле), великой матери богов и повелительнице работников по металлу. Страбон объясняет происхождение слова «куреты» от греческих слов κόροι (мальчики), κόροι (девочки), κουρά (тонзура) и κουροτροφεῖν (восхождение Юпитера). Также и их собратья, корибанты, получили свое имя по своей танцующей походке и дикому мотанию головой κορύπτοντας. Они населяли Самофракию (Samothracia alta); этот почтенный и священный остров, в седой древности место встреч «вольных каменщиков», или, скорее, вольных кузнецов, формирует треугольник вместе с металлическим Фасосом и вулканическим Лемносом.

Три или четыре кабири ¹²⁵ носят семитское имя; кабир – великий или старый. Кажется, сначала они представляли Пта-Сокар-Озириса ¹²⁶, и Геродот (III, 37) упоминает их монастырь в Мемфисе. Они стали первыми мореходами Финикии, или первыми кораблестроителями; некоторые идентифицируют их с сесенну, или египетской восьмеркой, другие – с семью планетами, или звездами, Тифона – нашей Большой Медведицы ¹²⁷; а третьи – с семью Кхмену (гномами) или пигмеями, которые ждут своего отца Пта-Вулкана. Они жили на Лемносе, где Гефест, когда его, как Адама, изгнали с нижних небес, нашел убежище среди пеласгов; так последние сохранили свое божество. Дамасций («Жизнь Изидора») заявляет: «Асклепий из Берита – не грек и не египтянин, а имеет финикийское происхождение; поскольку (семь) сыновей было рождено у Садыка, именовались они Диоскуры и Кабири, а восьмым был Эсман (т. е. Октавиус, «Восьмой»), что перевели как Асклепий.

Идеанские дактили («пальцы») входившие в Иды ¹²⁸, состояли из пяти братьев,

---

¹²⁵ Аксиерос (земля-богиня), Аксиокерса (Прозерпина греков), Ак-сиокерсос (Аид) и Касминос (Гермес или Меркурий). Эннемозер, возможно, и прав, считая кабиров пигмеями (т. е. гномами), но не тогда, когда указывает, что Дактилой были «размером с палец».

¹²⁶ Хромой и увечный «механик вселенной», ставший в Греции Гефестом (Вулканом), и Вишвакармой в Индии. Сокар оставил свое имя в современном «Саккара».

¹²⁷ Ассирийская клинопись отсылает к тому, как «(Большая) Медведица совершает свое кружение» (т. е. вокруг Северного полюса).

¹²⁸ Преподобный Бэзил Купер считает, что изначально Ида была фригийской и постепенно перешла на Крит, где идеане были жрецами Кибелы. Он расположен связывать ее с греческим Σίδηρο, немецким «Eisen», английским «iron» и «Ida feldt» и «Asi» из скандинавских мифов.

представлявших «dextra», или «счастливую руку» (науки, искусства), и пяти сестер, составлявших «sinistra», или руку «несчастную» (колдовство, злые знамения). Имена этих «рук» (работников по железу) были таковы: Келмис (огонь или жар – плавильщик), Дамнаменеус (молот, или правящий силой, Тор), Геркулес (сила, животная или духовная) и Акмон (наковальня или пассивный принцип). Так, циклоп Пиракмон – один из семи братьев-архитекторов, которые, по сведениям Страбона, прибыли с Ликии и построили «стену циклопов» в Арголиде. Эти циклопы ¹²⁹ (одноглазые великаны) были кузнецами, и под их волшебными руками

Fluit aes rivis aurique metallum;
Vulnificusque chalybs vasta fornice liquescit ¹³⁰.

Более поздние авторы считали циклопов, которые «...с шипением погружали медь в озеро», сицилийцами.

Тельчины («чародеи», от θέλγειν, «очаровывать») упоминаются как металлурги Стесихором Сицилийцем (р. 632 до н. э.); они были сыновьями Таласса, то есть вышли из моря, заселив Тельчинис и делая оружие и статуи богов, как дедалиды или семьи художников из поздних Афин. Синти («грабители», от τό οίνεσθαι – «грабить»), которые, если верить Хелленикусу Лесбийскому (р. 496 до н. э.), были не только кузнецами (χαλκῦες), но и пиратами и были в конце концов убиты собственными женами, представленными древними лемнийцами. Так, Гомер (Одиссея. VIII, 290) говорит о «варварском народе Синти», который принял Вулкана после того, как того выгнали из Рая. Современные цыганологи определили бы их как доисторических цыган, среди которых до сих пор есть племя, называющее себя «синди»; но по этой теории получилось бы, что искусства исходят из Индии на запад, а на самом деле течения направлены прямо в противоположную сторону. В конце концов, Геродот (I, 28), посвященный в тайны, называет халибов ¹³¹, или «кузнецов», соседями (и родственниками?) фригийцев.

Нетрудно увидеть общую суть этих легенд. Все эти племена, возможно, вышли (как пелопы, танталы и ниобе), из одного места: из Фригии, плодородного плоскогорья в Малой Азии, и ее вулканического тракта Катакекаумене. Насколько нам известно, это был первый западный центр развития «арийских», или несемитских элементов древнеегипетского языка. Здесь же сформировалась отправная точка европейской (неверно именуемой еще индоевропейской) ветви семьи, которой принадлежала страна Ария (Арианем-Ваеджо), чьим этническим центром был варварский регион возле Рая, Эри или Герата ¹³². Так, Геродот

---

¹²⁹ Бочарт выводит это имя от еврейского «луб» или «лелуб», вождей Либу или Рибу, как древние египтяне называли ливийцев.

130

Текли потоки расплавленной меди и золота;
Смертоносный металл стекал в формы (лат.).

¹³¹ У нас есть удовлетворительные подробности о халибах, которые граничат с Арменией, в «Анабазисе». Они стояли в двух днях от Ко-теры, колонии, заложенной синопами, подчинялись Моссиноси и кормились за счет работы по железу. Их немного, но они очень воинственны и рвутся в бой. Их вооружение состоит из шлемов, поножей и кирас из перекрученных полотняных шнуров до самого паха. Они вооружены копьями около пятнадцати локтей в длину, с одним острием, а за поясом находится короткий, размером со спартанский, кривой кинжал, которым они перерезают глотку всем, до кого могут дотянуться, а затем отрезают голову и уносят с собой. Страбон описывает халибов такими же, как и их родственники халдеи.

¹³² Арийцы Геродота, возле реки Ариус (Геруруд), являются необособленным племенем, а просто сатрапией. Ария Страбона (XI, 9) – это полоса пространства размером 250 на 40 миль. У Плиния (VI, 23) в Ариану входят только земли Гедроси (Мекран), Арачоти (Кандагар), собственно Арии (Герат) и Парамипосаде (Кабул). Верно

утверждает, что по сравнению с египтянами фригийцы могли превзойти их в древности. Эмигранты переходили на острова Самофракию, Лемнос, Тера ¹³³, Киклады и Крит, в Грецию, Фессалию и Эпир, Аттику, Аргос и дальше на юг, где «Пелопс Фригиец», сын царя Тантала, колонизировал Мореа и основал нацию пелопидов. Там они нашли приют в Италии, Этрурии и Япигии (она же Мессапия), Пеуцетии и Даунии и в конце концов осели в Иберии, Испании и Португалии, где бриги (фригийцы) оставили свое имя в современном названии «Браганза».

Эти протофригийцы и фригоевропейцы, несколько племен которых вернулось в Азию, были доисторическими кузнецами. На заре истории слово «кузнец» было священным, и уж никак не меньше него значило слово «оружейник». Те, кто видел, с каким благоговением и почтением варвары и дикари смотрят на европейского механика, стоящего за прессом, имеют живой пример того эмоционального ощущения, которое вело к становлению человека сверхчеловеком.

Первым шагом на пути упрочнения металлов было, по Гезихиусу, смешивание меди и олова. Сплав в основном был известен как «chalcos» (основной металл), а конкретно – χαλκός μέλαινος – черный «chalcos». Римляне упорно именовали ее просто «aes», например – «aes inauratum» (позолоченная бронза). Наше слово «бронза» происходит от «brunus» (темный, мрачный, коричневый) – «brunum aes». Отсюда в вульгарной латыни «βγίπεα», «βγυνία», или «βρονία», – латы или кираса, а в народном греческом – πόρτας μπρούτζινες, «бронзовые ворота». Выводится это слово и от баскского и иберийского «bronsea».

Олово, один из наименее прочных металлов, но в то же время и один из самых легкоплавких и легче всех поддающихся металлургической обработке, греками именовался κασσίτερος, а латинянами – «cassiteron» ¹³⁴. Еврейское название этого металла – «бадил», то есть замена, разделение, сплав. Хут (белый металл) в египетском включает в себя серебро и олово. В коптском это «грам», «тран» или «басенш». Калаи («Калаем» Линсхотена) – это популярное в Индии обозначение олова. Само слово имеет скорее арабское, чем турецкое происхождение. «Тенекех» (оловянная пластина) в арабском языке явно сродни ассирийскому «Анакер» и замечательно напоминает скандинавское «din», германское «Zinn» и английское «tin». Поскольку у Чосера и других старых писателей встречается «teyne», то можно предположить, что английское слово «tin» происходит от того, что его легко «thin», то есть выплавлять. Латиняне позже заменили «plumbum album», или «белый свинец» Плиния (IV, 30), на «stannum»: в этом виде слово дожило до наших дней с помощью неолатыни. Происхождение «касситерона», «касира», «кастира» еще обсуждается, и филологи замечают, что «касси» – это британский (кельтский) префикс, как, например, в слове «касси-беланус». Олово находили на Кавказе, в Индии, в Южной Персии (стране Дранге), в Тоскане, в Иберии (Испания и Португалия) ¹³⁵, в Швеции, Саксонии, Богемии, Венгрии,

---

говорят, что даже если арийцы и туранцы изначально сосредотачивались и возникали в этих краях (на равнинах Азии), так называемая история полностью основывается на филологических открытиях санскритской школы.

¹³³ Терасия и Терассия, ныне Санторин. Здесь были найдены развалины древних городов, похороненных огромным вулканом. По сведениям большинства геологов, извержение последнего произошло в 1800–1700 гг. до н. э.

¹³⁴ Бекмэн сообщает нам, что этот металл «никогда не встречается в природном состоянии», забывая про оловянные россыпи. Также он отрицает и то, что cassiteron и stannum древних – это олово, и относит их на счет германского «Werk», сплава серебра и свинца. Его «vasa stannea» – это сосуды, покрытые изнутри оловом. В IV веке «plumbum candidum» или «album» были вытеснены «stannum». Говоря о сплаве золота и серебра, Бекмэн утверждает, что «древние были незнакомы с технологией разделения золота и серебра». «Britain», остров Иниса Придайна, где поклонялись богу Придайну, или, скорее, «остров британцев», странным образом выводится энергичными семитологами из «Баррат-эт-Танук» – «страна олова».

¹³⁵ Иезекииль рассказывает нам, что жители Тира получали олово, как и остальные металлы, от Таршиш, или Западного Тартесса, в Гибралтарской бухте.

Англии. Россыпи еще находятся возле современной Темемсары (Паннония), и гранитные холмы Галиции и Заморы еще не истощены. Сейчас олово добывают в России, Гренландии, Бразилии и Соединенных Штатах. Уилкинсон относит древнеегипетские сплавы к Испании, Индии, Малакке и даже к Банке между Суматрой и Борнео; оловянные шахты Банка, долгое время разрабатываемые китайцами, впервые были посещены португальцами в 1506 году. Но составляющие из олова и свинца были распространены в Египте во время Шестой династии (3000 г. до н. э.). Олово упоминается еще в 1452 году до н. э. в Книге Чисел (XXXII, 22), с золотом и серебром, «латунью» (медь, особенно пириты), железом и свинцом. В 760 г. до н. э. в книгах пророчеств от Исаяи (I, 25) и Иезекииля (XXII, 18, 20) олово называлось сплавом серебра.

Египтяне в первую очередь получали свои металлы из Верхнего Египта; их первые «кхефт» – шахты по добыче золота и меди – лежали в Фиваиде. Кроме того, они обращались к стране Мидии (лежавшей к востоку и на юг к длинному узкому заливу Эль-Акаба: этот великий хребет Гатс, или Прибрежных гор, был в те дни выдающимся центром добычи, и его промышленные перспективы до сих пор велики) и финикийцам, которые явно научили металлургии греков, сами переняв ее в Египте, они импортировали олово из Южной Франции, Испании и Англии ¹³⁶.

Спорным вопросом остается, открыли ли финикийцы оловянные камни и оловянную россыпь Касситерид ¹³⁷ или же руду разрабатывали «валлийцы рога» – варвары из Корнуолла и Девоншира, которые в те дни жили небольшими группами у берега. Геродот действительно ничего не знал (III, 115) об «островах, именуемых Касситериды (оловянные острова), откуда приходит олово». Эти острова Силуры, или Сцилли, были, очевидно, лишь перевалочными центрами, а не местами добычи. Финикийцы хорошо хранили свои секреты и готовы были скорее потерять свои корабли, чем выдать их (так заявляет Страбон (III, 5, 11), чьи Касситериды оказываются Азорами ¹³⁸). Когда именно началась торговля, еще обсуждается; некоторые приводят дату 1500 год до н. э., другие сокращают этот срок до 400 г. до н. э. Диодор Сицилийский (V, 21–2) повествует нам, что олово добывалось и отливалось в слитки около «*Belerium promontory*» («края земли»), каковое место было определено на карте как Иктис (Вектис, не остров Могущества, а гора Сан-Мишель и остров Любви) ¹³⁹, и в конце концов на лошадях перевозилось через Галлию к Роне. В музее Труро находится слиток олова, плоский сверху и рельефный снизу (из-за следов формы отливки), два фута одиннадцать дюймов в высоту и одиннадцать дюймов шириной, с клеймом, как предполагается, финикийский. «Оловянная улица» в Бодмине, как предполагается, сохранила классическое имя. Второй четверг после Рождества в Корнуолле называют «Пикров день» – по имени человека, который открыл промывку олова. Страбон дает плохую характеристику двенадцати Касситеридам и их народу – корнцам, говоря, что последние

---

¹³⁶ В 1866 г. де Ружмон заставил Финикию снабжать бронзой Европу, медь для этого привозили с Кипра. За Средиземным морем мы находим уральскую и дунайскую ветви промышленности. До 1877 г. Франция предоставила 650 бронзовых мечей и кинжалов, Швеция – 480, а Швейцария – 86.

¹³⁷ Они же Эстримниды. Борлейс считал, что эта группа образовывала один блок с несколькими мысами, из которых самым высоким, выдающимся и наиболее заметным считается мыс Сцилли. Он предполагает, что изначально мыс назывался Силла, Сулла или Суллекс – плоская скала, посвященная Солнцу; такое же происхождение имеют и латинское *Silirae*, *Silures* и *Sidgeles*, английское *Sylley*, *Scilley* и позже *Scilly*, французское *Sorlingues* и испанское *Sorlingas*. По-кельтски главный мыс назывался «Инис Каер».

¹³⁸ Плиний представляет Касситериды как «глядящие на Кельтиберию». Он считает сказкой информацию о том, что греки получали «белый свинец» с островов Адриатического моря.

¹³⁹ Точно не идентифицирован; некоторые предполагают, что это остров Танет.

«напоминают фурий, которых мы видим в трагических представлениях». Эти «приятные личности» нашли жилы олова, почти уже готового к использованию, на поверхности рядом с пиритами меди; последние были тверже олова, но все же сравнительно мягки и ковки. Обе руды легкоплавки, в то время как расплавить железо достаточно трудно. А эти же два (медь и олово), если их соединить, становятся не только более плавкими, но и дальше пребывают в жидком состоянии, что облегчает процесс отливки. Так, Уорзее считает, что Англия была в древности центром производства бронзы, откуда этот сплав распространялся по всей Европе. Принято считать, что в Англии бронзовый век установился между 1200-м и 1400 годами до н. э. и длился восемь – десять столетий, а вторжение Цезаря произошло в начале железного века.

Впервые производство бронзы такого масштаба, чтобы мы приняли это в расчет, началось в Египте. Точно установить среднее соотношение составляющих сплава сложно 140, содержание олова колеблется от 10 до 20 процентов, а меди, соответственно, от 80 до 90.

Кинжал, анализ которого провел Воклен, содержал 85 процентов меди, 14 процентов олова и один процент железа. Бронзовое долото Уилкинсона, девяти с четвертью дюймов в длину и весом в один фунт двенадцать унций, найденное в каменоломне в Фивах, содержало на сто частей 94,0 части меди, 5,9 части олова и 0,1 части железа; соответственно его край загнулся от твердого камня. Уилкинсон постоянно упоминает бронзовые зубила и, кажется, подозревает, что их наконечники были из стали. Конечно же его ставил в тупик вопрос о том, каким образом «бронзовые или латунные лезвия приобретали определенную степень эластичности» 141.

Результаты египетской металлургии восхитительны, как в материале, так и в итоге. Когда появилась бронза, мы не знаем; цилиндр для отливки, несущий на себе имя Пепи, датируется примерно 3000 годом до н. э., периодом Шестой династии Среднего Египта, что включает в себя Нитакер (Нитокрис). Ножи фигурируют в еще более древних памятниках. Бронзовый кинжал в Берлинском музее, найденный Пассалакуа в гробнице в Фивах, удерживается пружиной, возможно стальной. Мой друг мистер У. П. Хейнс из Александрийского портового завода показывал мне образец, привезенный из Фив мистером Гаррисом, сделанный из бронзы и, несмотря на это, несколько пластичный. Полная его длина – один фут, половина ее – лезвие; слегка листообразной формы, оно имеет ширину один дюйм в самом узком месте. Хвостовик, тянущийся до конца ручки (четыре дюйма), имеет минимальную ширину пять двенадцатых дюйма. Рукоять, состоящая из двух пластин, из гиппопотамовой шкуры, возможно, прокипячена и, подобно дереву, имеет на себе двадцать шесть колец для удобства захвата; на шестом и двадцать третьем кольце находятся бронзовые заклепки. Головка на конце рукоятки отсутствует, та просто закруглена.

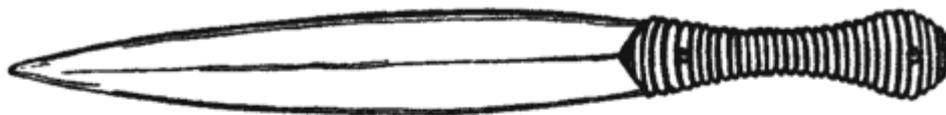
Принято считать, что мумии Одиннадцатой династии хоронили с бронзовыми мечами; есть здесь и бронзовый кинжал Тутмоса III (Восемнадцатая династия), примерно 1600 года до н. э. Во времена Мене-Пта II из Девятнадцатой династии (1300–1266 гг. до н. э.) в списке добычи после битвы в Прозописе мы читаем о бронзовых мечах и кинжалах. У этрусков, еще до основания Рима, были бронзовые статуи; говорят, что Ромул поставил бронзовый памятник себе, коронуемому Победой, в бронзовой квадриге; позже его увезли в Комерциум. По сведениям Павсания (III, 12, 8), Теодорус из Самоса изобрел отливку в бронзе (800–

---

140 По сведениям месье Вибеля, Феллемберга и Дамура, которые вычислили с точностью до одного процента, среднее соотношение олова в меди составляло 1 к 9 и 1 к 4 в случае особо твердых предметов, как то: зубила и т. д. (Шонтрэ М.Е. Бронзовый век. В трех томах. Париж; Бодри).

141 Генерал Учатиус, который «верил в князей» и чья трагическая смерть горько оплакивалась друзьями, всегда заявлял, что он открыл заново (а не открыл вообще) технологию укрепления меди и бронзы и что надеялся раскрыть и другие тайны. Его карьера прервалась вскоре после того, как он открыл способ сделать и металл и сплав эластичными.

700 гг. до н. э.); этот автор не доверяет аркадийской легенде о том, что Нептун посвятил бронзовую статую Посейдону (Сидонскому?) Гиппиосу (Уилкинсон. II. Гл. VIII). Но самиане отлили бронзовую вазу в 630 году до н. э.

Рис. 82. Прекрасный образец египетского кинжала из коллекции мистера Гайна, привезенный мистером Гаррисом из Фив. Сделан он из бронзы, но все равно несколько пластичен. Имеет ребро жесткости, но не резко выраженное. Хвостовик, продолжающийся вплоть до головки эфеса, имеет 4 дюйма в длину. Рукоять, состоящая из двух пластин из бегемотовой кожи, имеет 26 круговых насечек для более крепкого захвата, на 6-й и 23-й насечках — бронзовые заклепки. Головка рукояти отсутствует, ручка закруглена между двумя слоями бегемотовой кожи, и хвостовик просто проходит насквозь

Важность повторного открытия Учатиуса, что бронзу, как и медь, делали тверже с помощью гидравлического пресса, а не фосфора ¹⁴², становится очевидной с помощью рассуждений Уилкинсона. «Нам неизвестны средства закатки меди, в любой форме, в составе любых сплавов, чтобы она стала достаточно твердой для таких целей» (как вырезание иероглифов). Он предполагает, что древнеегипетские письменные знаки, иногда вырезанные глубиной более двух дюймов, рельефы по девять дюймов в высоту или гранитные саркофаги вырезались с помощью подобия точильного колеса или наждачного порошка. Также египтяне владели секретом золочения бронзы, что доказывают многие находки; более того, с помощью кислот они получали патину темных и светлых оттенков зеленого.

Ассирийцы в области металлургии стали достойными соперниками своих учителей — египтян: их технологии распространились еще дальше на восток, в Персию, наследницу цивилизаций Ассирии и Вавилона. Диодор Сицилийский, вслед за Стезием, часто цитируемым современником Ксенофонта, описывает многочисленные бронзовые изваяния, украшавшие сады Семирамиды. В Ассирии пропорции сплавов сильно менялись. Лэйрд ¹⁴³ приводит такой анализ ассирийской бронзы:

---

¹⁴² Фосфорная бронза, которую сейчас производят в Лондоне и вообще везде, имеет обычный состав с добавлением красного или аморфного фосфора, рассыпаемого в расплавленный металл в тигле. Бертье (Traité des Essais. II, 410) утверждает, что добавка совсем небольшого количества фосфора делает медь чрезвычайно твердой и подходящей для изготовления режущих инструментов. Перси («Металлургия») обнаружил, что медь может воспринять 11 процентов фосфора; металл, принимая серый оттенок, является полностью однородным и столь твердым, что керамика не оставляет на нем следов. Добавление фосфора обеспечивает сокращение оксидов и позволяет создавать чрезвычайно звонкую и прочную отливку, но если его более 0,5 процента, то металл становится очень ломким. Доктор Перси описывал фосфорное серебро, фосфорный свинец и фосфорное железо. Некоторые ученые считают, что фосфор способен со временем улетучиваться. Сейчас в моду входит новый вид бронзы — бронза сурьмяная, в пропорции один-два процента; говорят, что она очень гибка и пластична и имеет высокую сопротивляемость скручиванию. Еще одним новым видом бронзы является алюминий, цену на который мистер Уэбстер из Голливуда, что под Бирмингемом, снизил с 1000 до 100 фунтов за тонну.

¹⁴³ Приложение к «Ниневия и Вавилон» Лэйрда (Лондон: Мюррей). Пропорции там близки к используемым сейчас. Мы используем в бронзе соотношение 11:100 в больших предметах и 10:100 в маленьких. Однако в цимбалах и музыкальных инструментах олова 22 процента, а меди 78.

	Предмет 1	Предмет 2	Предмет 3	Предмет 4
Медь	89,51	89,85	88,37	84,79
Олово	0,63	9,78	11,33	14,10
	<u>90,14</u>	<u>99,63</u>	<u>99,70</u>	<u>98,89</u>

Предмет 1 – это бронзовое блюдо из Нимруда; 4 – это колокол и передняя нога быка, отлитого из 11,33 части олова и 99,70 части меди. Месопотамцы умели отливать бронзу очень тонко, что, впрочем, несложно; они делали из нее оружие, храмовые принадлежности и бытовые предметы, искусно «украшая их драгоценными камнями и вычурным орнаментом». Месопотамцы использовали ее в самом роскошном оформлении, как показывают троны; красота их ваз демонстрирует выдающееся мастерство в обращении с бронзой. Позолоченные изделия из Ниневии есть в Британском музее.

Доктор Шлиман ставит под сомнение популярное убеждение о том, что во времена Гесиода и Гомера не знали сплавов и плавки, знали только расковку в листы металла, где листы были «обработаны молотами» (Одиссея. III, 425).

Этот исследователь обнаружил слой меди и свинца в так называемой Трое на глубине от двадцати восьми до двадцати девяти с половиной футов. Он отмечает также небольшие тигли и литейную форму из слюдяного сланца, найденную на глубине двадцати шести футов. Железа он не нашел; зато медь и ее сплав – бронза – были представлены очень широко. М. Дамур из Лиона проанализировал пробы из двух «медных» боевых топоров из «Илиума», в действительности из «сокровищницы Приама». В них содержалось 0,0864 и 0,0384 части олова и 0,9067 и 0,9580 части меди. Примерно такое же сочетание составляющих сплава было обнаружено и в обычном двустороннем топоре, откопанном на глубине трех с четвертью футов, и, следовательно, в слое останков, относимых к греческой колонии. Доктор Перси проанализировал ручку бронзовой вазы и один меч; результаты были следующими:

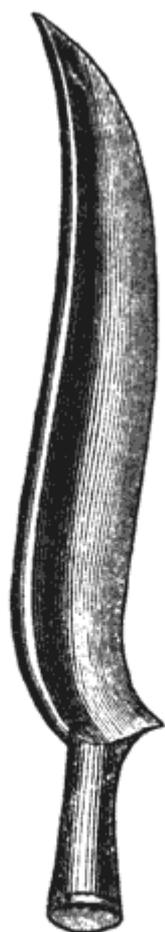
Медь (плохого качества)	86,36
Олово (плохого качества)	<u>13,06</u>
В с е г о	99,42

Удельная масса этих предметов при температуре 60° по Фаренгейту составляла 8,858. Наибольший разброс в пропорциях между ингредиентами сплава в других предметах составлял от 10,28 олова к 89,69 меди (обычное соотношение для древней бронзы ¹⁴⁴) до 0,09 олова к 98,47 меди, где последняя была почти чистой.

Монж из Института Франции, описывая найденный во Франции бронзовый меч, приводит следующие пропорции: 87,47 процента меди и 12,53 процента олова. Анализ греческих бронзовых предметов, находящихся в Британском музее, показал 87,8 процента меди и 12,13 процента олова. Бронзовый нож был найден в Палафитах (свайных поселениях) Невшателя, Швейцария ¹⁴⁵. Уорзее («Первобытная древность») утверждает, что в Дании и Северной Европе бронзовый век начался где-то от 600-го до 500 г. до н. э. и длился около 1100 лет. У норманнов, похоже, его не было. Но бронзу использовали в Ирландии и Шотландии, в Китае и Японии, в Мексике и Перу; Съеза де Леон отмечает восхитительные бронзовые работы империи инков.

¹⁴⁴ Сэр У. Гелл нашел бронзовые гвозди в «Сокровищнице Атрея», состоявшие из 12 процентов олова и 88 процентов меди. В троянских боевых топорах, если верить доктору Шлиману, первого содержалось только 4, 8 и 9 процентов.

¹⁴⁵ По сведениям Хельбига, в деревнях Палафиты и Террамаре были копья, но не было мечей.

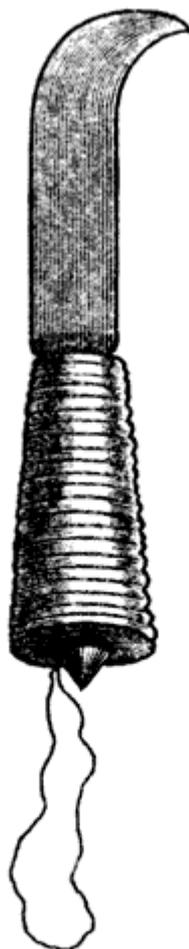

Рис. 83.
Бронзовый нож
из свайных
поселений
в Невшателе
(масштаб 1:2)

Перуанское зубило, анализ которого провел М. Воклен, содержало 94 процента меди и 0,06 процента олова. В других инструментах содержание последнего металла колебалось от двух до четырех, шести и даже семи процентов. Как правило, этот народ использовал лишь наполовину верную пропорцию олова, которое они именовали чаянтанка – имя, в котором слышится происходящее из Старого Света «танук». Гумбольдт упоминает режущий инструмент, найденный неподалеку от Куско, состоявший на 94 процента из меди и на шесть – из олова. Риверо отмечает в Перу латунные (?) молотки и патрубки мехов, топоры, струги, багры и другие инструменты как бронзовые, так и медные. Мексиканцы отливают свои золотые слитки Т-образной формы. Перуанцы упрочняли медь также и с помощью серебра для инструментов для обработки камня и ломов. Веласко повествует нам, что, когда Инку Хуаска вели в тюрьму по приказу его брата, некая женщина тайно передала ему прут из металла, «серебра с бронзой, латунию, или сплавом серебра, меди и олова»; с его помощью он ночью проломил стену тюрьмы. Хатчисон отмечает щит из Ипиджапы в Эквадоре, а Эубанк отмечает древний перуанский бронзовый нож.

Замечательная бронза Китая и Японии хорошо известны на английском рынке, и Рафаэль Пумпелли, который учился прямо у туземных «металлургов», опубликовал интересные заметки по сплавам для орнаментов, или «моку- ме», в применении к мечам и другим предметам. Дамас- екая сталь производится путем наложения друг на друга тридцати – сорока чередующихся слоев розовой меди, серебра, «шакдо» (сплав меди с золотом один к

десяти) и «гуи ши бу ичи» (серебра с медью). Затем получившуюся массу нарезают на шаблоны зубилом. Сплав серебра (содержащий тридцать – пятьдесят процентов меди) и придает характерный цвет – густо-серый, а потом делается иссиня-черным, как бы черненым, когда кипятится после полировки в растворе сульфата меди, квасцов и медянки. Доктор Перси описывает плавку серебросодержащей меди в Японии ¹⁴⁶.

Рис. 84.
Перуанский нож,
металлический
клинок закреплен
в щели в рукояти
с помощью плотной
хлопковой обмотки

Доктору Джорджу Пирсону мы обязаны различными экспериментами со сплавами, в которых впервые определилось, что нормой в Старом Свете и наилучшей пропорцией для оружия и инструментов является одна часть олова к девяти меди.

Расплавляя металлы, он обнаружил, что:

соотношение свинца к меди 1:20 (5 процентов) приводит к образованию темной бронзы с красными фракциями чистого металла; 1:15 (6,5 процента) дает более прочный сплав и устраняет красный цвет;

1:12, 9, 8, 7, 6, 5, 4 и 3 приводят соответственно к возрастанию твердости и ломкости;

---

¹⁴⁶ По описаниям и рисункам мистера Дж. Х. Годфри, главного инженера по шахтам в правительстве Японской империи.

1:2 дает сплав почти такой же ломкий, как стекло.

Нижеследующая таблица ¹⁴⁷ относится к ныне используемым сплавам и целям, в которых они применяются.

Олово	Медь	Процентное содержание меди	
11	108	90,76	Орудия, памятники, машинная бронза
11	99	90	«Оружейный металл», собственно (стволы)
11	84	84,44	«Оружейный металл», механическая часть
11	72	86,75	Более твердый состав
11	60	84,50	Не гнется
11	44	80	Цимбалы, китайские гонги
11	48	81,35	Очень твердый — кулинарные сосуды
11	36	76,69	Колокола
12	36	75,00	Колокола
11	24	68,57	Желтоватый, очень твердый, звучный
11	4	26,66	Очень белый ¹ зеркальный ²

148 149

Следующий по популярности за бронзой сплав меди — это латунь; она тверже и более стойка к износу, чем чистый металл. Изначально, как и сейчас, это был сплав меди и цинка, обычно именовавшийся «сырой цинк», «спелтер» (в древности — «спотр», «спотер», «спиотер», «спиаптер») ¹⁵⁰. Пропорции его сильно колебались, самая древняя — одна часть цинка на две части меди, а плотность в зависимости от содержания меди возрастала от 8,39 до 8,56.

Бекмэн в своей ценнейшей «Истории изобретений» ¹⁵¹ рассказывает нам, что «с течением времени к меди была добавлена руда, являвшаяся, видимо, каламином (карбонатом

¹⁴⁷ Взято из: труда доктора Эванса (Бронза... Гл. XXI). Он составил его на основе «Журнала по торговле скобяными изделиями» от 30 апреля 1879 г.

¹⁴⁸ Уилкинсон отмечает, что используемая в Египте пропорция — половина олова, половина меди — имеет белесый оттенок.

¹⁴⁹ Лорд Росс, отливая зеркала, предпочитал брать медь и олово в их атомарных пропорциях, то есть 68,21 меди к 31,79 олова.

¹⁵⁰ «Спелтрум» ввел Бойль. В прошлом веке большая часть цинка ввозилась из Индии (а туда, возможно, из Китая) и называлась «тутенаг».

¹⁵¹ Ученый-немец начинает с утверждения о том, что греки, римляне и арабы не знали цинка, а потом принимается доказывать, что нет, все-таки знали. Слово «цинк» (от *zenken* или *zachen* — гвозди, штыри?) впервые появляется в работах алхимика Парацельса, который умер в 1541 г.

цинка) или сфалеритом ¹⁵² (сернистым цинком), что придало ей желтый цвет. Это добавление сделало металл более твердым, лучше плавящимся и звенящим, легко поддающимся обработке, более экономичным в обработке и менее теплопроводящим, чем чистый металл». У нас есть несколько образцов древних произведений искусства из латуни, хотя при анализе цинк был обнаружен и в одном древнем мече, в основном медном. Гибел уверяет нас, что цинк встречается только в римских сплавах, а в греческой бронзе ничего не содержалось, кроме меди, олова и свинца. Умели римляне и лакировать латунь, но откуда они переняли эту технологию – неизвестно. Перси отмечает (с. 521), что латунь производилась «в самом начале христианской эпохи, если еще не до ее наступления». В доказательство он приводит большой медальон рода Кассиев (20 г. до н. э.), содержащий 82,26 процента меди и 17,31 процента цинка; Веспасиана (Рим, 71 г.), императора Траяна (Кария, около 110 г.), Геты (Карийская Милаза, 189–121 гг.), Каракаллы (199 г.) и много других. В наше время цинконосная руда импортировалась португальцами с востока за столетие до того, как стала известна всей Европе ¹⁵³. В начале XVII века голландцы захватили один из их груженных рудой кораблей, и тайна стала всем известна. Епископ Ричард Уотсон назвал в 1783 году этот груз «калаем», объединяя его с «каламином»; последнее же слово, как и германское «галмей», происходит от «кадмия».

В современности от слова «aes» происходит «airain». Французские слова «leton», «laton», «latton», или «laiton» (cuiivre jaune – «желтая медь») (фр.); итальянские слова «lattone», «lotione» и, в конце концов, «ottone», испанские «lata» и «laton», немецкое «latun» и английское «latten» (тонкая листовая латунь), «latoun» Чосера («Pardoner's Prologue») происходят либо от «luteum», желтый (металл), либо от растения «luteum» (Reseda luteola), которое использовали для того, чтобы красить медь до кремнекислого состояния ¹⁵⁴. Английское слово «brass» происходит, скорее всего, от скандинавского «bras» – цемент, замазка, – а немецкое «Mosch», «Meish» и «Messing» – от «mishen» – «смешивать» ¹⁵⁵.

Можно посоветовать обратить также внимание на ορειχάλκον ¹⁵⁶ Гомеровидов и Гесиода, которое Страбон называет также ψευδάργυρος, «ложное серебро», и «aurichalcum» и которое столь таинственным веществом сделало лишь извращенное мастерство комментаторов. Для поэтов, которые любят неопределенность, эта «горная медь» была мифическим природным

---

¹⁵² Сфалерит – общеродовое слово, от слова, означающего «ослеплять».

¹⁵³ В Госларе, однако, если верить Лонриссу, латунь изготовлялась в 1617 г.

¹⁵⁴ «Золотой клей» (хризоколла) часто понимают как кремнекислую медь. Микенские золотых дел мастера паяли с помощью боры (тетра- борнокислого натрия). Профессор Ландерер из Афин нашел эту соль на древней медали из Эгины. В Средневековье ее называли «бора венецианская», потому что ввозили ее из Персии венецианцы; в современной Индии ее называют «тинкаль». По сведениям Плиния, свинец нельзя паять без олова, как и олово без свинца, и в любом случае необходимо использовать масло. Позже последнее было замещено канифолью и другими смолами; сейчас мы паяем с помощью электричества. Тот же самый автор заставляет Нерона воспользоваться порошком хризоколлы (кремнекислой меди, вида медного купороса, который зеленеет, подвергаясь воздействию влажности) для посыпания арены, чтобы цвет песка приобрел его любимый оттенок, «grasine» (зеленый).

¹⁵⁵ Немцы, которым очень нравится выискивать германское происхождение европейских слов, находят «leton» и пр. не в «luteum», а в «lothen» – «соединять». Однако почти нет никаких сомнений в том, что первая английская фабрика salamine латуни в Эшере, в Сюррее, была запущена в XVII веке немцем Деметриусом. В «Словаре» Гримма, как подметил Деммин, бронза по ошибке именуется «messing» («латунь»).

¹⁵⁶ Это слово происходит от ορος, οβρος «гора», или от Ορειός, «первооткрыватель». Имена металлов в греческом языке по большей части мужского рода; в латыни и современных языках – среднего. «Oreichalcum» или «aurichalcum», слово-гибрид, стало «aurochalcum» в IX веке: последнее его искажение (в середине XVI века) звучало как «archal».

металлом, ценность которого была где-то между золотом и серебром, и сказочным, как «chalkolibanon»¹⁵⁷ из Апокалипсиса. Это имя не встречается ни у Пиндара, ни у драматистов. Платон, рассказывая об Атлантиде¹⁵⁸, говорил, что «oreichalc», «от которого ныне осталось лишь название», было самым драгоценным металлом после золота. Плиний довольно заявляет, что «aurichalcum» более не существует; тут с ним не поспоришь.

Следующим материалом, к которому применялось это слово, была «красная медь» (?), закись, красивые кристаллы которой формируются естественным образом. Поллюкс и Гесизиус Грамматик (380 г. до н. э.) определяют ее как медь, напоминающую золото; а Цицерон ставит вопрос: если человек предлагает на продажу кусок золота, считая, что он выставляет лишь кусок «origalcum», честный человек должен его проинформировать о том, что это на самом деле золото, или может честно купить за копейку то, что стоит в тысячи раз больше? Баффон сравнивает его с томпаком, или китайской медью с содержанием золота¹⁵⁹. Бекмэн отмечает «aurichalcum», или коринфскую латунь, в Плаутусе, «Auro contra sagum». Фестус говорит о «origalcum» (меди), «олове» (цинке или сплаве олова со свинцом), «cassiterum» (олове) и «aurichalcum» (латуни). Те же значения мы встречаем и у Амброза, епископа Миланского (IV век), у Примасиуса, епископа Африканского Адруметума (VI век), и у Изидора, епископа Севильского (VII век). Альберт Великий (XIII век), монах-доминиканец, в своем трактате «De Natura et Commixtione Aeris» описывает, как «сургум» превратился в «aurichalcum».

Страбона не понять. В одном месте он пишет, что только кипрская медь производит кадмейский камень, купоросную воду и оксид меди. В другом же месте он говорит: «Есть камень неподалеку от Анд, который, будучи брошен в огонь, превращается в железо. Затем его помещают в печь, вместе с определенным видом земли¹⁶⁰, и из него (камня? земли? обоих?) вытапливается ψευδάργυρος (ложное серебро? цинк?), из которого, при добавлении меди, получается «смесь», некоторые называют ее еще oreichalcum». «Pseudargyros», который также находили в окрестностях Тмолуса, кажется, будет означать в данном случае

---

¹⁵⁷ Некоторые переводят это слово как «желтый фимиам» (λίβανος); другие считают его производным от λίβανος, «Ливан», и делают его мужского рода, agricolibanus, в то время как leucolibanus (белый) был женского рода. В конце концов, переводчики древности объясняли это слово как ορείχαλκος – латунь Горы (Ливан).

¹⁵⁸ Доводы о существовании в прошлом Атлантиды, острова посреди Атлантического океана, достаточно сильны для того, чтобы быть принятыми. Идентификация этого места с Дельфиньим Гребнем и мелководьями искусно оттаивается в «Атлантиде» (Донелли Игнатиус. Лондон: Сэмсон Лоу, 1882). Возможно, мы сможем проследить ее признаки в горах Святого Павла, выдающейся группе скалистых островов, расположенных в экваториальных водах Атлантического океана. Мистер Дарвин предполагал, что эта группа является отдельным примером невулканических океанских островов; но профессор Ренард находит «баланс доказательств определенно в пользу вулканического происхождения островов». Уместно вспомнить, что Атлантида была разрушена землетрясениями, извержениями вулкана и погрузилась на дно.

¹⁵⁹ Искусственный сплав меди (четыре пятых) и золота (одна пятая) именуется ругорус за его ярко-красный цвет. Его делают также и из золота и бронзы и называют «chrysochalcus», «царь металлов». «Aes Corinthiacum», или коринфская латунь; ее использовали в зеркалах, состояла она из меди, серебра (стали? цинка?) и золота и ценилась выше последнего. По данным Павсания, этот эластичный и гибкий металл закачивали в Пиренском фонтане. Народная легенда, полностью опровергнутая Плинием, который ее и пересказывает, выводит этот металл со времен мумий (146 г. до н. э.). Герцог де Люинь провел химический анализ медальона из коринфской латуни. Плиний упоминает три подвида одного и того же металла – «candidum», «luteum» и «hepatizon» («имеющий цвет печени»): возможно, различались они тем же, чем и наши сплавы. Бекмэн приводит список из этих и других составных веществ – «мангеймское золото», «голландское золото», «металл принца», «бристольская латунь» и пр.

¹⁶⁰ Возможно, «армянская глина», которую на Востоке с незапамятных времен использовали в качестве плавня, отшлаковывающего добавки. «Вытапливание» или «выделение» (per descendum) означает, скорее всего, что имелся перегонный аппарат и что «ложное серебро» не может быть ртутью, свинцом или оловом.

цинк или *Cadmia fossilis* (природный каламин или карбонат цинка). Плиний создает путаницу с галмеем, печным каламином, и медной рудой, противопоставляемой карбонатной. Когда Диоскорид упоминает вроде бы искусственный, или «печной», каламин, грязный оксид цинка, то, возможно, он имеет в виду более современную «*tutiya*» (Авиценна), «*toutia*», «*thouthia*»¹⁶¹ «*cadmie des fourneaux*», или «тутти». Растерев в порошок и смешав с равным количеством увлажненного угля путем добавления плавня, его плавят вместе с медью для создания латуни. Адвокат де Лони (1780) и епископ Уотсон соглашаются с тем, что «*origichalcum*» Страбона – это латунь.

В последнее время «*aurichalcum*» стал синонимом электрона¹⁶², естественного или искусственного. Слово *Xgктрос*;¹⁶³ принято считать происходящим от «Гелиос», как якобы соперничающий с Солнцем в сиянии. Если верить Лепсусу, то это «юсем» – металл Тутмоса III. Бругш считает, что «юсем» – это латунь, а «асмара» или «асмала» – эквивалент еврейского «хашмаль» – «электрон»¹⁶⁴. У Бунсена «ка- сабет» и «кахи» – это медь («*aurichalcum*»), а «хесбет» – металл, связанный с «*kassiteros*» – оловом. Этот сплав был известен Гесиоду. Софокл применял словосочетание «сардинский электрон» к золоту, а не к серебру. Геродот в историческую эру (480–430 гг. до н. э.) придает имя мифического металла «слезам Гелиад», которые латиняне называли «*succinum*», в «народной латыни» – «*ambrum*», арабы – «анбар», а мы зовем янтарем. Плиний, а за ним и Павсаний отмечают две его разновидности – естественную («в любой золотой руде содержится немного серебра»¹⁶⁵) и искусственную; в последней содержание серебра не должно было превышать одну пятую. Статеры лидийского Креза, которые греки считают самыми древними монетами, были сделаны, если верить Бекху, из электрона – три четверти золота и одна четверть серебра. Луциан называет этим термином стекло; а в конце концов им стали называть латунь и смешали с «*aurichalcum*».

Я бы предположил, что этот «*aurichalcum*» может быть и ирландской «бронзой Доуриса», которая получила свое название по городу Доурис, под Парсонтауном, графство Кинге, где она впервые была обнаружена. Уайлд предполагает, вместе с остальными, что

---

¹⁶¹ Отсюда «*tutaneg*» и «*tutanego*», как иногда называют сплав свинца и висмута. М. Поло (I, 21) описывает «туцию» как вещество весьма полезное для глаз; вообще, его мнение о нем как и о «*spodium*» очень похоже, по мнению полковника Юла, на сжатый перевод описания «*rompholux*» Галена, получаемой от каламина или карбоната цинка, и «*sprodos*», шлака последнего, который остается в камине. Маттиоли сделал «*rompholux*» известным в лабораториях под арабским названием «туция». «Туция», импортируемая в Бомбей из Залива, делается из глинистой руды цинка, отливаемой в тубообразные формы и обжигаемой до средней твердости.

¹⁶² Автор использует это слово не в привычном для нас значении, а в значении «сплав меди, цинка, никеля».

¹⁶³ Муж. и жен.; средний род *электрон* – это самая чистая форма. Доктор Шлиман, отмечая, что оно означает также и янтарь (Микены. С. 204), считает его происходящим от «*eles*», означавшего по-арабски (?), а возможно, и по-финикийски (?) смолу. Он находит сережки из электрона в так называемом «троянском слое», на глубине 30,5 фута под поверхностью земли (Троя. С. 164). «Гуанин» или «гианин» чирикви представлял собой аурурет (электрон), на 19,3 процента состоящий из чистого золота, с удельной плотностью 11,55. «Томпак» или «томбаг» Новой Гранады, который используют при изготовлении статуэток, тоже представлял собой низкопробное золото: 63 процента золота, 24 – серебра, 9 – меди. Обычно словом «томпак» обозначают сплав вроде золота Мангейма; изготовление его было открыто в Бирмингеме, до сих пор являющемся его центром, в 1740 г. семьей Тернер.

¹⁶⁴ Однако «электрон», как правило, переводят как «янтарь». Янтарные бусы и рукояти оружия были среди находок доктора Шлимана. Россиньоль предположил, что электрон, бледно-желтого или янтарного цвета сплав золота и серебра, дал имя и смоле-янтарю.

¹⁶⁵ Этот текст, верный в отношении самородного золота, вызвал у многих предположения, что древние владели технологией разделения металлов. Есть яростно оспариваемое предположение, что они могли минерализовать белый металл – то есть превратить его в сульфид и дать золоту осесть.

золотой цвет сплава зависит от примеси свинца в определенной пропорции, и сравнивает его с цветом кипрской меди, которую римляне называли «согопагиум» (используя ее в театральных коронах) и покрывали бычьей желчью. Предметов из «ог толу» много в Дублинском музее; они сохранили свой желто-золотой блеск. Наверное, их лакировали, как современную латунь; а патина может оказаться какой-нибудь камедью-смолой. Когда они тускнели, их очищали, подержав над огнем, а затем погружая в слабокислотный раствор, как это делают с современными отливками. Были проанализированы два предмета, меч и кинжал, и выяснилось, что меди в них от 87,67 до 90,72; олова – от 8,52 до 8,25; свинца – от 3,87 до 0,87 ¹⁶⁶, а в мече присутствовала еще и сера. Удельный вес предметов составлял от 8,819 до 8,675. В наконечнике копья были найдены, помимо меди, олова и свинца, 0,31 процента железа и 0,09 процента кобальта.

Есть и другие сплавы, о которых мы читаем, но знаем мало: например, таковы «aes aegineticum», «demonnesium nigrum», «aes deliacum», секрет которой был утерян во времена Плутарха, и Τατήσιος χαλκός из Южной Испании, возможно привозимая на кораблях из Гибралтара. «Ollaria», или горшечная медь (латунь), содержала три фунта «plumbum argentarium» (олова и свинца поровну) на сто фунтов меди. «Aes caldarium» только можно было плавить. И наконец, «graecanicum» представляла из себя переплавленную медь («formalis seu collectaneus») с добавлением 10 процентов «plumbum nigrum» (свинца) и пяти процентов «серебряного свинца» («argentiferous galena»?).

Металл, когда он только появился, был редок и дорог; большие современные мечи, топоры и молоты вряд ли могли быть воспроизведены в меди, бронзе или железе. Ранние попытки развития кельта ¹⁶⁷ не привели к появлению ничего более искусного, чем режуще-колющий клин из дорогого материала (рис. 85). С прогрессированием технологий плавки и литья заостренный конец развился в нож, кинжал и меч; а широкий – в топор. Это сложносоставное оружие, в котором дубинка объединялась с кельтом, или ручной топор, появившееся в Европе в начале неолита, сыграло замечательную роль в истории – древней, средневековой и даже современной; а связь его с мечом становится очевидной, если посмотреть на короткий меч глейв ¹⁶⁸. Эволюция режущих кромок привела к появлению двух принципиально новых форм. Для рубки дерева лучше всего подходящей оказалась форма длинная и узкая, а для случаев, в которых грубая сила была менее востребована, оружие приняло вид широкого лезвия с длинными краями в виде полумесяца.

---

¹⁶⁶ Свинец находили и в больших пропорциях – см. гл. 13.

¹⁶⁷ Известный антрополог М. де Мортие придерживается того мнения, что самый древний тип бронзового кельта во Франции, в Швейцарии и Бельгии – с прямыми кромками по бокам. За ним идут кельты с поперечным стопором, следом – известный нам инструмент с «крыльями», за ним – вариант с пазом, а в конце концов – простой плоский инструмент, не имеющий ни стопора, ни кромок, ни крыльев, ни паза, какие делались как из чистой меди, так и из бронзы. Археологи же обычно определяют его как раннюю форму; но М. де Мортилле [так в книге. Прим. редактора fb2] считает иначе, на основе тех условий, в которых встречаются находки.

¹⁶⁸ Это оружие (гладиус) с лезвием одно- или двухсторонним, прямым или изогнутым, 4–9 дюймов в длину, часто использовали в XIV и XV веках. Происхождением своим он обязан старому обычаю привязывать серп, косу, топор или меч к шести, чтобы таким образом получалась пика.

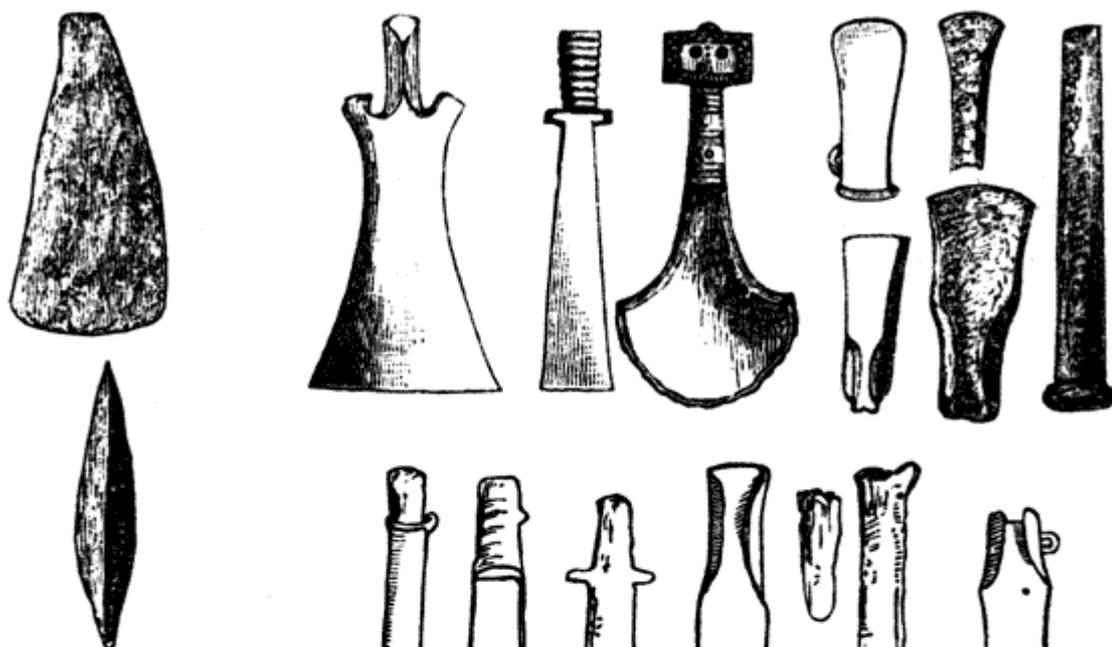

Рис. 85. Самая древняя форма (?)

Рис. 86. Металлические кельты

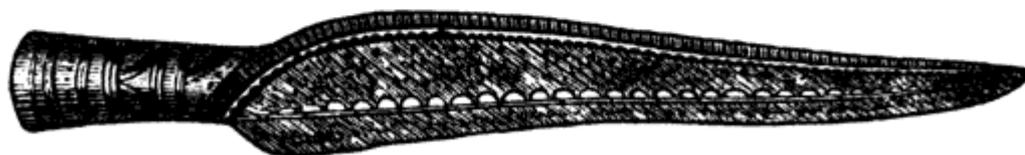

Рис. 87. Нож, найденный в Реалоне (Верховье Альп). Масштаб 1:2. Он напоминает бронзовый нож из Палафитов Невшателя, описанный Десором. У шведского же ножа, однако, имеется зубец на конце, рядом с полостью

Акху, боевой топор, был известен в Древнем Египте с раннего времени. Один золотой топор и несколько бронзовых были найдены погребенными в качестве амулетов в саркофаге царицы Асхепт, наследницы Восемнадцатой династии. Еще одно бронзовое оружие встретилось в погребении другой царицы, из Семнадцатой династии (1750 г. до н. э.). Полезное в ведении военных действий, это орудие стало, возможно еще в каменном веке, божественным символом: несомненно, в этом корень появления в конце бронзового века *hâches votives* (жертвенные топоры) без режущей кромки, который не могли быть использованы для работы или боя, а только для религиозных нужд. Оружие с двумя наконечниками однозначно определялось как лабрандийский йов, получивший свое название от *λάβρα*, что в лидийском языке равнозначно *πέλεκυς*. Эта же эмблема появляется и на медальонах трех карийских царей, самым выдающимся из которых является Мавсол, с 353 г. до н. э. По Плутарху (*De Pythiae Oraculis*), тенедейцы «взяли топоры у крабов, потому что только панцирь краба имеет форму топора». Так, оружие с двумя наконечниками с монет Тенеда является скорее священным, а не воинственным символом. Тенедский Аполлон тоже держал топор, который некоторые даже считали символом Тенеда. Аристотель и другие придерживались мнения, что один из царей Тенеда постановил, что виновные в супружеской

неверности должны умерщвляться топором, и то, что он собственноручно привел в исполнение приговор, вынесенный собственному сыну, породило поговорку *Τενέδιος πέλεκυς*, означающую «скор на расправу».

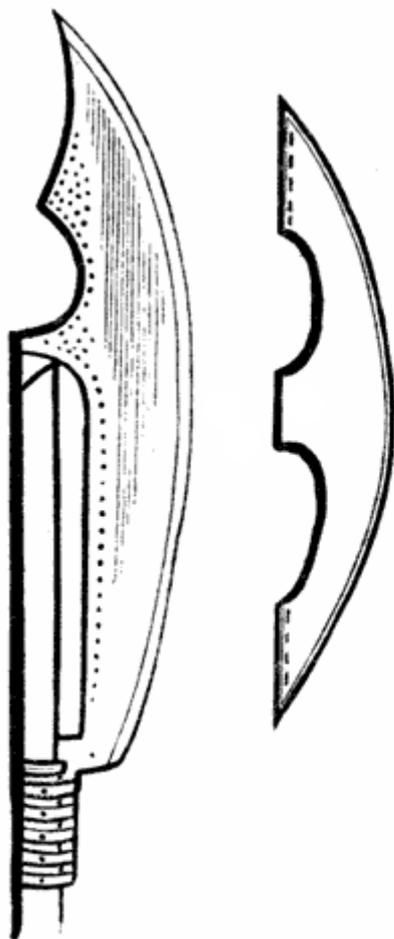

Рис. 88. Глейв

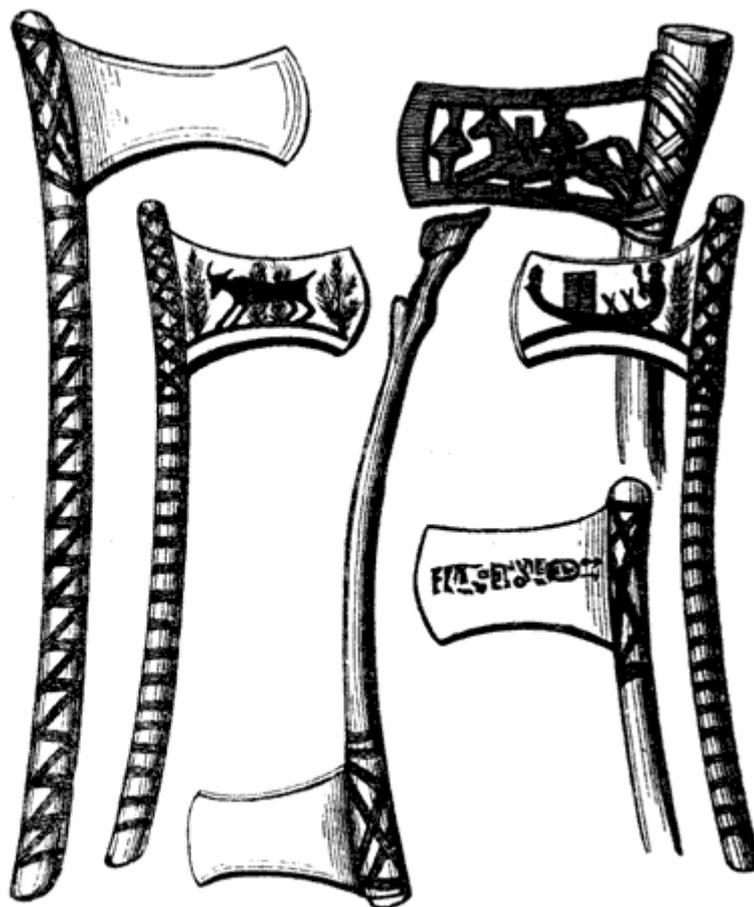

Рис. 89. Египетские бронзовые топоры

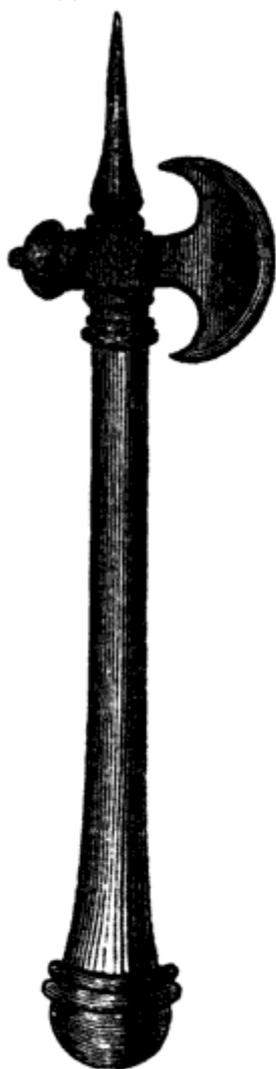
Хотя еще Гомер упоминает *πέλεκυς* («Илиада» и «Одиссея») и как оружие, и как инструмент, греки, как и ассирийцы, не особенно на него повлияли. Римляне, поклонявшиеся Квири- ну в лице копья, обвязывали топор пучком прутьев (фасций), носили его как символ власти и изображали на консульских монетах. Оружие опускали при приветствии, и, возможно, отсюда пошла наша практика опускать кончик меча, неизвестная на Востоке. Топор с широким лезвием на колонне Траяна – в руках рабочего.

Возможно, жители классической Европы презирали это оружие потому, что оно было атрибутом изнеженного Востока. Еще во времена Геродота армянский «сакр» и римский «секурис», делавшийся либо из золота, либо из меди, был любимым оружием амазонок ¹⁶⁹ и всадников массагетов ¹⁷⁰. В Ирландии топор фигурирует в рассказах о Гобауне Сауре: этот

¹⁶⁹ Амазонки из Мавзолея (Ньютон. Галикарнассус. С. 235) вооружены топором, луком и мечом; греки – дротиками и мечами.

¹⁷⁰ Массагеты («великие геты или готы») противопоставляются тисса, или малым гетам; и те и другие использовали «sagaris». Но в то время как одни авторы переводят это слово как «секурис» – топор, другие определяют его как «вид меча», а третьи путают его с акинаком, который греки упоминают отдельно. Страбон (XI, 8) связывает массагетов (готов) с «sakae» – саксонцами. Слово «саксонцы» возникло позже эпохи Тацита, и находим мы его впервые в дни Антонина Пия. Фраза «Brevis gladius apud illos (Saxones) Saxo vocatur» («острые мечи, которые они (племя саксов) носили, назывались «сакс» (лат.) позволяет предположить, что «сакс» был связаны с этим древним народом (Переводы Антропологического института. 1880. Май).

создатель гоблинов выполнил опасное задание по отделке королевской крыши, нарубив деревянных кольев, бросая их по одному на место и вбивая их путем кидания волшебного оружия в каждый из кольев в правильной последовательности.

Рис. 90. Ирландский боевой топор

Рис. 92. Немецкий процессионный топор

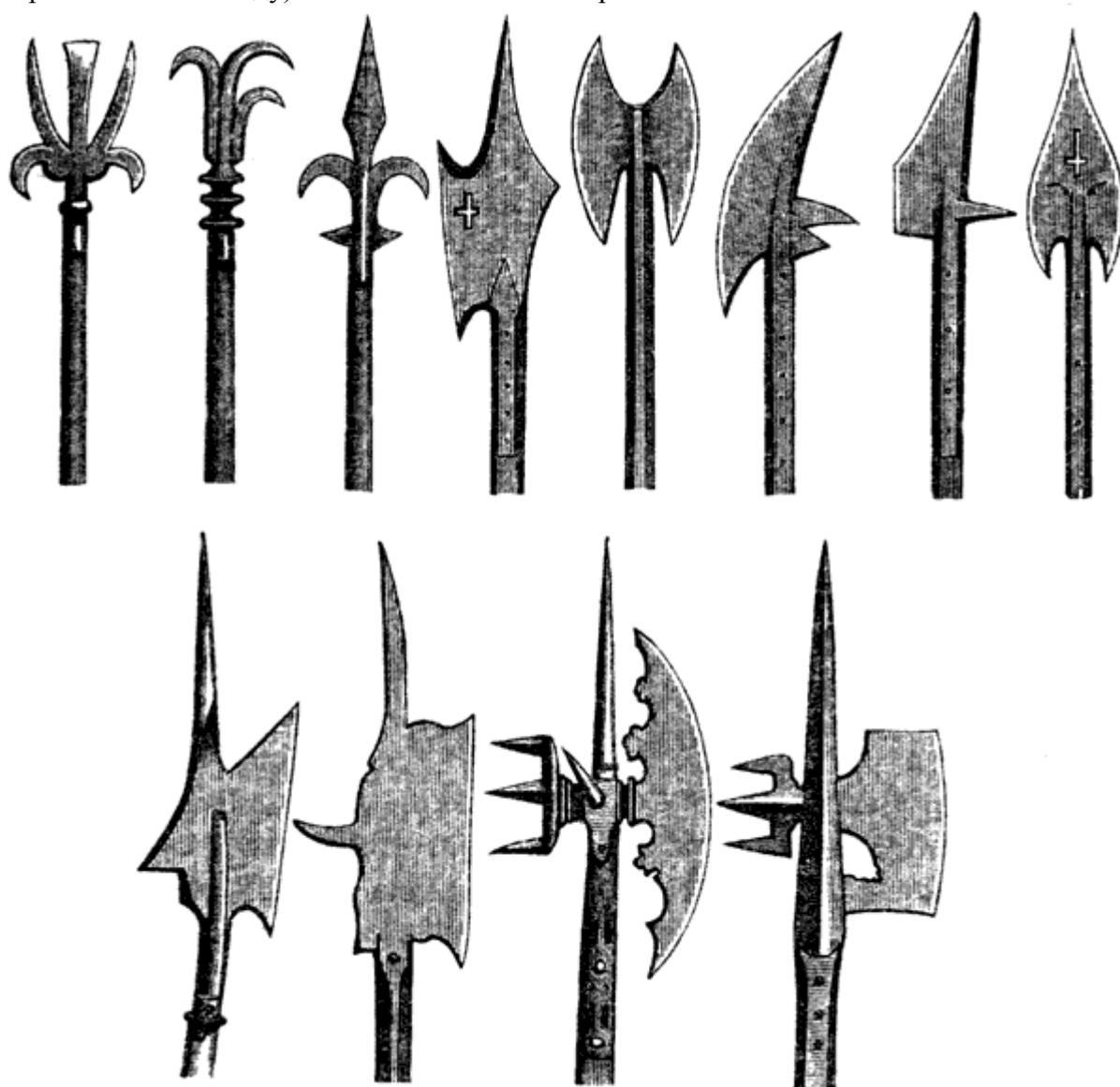
Рис. 91. Топор, который использовал Брюс

Из Египта топор распространился и в самое сердце Африки, где он до сих пор является, помимо прямого назначения, обменным средством; и перемещение его таким образом от племени к племени объясняет, почему столько различных форм его заполнили Черный континент. Из долины Нила он снова отправился на восток, через земли хеттов и Ассирию в Персию и Индию, где боевой топор в форме полумесяца долго оставался излюбленным оружием. Дуарте Барбоса отмечает различные формы и цвета, описывая стоянку на острове Ормуз. Приняли их на вооружение и турецкие всадники, носившие его на луке седла. Клемм в своей книге «Werkzeuge und Waffen»¹⁷¹ отмечает, что у скандинавов это было любимое оружие; они носили его в ременной петле за спиной. Большинство жертв «Сожженного Ньяла» – дело этого инструмента. Норманнский топор с длинной ручкой часто встречается на ковре из Байо. Скандинавский боевой топор начала XVII века был найден на поле боя в норвежском Крингелене; ручка его изогнута таким образом, чтобы соответствовать гнезду сзади. В Германии его повсеместно использовали в XV веке; в Англии – в XVI; а в XVII он

¹⁷¹ «Оружие и вооружение»(нем.).

распространился по всей Европе, за исключением земель славян и венгров. Немецкий процессионный топор показывает его выживание в дальнейшем: лезвие и рукоятка состоят из единого куска дерева, украшенного *guild-devices* и настолько измененного, что узнать в нем первоначальное оружие трудно. Также и «бергбарте» (кирки) немецких бергманов (шахтеров) использовались, по сведениям Клемма, для защиты городов, особенно Фрайбурга в 1643 году; кирки, сделанные из латуни и железа, еще носят во время государственных процессий. Топор, как и копьё, стирал границы. Хартия, предоставленная Кнутом (Канутом) церкви Христа в Кентербери, дарует ей гавань и налоги, собираемые по обеим ее сторонам, насколько человек, стоя в приливной полосе, может кинуть топор.

Обычай обозначать границы метанием топора еще до сих пор жив в некоторых частях страны. Именно боевым топором Брюс из Баннокберна раскроил английскому чемпиону череп до подбородка. Монстреле повествует нам о том, что во время войн Жанны д'Арк (битва при Патэ в 1429 году) англичане носили топоры за поясом.

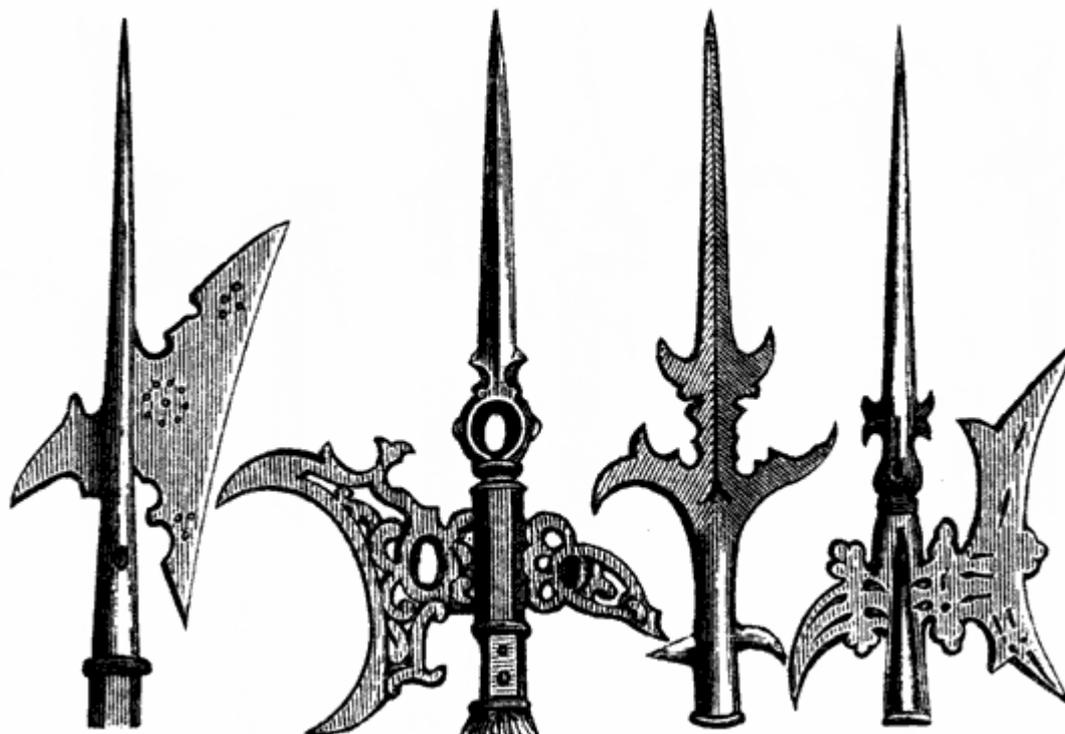

Рис. 93. Алебарды

Топор был принят и франками, скандинавами и германцами, особенно саксонцами. Так, двусторонний топор, будучи закреплен на длинной палке, в результате чего получилось копьё, стал исландским холл-бардом ¹⁷², тевтонской алебардой («все срубающей»), и

¹⁷² Слово это пишется по-разному, и происхождение его тоже объясняется различным образом.

«поле-топором», получившим свое название от Польши («страны полей»). Эта модификация охватила всю Северную Европу в первые века христианства. В ранней (середина XIV – начало XVI века) форме это был широкий и массивный топор, укрепленный на толстом и крепком древке; в XVI и XVII веках лезвие стало тоньше, по краям появились пустоты, а сам наконечник становился все длиннее и тоньше.

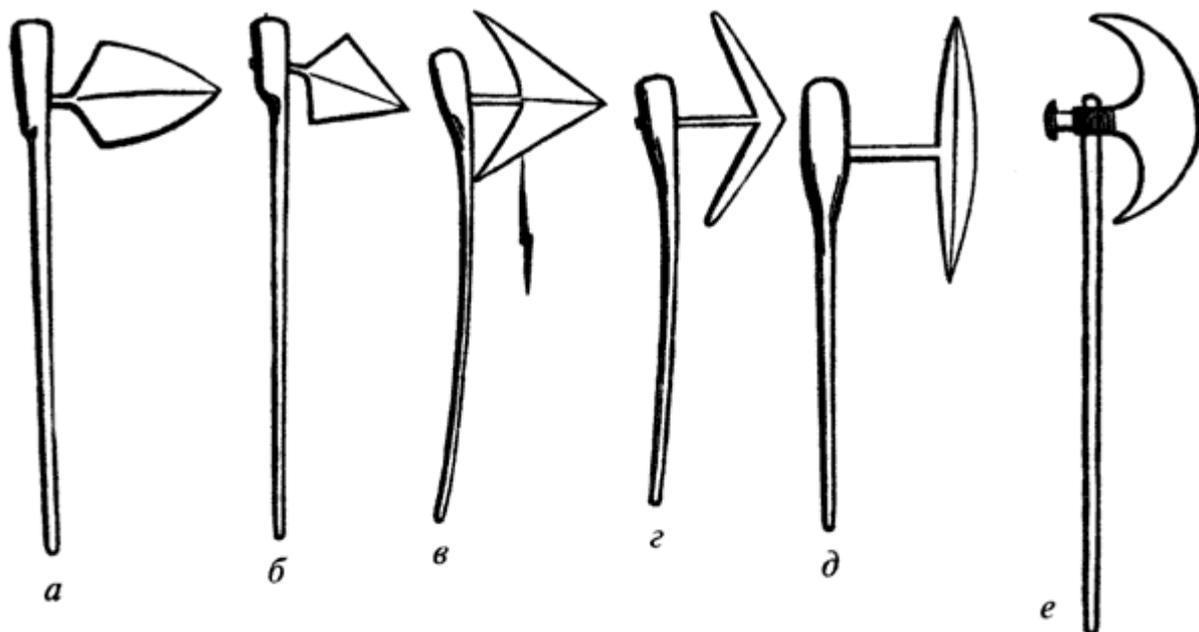

Рис. 94. Алебарды

В середине XV века швейцарцы представили во Франции алебарду; в XVII веке она получила уже условный характер, топор обрел свой прежний вид, а копье приобрело листообразную форму. В такой форме она сохранялась у младших офицеров и сержантов британской армии, пока не была отменена, вместе с поросячьими хвостами «бритой Англии». Алебарда не была полностью забыта при церемониях в некоторых европейских судах и при всех переменах всегда сохраняла подобие широкому мечу.

Я показал, как каменный кельт мог стать металлическим ножом, а затем развиваться в прямой меч.

Отмечая изменения, легко заметить, что топор мог привести к появлению ятагана. Самой ранней формой его должен был быть широкий наконечник копья, вставленный в обычную дубинку (а), как это до сих пор делается во многих частях Африки.

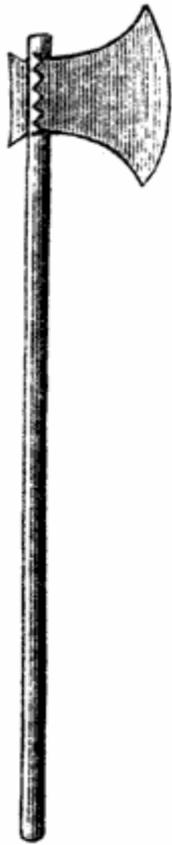

Рис. 95. *а, б* — топор-дубина бечуанов; *в* — развитие той же идеи; *г* — то же самое, с заостренными концами, *д* — силепа басуто; *е* — топор всадника XVI века

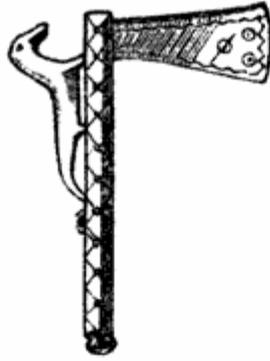
Следующим нововведением (в) было превращение инструмента в оружие путем увеличения режущей поверхности; а следующий шаг (г) — облегчить его, уменьшив лезвие до треугольника из режущей полосы. Затем (д) мы получаем «хонд», или циркарский боевой топор, и силепа южноафриканского племени басуто, которые, по существу, открыты доктором Ливингстоном. Это Т-образное лезвие, повторившееся в «безопасном штыке», использовалось в Швейцарии и Венеции вплоть до XVI века, если верить Мейрику и Деммину, после чего прямая линия задней кромки лезвия приняла форму двух маленьких грациозных полумесяцев (е) и оружие стало гораздо лучше подходить для кавалерийских целей. В такой форме оружие распространилось повсеместно и широко использовалось в Англии елизаветинских времен. Сородичем копьяд является и «тапер» с широким лезвием, который использовался как для нанесения ударов, так и для метания. По сведениям Аббата Коше, название этому оружию дали франки. Франциск определяют как «оборонительное оружие» в иллюстрированном исследовании «Armes et Armures»¹⁷³. Саксонцы предпочитали ему сакс, или иначе скрамасакс, используемый подобным же образом. Франциск редко встречается в саксонских могилах по сравнению с копьем и ножом, но чаще, чем меч¹⁷⁴.

¹⁷³ «Оружие и вооружение» (фр.). Автор — Лакомб (Париж. Nache, 1868).

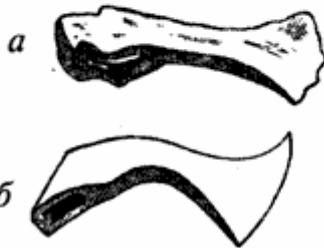
¹⁷⁴ Сакс, сахс, или скрамасакс, я еще отмечу в главе 13.

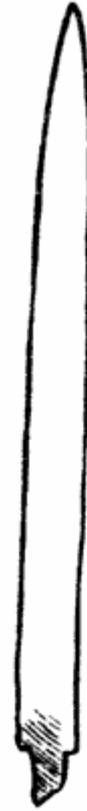
Рис. 96.
Индийский
топор из
Раджпутаны

Рис. 97.
Немецкий топор
бронзового века

Рис. 98.
a — бургундский топор;
б — франциск, или тапер

Рис. 99.
Железный
скрамасакс
(16 дюймов
в длину)

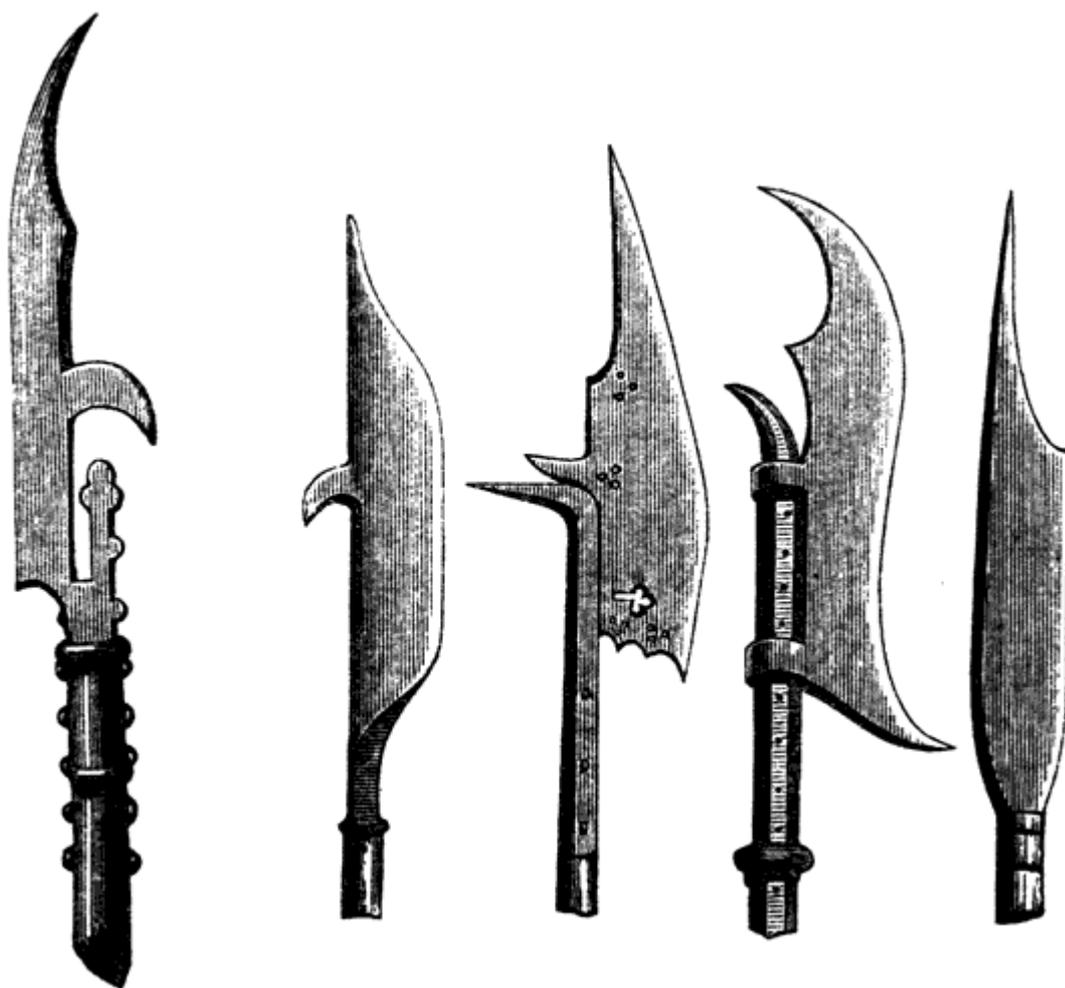

Рис. 100.
Скрамасакс
(18 дюймов
в длину)

«Билл» ¹⁷⁵ (англосаксонское «билл», ирландское «бьяйл», топор-секурис) был представлен в Англии во времена Генриха VI, в XV веке, и формой тогда он был близок к алебарде. Скиннер считает его «*securis rostrata*» («клювообразным топором»). Он долгое время был популярен в Скандинавии; на иллюстрациях представлено оружие Гуннара, чемпиона Исландии, которое пело перед боем, как меч Сигурда.

---

¹⁷⁵ Английское «билл» — это германское «Вей», «топор». Оба слова родственны греческому βέλος «меч» или «дротик», от βάλλειν — «бросать», а не, как считает Йен, от санскритского «bhil». Роберт Баррет (1598) предпочитал пику, хотя и признавал, что билл сослужил хорошую службу. Даже в последние годы месье Джон Митчелл и Мигер, советовали нищим ирландским крестьянам делать из серпов пики.

Рис. 101. Топор Гуннара

Рис. 102. Вульжи

За копьем XV и XVI веков последовал «гизарм», или «бизарм». Это длинное лезвие, с тонким наконечником, торчащим из тыльной стороны, все еще используется китайцами; а дагомейские деспоты заимствовали его, как и многие другие виды оружия и вообще многие обычаи, из Европы. Вульж, промежуточная форма между алебардой и копьем, предположительно происходящий все-таки от первого, был боевым топором, активно используемым швейцарцами в XIV веке.

Боевая коса того же периода, упоминаемая Деммином, и коса-меч – великолепно выглядящее, но весьма неудобное оружие – были взяты на вооружение венгерскими повстанцами еще в 1848 году. Родственны этим средневековым формам и чрезвычайно различные формы, известные как «spetum», «ронсье» или «рансье». Возможно, они были знакомы и древним, а появились в Европе снова благодаря крестьянам, которые, будучи вынуждаемы поспешно вооружаться, использовали для этого цепи, серпы и косы. Все еще не собрано хорошо оформленной и полной коллекции, которая продемонстрировала бы связь их с единым общим прототипом.

Интерес к этим видам оружия связан в основном с различными формами кривых мечей. Металлическое лезвие листообразной формы для колющего действия, которое, кажется, является одной из самых ранних форм, сохранившееся еще у сомалийцев и других дикарей, как я уже сказал, является явно наконечником копья, насаженным на деревянную рукоятку.

Опишу кратко меч раннего бронзового века, во время которого, кстати, почти повсеместной в Европе стала кремация. Это оружие можно назвать в определенной степени североевропейским, и, кажется, оно поднималось вверх по долинам великих рек: в Дании было найдено двести пятьдесят бронзовых мечей, а в Италии только шесть. Как правило, они имеют порядочную длину, в среднем около семидесяти пяти сантиметров; форма их либо

листообразная, либо полулистообразная, либо прямая со скошенным острием. Рукоятка их имеет два варианта: либо с хвостовиком, либо без. Хвостовик, если он есть, – широкий, длинный и имеет одно или более отверстий для заклепок; в этом случае материалом рукоятки являлось дерево, кость или рог. Многие же, однако, как вы позже увидите, являются цельнолитыми – как с гардой, так и без нее, в то время как последняя зачастую исчезает в полем треугольнике основания, в форме полумесяца или подковы, концы которых направлены к острию. Часто она служила также для принятия заклепок. Головка эфеса была разной, часто имея форму конуса, овала, шара или купола со ступеньками или складками, как на тыкве. В других случаях, особенно среди древних кельтов и германцев, эфес заканчивался вилкой или полумесяцем, рога которых, в наиболее роскошных экземплярах, были украшены спиралью.

Глава 6 ПРОТОСИДЕРИЙСКИЙ, ИЛИ РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ, ВЕК ОРУЖИЯ

Из всех металлургических процессов извлечение плавкого железа можно считать самым простым.

Перси. Железо

Вот мы и подошли к «царю металлов, всеокрушающему и все подчиняющему, единственной руде, сколь дружественной, столь и смертельной для человеческого рода, самому полезному и самому смертоносному в руках человека»¹⁷⁶, – железу.

По хроникам Пария («Чудеса Арунделии»), а вслед за ними – и по Трасиллу и ряду других авторов, работа с железом началась в 1432 году до н. э., т. е. за 248 лет до Троянской войны. Последняя, ключевая дата, как я покажу, является в высшей степени неопределенной; различные специалисты указывают сроки с разбросом в семьсот лет. Но жизнь Эллады – это одно сплошное «придаточное предложение»: греки были грязными хвастунами, по-детски наивными в своем тщеславии. Они крали чужие идеи (мудрые называют это их передачей) и приписывали себе изобретение всего. По их легендам, например, хиосец Главк изобрел технологию отливки стали. Де Гоге (1761 г.) повествует нам о том, что финикийцы одними из первых своих героев почитали двух братьев, которые открыли обработку железа; критяне относили это к самому долгому периоду своей истории¹⁷⁷, а идеанские дактили научились этому у «матери богов». Прометей (у Эсхила) хвастается тем, что он якобы научил людей создавать все металлы; он также носит железное кольцо, которое является не украшением, а звеном цепи, и, возможно, символизирует союз огня и руды. Технологию разработки железа относят то на счет циклонов на Сицилии, то на счет халибов¹⁷⁸, которые расселились с Колхиды в Испанию.

Клеменс (Алекс) считает, что открыли добычу плавкого железа племена из Дунайской

---

¹⁷⁶ Плиний. XXXIV, 9.

¹⁷⁷ Несчастные критяне получили имя «сущих лжецов» за рассказы о том, что, возможно, было правдой. Они показывали на своем острове могилу Юпитера, который, должно быть, изначально был неким героем или вождем, впоследствии обожествленным, – очевидно, таково одно из происхождений обожествления. Наговоры начал Каллимах. А потом родился и силлогический парадокс Эвбулида: «Эпименид сказал, что критяне – лжецы; Эпименид – критянин; следовательно, Эпименид – лжец; следовательно, критяне не лжецы; следовательно, Эпименид не лжец и т. д.»

¹⁷⁸ Халиб у Юстина (XIV, 3) – это река между Ана (Гуадиана) и Тагус; Птолемей и Марциан именовали ее (Κάλιους или Κάλιτος). Эсхил ссылается на изначальное значение этого слова, когда персонифицирует меч как «халибского чужака», и в той же трагедии («Семеро против Фив») именует его «кованной молотом скифской сталью».

Паннонии, которые обитали между Нориком (Штирия) и Мезией; и, наконец, чтобы закрыть тему, скажу, что мистер Дж. Фергюсон, аккуратный автор, пишет, что «арийцы (?) были теми, кто первыми стал использовать железо, за счет чего они возобладали над более древними народностями и изгнали (?) их».

Современные исследования подтвердили, что открытие и общее принятие «Марса» произошло где-то на заре истории; это не более чем теория, что везде друг друга сменяли эпохи кости и камня, меди и бронзы. Например, в Центральной Африке, где медь и олово недоступны, ясно, что человек первым использовал железо ¹⁷⁹.

Авторитетный автор мистер Джон В. Дэй, который был ответственным за разработку железа в Южной Индии, утверждает, что железо – как литое, так и кованое, а также его науглероженный вариант, сталь, – должно считаться, «несомненно, самым первым из веществ, полученных человеком». Этот автор, однако, отрицает, вопреки всем традициям, что «человек по мере прогресса использовал все более качественные материалы – «от мягких и деформируемых к твердым и прочным». Он считает, что человек, уже зная металлургию, «отдавал тем не менее предпочтение гораздо более удобным в обработке камню, кости и дереву», что все металлы, как благородные, так и неблагородные, так же как и драгоценные камни, были знакомы на Востоке «всем народам – и семитским, и арийским, и хамитским, и спорадическим, и аллофилийским, как добродетель цивилизации, возникшая благодаря естественному врожденному наитию». Египет он объявляет загадкой для тех, кто принимает идею о «постепенной эволюции человека от состояния дикаря, невежды», и выражает мнение, что тут имела место временная деградация.

Эти представления проходят сквозь древние металлургические суеверия и, кажется, доходят до крайности. Мы ничего не знаем о родине проточеловека, которая, возможно, находится глубоко под водой. Антропологи, считающие, что она находится в Месопотамии, «стране ариев» (Центральной Азии) или Эфиопии, рассматривают только происхождение существующего вида и исторический цикл. Наши исследования, насколько они продвинулись, позволяют предположить, что человек зародился в области полюса и что в седой древности каждый расовый центр имел свой собственный материал – дерево и рог, кость и камень, бронзу и железо.

По поводу нашего первого урока в железе мы должны вернуться, как обычно, к Кахи-Пта (область Пта), в долину Нила, которая стала матерью всех наук и технологий. Здесь Брюмсен приводит нам следующую таблицу:

---

¹⁷⁹ Распространенности в Африке железа мы обязаны тем фактом, что, кажется, африканцы перешли сразу же от каменных орудий к железным, пропустив промежуточный бронзовый период, который стоит между каменным и железным веками в Египте и других странах.

Иероглиф	Фонетическое значение	Перевод
	Ба	Земля, Металл, Душа, Круг, Зерно, Семя
	Ба	Железо
	Ба'а	Железо, Земля
	Ба'аэнпе (Бенипе или Пенипе)	Железо
	Бет	Железо

Мистер Дэй (который сам это все нарисовал), отметил, что «Ба» – это постоянная в фонетических значениях, связанных с различными иероглифами, имеющими отношение к железу, и склонен считать, что это синоним основного металла вообще. Он переводил бы саидское «бенипе» и коптское «пенипе» как «небес- (пе) – ный» (ни) «камень» (бе). На самом деле, наверное, первым использованным железом и был «небесный камень» – метеоритное железо. Доктор Бирч придерживается того мнения, что «ба» – это общий термин для металла, который принимал более конкретные значения, как и в греческом языке, путем формирования устойчивых сочетаний с прилагательными (белый, черный, желтый), означавшими качества руды. Итак, «ба» (металл, камень или твердое дерево) обозначается кубом или параллелограммом, характеризующим здание и строительные материалы.

Естественное железо можно разделить на две большие категории – взезмное и земное. Первое известно как метеоритное, или никеленосное. Мистер Дэй (с. 22–23) приводит анализ этой формы и берет, у Хладни и других, список тел, падавших в Сибири, Тюрингии и Дофине, в западноафриканской Либерии и в американских Санта-Фе-де-Богота и Канаане, Коннектикут. Хотя производилось много попыток обработки взезмного металла, все они пока что проваливались; из фосфора, никеля и его alter ego кобальта получаются, при нашем сегодняшнем уровне технологий, слишком хрупкие для использования предметы. Земное же, или «теллурическое», железо вновь подразделяется на два класса – почти чистая руда и природная сталь. По схеме Россета:

Железо – металл, ковкий и неплавкий

Сталь – металл, ковкий и плавкий

Чугун – металл, нековкий и плавкий

Тот факт, что железо было широко распространено в Древнем Египте, можно считать доказанным. Мистер А. Генри Ринд, вскрывая гробницу Себо (р. 68 до н. э.), отмечал на массивных дверях «железные засовы и гвозди, такие же сверкающие и гибкие, как и в тот день, когда они вышли из кузницы». Бельцони, умерший в 1823 году, нашел железный серп под ногой одного из карнакских сфинксов, датированных 600-м годом до н. э. В июне 1837 года мистер Дж. Р. Хилл, работавший на полковника Говарда Вайса, взламывая и раскапывая пирамиду в Гизе, нашел кусок железа, очевидно, зажим возле выхода из воздухопроводов: он был таким образом предохранен от ржавчины, и в его аутентичности сомневаться не пришлось. Одни предполагали, что его использовали для свеживания шкур и ловли рыбы; другие – при окончательном выравнивании поверхности облицовочного камня, но он заостряется с середины к краям с обеих сторон и сужается к одному концу.

Этот предмет вряд ли может датироваться более поздним периодом, чем 4000–3600 гг. до н. э., когда Хуфу (Хеопс) построил свою гробницу и начертал на своем иероглифическом

щите 180, или картуше, надпись

. Будучи увезенным в Британский музей, этот предмет привлекал мало внимания, пока доктор Лепсус на конгрессе ориенталистов (Лондон, 1874) не предположил, что он сделан из стали. Был проведен анализ (18 сентября); предмет легко поддавался нескольким оборотам сверла; поверхность отверстия оказалась белой и яркой, как свежий срез ковкого железа.

Начиная с этого открытия железные ножи для жертвоприношений находили в долине Нила, несмотря на усиленное окисление этого металла в климате жаркой и влажной категории. В

Булакском музее (Восточный зал) вместе с деревянными мечами находится прямое обоюдоострое железное лезвие с двумя ребрами жесткости по обеим сторонам. В другом зале лежит прямой обоюдоострый кинжал из позолоченного железа с закругленным концом.

Последнее оружие представлено сразу тремя экземплярами (Центральный зал).

Литература Египта полна намеков на использование железа ¹⁸¹. Преподобный Бэзил Х. Купер считает, что «железный царь» Мибамп, шестой наследник первобытного Мена (около 4560 г. до н. э.) ¹⁸², нес на своем картуше слово «Бенипе» и что не менее трех записей ¹⁸³

именуют его «любителем железа» (т. е. меча), «что показывает не только чрезвычайную древность использования железа, но, к сожалению (?), и самого ужасного зла из терзающих человечество – войны (?)». Так, мы видим, что XIX век повторил полуправду Геродота о том,

что «железо было придумано, чтобы ранить человека»; здесь придается значение, как мы видим, только одной стороне вопроса – злу Войны, без которой, я повторяю, сильные народы не смогли бы вытеснить слабые к общему благу человечества. Эпос о Пентавре, написанный

в храме Юпитера (примерно 1350 г. до н. э.), упоминает «железо» трижды; а фараон

Мене-Пта II, чей «меч не знал пощады», имел железные сосуды. В более поздней иероглифической литературе упоминания о нем становятся слишком многочисленны, чтобы заслуживать перечисления.

Древние египтяне, если верить Плутарху ¹⁸⁴, считали железо – костью Сета; в то время как магнит был костью враждебного ему бога Гора, у греков и римлян деградировавшего до Харона. Этот сидерит был известен эллинам в своем религиозном аспекте как $\text{H}\rho\alpha\kappa\lambda\epsilon\iota\alpha$

---

¹⁸⁰ Побывав в «гробницах султанов» в Каире, я нашел плиту из синего базальта с картушем Хуфу, используемую в качестве порога одного из зданий. Знаки на ней частично стерлись, но сам материал оказался слишком твердым для варваров, которые придумали ему такое применение.

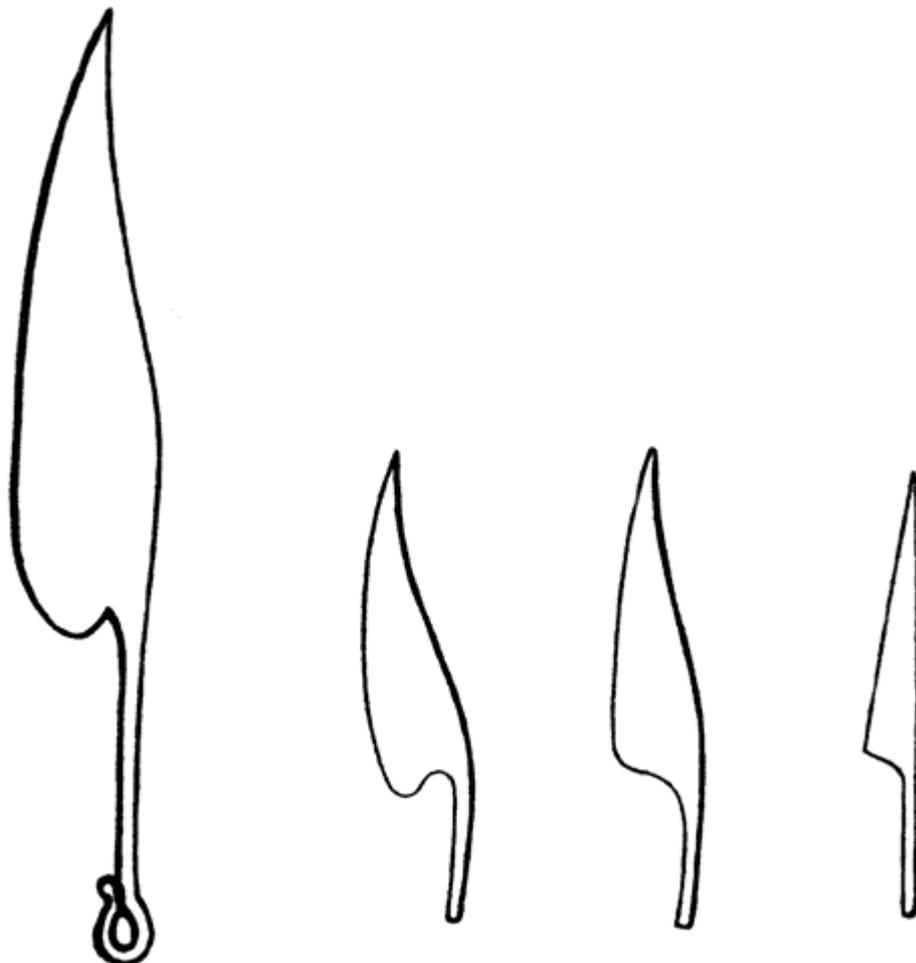
¹⁸¹ Я уже отмечал (гл. 4) цвета металлов в раскрашенных гробницах Фив и голубой цвет стали ножа для разделки мяса. История этого домашнего предмета поучительна. Сотни лет он сохранял, будь то в Англии или где-либо еще, свою изначальную форму – длинного конуса. В конце концов кому-то из сообразительных горожан пришла в голову идея разбить поверхность на четыре кромки и укрепить их никелем. Это простое усовершенствование теперь позволяет с его помощью заострять все – от иголки до бритвы: таким образом, это освобождает нас от необходимости в «бедном точильщике», который вполне заслужил свою бедность тем, что портил все, к чему только прикасался.

¹⁸² Я принимаю эту дату, поскольку она соответствует времени, когда весеннее равноденствие произошло в знаке Тельца. Самая ранняя из шести эпох, предлагаемая египтологами, – 5702 г. до н. э. (Бёкх), а самая поздняя – 3623 г. до н. э. (Бунсен); среднее между ними – 4573 г., а разброс составляет 2079 лет (Бругш. I, 30).

¹⁸³ Таблица Саккара (Мемфис), найденная примерно в конце 1864 г. Мариэтт-пашой, датируется временами Рамсеса Великого (XIII век до н. э.), и по ней Мибамп является первым из пятидесяти шести его наследников. Вторая – это новая таблица Абидоса, обнаруженная тоже в 1864 г. герром Дюммихеном: она позволила ученым подставить нечитаемое имя в третью – бесценный Туринский папирус, священный канон Птолемея. Мирбамп, Мирбап или Ми-ба памятников именуется в Мането «Миебид, сын Усарфеда».

¹⁸⁴ «De Iside et Osiride». Он цитирует Жреца Мането, который писал во время правления первого Птолемея и рассказал нелестную правду о Моисее, евреях и Исходе.

λίθος или Ἡράκλειον, что происходило либо от города Гераклея, либо от Геракла (Плиний. XXXVI, 25). Сидерит, или магнитный железняк, получил также название «живое железо», и раны, нанесенные им, считались более смертоносными, чем нанесенные оружием из обычной руды.

Рис. 103. Египетские ножи для жертвоприношений (железо)

Жителям долины Нила не нужно было далеко ходить за железом, которое в изобилии имеется в известном Вади-Хаммамат, одном из самых первых центров египетских разработок; и, как показал мистер Смит, оно собирается во всех трещинах в слоистом известняке ¹⁸⁵: его производят в Эфиопии (Судан и Абиссиния); а в Мидиане, где древние кемиты открыли медные шахты, железо появляется в форме черного песка и больших масс титаноносных ¹⁸⁶ и прочих руд. В памятниках (Карнакская таблица и т. д.) упоминается в списке предметов дани железо из земель тухи («честных людей»), ругенну (сирийцев и ассирийцев) и аси (возможно, это слово обозначает мятежников вообще?); из этих стран его экспортировали как в виде руды, так и в виде готовых слитков. Таблицы с перечислением дани Тутмосу III (1600 г. до н. э.) упоминают:

один красивый железный доспех от враждебного царя;
один красивый железный доспех от царя Мегиддо;
? фунтов весом, два железных доспеха от Нахарайна;

¹⁸⁵ Известняки Карниолы производят кучи пизолитов, которые остается только расплавить; так, возможно, начался ранний железный век Норикума и его окрестностей.

¹⁸⁶ Они предлагают магнито- и титаноносные железные пески Уиклоу, Новой Зеландии, Австралии и еще многих мест.

железный доспех (воинский) и пять железных шлемов (?).

Мистер Фрэнсис Гэлтон впервые обнаружил древние медные разработки на так называемом Синайском полуострове – черноватую массу, похожую на шлак от железа, которую он датировал домоисеевским временем.

С десяток лет спустя (в начале 1873 года) мистер Хартлэнд¹⁸⁷, изучая соединения, найденные в Вадис-Кемехе, Мукаттабе и Магарахе, обнаружил там несовершенно выработанную железную руду: анализ шлаков, которые кучами валялись среди разрушенных разработок, показывал пятьдесят три процента металла. Он определил, что шахты в Серабит-эль-Кадиме были созданы по принципу каталонской (или, скорее, корсиканской)ковки¹⁸⁸, и он обнаружил возле них храм и бараки охраны¹⁸⁹.

Трудно поверить, вслед за мистером Проктором, что Авраам, бродячий халдейский шейх, научил египтян астрономии, астрологии и арифметике; или, вслед за мистером Пиацци Смитом, что Мельхиседек, незначительный глава палестинской деревни, построил пирамиду. Но вполне логично предположить, что израэлиты отправлялись в свой Исход (или исходы, поскольку последних было, возможно, множество), унося с собой некоторые технические знания египтян.

По сведениям сэра Джона Лаббока («Доисторический человек»), «железо» упоминается в «Законе»¹⁹⁰ четыре раза, а «латунь» (медь, бронза?) – 38 раз. Из других источников мы имеем информацию о том, что этот металл был либо «ашут» (т. е. «обработанный», от корня «ашад») или «музак» («выплавленный», «отлитый», от корня «зак»). Господь грозит сделать «небеса подобными железу, а землю подобной меди» (Левит, 26, 19). Еще в Библии Египет сравнивается с железной печью, и упоминаются железные башмаки. Иов включает в перечень богатств скот, серебро, золото, латунь (медь?) и железо; он повествует нам (Кн. Иова, 28, 2), что «железо получается из земли; из камня выплавляется медь», и говорит о надписях на камне (19, 24): «Резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были». Но комментаторы не могут сойтись во мнениях на время работы этого автора, и в руках раввинов он постепенно становится все «моложе» – все ближе к современности – с каждым поколением.

Евреи встречали «железный век» везде, куда бы ни приходили. «Барзил» был среди металлов, которые Моисей взял у жителей Мидиана (Книга Чисел, 31, 22). Одр (скорее диван) Ога, царя Васанского, насчитывавший в длину девять локтей (по шестнадцать дюймов каждый) и четыре – в ширину, был из железа (Второзаконие, 3, 11). Иисус Навин говорит, что ханааниты имели «железные колесницы» (XVII, 16). Эти племена, вытесненные евреями, кажется, в совершенстве владели технологиями работы по металлу. Следы плавки

---

¹⁸⁷ Мистер Хартлэнд добавил кальки различных камней фараонов, чтобы «показать, как мало продвинулся разум цивилизованного человечества за 3000 лет». Поучительно! Но ведь, в конце концов, эти тридцать веков – лишь развитие одной из ветвей цивилизации, зародившейся в Египте.

¹⁸⁸ Корсиканская ковка – это просто ручная ковка кузнеца. В каталонской же используется тяжелый молот и меха; если использовались водяные меха, то для создания тяги требовался водопад. Штюкофен – это каталонская кузница, вытянутая вверх в форме прямоугольной или круглой шахты, 10–16 футов высотой.

¹⁸⁹ Надо отметить, что кремневые орудия находили по всем этим разработкам: мистер Хартлэнд привез оттуда домой кремневые наконечники для стрел. Я собрал небольшую коллекцию таких наконечников в Мидиане. Кстати, исходя из некоторых исследований обнаружилось, что Каир окружают древние кремневые мастерские. М. Лартет исследовал их в Южной Палестине; я находил их возле Бет-лехема тоже. Аббат Ричард и другие прослеживали их в Элбирехе (в Тибериаде) и, в последнее время, в Галгале, где распяли Иисуса. Чарльз Ф. Тируитт-Дрейк, путешествуя со мной, нашел мастерскую к востоку от Дамаска.

¹⁹⁰ Муверс («Phoniciér», II, 3), а его цитирует далее доктор Эванс («Бронза», 5), находит бронзу (медь?) 44 раза, а железо – 13 раз в Пятикнижии; он выдвигает теорию, что упоминания последнего – позднейшие добавления. Но когда Пятикнижие было написано в его теперешней форме?

металлов встречаются в Ливане, где я нашел медный самородок и где, в нашем уже веке, в шахтах стали добывать уголь и битум. Во многих частях страны, как, например, в Аргобе в древнем Башане, в изобилии добывают железные камни.

Древнефиникийский «Санкониатон» – неизвестно, имя это истории или ее автора – повествует нам, посредством греческого переводчика Фило из Библа, что этот народ был известен своими техниками, ремесленниками и кузнецами. Воинственные хетты, как будет показано далее, тоже умели работать с железом.

Из Египта использование железа распространилось через Малую Азию на восток до Нарайяна ¹⁹¹ и Двуречья – Месопотамии. Но о времени, когда это произошло, еще ведутся споры. Недавние раскопки мистера Джорджа Смита не привели к обнаружению железных предметов старше 1000–800 гг. до н. э. Мистер Дэй отмечает, что «пока что, до сегодняшнего дня, Месопотамия не произвела никакого четкого свидетельства в виде материальных предметов из железа, принадлежащих самым старым монархиям; тем не менее памятники этих древнейших времен очень многочисленны, и они предоставляют множество свидетельств знакомства народа того времени с железом». Позже Дэй приводит ссылки на железные кольца и браслеты, находящиеся в Британском музее, которые, возможно, являлись элементами цепей, в особенности на «ombos щита», как на наиболее совершенный пример ихковки, с которым он когда-либо встречался. В некоторых отношениях Дэй сомневается, что современная продукция его превосходит. Клинопись свидетельствует о кандалах из железа, и народ великой равнины Междуречья владел технологией отливки бронзы на железо ¹⁹², появившейся в нашей металлургии лишь недавно.

Согласно мистеру Дж. Смиуту, чисто ассирийского слова для обозначения железа ¹⁹³ не существует. Есть его обозначение в клинописи, но фонетическое значение или произношение его до сих пор не определено. Его, должно быть, начали использовать в 2000 г. до н. э. и находят в надписях всех эпох. Само слово считают принадлежащим древней туранской или протовавилонской расе (аккадской или шумерской), которая занимала долины рек и пользовалась более поздним ассирийским языком. В надписях у каждого бога имелся свой знак, и вышеприведенный символ сопровождает одно из божеств войны и охоты, как его атрибут.

Кэнон Роулинсон, с другой стороны, приписывает этому символу фонетическое значение «хуруд», который, таким образом, становится халдейским эквивалентом слова «железо». Вместе со своим замечательным братом он приходит к заключению: «в Ассирии есть два знака для металлов, в отношении которых непонятно, что из них является железом, а

что – латунью (или, скорее, бронзой). Это

и

».

Сэр Генри Роулинсон в целом склонен считать первый – бронзой, а второй железом, хотя первый фонетически нигде не приводится. Второй приводится в слоговой азбуке как эквивалент *Ḥurud* в аккадском и *Egi* в ассирийском. Мистер Джордж Смит меняет местами

---

¹⁹¹ В главе 9 я попытаюсь показать, что слово «Нарайян» (двойственное число от «Нар», «река») применялось также и к Палестине, в таких фразах, как «Тунипе («город волчьей ягоды») Нарайяна».

¹⁹² Доктор Перси обнаружил, что некоторые предметы ассирийской бронзы отливали вокруг поддержки-основы из более крепкого металла, таким образом добиваясь сочетания силы и легкости.

¹⁹³ М.Ф. Ленорман переводит «парзиллу» как железо; «абар» как свинец; «шипарру» как бронзу, «анаку» как олово; «эру», или «эруду», как медь или бронзу, «кашпу» – как серебро и «курашу» как золото. Этот ученый автор обнаружил в клинописи повторяющееся упоминание «кораблей Макан» и Кур-Маканната (горы Макан); посчитав ее крупным центром меди, он склонен соотносить ее с так называемым Синайским полуостровом. Я могу только отослать читателей к «Макна» в моих трех томах о стране Мидиан.

значения двух знаков. В общем, это крайне сомнительный вопрос.

После развала Протовавилонской, или Халдейской, империи (2300–1500 гг. до н. э.), когда трон правления Междуречьем переместился в долину Тигра и Евфрата, и во время трех периодов процветания Ассирии (1500–555 гг. до н. э.) железо использовалось очень широко.

По сведениям Лэйярда, железо добывали в горах Тияри, где все еще находят его в достаточных количествах, на горных склонах в трех-четыре дня пути от Мосула. Северо-западный дворец Нимруда (Калах) хранил среди куч мусора много ржавого железа и совершенный шлем, похожий на представленные на барельефах. Там были мечи и кинжалы, щиты и наручи, жезлы и наконечники стрел и копий, которые разваливались на части при извлечении. В числе тех нескольких экземпляров, которые сохранились, – наконечник трезубце-подобного оружия, несколько рукояток от мечей, большое копье с закругленным наконечником, несколько предметов, похожих на набалдашники кузнечных молотов, и двуручная пила из железа или стали (?) около трех футов восьми дюймов в длину и $4\frac{5}{8}$ дюйма в ширину для распила строительного леса. В Британском музее находится замечательная коллекция ассирийских железных листов, недокованных предметов: грубая треугольная шишка, в которой проделано круглое отверстие (нагретым пробойником?); несколько цилиндрической формы прутьев, прямых и изогнутых; скобы, гвозди и дверные петли; кольца различных размеров (одно – три дюйма диаметром); кольцо с серебряной печатью и, наконец, кусок двустороннего гребня. В гораздо более поздние времена ассирийцы из армии Ксеркса несли, согласно Геродоту, щиты, копья, кинжалы и деревянные дубинки, утыканные железными шипами.

Греки научились своей металлургии, как и искусствам, у Египта, и, вслед за финикийцами, рассеяли их по всему Западу. Во времена Тезея, согласно Уилкинсону, – т. е. в 1235 г. до н. э. – «железо не могло не быть известным, ибо его нашли похороненным с бронзовым (медным, латунным?) мечом и копьем». Греки не использовали железное оружие, и, возможно, не имели железа в своей первой иностранной военной кампании – Троянской войне. Парианские (Арунделианские) хроники (начало которых датируется 1582 г. до н. э.) и родосские мифы упоминают пожар в горах Крита, который научил металлургии идеанских дактилей¹⁹⁴; однако если рассматривать Египет, то это сравнительно поздняя дата.

Изучая металлы в руинах Гиссарлыка, доктор Шлиман отмечает: «Единственными железными предметами, которые я нашел, были ключ любопытной формы и несколько стрел и гвоздей, лежавших близко к поверхности». Это не доказательство, что железо не использовали, потому что Гомер несколько столетий спустя говорил о циане – стали голубого оттенка; это слово даже в античности переводилось как халиб (сталь). Исследователь замечает: «Предметы из стали могли существовать; я положительно верю, что они существовали; но они исчезли, не оставив и следа своего присутствия; ведь нам известно, что сталь и железо разлагаются гораздо быстрее и легче, чем медь». Однако вся книга настолько противоречива и ее заключения столь же неопределенны, что мы находим в ней – «номер 4 – высверленный кусок одного из троянских зарядов для пращи, снаружи покрытый патиной, а внутри – железного цвета», в то время как анализ показывает, что он состоял в основном из меди и серы. Среди современных (?) микенских находок, которые ныне некоторые авторитеты объявляют византийскими, а другие наблюдатели – кельтскими, доктор Шлиман находит железо в виде ножей и ключей, но считает, что эти предметы датируются достаточно поздними сроками, не старше V века до н. э.¹⁹⁵

В это же время железо уже было широко распространено по всей Греции. В IV веке

---

¹⁹⁴ Преподобный Б.Н. Купер считает, что слово «ида» произошло от семитского «яд» (рука), и, соответственно, называет дактили, или пальцы, ее пиками.

¹⁹⁵ Согласно Павсанию, Алиатт, царь лидийский (570 г. до н. э.), принес в жертву своему богу среди остальных подношений и железную соусницу с инкрустацией.

Аристотель («Метеорология») долго распространяется на тему железа и его модификаций. Один отрывок гласит: «Ковкое железо можно расплавить, тогда оно становится жидким и затем затвердевает вновь; так создается сталь, поскольку железо оседает и скапливается у дна, и после нескольких очисток получается сталь. Но часто это не делают, ибо потери при этом очень велики, и при очистке много веса теряется. Но железо становится тем превосходнее, чем больше уходит шлака». Даимах, современник Аристотеля, говорит о стали: «есть сталь халибская¹⁹⁶, синопская, лидийская и лакедемонийская. Халибская – наилучшая для инструментов плотника; лакедемонийская – для шпилек, сверла, зубил и инструментов гравера; лидийская – тоже годится для шпилек, а также для ножей, бритв и терок». Авиценна (Абу Али Сина), в своей пятой книге, «De Anima»¹⁹⁷, соглашаясь с Роджером Бэконом, разделял металл на три вида: 1) железо, подходящий материал для молотов и наковален, но не для режущих инструментов; 2) сталь¹⁹⁸; она чище и более теплее, из-за этого хуже плавится, но лучше держит форму; 3) андена, плавкая при низкой температуре, являющаяся чем-то средним между железом и сталью. Очевидно, последнее – это «хиндия», или «хиндиянех», «*ferrum indicum*».

Римляне, будучи большими космополитами, нежели греки, придавали больше значения богатствам недр своих завоеванных территорий, и тщательно выбирали наилучшие *acies*¹⁹⁹ для своего оружия. Диодор Сицилийский²⁰⁰ описывает процесс, которым кельтиберы готовили железо для своих мечей. Плиний, бывший прокуратором Испании при императоре Веспасиане, мог изучать добычу железной руды в стране, где до сих пор производится знаменитая толедская сталь. Он характеризует этот металл в целом как повсеместно используемый и имеющийся во всех уголках света – особенно на Ильве, ныне Эльба, где находятся шахты по добыче «олигисте», или «зеркального железа». Его процесс производства стали таков же, как и у греков. «*Fornacum maxima differentia est; in eis equidem nucleus ferri excoquitur ad indurandum; aliter alioque modo ad densandas incudes, malleorumve rostra*»²⁰¹ (XXXIV, 41). Так, выходит, что сталь римляне делали по одной технологии, а укрепляли и закаляли инструменты, копья и наковальни – по другой. «Возможно, – заявляет доктор Мартин Листер, – последние варили в настыли, как позволяет предположить термин «*densare*».

Римские шахтные разработки часто проводились с большим размахом. В Динском лесу и в Кенте и Сассексе, не говоря уж о других частях Англии, находятся кучи старого шлака, в

---

¹⁹⁶ Ни из этого, ни из какого другого отрывка нельзя сделать однозначный вывод о том, дало ли племя халибов имя стали («*chalybs*»), или, наоборот, это ремесленников стали называть по имени обрабатываемого материала.

¹⁹⁷ «О душе» (лат.).

¹⁹⁸ Полковник Юл отмечает, что в Средние века сталь считалась отдельным металлом, получаемым из собственной руды, и приводит изумление туземца, которому английский офицер пытался рассказать о процессе закаливания: «Вы что, хотите убедить меня, что, если я засуну осла в огонь, он выйдет оттуда конем?»

¹⁹⁹ «*Acies*» дословно переводится как «лезвие», то есть стальная, или режущая часть инструмента, которая могла быть укреплена. Отсюда происходят позднейшие слова «*asciare*» – делать сталь, «*asciagium*» – заостренная сталь, а также неолатинское «*asciag*», «*asciaio*».

²⁰⁰ Доктор Эванс говорит: «Я не могу сказать, насколько их метод – закапывать железо в землю, пока оно частично не разложится, – делает состав оставшейся части более близким к стали». О таком закапывании много говорится, однако на практике я не встречал ни одного случая.

²⁰¹ «Отлив же сильно различается; в нем воистину железное ядро, выплавленное из недолговечного; иначе, другим способом делаются наковальни, на которых куются лучшие клинки» (лат.).

котором обнаруживается классическая керамика и монеты времен Нерона, Веспасиана и Диоклетиана. Там подумали королек ²⁰² путем прямого процесса, с использованием древесного угля в примитивных каталонских горнах; выработка была несовершенна, и в шлаках содержался большой процент металла. Древние штольни и шахты в Шропшире ²⁰³ и других местах еще сохранили примитивные инструменты, которыми местные жители работали на каторге. На склонах холмов Картахены, на побережье Мурсии (Юго-Восточная Испания), первые картахенские колонисты добывали свинец и серебро; эта отрасль была на высоте, когда Новый Карфаген, под римским владычеством, стал (в 200 г. до н. э.) процветающим муниципием, центром с многочисленным населением. В этот период там регулярно было задействовано до 40 тысяч рабочих рук. В VII веке арабское нашествие привело к разрушению шахт не только этого района, но и всех остальных провинций, оккупированных маврами. Где-то в середине XV века началось возрождение, но оно прервалось в начале XVI века, когда открылись шахты Испанской Америки: император Карл V тоже не хотел, чтобы землю его европейских владений уродовали шахты. Шахтеры массово эмигрировали, и Новый Карфаген был заброшен вплоть до последнего пятидесятилетия. Согласно М. Альфреду Массарту ²⁰⁴, древние массы свинецсодержащих шлаков были достаточно богаты, чтобы оплатить их вторичную выработку. С территории в восемь квадратных лиг было извлечено около 800 тысяч тонн железной руды, две трети которой были железно-марганцевыми, и от 20 до 25 тысяч тонн свинца, среди которых было 30 тысяч килограммов серебра. Что же касается использования британцами железа до римского завоевания, то тут мы можем честно считать, не придавая значения легенде о «Милезиусе», что здесь отрасль тоже мигрировала на север от испанского центра. Так, мистер Хаттон, местный историк Бирмингема, считает, что мечи производились здесь и до высадки Юлия Цезаря.

Из Ассирии использование железа распространилось через Персию в Индию, Индокитай, Китай и Японию. Профессор Макс Мюллер, как справедливо отметил мистер Дэй, сам себе противоречит, утверждая в одном месте, что «железо не было известно до распада арийской семьи», а в другом – что «еще до разделения арийского народа... несомненно, железо уже было известно и ценилось очень высоко». Здесь санскритолог явно изменил свое первоначальное мнение, поскольку отмечает, что «*Ayas*» может означать также медь или бронзу. В Ригведе упоминаются кольчуги, топоры и оружие из железа; но мы далеки от того, чтобы датировать это произведение 1300 годом до н. э., и можем с полной уверенностью сказать, что в своем современном виде оно появилось в первые несколько веков христианской эры. Достоверные упоминания о железе в Индии, которые мы имеем, относятся только к началу аутентичной истории, когда греческая проницательность была применена к великой абсурдности индусского сюжета ²⁰⁵. Малли и оксидраки предоставили

---

²⁰² *Regulus* – «королек» – это остаток чистого металла, очищенного от примесей; алхимики древности называли его так потому, что ожидали найти «короля – золото».

²⁰³ На антропологическом конгрессе в Зальцбурге, Австрия (август 1881), инструменты, отнесенные на счет «кельтских» шахтеров, были почти такими же, как и те, что я видел иод Врекином.

²⁰⁴ *Ingenieur des Mines: Gisements metalliferes du District de Carthagene (Espagne)*. Льеж, 1875; вклад в «Протоколы Бельгийского геологического общества», результат обширного геологического и минералогического наблюдения. На цветной карте показана последовательность слоев (действительная и в идеальном порядке), и она такова: третичный известняк, железная руда (карбонатная, марганецсодержащая или свинецсодержащая), сланцы, сернистый цинк, сланцы, силикатированное железо и сланцы.

²⁰⁵ Мистер Дэй («Общая таблица терминологии», приведенная в конце этой главы), цитирует как «древнесанскритские» два имени железа – «ар» или «ара», означающее планету Марс («Арес») или Сатурн, железо (оксид железа, железный камень?), латунь (медь?) и «аяс» (от «аяскант» – магнитный железняк, и «аяскар», кузнец) – это слово уже отмечалось в связи с «аес». Но к своему «древнесанскритское» мистер Дэй

Александрю сто талантов индийской стали, спрессованной в бруски, так же как и Ахиллес Гомера примерно за тысячу лет до того предложил на похоронах Патрокла «грубо выплавленный кусок железа» (самовыплавленный?), который был использован Эетионом для швыряния во врага и снабдил хозяйство металлом на пять лет. «Яркое железо» Иезекииля, поименованное в числе изделий Тира с коричневым деревом и айром, представляло собой, возможно, тот же самый материал. Перипл отмечает «sideros indicos» и стому (сталь) как предметы импорта в абиссинские гавани. Даимах и Плиний определяют в числе самых дорогих видов стали «ferrum Indicum» и «ferrum Sericum»; а Салмаций ссылается на греческое исследование в области химии «О закалке индийской стали».

Период масштабных разработок железа в Индии, кажется, был в IV и V веках, когда кузнецы были искусны и в их распоряжении был неограниченный объем наилучшего металла. «Лат», или железная колонна из Дели, не говоря уж о всем остальном, – это сплошной столб, что говорит о том, что этот народ не умел создавать сердечники. Это просто кусок кованого металла; подсчитано, что он весит 17 тонн и в нем содержится 80 кубических футов металла; что диаметр столба 16,4 дюйма и сужается он до 12,05 дюйма. Высота над землей – 22 фута, а раскопки глубиной 26 футов не докопались до основания; соответственно, длина его, как минимум, 48 футов. Многочисленные надписи, нанесенные на нее, имеют различную датировку: Принцеп ²⁰⁶приписывает III–IV векам надписи Нагари, в которой Рад- жад Дхава так «прославил его»: «Он, узнав о военных приготовлениях и укреплениях своих врагов с их хорошими солдатами и союзниками, памятник славы вырезал на их телах мечом своим; он, будучи владыкой семи преимуществ, пересек (Индию?), и до такой степени подчинил валиков из Синдху (NB: вряд ли они могли быть «народом балкх»), что даже сейчас его дисциплинированные силы и укрепления на юге (реки) свято чтятся ими».

Металлурги все спорят о том, как именно был выкован этот огромный железный столб. Однако, кажется, один автор нащупал решение проблемы: «Эта колонна могла создаваться путем помещения одна на другую тонких железных пластин; по мере роста колонны вокруг нее разводили огонь, а чтобы верх колонны оставался досягаем для работы, вокруг нее постепенно насыпалась земля». Таким же образом объяснялось и строительство пирамид – насыпями.

Но Лат – не единственное чудо индийской металлургии. Мистер Джеймс Фергюсон обнаружил в храме Канарук, или Черной пагоде округа Мадрас, пучки кованого железа около двадцати одного фута в длину и восьми дюймов в поперечном сечении, поддерживающие крышу, которую индусы, в своем недоверии к аркам, построили в своей обычной опорной системе. В храме Махавеллипура он обнаружил отверстия под подобные опоры. Черную пагоду он датирует 1236–1241 годами, а Махавеллипур – любым временем между X и XIV веками ²⁰⁷. Полковник Пирс Р.А. предоставил администраторам

добавляет «возможно, 1500 г. до н. э.», и здесь опять же мы распознаем руку мастера коварного народа, который

...глубокой и
солидной ложью знаменит.

²⁰⁶ Тот «дикарь», который впервые прочел надписи. Датировка колеблется от X века до н. э. до 1052 (!) г.

²⁰⁷ Мистер Дэй (цитируя «Иллюстрации древней архитектуры Индостана» Фергюсона. Лондон, 1848) предупреждает своих читателей о том, что «на датировки мистера Фергюсона полагаться нельзя, каким бы несомненным авторитетом ни обладали его работы в других вопросах. Здесь снова мы видим пример сбивающего с толку влияния санскритологов, которые позволили себе быть обманутыми «средними индусами». Мистер Дэй все сводит к X веку до н. э., когда Индию населяли, как у нас есть причины полагать, просто дикари.

Британского музея уникальное собрание архаичных инструментов из железа и стали, зубил, ланцетов, ковшей и тому подобных предметов, раскопанных в курганах Вари-Гаон под Кампти. Но нет никаких оснований датировать их «около 1500 года до н. э., или временем Моисея».

Ferrum Indicum ²⁰⁸ классических авторов все еще может быть представлено вутцем ²⁰⁹ – «природной индийской сталью», которую до сих пор так высоко ценят в качестве материала для производства мечей в Персии и Афганистане. Экземпляры, впервые присланные в 1795 году в Лондонское королевское общество, были проанализированы мистером М. Хитом, результаты анализа см. ниже ²¹⁰.

Филипс пишет в «Металлургии», что Фарадей нашел в «вутце» 0,0128–0,0695 процента алюминия и приписал «дамасскость» лезвий его присутствию. Карстен после трех экспериментов и мистер Т.Х. Генри не смогли его там найти и предположили, что алюминий мог получиться в результате примесей шлака, содержащего силикат глинозема.

Полковник Юл отмечает, что вутц был, по крайней мере частично, знаменитой индийской сталью, «хундувани» средневековых персидских купцов, «анданикум» или «онданик» Марко Поло и «алкинде» древних испанцев. В XVI веке экспорт шел в основном из Батикалы в Канаре. Король Португалии жаловался (в 1591 г.) на то, что большие объемы его привозили на кораблях из Чауля, чтобы продавать на Красном море туркам и на побережье Африки возле Мелинд. И я замечу, что эта промышленность никоим образом не утверждает величия цивилизации – в Индии, или где бы то ни было ²¹¹: как отмечает доктор Перси, «примитивный способ извлечения хорошего плавкого железа напрямую из руды, которым еще пользуются в Индии и в Африке, требует навыков низшего уровня по

---

²⁰⁸ Современные индийцы называют сталь «палдах», от персидского слова «пулад», араб, «фулад». К испанской стали они применяют термины «испат», «сукхела» и «толад». Их излюбленным испытанием для металла меча является проверка мягким золотым прутом, который должен оставить полосу.

²⁰⁹ Полковник Юл не считает это слово оригинальным, и тому есть причины – индо-финикийский («сафа») алфавит не содержит букв «В» и «З». Впервые это слово встречается в «Экспериментах и наблюдениях об исследовании природы вида стали, производимого в Бомбее, именуемого там «вутц» Пирсона (доклад, зачитанный перед Королевским обществом 11 июня 1795 г.). Он отмечает, что «доктор Скотт из Бомбея в письме президенту известил его о том, что выслал «образцы вещества, известного под именем «вутц», которое, как было решено, является видом стали и высоко ценится среди индийцев». В «Машинах войны» Уилкинсона (1841) мы читаем, что «стальные блоки именуются «вутц».

Доктор Е. Балфур утверждает, что слова «учха» и «ничха» (на одном из языков Индии – «высокий» и «низкий») означают в Канарских провинциях высшее и низшее описание предметов и что «вутц» может быть искажением последнего. Полковник Юл и его соавтор «Словаря индийских слов», недавно почивший доктор Бернелл, придерживались мнения, что причиной появления этого слова является некая ошибка при передаче слова, возможно, слова «вук», означавшего канарское «укку» – «сталь».

C	Комбинирован	1,333
	Некомбинирован	0,312
Si	.....	0,045
S	.....	0,181
As	.....	0,037
Fe (дифференцировка)	.....	98,092
		<hr/>
		100,000

²¹¹ М. Келлер (президент Швейцарского антропологического общества) отмечает, что в доисторических слоях находят грубые шишки, кубические блоки плавкого металла, двоянные пирамиды весом 10–16 фунтов. Возможно, они были произведены первобытными каталонцами. Куски железного шлака, разрабатываемого кельтами, были обнаружены в 1862 г. в холмах Шевье.

сравнению с теми, которые требуются при производстве бронзы».

Система производства вутца, особенно в Салеме и некоторых частях Майсора, описана многими авторами. Кусок плавкого железа, полученного из магнитной руды, около фунта весом, мелко дробится, увлажняется и помещается в горн из огнеупорной глины вперемежку с мелко нарубленными кусками древесины (*Cassia auriculata*), где укладывается без шлака.

Затем открытые горшки покрываются зелеными листьями *Asclepias gigantea* или *Convolvulus lanifolius*, поверх которых накладывается сырая глина, высушенная на солнце до твердого состояния. Древесный уголь в качестве замены зеленых веток не годится. Дюжины две таких тиглей помещается на пол печи, жар в которой поддерживается с помощью мехов из бычьих пузырей. Топливо по большей части представляет собой древесный уголь и высушенные на солнце коровьи лепешки. Через два-три часа плавки тигли остужают и раскалывают, и оттуда извлекается королек, формой и размером напоминающий половину яйца. Согласно Тавернье, самые лучшие шпешечки делаются под Голкондой, размером они с монету в полпенни, и их достаточно, чтобы сделать два меча (?). Из этих шпешек делают прутья путем выставления на несколько часов на огонь из древесного угля, жара которого было бы недостаточно, чтобы расплавить; шпешки вертят перед поддувалом, и в процессе этого слишком сильно углеродистая сталь окисляется ²¹².

Наковальня представляет собой железный куб без заостренного конца. Отмечают три вида индийских кузнечных мехов. Народ, любящий «*stare super antiquas vias*» (ступать по древним дорогам), не знает «горячего поддува»: это устройство вызывает более активное горение, факт чего «окончательно установлен», но так до сих пор и не объяснен.

Согласно профессору Олдхэму, вутц изготовляют также в долине Дамуда, в Бирбхаме, Дюче, Нарайанпуре, Дамре и Гоанпуре. В 1852 году в Дюче было около тридцати печей, в которых из руды выплавлялась «качха», или грубое железо, маленькие стальные заготовки каталонского литья. Еще столько же печей другой конструкции превращали его в «пакка» – необработанную сталь. Работа эта имела социальное разделение: хинди (мусульмане) работали над грубым металлом, а работу по очистке его выполняли индусы. Я читал, что в древности большое количество вутца находило свой путь на запад через Пешавар.

Когда я в последний раз был в горах Махабалешвар близ Бомбея (19 апреля 1876 года), я имел удовольствие общаться с мистером Джойнером С.Е. и с его помощью исследовал этот процесс самостоятельно. Весь хребет Сайхадри (Западные Гаты), и особенно горы «могущества Шивы» много веков снабжали Персию самой лучшей сталью. Наше правительство начиная с 1866 года запретило эту деятельность, так как она грозила лишить леса все горы. Руду добывали горные племена, самыми важными из которых являются дханвары, дравиды. От множества их печей остались только кирпичи. В качестве топлива они предпочитали древесину джумбул и анджан, или железное дерево, укладывая послойно железо и четырнадцать фунтов древесного угля; после двух часов постоянной работы мехов металл отливали в формы. «Курс» (болванка), пять дюймов диаметром и два с половиной – высотой, разбивалась потом на пластины – «тавас». Матрица напоминает бразильскую, где желто-коричневый лимонит, бурый железняк, полосками залегает в грязного цвета глине; последние исследования опровергли распространенные представления о том, что в металле найдено «разводнение» поверхности. Джахуар («драгоценный камень», или многослойность) так называемой дамасской стали достигалась искусственным образом, по большей части путем раскатывания стали на тонкие полосы, которые затем сковывались воедино молотом. После этого друг прислал мне чернильницу из махабалешского железа

---

²¹² Таков процесс изготовления вутца, каким его описывает мистер Хит; другие помещают металл вместе с мелко нарубленными кусками *asclepias*, наравне с *cassia*. Доктор Перси приводит описание плавки железа в Индии. Он отмечает три разновидности вещества: 1) грубое, как то, из которого делают дымоходы, – им пользуются горные племена Западной Индии, 2) простая каталонская отливка и 3) ранняя форма штюкофена. Двумя последними пользуются в Центральной Индии и провинциях.

Я не получил от индийцев свидетельств о том, чтобы они закапывали железо в землю, пока не будет получена «сердцевина». Но они хорошо знакомы с закалкой путем погружения в холод, что отмечал Салмаций: они все еще верят, как и Плиний, Джастин и ряд других, в «меч, закаленный в ручье», и все придерживаются того мнения, что закалка металла очень сильно зависит от качества воды. Тонкие предметы они мгновенно охлаждают в масле, этот метод упоминает еще и Плиний, но индийцы не знают его утверждения (XXVIII, 41) о том, что ржавчина, производимая кровью кохта, лучше заостряет железное лезвие, чем напильник. Не слышал о том, чтобы индийцы когда-либо использовали для быстрого охлаждения ртуть, наилучший проводник тепла.

В Бирме, как и в Индии, причудливой отличительной особенностью плавки железа является использование в качестве топлива сырого дерева. На Яву египетские технологии попали из Индии, которая колонизировала ее в начале христианской эры: индеец, ныне оседлый, тогда был путешественником и исследователем. Доктор Перси описывает процесс плавки железа на Борнео, где производится парангиланг, причудливое мечеподобное оружие, одинаково годящееся на то, чтобы валить деревья и людей ²¹⁴. С другой стороны, на Таити капитан Кук не смог заставить туземцев оценить использование металла, пока его оружейник не выковал железный струг, по форме напоминающий туземный.

Самое старое, да и единственное, китайское слово для обозначения железа – это «ти», раньше произносившееся как «тит». Впервые оно упоминается в списке подношений Ю в разделе Ю-Куна правления Шу, и, по предварительным оценкам, последнее датируется 2200–2000 годами до н. э. Если это действительно так, то иероглифические надписи на таблицах процветали среди «бак» лет за пятьсот до иудейских скрижалей, когда греческая нация еще не начала даже формироваться. Либо синологи, как и санскритологи, были введены в заблуждение искусными туземцами и приняли абсурдные претензии на древность культуры, которые всегда выдвигают полуварварские народы, либо, что вряд ли, Китай создал центр гуранской цивилизации, полностью независимой от Египта и Халдеи.

Действительно, в манере письма отражен некий контакт идей. Кемиты обозначали «человека» и «глаз», копируя природу; возможно, китайцы делали то же самое. Но туранские символы потеряли, по законам редукции изображения, оригинальный вид; «человек» стал – «цзин», парой ног; «глаз» – «му», как будто рисовался с кошки. Картинка-оригинал из ассирийской слоговой азбуки была успешно установлена преподобным У. Хотонном, но более поздние формы столь же редуцированы, как и иератические и демотические египетские.

Отрывок, на который я ссылался выше, увеличивает количество предметов дани; перечисляя среди них «музыкальные инструменты, железо, серебро, сталь, камни для наконечников стрел, звучащие камни, шкуры медведей, больших медведей, лис, шакалов, а также предметы из их шерсти». В примечании доктор Ледж добавляет: «под «ти» нам следует понимать «мягкое железо», а под «лоу» – «твердое железо», или «сталь». Во время династии Хань «хозяева железа» назначались в различных местах старого Лингчу для надзора за разработками железа. Ца Е упоминает двух человек, отмеченных в «исторических записях»: одного по фамилии Чо, а другого – по фамилии Чинг, оба настолько разбогатели на своих плавильнях, что сравниваюсь с князьями. Согласно преподобному доктору Эдкинсу, «за исключением этого отрывка, прямых упоминаний железа в документах старше 1000 г. до н. э., возможно, нет»; и, кажется, это утверждение и определяет датировку китайской технологии и цивилизации.

Около 400 года до н. э. знаменитый писатель и философ Ле-цзы упоминает сталь и

²¹³ Как мы увидим из части II, дамаская сталь может производиться несколькими путями; однако наиболее характерная она получается с помощью метода, который описан выше.

²¹⁴ Мечи священников Борнео и островитян Тимора и Ротти сфотографированы куратором собрания Кристи.

описывает процесс ее закалки. В «Канг Хи Цзе Тьен», более известном как «Словарь Канг Хи», опубликованном примерно в 1710 г., автор, современник Аристотеля, утверждает, что «красное лезвие перерубит ху (жадеит или нефрит) так же легко, как грязь». Мистер Дэй понимает это как «лезвие красноватого оттенка», а красный – один из многих оттенков, которые принимает сталь в процессе закалки. Это точно не может относиться к стали, раскаленной докрасна, которая не оказала бы воздействия на *pietra dura* («твердый камень»).

Описание производства стали в 400 г. до н. э. настолько совершенно, что оно именуется и описывает различные ее виды. Первичная обработка позволяет получить «тванг-канг», или «шариковую сталь», называемую так из-за округлой формы болванок, или «кванг-канг» – «орошенную сталь», названную так из-за обработки холодным обливанием. Называется там также и «вей-ти», или ложная сталь. Автор утверждает: «когда я был послан по официальному делу к Цзешоу и посетил там плавильни, я впервые понял это. В железе уже есть сталь, как в еде есть вермишель. Поставьте его в огонь сотню раз или больше; с каждым разом оно будет становиться все легче. Если продолжать обжиг, пока вес не перестанет уменьшаться, это и будет чистая сталь»²¹⁵.

В начале нашей эры Государственное казначейство обложило железо налогом, что показывает признание важности производства. Согласно «Пи Тан», или «Разговору с карандашом», написанному примерно во времена династии Мин (1366–1644 гг. н. э.), сталь делалась таким образом: «Лист кованого железа сгибается, и в него бросается некованое железо (т. е. железная руда или литое железо); все это накрывается сверху грязью и подвергается воздействию огня, а затем молота». Это древний и хорошо известный процесс производства стали, практикуемый греками. Кованое железо либо погружалось в расплавленное железо, как в ванну, либо нагревалось вперемешку с железной рудой и слоями древесного угля, предназначенного для сгорания, покрытое сверху глиной для устранения влияния атмосферы, – такая обработка чем-то похожа на то, что сейчас называется науглероживанием. Таким образом, руда обескисливается, контактируя с избыточным количеством углерода; в результате получается плавное углеродистое соединение. Достаточно любопытно, как наблюдает мистер Дэй, обнаружить, что Аристотель и Ле-цзы описывали один и тот же процесс примерно в одно и то же время. Но я не уверен, что этот факт имеет какое-то отношение к «старой доктрине об изначальном единстве человеческой расы, где каждая ветвь ее несет с собой то общее знание, которым обладало все человечество до разделения». Мистер Дэй, как я уже сказал, систематически противостоит «Теории высокой древности»; и хотя придерживается хронологии Библии и Откровения святого Иоанна Богослова, но имеет любопытную тенденцию к мистической этимологии школы Якоба Брианта и устаревшим теориям Фаллика, которые оживила ученая и талантливая недавняя работа доктора Инмана.

«Пент Сао», также относимое ко временам династии Мин, повествует о трех видах стали, используемой для производства ножей и мечей; это разделение вновь напоминает нам о Даимахе. Первая производится путем добавления кованого железа к некованому и подвергания всей массы воздействию огня. Вторая – продукт многократной обработки огнем, как это делается в Африке. Третья – природная сталь, производимая на юго-западе Шанхая: «Внешне она напоминает камень, именуемый «цзе ши инь» («цветение пурпурного камня»). Понятно, что процесс ее изготовления хранится в тайне. Выше всего ценится сталь Ханкоу, которую Тьенцин получает с верховьев Янцзы. Она ценится гораздо выше, чем лучшая английская и шведская импортируемая сталь. Китайцы, как и «кафиры», считают ее «поганым железом».

Есть в Китае и свой мифический кузнец, как Вёлунд, северный Дедал. Мы читаем, что Хоанг-та-тье из Тянь Чо, живший в эпоху Сунг, пошел по пути работы по железу. Каждый раз, принимаясь за работу, он без замедления призывал Амиту Будду.

---

²¹⁵ В Персии мне сказали, что это один из секретов того, как сделать чистейшие хорасанские лезвия.

Однажды он представил соседям такие стихи собственного сочинения:

Дин-дон! – так молот бьет, неутомим,
Пока железо сталью не сверкнет под ним.
Теперь же отдохнуть пора и нам.
Блаженная зовет меня страна.

После чего умер. Но стихи его разошлись по всему Хонану, и многие научились взывать к Будде.

Старейшие китайские разработки железа проводились в Шаньсяни, где находятся неистощимые запасы угля и руды и где металл добывают по сей день. В 1875 году комиссар Ли Хунг Чанг, получивший повышение с губернатора до министра молодого царя, послал мистера Джеймса Хендерсона в Англию, приказав тому привезти самые современные устройства для добычи и обработки металла. Возникло предложение строить новые заводы в Цзешоу, городе, находящемся на двести миль юго-западнее Тяньцзиня, столицы генерал-губернатора. Мистер Хендерсон побывал в 1874 году в этом заведении, которое было раньше описано бароном фон Рихтофеном и доктором Уильямсоном. Железная руда, купленная в Пиндиншане, была исследована в Королевской школе шахт в Лондоне, со следующим результатом: пятьдесят процентов железа, рассыпного гематита, с маленьким или нулевым содержанием серы.

Месье Сево, инженер шахт, долго живший в Японии, изучал разработку железа в провинции Икоуно. Он обнаружил, что этот народ пользуется несовершенным каталонским методом, но может обработать за один раз 16 тысяч килограммов руды и производить болванки весом 1300 килограммов. Эти огромные слитки ломают молотом, построенным по той же конструкции, что и используемый при забивке свай, приводимым в движение колесом 11,5 метра в диаметре, движимым людьми. Это описание не является многообещающим; но Япония, хоть и придерживается древних методов в неизвестных европейцам районах, производит более дешевое железо, чем Англия. О превосходных японских мечях я еще расскажу в части II.

Народ Мадагаскара добывал железо, но пользовался для именованя его малайским словом, поэтому мистер Кроуфорд видит корни мадагаскарской металлургии в Малакке. Однако и из Малайзии эта технология далеко на восток не продвинулась: согласно мистеру Э.Б. Тайлору, «в Новой Зеландии, где есть хорошая железная руда, до появления европейцев железа не знали».

Перейдя к Американскому континенту, мы находим обширную медную промышленность, но так мало железа, что до последнего времени предполагалось, будто туземцы его вообще не добывали. Однако недалеко от озера Титикака были обнаружены шахты инков; а раскопки в могильных курганах таинственных «строителей курганов», которые, возможно, пытались воспроизвести египетские пирамиды, привели к обнаружению топоров, описанных как сделанные из «гематитовой железной руды», одного из наиболее легкоплавких металлов, являющегося, по-видимому, из-за этого и первым, который стали добывать. Мистер Дэй, упоминающий один из этих орудий-оружий со «следами от молотка», предполагает, что это «металлическое железо», объявляя гематит «чрезвычайно ломким и абсолютно не поддающимся ковке»²¹⁶. Он цитирует мистера Чарльза Эббота, который получил другие предметы производства аборигенов из курганов. Один топор был четыре с половиной дюйма в длину и два – в ширину, имел почти одинаковую толщину: три шестнадцатых дюйма; у него была четко определенная кромка, которая, как показывает ее слегка волнообразный край и изменяющаяся ширина, была, видимо, отбита молотом, а не

---

²¹⁶ Если я не сильно ошибаюсь, я видел железные инструменты, сделанные из гематита, возле золотых шахт старого Гонго-Сокко в Минас-Жераес, Бразилия. Обработанный гематит упоминается также на Кипре генералом Пальмой (ди Чеснола).

отточена. Согласно майору Хотчкиссу, у которого было еще два похожих образца, набор из четырех предметов был найден под корнями дерева на индейской тропе в Западной Вирджинии.

Куски необработанного гематита, маленькие и неправильной формы, использовались вместо кремня как материал для наконечников стрел. Мистер Эббот отмечает также «любопытную форму находок, известную как «грузило», иногда встречающееся и сделанное из железной руды: один образец сделан из железной руды, отшлифованной до гладкости стекла». Такие «грузила» находят в западных пирамидах и на поверхности земли по всему Атлантическому побережью Соединенных Штатов; они всегда отполированы, поэтому вернее было бы предположить, что режущий инструмент из столь твердого материала несомненно должен быть отполированным и отточенным, если во время его изготовления точка была известна или практиковалась среди аборигенов при обработке различных видов оружия и инструментов.

Но если дикари и варвары Океании и Нового Света редко работали с железом, то у столь же нецивилизованных народов Африки дело обстояло прямо противоположным образом. Впрочем, у них было то преимущество, что они находились на достаточно близком расстоянии от Египта, чтобы перенимать методы оттуда. В другом месте я уже отмечал превосходные лезвия ассегаев банту (кафиров). Эта технология не ограничена южными районами ²¹⁷. Доктор Перси справедливо считает изначальной формой кованое железо, которое мы можем наблюдать и сейчас в самых диких местах Азии и Африки. Этот народ всегда работал по «прямому процессу», в самом старом стиле, который, однако, еще не полностью вымер и в Европе. Эта технология, внешне неизменная среди дикарей, позволяет обрабатывать единовременно лишь небольшие количества; «ненасытные железоразработки», о которых впервые говорит Эвелин, превыше ее пожеланий. Более того, она позволяет использовать лишь богатые руды, в отличие от «непрямого процесса» производства железного литья посредством доменных печей ²¹⁸. Когда руда почти чистая, добавка небольшого количества углерода превратит ее в сталь ²¹⁹; а последнюю сделать настолько легко, что дикие горцы Африки и Индии производят и производили с незапамятных времен прекрасные предметы самым примитивным образом. Пропорция древесного угля сравнительно возрастает, и поддув производится медленнее, чем когда требуется кованое железо. Единственный аппарат, необходимый для производства, – это небольшая глиняная печь четырех футов в высоту и одного-двух – в ширину, похожая на те, что используют южноафриканцы; в качестве топлива используется древесный уголь, а в качестве инструмента поддува – трубка или патрубков из огнеупорной глины ²²⁰. В качестве

---

²¹⁷ Народы реки Камаронес излучины Биафры перерабатывают старые бочарные и тюковые обручи в весьма надежные инструменты с острыми краями и оружие: мотыги, ножи и мечи.

²¹⁸ Происхождение современного процесса все еще является предметом споров. Агрикола (1494–1555) отмечает как кованое, так и литое железо. М.А. Лоуэр утверждает, что в церкви Бериуш, Сассекс, находится литая железная плита XIV века, на которой рельефом выдавлены украшенный крест и надписи. Тот же самый специалист объявляет, что железная пушка была впервые отлита в Бакстеде (Сассекс), Филиппом Ходжем, или Хоггом, в 1543 году и что его наследник, Томас Джонсон, делал части артиллерийских орудий для герцога Камберленда весом 6000 фунтов.

²¹⁹ Доктор Перси (с. 764) и другие отмечают три процесса изготовления стали (железа с определенным содержанием углерода): 1 – добавка углерода в ковкое железо; 2 – частичное обезуглероживание расплавленного железа; 3 – добавление ковкого железа в расплавленное.

²²⁰ У О Муата Казембе (царя Казембе) я позаимствовал грубый набросок одного из наилучших видов железоплавильных печей, используемых многочисленным народом мараве, живущим к северу от Зам-безе (Рыбной реки), название которой европейцы упрямо пишут как «Замбези». Меха, как будет еще отмечено, имеют почти европейскую форму; но эту странность можно отнести на счет художника.

наковальни служит каменная плита, а в качестве молота – каменный куб, стороны которого имеют пазы для шнуров из волокон.

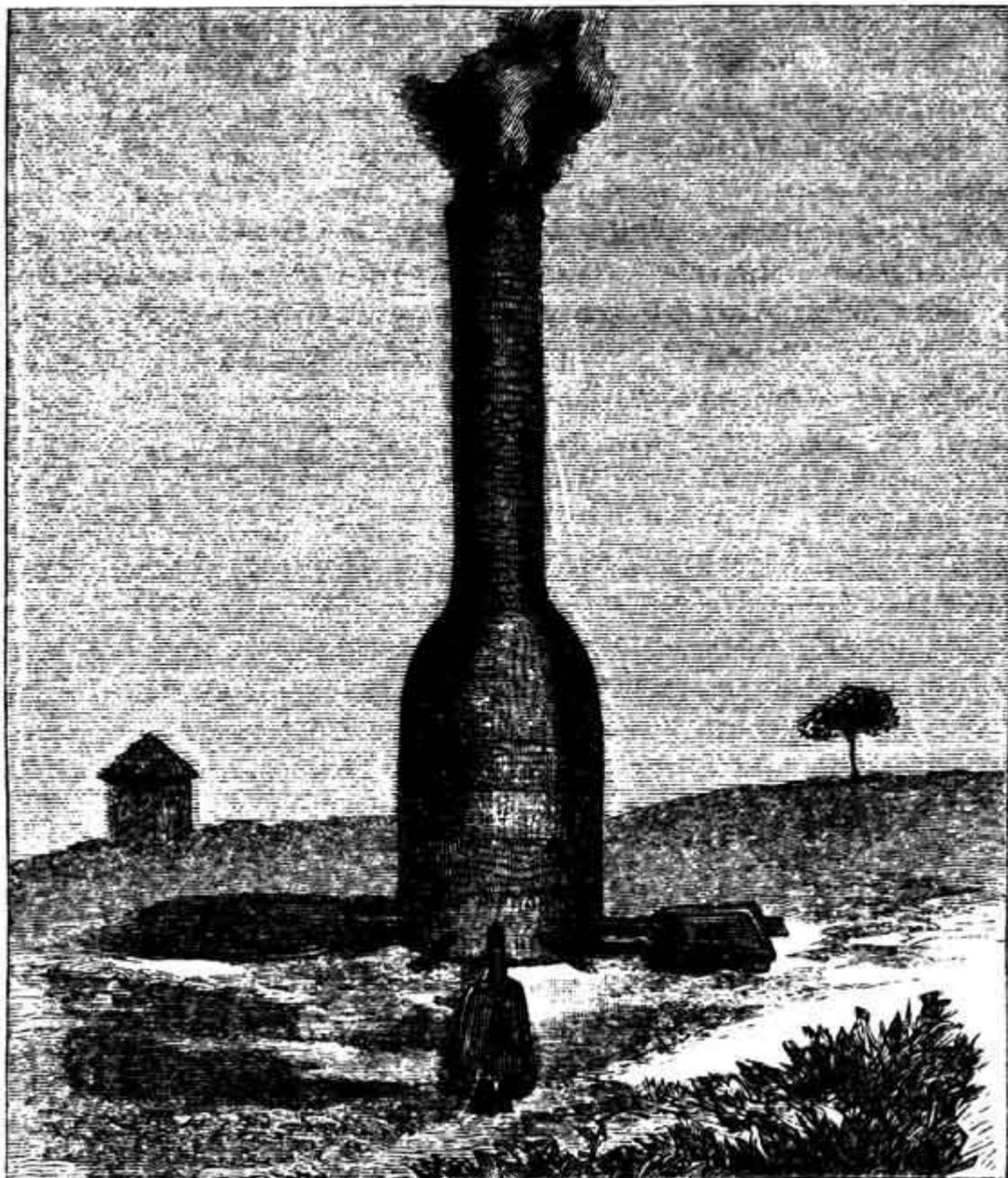
Черный континент – «страна железа», и все исследователи отмечали там изобилие руды. Мунго Парк упоминает железный камень тускло-красного оттенка с сероватыми пятнами, который использовали его «Мандингос».

Барт подтверждает его утверждения. Дархэм и Клаппертон, будучи неподалеку от Мурзука, обнаружили на поверхности почкообразные шишки; а в окрестностях Билмы, столицы Тиббуса, гранулы из железной руды, вкрапленные в красный песчаник – мог это быть латерит или вулканическая грязь? Это был единственный металл, встречавшийся в горах Мандара; но жители Борнео предпочитают ввозить свои запасы из соседнего Судана. Мистер Уоррен Эдварде, временно несший ответственность за экспедицию по Нигеру, наблюдал, как туземцы снабжали свои плиты для готовки над огнем кусками железного камня; ему пришла в голову идея (как и многим другим), что именно так в свое время и был изобретен процесс плавки металла.

Этот металл изобилует в стране Габон, где его талантливо обрабатывают мпангве или фаны ²²¹, западная ветвь великого народа, по большей части каннибальского, населяющего сердце Африки. У них есть что-то типа «ланцетных денег»; это небольшие полосы железа в форме ланцета. Я встречал этот металл повсюду в Уньямвези, в «лунных горах», и именно этому повсеместному присутствию железного камня – а не давлению или жаре – португальцы приписывают причину замечательного присутствия электричества по всей Центральной Африке. Целую ночь может не стихать гром, а при свете молний можно читать мелкий шрифт, как при электрическом свете. Капитан Грант в своих «Прогулках по Африке» рассказывает нам, что люди поднимают железный самородок размером с грецкий орех, покрытый грязной ржавчиной, и в короткий срок делают из него наконечник копья, блестящий как стальной. Мой товарищ по путешествиям на Золотой Берег, капитан Кэмерон, пересекая Африку, почти везде находил железо и технологии плавления. В Кордофоне мистер Петерик видел богатую поверхность оксида, содержащую от 55 до 60 процентов чистого металла. Ливингстон отмечал железо в восточных регионах Анголы и прослеживал его с востока на запад вплоть до линии Замбези. Мистер С.Т. Андерсон описывает его как встречающееся в больших количествах либо в виде железного камня, либо в чистом кристаллическом состоянии. Наконец, старый добрый Колбен упоминает большие железные пластины возле мыса Доброй Надежды.

---

²²¹ Полковник А. Лэйн Фокс считает, что «фаны и кафиры (кафры) – это полностью различные народы». Но и те и другие говорят на различных диалектах одного и того же языка, великого южноафриканского языка. Современные путешественники по Африке отследили общность обычаев с севера на юг и с востока на запад, предполагая в прошлом обширное общение по всей протяженности Черного континента.

Рис. 104. Плавильная печь народа мараве

Но, как заметил полковник А. Лэйн Фокс, «просто нагреть железо недостаточно для того, чтобы начать с ним работать; для того, чтобы поддерживать его температуру на должной высоте, требуется постоянное поддувание». Интересно видеть средства, применяемые дикарями для выполнения этого необходимого условия: тщательно изучив их в различных частях Африки, я посвящу этому остаток главы. Как повторял вслед за Аристотелем Плиний, «Ливия всегда покажет что-нибудь новенькое».

Согласно Страбону, Анахарсис Скиф, который процветал во дни Солона (ок. 592 г. до н. э.), изобрел не только якорь ²²² и гончарный круг, но и мехи. В Египте же, однако, мы обнаруживаем, что этим открытиям уже было на тот момент, как минимум, тысяча лет.

---

²²² Как показывает опыт всех диких народов, первым якорем был камень – сначала привязанный, как кельт, а позже – с отверстием для веревки: так, «летучий камень» использовался аргонавтами в качестве якоря. Весной 1880 г. в Пирейской гавани было найдено восемь каменных якорей современной формы. Они были посланы в Школу мореплавателей в Афинах.

Самое первое появление последних – это ковка и мехи («х'ати по-египетски»), нарисованные на стенах гробницы эпохи Тутмоса III, около 1500 года до н. э. Рабочий стоит на двух кожаных мешках, какие до сих пор используются для хранения воды, наступая поочередно то на один, то на второй; он по очереди надувает их, то вытягивая шнур, открывающий клапан, то закрывая затем дыру пяткой. Мехи имеют патрубки, а на иллюстрациях показаны тигель и куча руды, в то время как материал г'ати указан его решающим фактором – шкурой с хвостом. Это грубое устройство было принято и греками с римлянами – отсюда и «taurini folles»²²³ Плавта и у Вергилия. Сами мехи могли делаться из бычьей или козлиной шкуры или из кусочков шкур мелких животных – в зависимости от объема требуемой тяги. А это, в свою очередь, привело к изобретению волынки, инструмента, свойственного всем старинным народам.

Но на Черном континенте находим мы до сих пор и старую форму, известную еще Тутмосу, самую первую по времени возникновения из четырех. Мистер Петерик описывал недавно это грубое устройство в Кордофани: «Поддув осуществляется вручную с помощью кожаных мешков, сделанных из шкур, снятых с помощью двух разрезов от хвоста до скакательных суставов; начиная с этих разрезов шкура снимается с тела и обрезается на шее, формируя в этом месте устье сумки. После дубления задние ноги отрезают и с обеих сторон шкуры пришивают к прямому куску палки; на внешней стороне пришиваются петли, чтобы пальцы работающего могли закрепляться в них. Так их можно открывать и закрывать; горловина присоединяется к трубке или к обожженной глине. Четверо мужчин или мальчиков садятся вокруг печи, причем у каждого из них имеются мехи этой примитивной конструкции; они обеспечивают поддув, раскрывая сумки, приблизив их к себе и быстро закрывая их, вытягивая руки вперед. Таким образом сжимаемые мешки выпускают воздух через трубки в печь, быстрые поочередные движения рук работников создают поддув, и пламя в результате разгорается так, что возвышается над вершиной печи еще на фут. Шлак с металлом собирается в яме под печью». У Казалиса мы встречаем похожее описание мехов басуто, у Мунго Парка в стране манденга; Брауни видел их в Дар-Форе²²⁴, а Клаппертон – в Кука и горах Мандара, где наковальней служила грубая железная болванка, а молотами – две другие весом около двух фунтов каждая. Таковы же и меха Катиавада²²⁵ и Колапора в Декане, где капитан Грэм отмечал, что *tus*, или трубы для поддува, сделаны из глины, смешанной с сожженным и растолченным кремнем. Мистер Э.Б. Тайлор обнаружил, как их использует бродячий лудильщик в Пестуме.

Второй, усовершенствованный вид африканских мехов я описал сам во время поездки в Йорубанскую Абеокуту. Он заслуживает внимания, потому что представляет собой значительный шаг прогресса, ведущий к дальнейшему развитию: проход представляет собой неразвитый цилиндр, а ручки формируют зачаточный клапан²²⁶.

«Два мешка из козлиных шкур крепятся в рамке, вырезанной из цельного куска дерева; верхняя часть каждого из них имеет в качестве ручки прут два фута в длину, так, что им может управлять один человек стоя или сидя. Поддувальщик по очереди поднимает ручки так, что пока один мешок выдувает воздух, второй его набирает. Такую же форму используют на Золотом Берегу. Имеется и перпендикулярный экран из высушенной глины, сквозь который проходят трубки мехов, создавая регулярный поддув».

---

²²³ Бычьи пузыри (лат.).

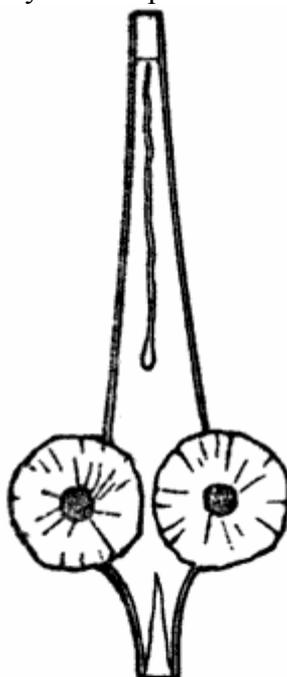
²²⁴ В Европе это слово любопытным образом искажается. Оно сформировано по образцу Дар-Вадаи и означает место жительства, землю, дом (Дар) племени фор.

²²⁵ Искаженно – Каттивар; описан в 1842 г. капитаном Джакобом в его «отчетах по Гужерату» (Гуджарату).

²²⁶ Прутья соответствуют струнам на мехах египетских памятников.

Очевидно, на этой стадии развития мехов нижние половины кожаных сумок бесполезны: результат будет тем же, как если бы только верхняя половина деревянных проходов была покрыта шкурами так, чтобы не пропускать воздух, но достаточно свободно, чтобы позволить им двигаться. Третий шаг был предпринят племенами джур с верховьев Нила, 20 градусов северной долготы, где и был описан мистером Петериком: «Патрубки для поддувал делаются, как обычно, из обожженной глины и прикрепляются к глиняным сосудам около восемнадцати дюймов в диаметре и шести дюймов в высоту, покрытых выскобленной и выделанной козьей шкурой, которой они туго обвязаны; в шкуре имеется несколько отверстий; посередине прикреплена петля для пальцев рабочего. Парень, сидя между двумя этими сосудами, поочередными быстрыми движениями подает в печь постоянный поток воздуха».

Это подводит нас к четвертой, последней стадии усовершенствования поддувания в Африке (рис. 105). Здесь грубо вырезанная деревянная труба становится двустольным насосом. Два сосуда с воздухом, имеющие покрытие из шкур, прикреплены к каждому основанию двух центральных трубок, соединяющихся в одну. Такова форма, используемая на Мадагаскаре, где цилиндры делаются из бамбука, пяти футов длиной и двух дюймов в диаметре, а клапаном является палка с пучком перьев на конце.

Рис. 105.
**Переносные
африканские
мехи**

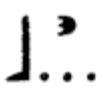
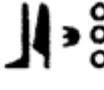
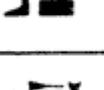
Мехи, которые описывал Дампье в Минданао и других местах Малайского архипелага, очевидно, являются заимствованием мадагаскарского типа; а на Борнео, Сиаме и Новой Гвинее вместо бамбука используется выдолбленное изнутри дерево. Скульптуры храма Суку на Яве, которые датируют XV веком, представляют кузнецов, делающих крисы, в то время как другой человек приводит в действие мехи, держа по клапану в каждой руке. Полковник А. Лэйн Фокс придерживается мнения, что эти скульптуры, «возможно, указывают на индийское происхождение именно этого устройства». Я с ним согласен, но я бы проследил этот азиатский предмет вплоть до его родины в Африке – Египта.

Природа топлива определяется ресурсами страны. В Египте оно, видимо, состояло из помета крупного рогатого скота – это топливо до сих пор используется феллахами. Более поздняя отсылка к этому имеется в легенде о кузнеце Велунде: он перемешал железные опилки с кормом для гусей, тщательно собрал их помет и выковал из него лезвие, которое

могло разрезать клочок шерсти или разрубить человека до пояса.

В завершение этой главы прилагаю нижеследующую таблицу, напечатанную мистером Дзем в конце его «Высокой древности железа и стали». В ней приводятся языки, письменные знаки, фонетические значения, английские эквиваленты и старейшие из известных даты упоминания приводимых металлов. В некоторых моментах я с ним не согласен и взял на себя смелость указать эти значения в скобках.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА ТЕРМИНОВ

Язык		Написание	Фонетическое значение	Английский эквивалент	Старейшее упоминание
Название	Языковая семья				
Египетские иероглифы	Хамитский, с семитскими включениями		Ба	Земля, металл	2200—2300 гг. до н. э. (4500 г. до н. э.?)
			Ба	Железо	
			Ба'а	Железо, земля	
			Ба'аенпе	Железо	
			Бет	Железо	
Аккадский	Семитские		Хуруд	Железо	Самые старые памятники — как минимум, 2000 г. до н. э. (4000 г. до н. э.?)
Ассирийский			Еру	Железо	
Иврит		כחוש	Н'гохшах	Сталь	От 1500 г. до н. э. и ниже
		ברזל	Барзел	Железо	
		ברזל עשות	Барзел яшутх	Полированное железо	
		ברזל מוצק	Барзел мутзак	Литое железо	
Китайский	Спорадические или аллофилийские (туранские)	鑊	Лоу, лоуи	Сталь	2000 г. до н. э.
		鐵	Ти (произносится «Тит»)	Железо	
		金	Кин	Металл	
		鐵 宦	—	Мастера работы по железу	
Санскрит	Арийский	आर	Ара	Железо	Древнейший санскрит. Возможно, 1500 г. до н. э. (400 г.
		अयस्	Аяяс	Железо	

Глава 7

МЕЧ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Добравшись до начала железного века, с которым заканчиваются доисторические записи, пора уже ответить на вопрос – что же такое меч?

Слово это – у которого, как это ни странно, нет аналога во французском языке – происходит от скандинавского «свард» (исл. «сверд»), датского «сверд», англо-саксонского «свеорд» и «суэрд», древнегерманского «сверт», ныне «шwert», и староанглийского и шотландского «сверд». Переместившись на запад, египетское слово «сф», «сефи», «сайф» и «эмсетф» дало Европе общее название оружия²²⁷. Другое его название – «лауфи», «лаф» или «глейв», происхождение которого во французском исходит от латинского «gladius». Из современных форм можно вспомнить эспадон, фламберг, стокаддо и бракемарт, шпагу, палаш, меч и рапиру, помимо других разновидностей, которые встретятся вам на дальнейших страницах. Понятие «меч» включает в себя и «саблю», каковое слово тоже можно вывести из египетского через ассирийское «сибирру» и аккадское «сибир», что пишется также «сапара»; наша «сабля» – это арабское «сайф» со скандинавским окончанием – *p*. Менаж считает слово «сабля» происходящим от арморикского (Арморика – кельтское название Бретани) Sabrenn. Литтре выводит испанское слово «сабле», итальянское «сциабола», «сциабла» и венецианское «сабала» от немецкого «сабле» или «сабель», что, в свою очередь, идентифицируется со словами других языков, например, с сербским «sabljа» и венгерским «szablyа». Основными формами современных мечей с изогнутым лезвием являются палаш, кривой кортик, абордажная сабля, скимитар и дюссак, ятаган и флисса. Эти несколько модификаций будут рассмотрены в порядке их изобретения. В последнее время из египетского «сфет» получилось, посредством кельтского языка, слово «спата» (спатариус – меченосец) и сохранилось до наших дней в неолатинских именах прямого колющего оружия – эспада, шпага.

С физической точки зрения меч представляет собой металлический клинок, предназначенный для рубящих, колющих или рубяще-колющих действий. Обычно – но не всегда – он состоит из двух частей. Первая, и самая важная, – это клинок (la lame, la lama, die Klinge). Его режущая поверхность именуется лезвием (le fil, il filo, die Schärfe или die Schneide), а колющий конец – острием (la pointe, la punta, die Spitze или der Ort, последнее часто противопоставляется Mund, или устью ножен).

Вторая часть, которая делает оружие удобным для использования, – это рукоять, эфес или черен (la manche, la manica, die Hülse или das Heft), несколько секций которого формируют сложное и изумительно разнообразное целое. Рукоять для захвата – это внешнее покрытие хвостовика (la soie, la spina или il codolo; der Stoss, die Angel, die Griffzunge или der Dorn), тонкой спицы, которая выходит из «плеч»: или утолщения клинка (le talon или l'épaulement, il talone, der Ansatz или die Schulter), находящегося на конце его, противоположном острию. Иногда два коротких зубца выходят под углом из плеч и называются «ушами» на английском, немецком и романских языках.

Хвостовик, который бывает многих форм, – длинный и короткий, прямой или искривленный, сплошной или имеющий крепежные отверстия, – заканчивается головкой эфеса, поммелем, или «яблочком» (le pommeau, il pomolo, der Knauf или Knopf), которое крепится на нем заклепками или винтами. Этот шар, ромб или овал из металла является противовесом лезвию, служит улучшением захвата и местом для искусного орнамента.

---

²²⁷ Майор Йенс считает слово «шwert» («das Sausende», «Schwirrende», т. е. «рассекающий воздух») происходящим от санскритского «свар», «шум» и считает, что это изначально был простой снаряд. В древнееврейские времена слово «Sword» (меч – англ.) выводили от «шарад», царапать, а «сабля» – от «шабар», сверкать.

Рукоятка же сделана из дерева, кости, рога, слоновой кости, металла и инкрустирована драгоценными камнями. Иногда она покрыта кожей, материей и другими материалами, которые оборачивались вокруг шнура или проволоки или наматывались на хвостовик, концом примыкавший к оковке ²²⁸, или гарде (*la garde, la guardia, die Parirstangen, die Leiste* или *die Stichblätter*), форма которой могла быть крайне разнообразной. Однако все это разнообразие можно свести к двум основным типам – гарда против укола и гарда против рубящего действия. Первая изначально представляла собой металлическую пластину, плоскую или изогнутую, круглую или овальную, прикрепленную к нижней части эфеса, отделяющую плечи от хвостовика; на самом деле это миниатюрный щит (*la coquille, la coccia, das Stichblatt*). Мы все еще используем слово «раковина» (*la coque, la coccia, der Korb* или *die Schale*) применительно к полукруглым гардам – в большинстве своем сделанным из обработанной, нарезанной, чеканной или резной стали, которая в совершенстве проявляется в испанских и итальянских рапирах XVI века. Эта защитная пластина во французских фехтовальных рапирах уменьшена до «лунетки», двойного овала из решеток в форме пары очков. В итальянских рапирах, где пластина сохранена, секция лезвия между ней и рукояткой именуется *Ricasso* (рис. 106, а); параллельная полоска – *Vette traversale* (рис. 106, б), а соединяют их *archetti d'unione* («соединительные луки») (рис. 106, в).

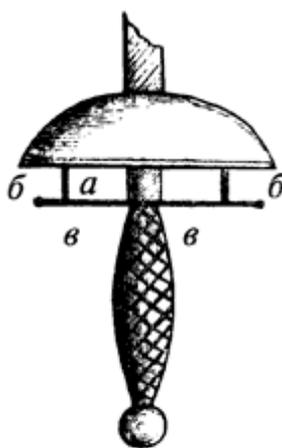

Рис. 106.
Итальянская
рапира

Гарда против рубящего действия технически называется поперечной гардой, или поперечиной (*les quillons* ²²⁹, *le vette, die Stichblätter*). Эта секция составлена из одной или более полос, выходящих из рукоятки между хвостовиком и лезвием, и принимает на себя удар меча противника, если он соскользнет вниз по лезвию. Поперечина может быть как прямой (рис. 109), то есть составляющей прямой угол с рукоятью, так и искривленной (рис. 107). Когда два рога загибаются от рукоятки по направлению к острию, они называются

²²⁸ Обозначающее ее слово «шап» происходит от «капа» – слова, родственного нашему «шапка» и используемого авторами в разных смыслах. Некоторые используют его для обозначения оковки устья ножен, другие – металлического крюка, или ферулы на конце ножен, а третьи – пластины гарды. У Дюрфи («Ненависящий свадьбы») мы находим определение «рукоятка, набалдашник, ножны, оковка, пояс и пряжка» (меча). Скиннер объясняет его как *vaginae tunc ferreus* («железная оковка конца ножен» (лат.) Мистер Фэйрхольт определяет «оковку» как пластину гарды или поперечину на месте соединения рукояти и эфеса. Шекспир, знавший меч, говорит об «оковке его кинжала» и «старом ржавом мече с поломанной рукоятью и утратившем оковку» (Укрошение строптивой. III, 2). Комментаторы по большей части объясняют это как «лишенный места для захвата».

²²⁹ Это слово родственно английскому «quill», происходящему от латинского *caulis*, стержень. Берн переводит «quillon» как «поперечину на рукоятке пехотной или легкокавалерийской сабли».

a antennes. Бывает, что поперечины загибаются и по направлению к рукояти, или изогнуты в различных направлениях, или вообще деформированы фантастическим образом (рис. 110).

Гарде, как таковой, противопоставляется лука, или контргарда (la contregarde, l'elsa, la contraguardia, der Bugel). Она бывает двух основных видов. В первом – поперечина изогнута по направлению к головке: второй – это полоса, или система полос, соединяющих головку с поперечиной (рис. 108).

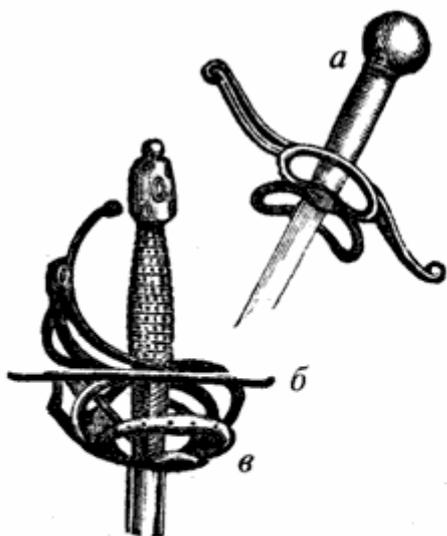

Рис. 107.
а — головка;
б — поперечины;
в — pas d'âne

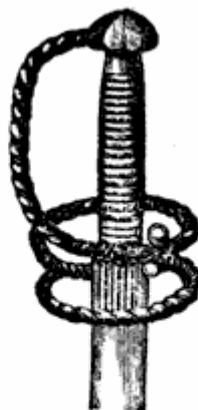

Рис. 108.
Двойная
гарда (гарда
и контргарда)

Рис. 109.
Прямые
поперечины
и петли

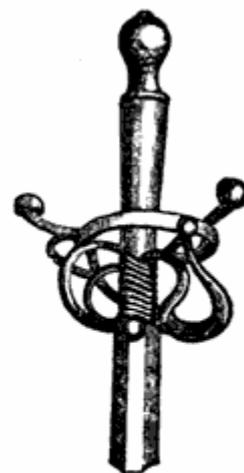

Рис. 110.
Фантастическая
форма

Первая защищает пальцы, вторая служит для предохранения, особенно от рубящих ударов, тыльной стороны руки и запястья. Эта модификация, неизвестная в древней Европе, стала самой излюбленной в XVI веке и все еще обнаруживается в большинстве современных рукояток. Еще один продукт начала современного века – это pas d'âne²³⁰. В конце XIV века она состояла из двух круглой или овальной формы полос, расположенных по обеим сторонам передней части лезвия, а частично и над ней. В XVI веке она получила всеобщее распространение и стала сложным и искусно украшенным приложением к рукоятке. Pas d'âne теперь почти совсем устарела и осталась только в нашем армейском палаше²³¹.

Мы можем разделить по форме лезвия на два основных вида с мелкими внутривидовыми отличиями:

1. Кривое лезвие (сабля, палаш, абордажная сабля, кинжал, дюссак, ятаган, флисса и др.).

Оно может:

- а) иметь двустороннее лезвие (абиссинское);
- б) иметь лезвие на внутренней стороне (древнегреческое, куккри);
- в) иметь лезвие на внешней стороне (обычная сабля).

2. Прямое лезвие (эспадрон, «пламенеющий меч», сток-кадо, бракемарт, рапира, палаш, скейн, малый меч и др.). Может быть:

²³⁰ Pas d'âne – инструмент, с помощью которого удерживают раскрытым рот лошади для изучения. У Литтре мы читаем: «Pas d'âne, в мечах XVI века, часть гарды, имевшая форму кольца и соединенная с киллоном тонкой полосой металла». (У Франсьона: «Pas d'âne – вульгарное название «пестика» – основы для «лепестков».)

²³¹ Шотландская корзина-рукоять, однако, требует усовершенствования, поскольку не позволяет свободно двигаться ладони и запястью.

- а) рубяще-колющее, одно- и двуручное;
- б) широкое и не имеющее острия (как инструмент палача);
- в) узкое, используемое только для колющих действий.

Вряд ли рационально было бы выделять третий тип – полуизогнутое лезвие, одинаково годящееся и для того, чтобы колоть, и для того, чтобы рубить (*tas et taille*), которое мы находим в древней Ассирии, Индии и Японии. Оно явно соотносится с обоими типами. Три этих типа показаны на следующей диаграмме:

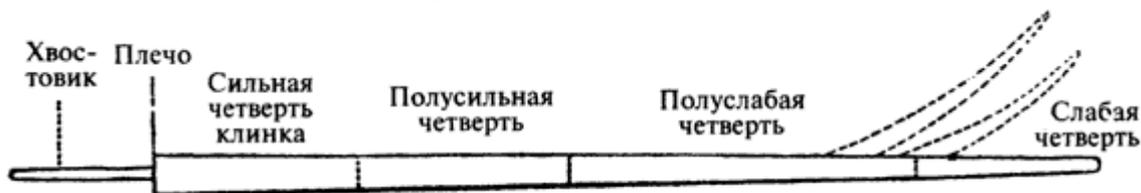

Рис. 111

Я отдал пальму первенства кривому лезвию, потому что рубящее действие человеку более свойственно, чем колющее. Естественные человеческие удары – дуговые, только жестокая тренировка учит человека бить прямо от плеча. И опять же форма и схема действия сабли – это естественным образом перенятая форма и схема действия дубинки деревянного века; проникающая сила ее оставалась слабой и почти нулевой, пока наконечник представлял собой лишь обожженную на огне палку.

Так, вопрос о первенстве рубящего или колющего действия не стоит. Как показано на схеме 232, *А*, выполняющий колющее движение, имеет преимущество во времени и расстоянии перед *В*, который выполняет движение рубящее. Действительно, тот человек, который первым приделал к своему оружию наконечник, увеличил возможности своего оружия более чем вдвое. Вегетий рассказывает, что победы Рима более обязаны колющим, чем режущим действиям: «При рубящем действии правая рука и правый бок открыты, а при колющем тело защищено, и противник оказывается поражен прежде, чем осознает, что произошло».

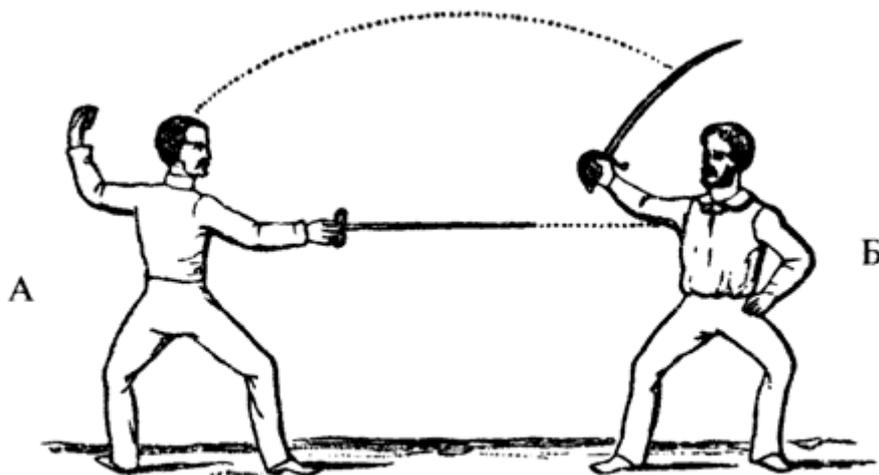

Рис. 112

Даже сейчас в больницах отмечают, что точечные ранения в грудь или живот, как правило, оказываются смертельными, а самые сильные разрезы часто заживают. Так, Наполеон Бонапарт в Аспронне приказывал гвардейским кавалеристам колоть. Генерал Ламорисьер, ученый-солдат, рекомендовал кавалерии цилиндрическое лезвие, обязательно лишенное режущей кромки и предназначенное исключительно для того, чтобы колоть;

²³² Как обычно, на схеме изображение утрировано. На ней колющее оружие направлено слишком низко, в грудь противника, а не в глаз; да и для рубящего удара нет необходимости так высоко задираť руку.

однако такое вооружение не было принято из практических соображений. Более того, история «белой руки» гласит, что колющее острие привело к появлению защиты или парирования, и таким образом «защита оружием, предназначенным для нападения», завершила то представление о мече – шпаге, которое мы ныне имеем в Европе.

Опять же те народы, которые сражались верхом или в колесницах, – египтяне, ассирийцы, индейцы, татары, монголы, турки и их собратья «белые турки» – мадьяры (они же венгры), сарматы и славяне – предпочитали мечи изогнутого типа. С прямым мечом, используемым только для колющих действий, трудно обращаться, сидя на быстро движущемся коне; а широкое прямое лезвие теряет свою ценность по мере того, как перемещается по длинной плоскости. С другой стороны, изогнутое лезвие, как и боевой топор, объединяет все моменты в «полуслабом», или ударном центре, где изгиб наибольший. И в конце концов, конному легче наносить удар «с оттяжкой», чтобы нанести противнику больше повреждений.

С другой стороны, народы южных широт – например, те, кто жил вокруг Средиземного моря, центра первых цивилизаций, где меч играл свою самую яркую и ведущую роль, – это активные и шустрые люди легкого сложения и сравнительно небольшой мышечной силы. Следовательно, они всегда предпочитали, да и сейчас предпочитают, колющее оружие, которым можно нанести смертельный удар, не прилагая большой силы и веса. По противоположным причинам дети севера предпочитали эспадрон, длинное прямое и тяжелое двустороннее лезвие, которое подчеркивало превосходство.

Таков географический и этнологический взгляд на распространение меча, но правило это носит столь общий характер, что следует ожидать множества исключений. Насколько нам известно, цивилизованный меч впервые появился в Египте, но у него было много различных центров развития. Постепенный прогресс можно проследить в его истории до тех пор, пока он не был вытеснен еще более древней формой нападения – баллистикой. Уже самые первые мечи иногда показывают наилучшие формы, и линия прогресса временами сбивается или даже прерывается. Опять же многие южане и народы, которые сражались пешком, использовали изогнутое оружие, хотя лезвие обратной заточки, модификация прямого заостренного меча для всадников, встречается сравнительно редко.

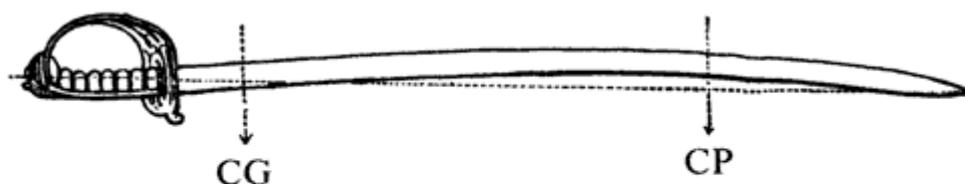
Теперь я перехожу к рассмотрению различных моментов, связанных с прямой и изогнутой формами лезвия. Опыт орудования мечом позволяет отметить, что форма любого образца или модели, будь то инструмент или оружие, предполагает для него одну-единственную специфическую цель. Этого следует ожидать. Воин выбирает себе меч так же, как лесоруб – пилу. Покажите механику новое зубило, и он поймет его предназначение по форме, общему виду, углу заточки, по закалке, весу и тому подобным деталям; он определит, что оно не предназначено для забивания гвоздей, сверления дыр, а служит для обработки дерева или другого не особо твердого вещества. Так и форма меча определяется задачами, выполнение которых от него ожидается.

У меча три основные функции – рубить, колоть и защищать. Если бы качества, необходимые для выполнения этих трех функций, можно было совместить, было бы нетрудно выбрать единую наилучшую форму. Но к сожалению – а может, стоило бы сказать, к счастью, – каждое качество сильно мешает другому. Отсюда и различные модификации, принятые различными народами, и последовательные ступени прогресса.

Самая простая и самая эффективная форма боевого инструмента, рассчитанного на рубящее действие, – американский палаш, которым пользуются скваттеры в лесной глуши. Это возрожденная форма доисторического кельта или инструмента палача – простой тяжелый стальной клин, закрепленный на легкой, жесткой ручке так, чтобы вся сила удара концентрировалась на лезвии, которым наносится удар. По поводу его предназначения никакой неопределенности нет; если бы в фехтовании не было необходимости обеспечивать защиту, а не только вывести из строя соперника, это было бы наилучшее, наидревнейшее оружие из произошедших от дубинки. Но рубящий меч, который является его родственником в короткой изогнутой форме, имеет длинное лезвие, которое позволяет

выбирать рубящее действие – хорошее или плохое. Если ударить, к примеру, по ветке дерева самым кончиком меча («слабой четвертью клинка»), то единственным эффектом удара будет лишь неприятное сотрясение руки и запястья. То же самое будет, если удар придется на часть клинка, близко находящуюся к рукояти. В обоих случаях вибрация клинка покажет, насколько теряется сила. Проэкспериментировав и нанеся несколько ударов, каждый раз сдвигая точку контакта на дюйм и сравнивая эффект, владелец меча находит в конце концов точку, приблизительно в конце «полуслабой четверти» клинка, где, грубо говоря, вибрации нет и где, следовательно, эффективной становится вся сила удара. Но наш «центр удара» не надо путать с «центром тяжести». Точка центра тяжести находится примерно на середине «полусильной четверти» клинка; это наилучшая точка для отражения удара, и только для него.

Мистер Генри Уилкинсон из Лондона, практичный ученый муж, недавно впервые предложил формулу для определения центра удара без утомительного процесса экспериментирования с каждым отдельным лезвием. Его система основана на свойствах маятника. Легкий прут, длиной примерно 39,2 дюйма, на конце которого закреплен тяжелый свинцовый шар, качается туда-сюда от зафиксированного центра, колебаясь раз в секунду, или шестьдесят раз в минуту, на широте Лондона. В нем сконцентрированы три центра – центр удара, центр колебаний и центр тяжести. Если бы это был математический маятник – невесомый прут, то все эти три центра находились бы точно в центре шара, или на расстоянии в 32,2 дюйма от места подвеса. Лезвие для измерения подвешивается, крепко закрепляясь на точке, на которой оно повернулось бы, нанося удар, и путем раскачивания превращается в маятник.

Рис. 113. Уставная пехотная сабля.
CG — центр тяжести; CP — ударный центр

Чем короче расстояние, тем быстрее колебания; вместо шестидесяти лезвие делает восемьдесят колебаний. Простая формула определяет длину такого маятника в двадцать два дюйма. Это расстояние отмеряется от точки, в которой подвешено лезвие, и полученная точка отмечается как ударный центр, в котором отсутствует вибрация лезвия и можно нанести наиболее эффективный удар.

Опять же изучение топора показывает, что режущая кромка его достаточно сильно вынесена вперед по отношению к держащей его руке, по «линии направления», которая у меча проходит по прямой от головки до острия. Если бы режущая кромка была вынесена назад, оружие уходило бы с линии удара, и для преодоления этого фактора требовалось бы дополнительное приложение силы. Почти все изогнутые мечи, за исключением японских, сделаны таким образом, чтобы создавалось ощущение, что «клинок хорошо ведет вперед»; и этот вопрос был тщательно исследован народами, у которых общепринятым образом нападения является рубка. Обычно линия рукояти выгибается вперед так, чтобы формировать угол с осью лезвия, который делается тупее или острее в зависимости от того, насколько сильна кривизна лезвия. Если поставить клинок стоймя на головку рукояти, эффект становится очевиден – меч падает лезвием вперед не хуже топора.

Превосходство кривого лезвия для рубки легко доказать. При каждом рубящем движении удар приходит в цель под каким-то углом, и проникающая часть становится клином. Но этот клин расположен не под прямым углом к самому мечу: угол этот имеет больший или меньший наклон по отношению к изгибу, и, следовательно, разрушение производится более острым концом. Прилагаются рисунки двух рубящих оружий – ятагана и прямого меча; эти рисунки доказывают, что если режущая кромка движется по прямой (AB)

по отношению к любому объекту (С), то она будет выполнять роль клина (D), четко измеряя ширину лезвия. Но изгиб выдвигает край вперед, и таким образом «полуслабая четверть» выполняет роль клина (E), который длиннее и, следовательно, острее, в то время как максимальная толщина клина (задней части клинка) является фиксированной. Таким же образом, если рубить еще ближе к острию, возрастающее искривление производит более протяженную и острую клиновидность (F). Сравнивая три участка одного и того же лезвия (D, E, F), которые различаются только углом, под которым, предположительно, лезвие попадет в препятствие, мы видим огромное возрастание рубящей силы.

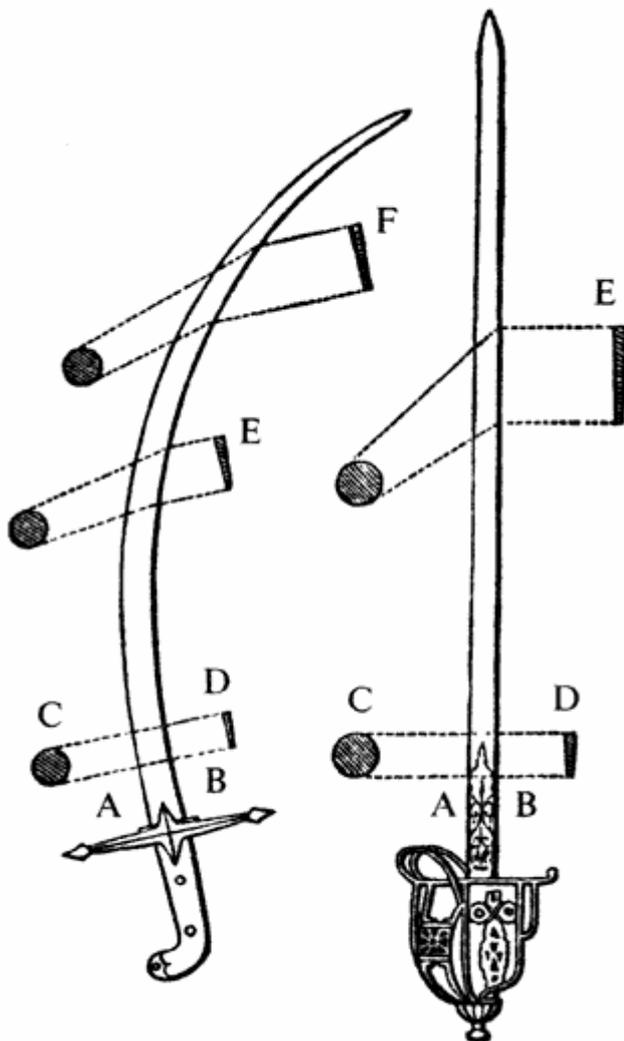

Рис. 114.
Ятаган

Рис. 115.
Палаш

Различие между рубящим действием по прямой и по косой еще лучше показывает прилагаемая диаграмма: пусть A B C D (рис. 116) представляют участок лезвия меча, причем AB – это режущая кромка, а CD – это задняя часть, имеющая в толщину около одной восьмой дюйма.

Далее предмет для разрубания предстает перед лезвием под прямым углом к нему, как показывает стрелка № 1, тогда участок лезвия, которое и будет наносить удар, будет представлен треугольным участком FEG (рис. 117). Но если объект воздействия предстает под ударом по косой, как показывает стрелка № 2, то участок вдоль линии разреза будет такой, как представлено углом SEK. Легко можно видеть, что в последнем случае острота угла E сильно возрастает, в то время как вещество остается тем же, что и в другом случае. Для достижения этого во многих местах на Востоке принято «протягивать» рубящие удары, но той же цели можно достичь и изгибом лезвия назад: сам по себе этот изгиб делает лезвие подходящим к предмету по косой, избавляя от необходимости сопровождать ударное

действие протягивающим.

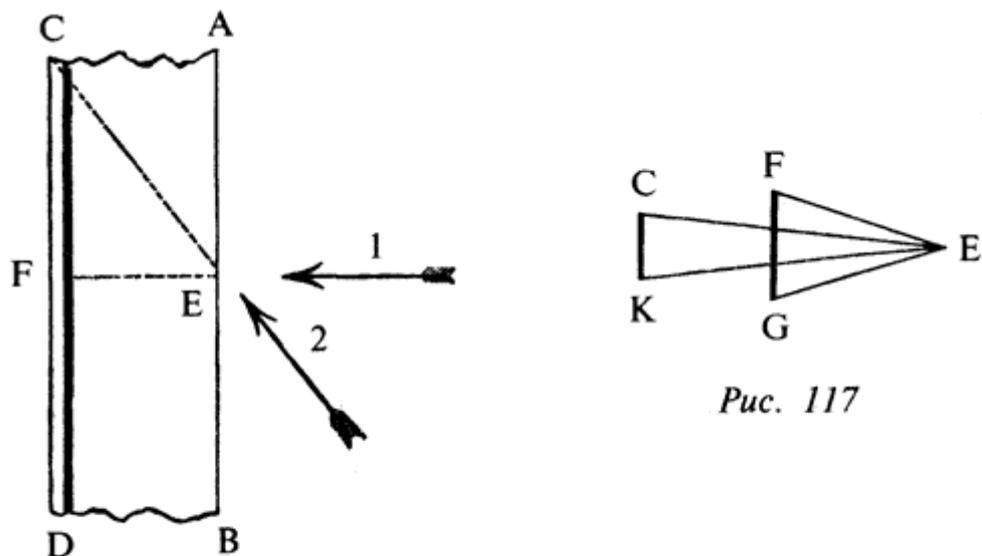
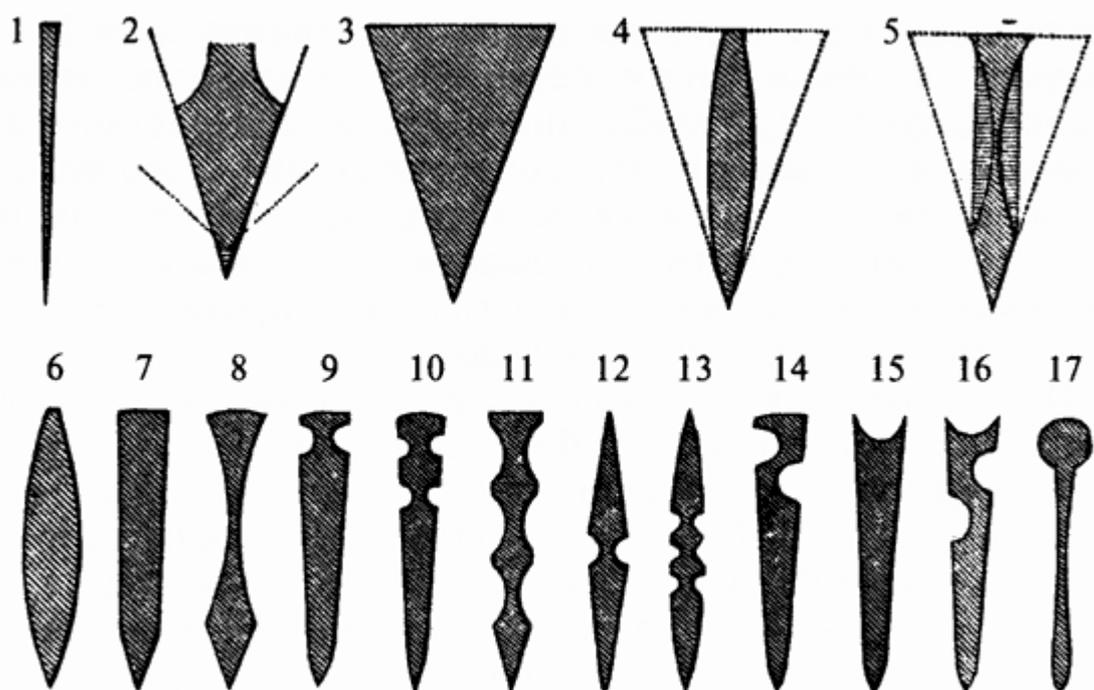

Рис. 116

Кстати, именно это протягивающее движение, будучи добавленным к изгибу самого оружия и подходу к цели под углом, увеличивает силу разрезания. Тальвар, полуизогнутая сабля Индостана, разрезает так, как если бы была в четыре раза шире и тоньше прямого лезвия. Но «протягивающий» рубящий удар имеет дополнительное преимущество в том смысле, что углубляет рану и врезается в кость. Так, слабосильные мужчины пользовались своими мечами методом, который немало удивил и расстроил наших солдат во время синдской и сикхской кампаний.

Если мы рассмотрим сечения режущих оружий, мы увидим, что все это – модификации того самого древнейшего механического устройства, клина, как показывают следующие рисунки.

Форма № 1 (рис. 118) это клин, который получается, если взять за основу толщину задней части обычного лезвия и продолжить его по правильной линии до вершины треугольника – остря. Эти две стороны встречаются под углом девять градусов; следовательно, кромке не хватает толщины, веса и силы, необходимых для любого режущего инструмента. Для мягких веществ этот угол варьируется от десяти до двадцати градусов, как у обычного столового ножа. Угол от двадцати пяти до тридцати пяти градусов, являющийся наилучшим для обработки дерева, можно обнаружить у долота и плотницкой стамески. Для резьбы по кости тупизна угла возрастает до сорока градусов и даже до девяноста; последний угол лучше всего подходит для разрезания металлов, а первый – для лезвий мечей, которые предположительно должны встречать твердые поверхности.

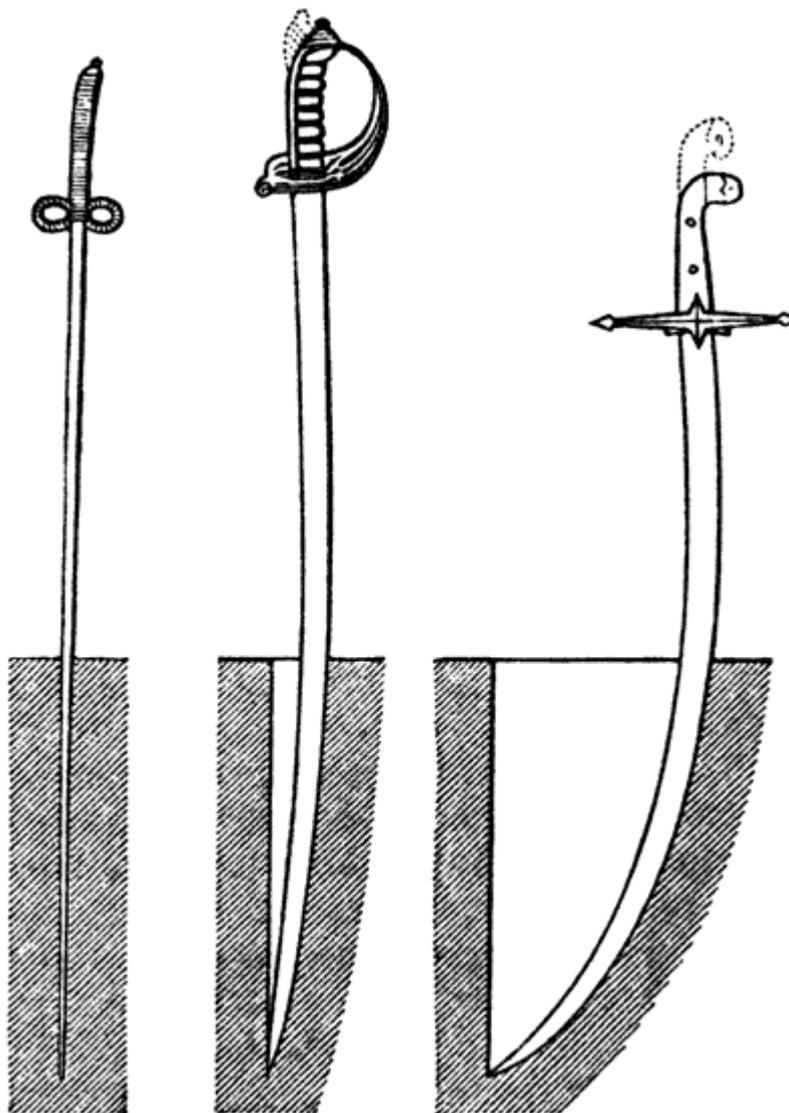
Рис. 118. Сечения лезвий мечей

Но, даже имея угол заточки лезвия в сорок градусов, оружие будет неэффективно против, скажем, толстого лба, если разрез не будет производиться идеально. Форма № 2 иллюстрирует угол сопротивления (сорок градусов) и угол входа (девятьюстами градусами). Форма № 3 показывает, что на практике оружие с клином сорок градусов слишком толсто и тяжело для использования, и это требует каких-то мер для того, чтобы можно было облегчить лезвие, сохраняя при этом необходимый угол сопротивления. Остальные сечения отражают главные способы движения к этой цели. В № 4 и 6 угол несет изогнутая и выпуклая линия, придавая таким образом сечению двояковыпуклую форму. Когда задняя часть или основание ее плоское, то это персидский и хорасанский вариант, который принято именовать «дамасским». Когда основание отсутствует и оружие обоюдоострое, то это старая «толедская» рапира, где встречаются две арки с тонкими макушками (За, рис. 124). И то и другое – оружие сильное, но несколько тяжеловатое. В формах № 5 и 7 две стороны стесаны до плоской поверхности, в результате мы имеем индийский тальвар. Когда на его плоской поверхности производятся выемки, как показывают черные линии на № 5 (сравните с № 8), мы получаем двояковогнутое сечение, в противопоставление двояковыпуклому. Углубления в клине посредством двух глубоких желобков от угла сопротивления – это одна из форм, принятых английским «уставным» мечом: он был признан самым легким при заданной ширине и толщине, но никак не является самым идеальным: против него имеется несколько технических возражений.

Остальные лезвия, показанные на иллюстрации, имеют желобки различных форм. Функция такой выточки – избежать чрезмерной гибкости; она также уменьшает вес и увеличивает силу. Если делать вырезы на обеих сторонах тонкого или «гибкого» лезвия, оно становится тверже, поскольку любая сила, будучи приложенной к такому лезвию с целью согнуть его, встречает наибольшее сопротивление, которое эта форма может оказать. С механической точки зрения это то же самое, что ломать лук, надавив на него сверху; чем больше лук прогибается, тем сильнее сопротивление. Так, узкий паз предпочтительнее, чем более широкий паз той же глубины. Форма № 9, имеющая желоба на обеих сторонах возле основания, – это старая добрая форма, предшествовавшая «уставной» (№ 8): ее слабое место, место между желобами, где металл наиболее тонко, расположено наилучшим образом – рядом с основанием, где менее всего требуются сила и толщина. Форма № 10, хоть и полегче, имеет вдвое больше слабых мест. Форма № 11 в этом отношении лучше – у нее есть

три желоба, которые гораздо мельче, и, соответственно, металл между ними толще. То же самое относится к № 12 и 13 – это сечения палашей с одним и тремя желобами.

Форма № 14 показывает искусный метод избегания слабости, вызываемой глубокими «каннелюрами»: это сечение лезвия, сделанного в Клингентале (не «Кленгентале») – фабрике по производству оружия, основанной Наполеоном Бонапартом в Эльзас-Лотарингии. Два наиболее выраженных желоба вырезаются в металле, но не прямо друг напротив друга; таким образом, каналы могут соприкоснуться с линией оси и даже накладываться на нее. Такое расположение дает большую жесткость, но, как показывает тестирование, лезвию не хватает рубящей силы, возможно, из-за потери силы ввиду вибрации.

Рис. 119.
Рапира
с фран-
цузской
гардой

Рис. 120.
Уставная
кавале-
рийская
сабля

Рис. 121.
Ятаган

Формы № 15 и 16 – экспериментальные клинки. У первого желоб скрыт в основании, оставляя нетронутыми стороны клина; но вот точить клинок такой формы достаточно затруднительно, и, поскольку не хватает сопротивления верхней части арки, имеется небольшое возрастание жесткости – меч действительно пружинит так же легко, как и прямой. У № 16 есть несколько сильных сторон, но в целом он представляет собой провальную комбинацию. И наконец, № 17, старая «уставная» сабля «шомпольного» типа – наверное, самый худший вариант: резкий переход от круглого толстого основания к тонкому

острому лезвию чрезвычайно затрудняет равномерную закалку, и оружие само себе мешает в работе – основание служит стопором для рубящего удара.

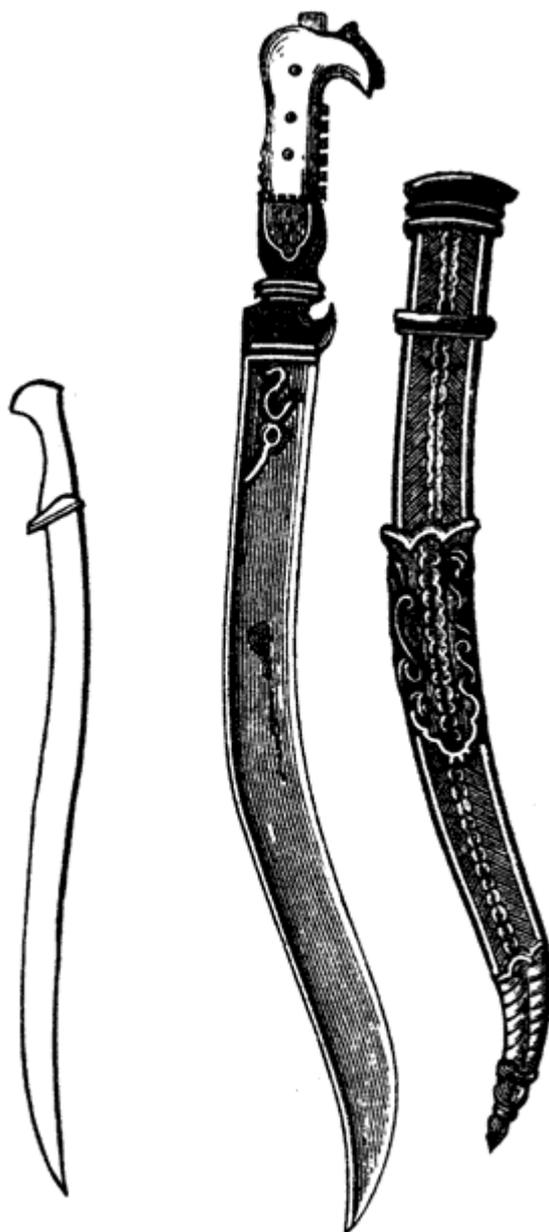
Теперь остается признать меч колющим оружием. В таком качестве, как показывают различные его формы, в древнейшие века он применялся инстинктивно, пока наука не доказала превосходство колющего удара над рубящим. Опыт обращения с ручными колющими приборами, такими, как шило, бурав, игла и вилка, показывает, что колющее оружие можно рассматривать как очень острый клин с наиболее наклонным способом проникновения. Легко доказать, что наилучшей формой для колющего клинка является прямая. На рис. 119 показано, что рапира производит отверстие, равное собственному размеру. «Уставной» меч (рис. 120), имеющий небольшой изгиб, вскрывает, двигаясь по прямой линии, пространство примерно вдвое больше собственной проекции. Если рассмотреть ятаган, то у него это соотношение достигает одного к пяти-шести, и при этом, естественно, по мере расширения наносимой раны пропорционально уменьшается ее глубина. Это увеличение сопротивляемости проколу – лишь одно из препятствий, создаваемых изогнутым лезвием при попытке нанести им колющее действие.

Возможно, это послужило причиной появления «финтового» удара. Острие поворачивается не по прямой, а по кругу, более или менее кривому, чтобы соответствовать клинку. Ручка достаточно легко совершает это круговое движение, но появляется недостаток: как и при рубящем ударе, преодолеваемое расстояние оказывается больше, чем необходимо для того, чтобы достигнуть цели. Более того, для выпада это движение трудноприменимо, поскольку при нем надо бросить в атаку всю мощь тела. Как и «колюще-рубящее» движение, оно лучше приспособлено для конного, чем для пешего боя. Будучи, несомненно, наилучшим способом колоть кривым лезвием, он ни в коей мере не имеет преимуществ перед прямым уколом.

«Кривой укол» так впечатлил полковника французской армии Мари, что он предложил в своей изысканной работе по мечам (Страсбург, 1841) принять ятаган, чья красиво изогнутая линия клинка в точности соответствует движению запястья при рубке и который он считал столь же подходящим для укола. В качестве уставной кавалерийской сабли ятагану мешали дешевые железные ножны, в качестве штыка он терял все свои превосходства: смещение веса вперед, столь ценное при рубке рукой, делало его тяжелым и неудобным на конце мушкета, и им никто не мог толком пользоваться, кроме самых больших силачей, особенно если требовалось сделать длинный выпад. Однако четверть века он в этом качестве продержался, и только в 1875 году был вытеснен трехгранным оружием, прикрепляемым к fusil Gras ²³³.

---

²³³ Большие ружья (фр.). Сечение современного оружия показывает, что этот новый штык годится только для того, чтобы колоть; поскольку он сам стопорит рубящее движение, если таковое им наносить, то оказывается бесполезным для служебно-вспомогательных целей, которым так добросовестно служил штык-ятаган. Я не вижу, как можно было бы дальше усовершенствовать старомодный трехгранный штык, который у нас был вытеснен коротким энфильдовским штык-мечом. Последнему я предпочел бы даже штык-нож, какими были когда-то полны арсеналы Вашингтона и который еще недавно стоял на вооружении в Соединенных Штатах. Никто, кроме солдат, не понимает того факта, что штык должен быть штыком, а не мечом, кинжалом, топором или пилой.

Рис. 122.
Ятаган

Рис. 123.
Украшенный
ятаган с ножнами

На рис. 124 приведены сечения основных форм колющих клинков. Клинок № 1, чье сечение имеет ромбовидную, почти квадратную форму, состоит из двух тупоугольных клиньев, стоящих основанием к основанию, образуя таким образом сильную, жесткую и длинную, но очень тяжелую шпагу. Такая форма существует с древнейших времен: ее можно обнаружить у бронзовых рапир Франции и Англии, и она сохранилась во множестве толедских, бильбаоских, сарагосских, золингенских и итальянских рапир. Английским оружейникам она известна как «саксонская», а рабочим – как «стопорный клинок». Клинки № 2 и 3 иллюстрируют два простых способа облегчения клинка – в первом ось опускается в продольный осевой желоб вместо граней по обеим сторонам клинка, этот способ применялся еще в Троянскую войну. Клинок № 4 – это так называемая «бискайская» форма, триаламеллум более древних времен, с тремя глубокими вырезами и таким же количеством тупых лезвий, которыми производилось парирование. Теоретически это хорошо, с практической же и технической точки зрения она уступает всем предыдущим. Это лезвие так сложно сделать прямым и равномерно закалить, что многие профессионалы так и не видели

в жизни оружия такого сорта, которое не было бы кривым или мягким. Однако именно такова «малая шпага», дуэльное оружие прошлого века, крепко стоявшее на своих позициях еще в первой четверти века нашего. У нее есть любопытная модификация – клинок количемарде, получивший название по имени своего изобретателя, графа Кенигсмарка. Это был триаламеллум, очень широкий и тяжелый в «сильной четверти» клинка возле рукояти, а дюймов через восемь внезапно переходящий в легкую и тонкую рапирную секцию. Его изобрели где-то в 1680 году, и он стал излюбленным оружием для дуэлей – легкий как перо наконечник сделал его лучшим оружием для фехтования. Он оставался в моде на протяжении всего правления Людовика XIV, а потом вдруг пропал ²³⁴.

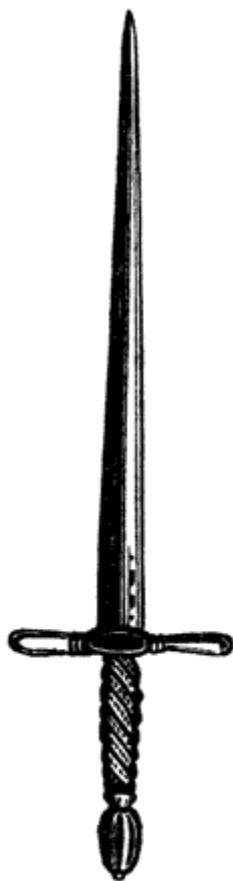
Рис. 124. Сечения шпаг и колющих мечей

В Англии малая шпага впервые появилась в XVIII веке; лишь после 1789 года она перестала быть почти всеобщим во Франции оружием в делах чести. Я считаю, что изменение *épée de combat* (боевой шпаги (фр.) и рапиры произошло по причине существования распространенного предрассудка о том, что трехгранный клинок слишком опасен для честной дуэли, что нанесенная им рана не заживает, кровоточа внутрь тела, и почти всегда приводит к смерти. Однако эта «малая шпага» ²³⁵ оставила нам наследника в лице нашего старого штыка, только пазы стали мельче, а грани поднялись выше. Клинок № 6 – предположительно экспериментальная шпага из мастерских Клингенталя, датируемая 1810–1814 годами, является любопытной попыткой добавить режущей силы четырехгранному колющему лезвию; но поскольку углы очень острые, удар вряд ли будет иметь какой-либо эффект. Клинок № 7 – это усовершенствование последнего, поскольку имеет больше проникающей силы. Недостатком обеих этих шпаг является то, что они имеют тенденцию проворачиваться вокруг своей оси и соскальзывать плашмя в направлении наименьшего сопротивления.

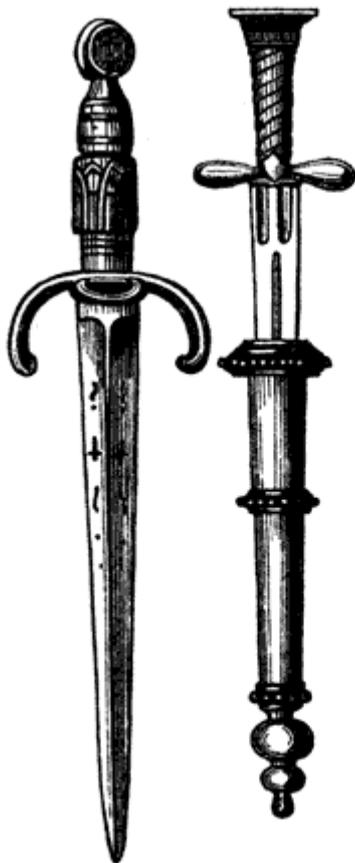
Есть и другие способы облегчить клинок, помимо выдавливания желобов. Любимой модой XV и XVI веков, золотого века меча, было украшать клинок гравировкой, что давало свободу руке украшателя. Предполагалось также, что нанесенная таким оружием рана опаснее, поскольку туда попадает воздух. Как будет позже показано, некоторые восточные и средневековые сабли делались полыми и внутрь них помещались секции, из которых при приведении в действие особой пружины выбрасывались в стороны небольшие боковые лезвия.

²³⁴ Мистер Уорейн Фолдер (выставка промышленных технологий, Манчестер, июнь и июль 1881, «Каталог», с. 24) выдвигает предположение, что количемарде «вышел из употребления, возможно, в силу своей дороговизны и того неэлегантного вида, который он имел в ножах».

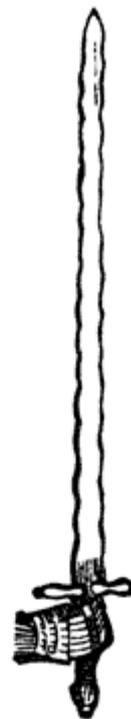
²³⁵ Капитан Джордж Чепмэн, в своей «Практике фехтования на рапирах», справедливо проводит различия между трехгранной «малой шпагой», используемой только как колющее оружие, и двояковыпуклой, способной и колоть и рубить рапирой (это слово немцы применяли к шлагеру, у которого нет острия). В Англии большинство употребляет слово «малая шпага» только в противоположность «палашу», но, поскольку искусство фехтования можно рассматривать как общее основание для ремесла меченосца, все воины должны понимать и соблюдать разницу. Автор замечает, однако, что среди различных действий, которые удобно выполнять с трехгранным «бискайским», есть много таких, которые не так легко совершить плоским клинком или обычным современным оружием, каким бы легким и удобным оно ни было. Так, «военным фехтовальщикам следует крайне осторожно относиться к тому, чтобы необдуманно пытаться повторить со шпагой движения, отработанные на занятиях с рапирой».

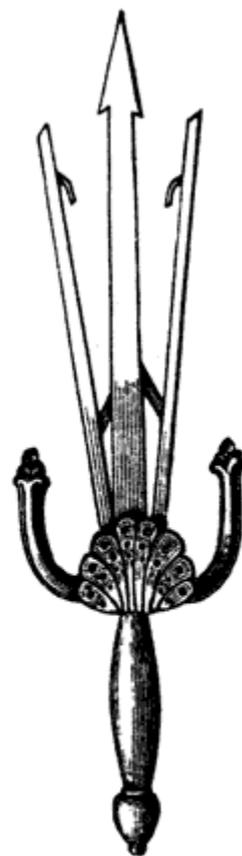
Рис. 125.
Лезвие с
отверстиями

Рис. 126.
Лезвие с
отверстиями
и ножны

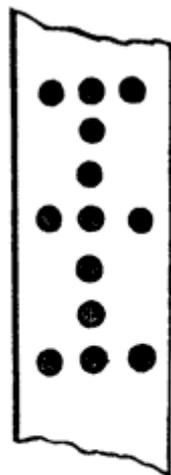

Рис. 127.
Фламберг

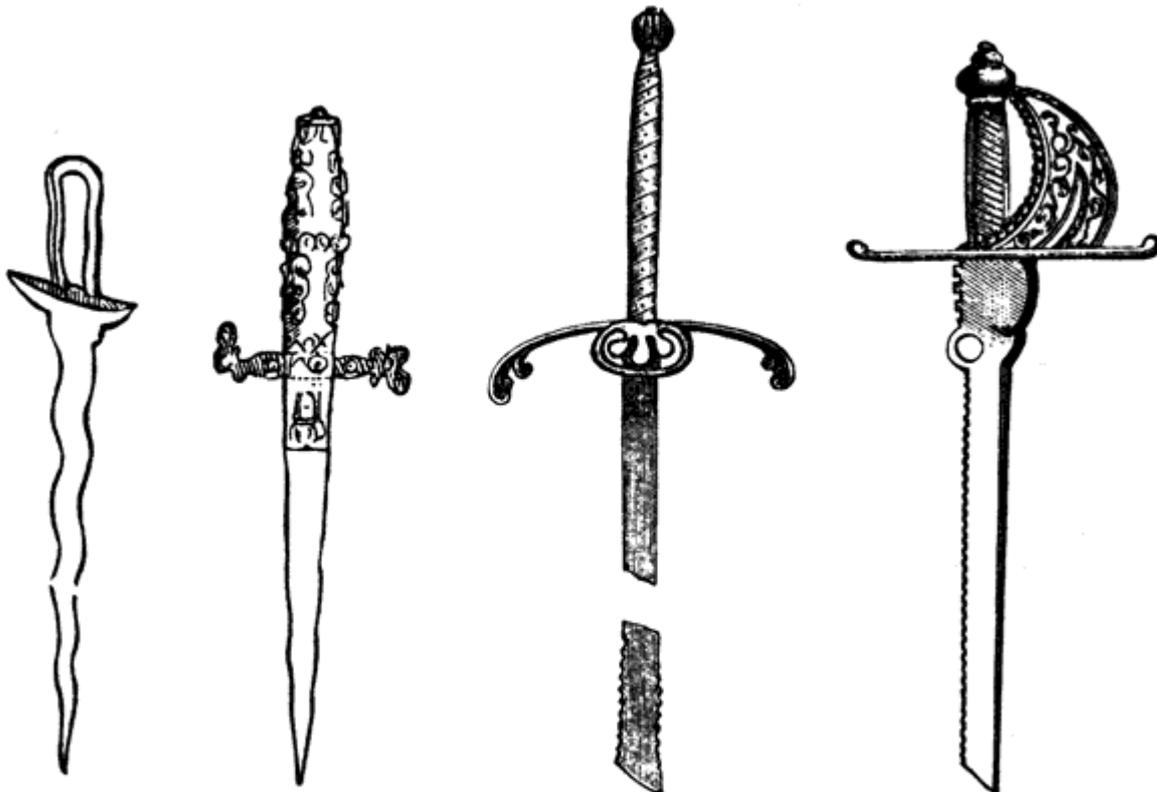
Рис. 128.
Германский
маингош

На примере немецкого меча, находящегося в Музее артиллерии, Париж, видно, как три клинка расталкиваются пружиной, которая нажимается в рукояти, из которых получается что-то вроде большой и длинной гарды, в которую можно поймать шпагу противника и сломать ее. Еще одна редкая форма – клинок патерностер, на лезвии которого находятся выемки, позволявшие верующему пересчитывать число своих «пустых повторений» даже в темноте (рис. 129).

Рис. 129.
Патер-
ностер

Как было показано, именно материал определяет тупость или остроту угла между двумя пластинами, встречающимися на вершине, чтобы сформировать лезвие. Существует множество разновидностей такого *fil*. Оптимальный угол, формируемый углами сопротивления (сорок градусов) и входа (девятьюстами градусами), уже отмечался. Кроме этого, существует еще лезвие зубила, по большей части применяемое как раз в инструментах, и лезвие-выступ, или двойной склон, которое можно назвать лезвием рубки: более тупой угол используется в тех лезвиях, которым предстоит перерубать свинцовые пруты и тому подобные предметы, имеющие большое сопротивление.

Рис. 130.
Малайский
крис

Рис. 131.
Кинжал с
волнистым
клинком

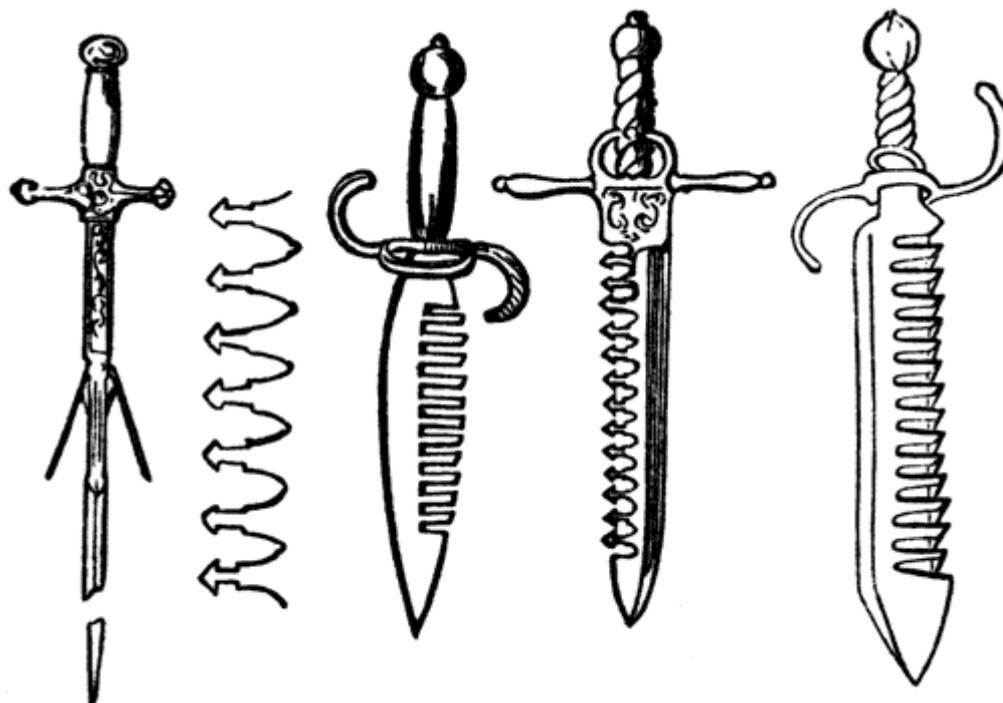
Рис. 132.
Зазубренный
клинок

Рис. 133.
Майнгош

Заточка лезвия меча обычно бывает прямой. Исключения в основном следующие. Волнистая режущая поверхность проявляется во фламберге, он же «пламенеющий меч»²³⁶. Лучшее всего этот принцип воплощен в прекрасных малайских крисах. Кажется, цель этого – увеличение протяженности режущей поверхности. Волнообразную форму хорошо демонстрирует железный кинжал (конца XIV или начала XV века), находящийся в собрании Ньюверкерке; похожие предметы оружия, поднятые со дна Темзы, можно найти в Британском музее; множество их и в коллекциях на континенте. Часто волнообразная форма сменяется зазубренной: таким несуразным приспособлением снабжено множество индийских сабель. Западнее его присутствие отражает благородный зазубренный штык, теоретическое *multum in parvo*, равно бесполезный для рубки мяса и топлива. Чем-то похожим является лезвие с зубцами, встречающееся на арабских, индийских и других восточных предметах оружия. Наиболее глубокие зубы были у так называемых

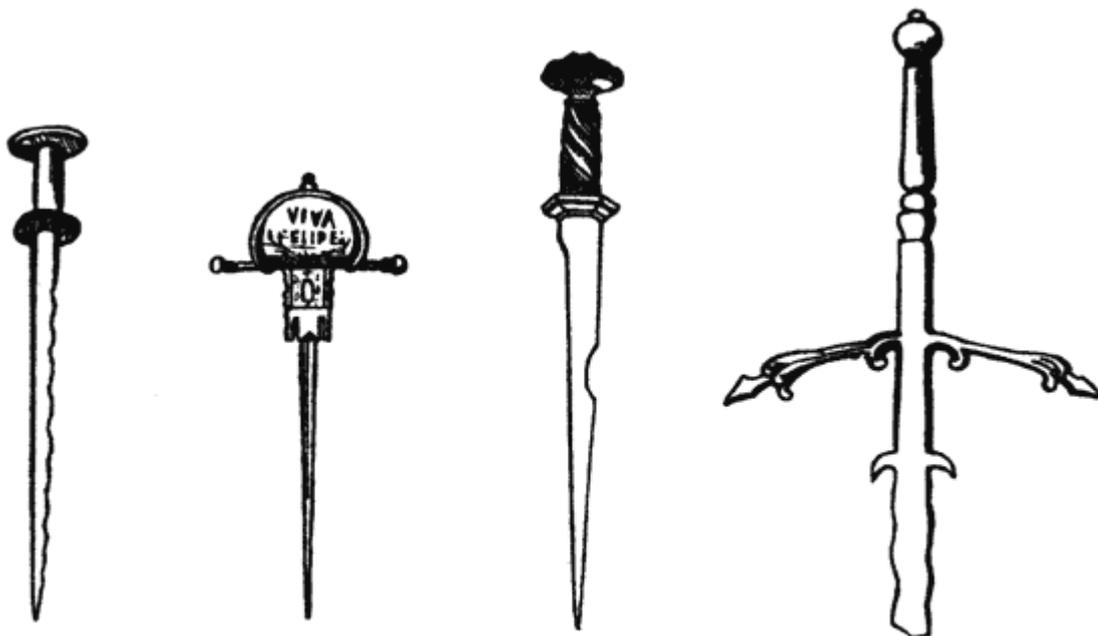
²³⁶ Это было также подходящее имя для меча паладина Рено. Фламберг XVII столетия стал клинком рапиры, перестав быть «пламенеющим мечом». Разница – в рукояти, особенно в гарде. У последнего она мельче и проще, чем у рапиры, и позволяла легко перебрасывать меч из руки в руку, как это делали ранние фехтовальщики.

«сокрушителей мечей» (Ы^е-ёреэ), по большей части XV века.

Рис. 134. «Сокрушители мечей»

Сложно объяснить чем-либо, кроме личных причуд, смысл зубцов или выемок на лезвии (кинжал XIV века (рис. 137). В заключение можно привести лезвие с крюками, со шпорами или со штырями, проекции которых обычно находят во фламбергах или двуручных мечах с волнистым лезвием.

Рис. 135.
Односторонний
волнистый
клинок

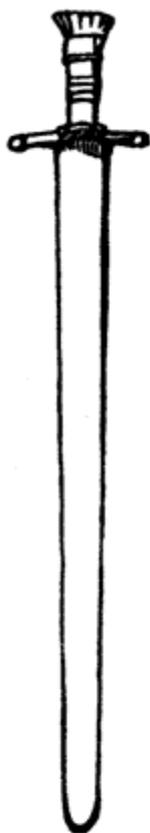
Рис. 136.
Контргарда

Рис. 137.
Лезвие с
выемкой

Рис. 138.
Лезвие с
крюками

Крюки на лезвии могут быть как с одной стороны, так и с обеих; целью их применения был захват клинка противника. Как правило, концы крюков направлены к острию; некоторые бывают направлены горизонтально, но лишь немногие направлены в обратную сторону – к рукояти, ведь такая форма приводит к тому, что меч противника соскользнет на предплечье владельца меча.

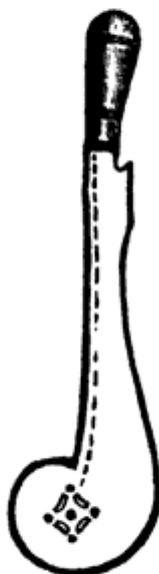
Острия различаются не меньше, чем лезвия. Естественная форма острия – это продолжение и постепенное схождение различных линий твердого тела, коническое, пирамидальное, или многогранное, сходящееся к общей вершине. В японском лезвии линия лезвия загибается вверх, чтобы встретиться с линией задней части. Если требуется больше силы, то острие срезается, формируя, как и лезвие, сложный угол между сорока и девяноста градусами: таким образом оно готовится к столкновению с твердыми телами; чем более тупой угол, тем сильнее острие.

Рис. 139.
Меч палача

Рис. 140.
Японская форма

Рис. 141.
Китайская сабля-нож

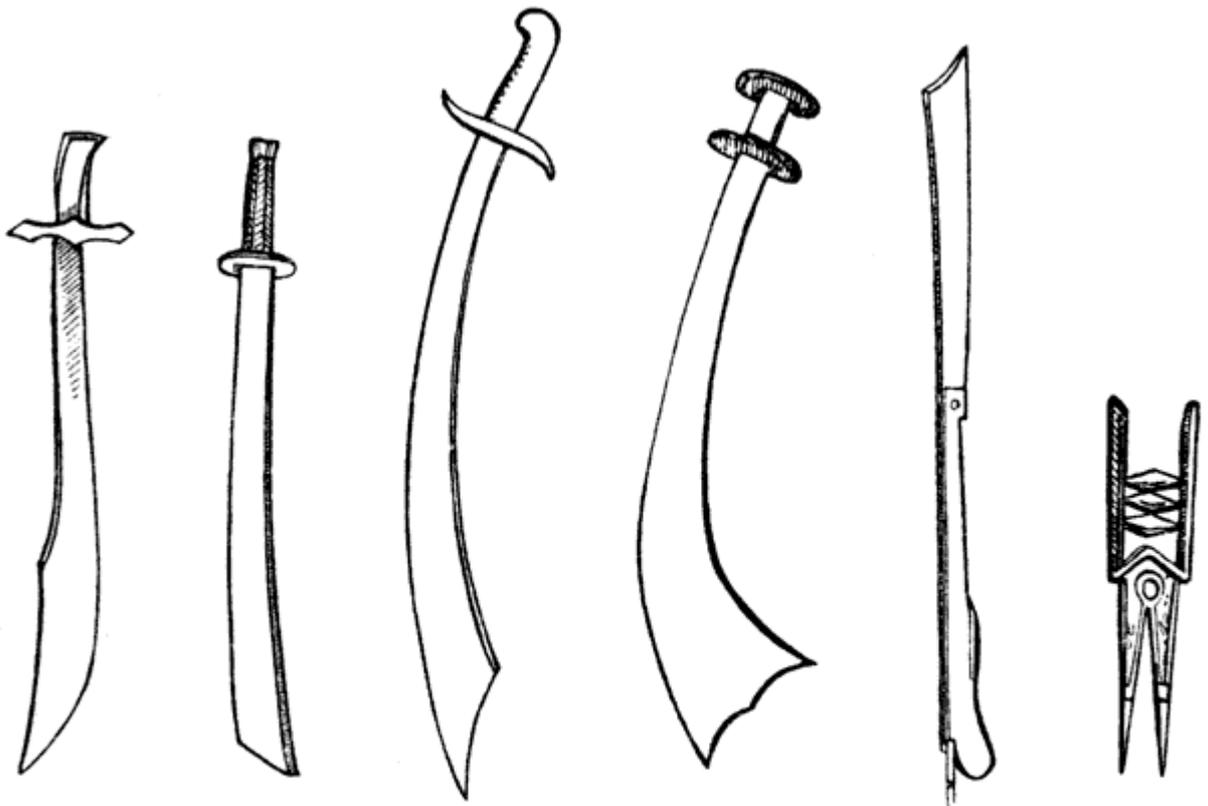

Рис. 142.
Древне-персидский меч

Рис. 143.
Ятаган

Когда рассматривается только лезвие, как в случае шлагера и палаша, меча правосудия – орудия палача, острие очень широкого тонкого лезвия закругляется. Такое положение вещей, как будет видно, касается ранних кельто-скандинавских мечей, по ошибке именуемых англосаксонскими.

Рис. 144.
Древний
турецкий
меч

Рис. 145.
Китайский
меч

Рис. 146.
Древний
турецкий
ятаган

Рис. 147.
Меч-дао

Рис. 148.
Морская
сабля

Рис. 149.
Индий-
ский
китар

В крайних вариантах режущих лезвий разнообразие еще больше. Широкий кривой меч ашанти, дахома и бенина, убийственных деспотических режимов западной межтропической Африки, заканчивается завитком. Такова же и форма китайского меча-сабли, оружия преступников. Древне-персидский меч, часто по ошибке именуемый турецким, заканчивается острием за расширением лезвия. Цель этого – добавить рубящему удару силы. Центр тяжести оружия смещается кверху, но это не имеет неприятных последствий, поскольку оружие служит только для единого удара, и защитных действий от него не требуется. Эта особенность получила причудливое развитие в турецком ятагане, который мы видим на каждой картине XVI века и который ныне столь редко представлен в наших музеях. Конец его постепенно развился до чудовищных размеров; длина его была урезана из соображений удобства, а гарда почти исчезла, поскольку функция защиты была переложена на щит. Эта исключительная форма распространилась широко на восток и на запад. Некоторые из непальских мечей имеют на конце двойной изгиб. Его переняли также и китайцы, которые, как они обычно делали в своем оружии, сократили его до простейшего выражения: головка имеет форму чаши, рукоять обмотана шнуром, а гарда является небольшим металлическим овалом, которого явно недостаточно для защиты кисти руки (рис. 145). Еще один замечательный пример «туранского клинка» – это замечательный меч-дао ²³⁷ племени нага с юго-востока Ассамы. Это толстый, тяжелый, широкий меч, имеющий восемнадцать дюймов в длину, со скосом там, где должно было быть острие, носимый на поясе в деревянных полуножках, дао использовался как для того, чтобы убивать, так и для того, чтобы копать. Турецкая форма получила распространение также в Европе и

²³⁷ В восточных регионах есть другой дао – большой, квадратный, двусторонний меч с ручкой, прикрепленной к центру. Бирманский дао изначально являлся тем же самым оружием, что и дао племени нага.

Америке, где стала одной из многочисленных разновидностей абордажной сабли. Туранское лезвие хорошо представлено в восточной геральдике ²³⁸. Форма его напоминает форму охотничьего рога, а портупея висит на двух подвязках – напоминание о далекой древности. Краски преобладают – пурпурная, красная и черная на *fasce tenné* («на полосе») или зеленая с серебром. Описания очень четки и техничны; к примеру, Абу эль-Махасин так отмечает «ранк» (эмблему) Анука, сына Абдуллы эль-Ашраты: «покрытие было составлено из круга серебряного цвета, поперек него линия зеленого цвета, над которой меч красного цвета... Это был красивый ранк, и женщины города наносили его татуировкой себе на запястья». Ранк получали от эмира вместе со знатным званием.

Перед тем как покончить с обсуждением острия, я должен вкратце отметить «вилочное», или раздвоенное, лезвие – любопытный предмет, заслуживающий исчерпывающего исследования. Греки, очевидно, выводили свои *χελιδών* или *χελιδόσιος ζίφος*, а латиняне – свои «*bidens*» от раздвоенных зубил, столь распространенных в Египте. Как мы еще увидим, был в Ассирии и действительно имеющий форму вилки меч; такой же формой обладает и множество индийских кинжалов.

Хелидонская сабля имеет две различные формы. В одной из них пластины сковываются вместе и разделяются на третьей или четвертой секции возле конца. Мистер Лэтэм имел хороший образец: длина вилки в нем, однако, превышала длину той части, где лезвие было едино. В коллекции принца Уэльского (Кенсингтон) находится меч с двумя лезвиями, где вилка имеет только восемь дюймов в длину; кроме того, он интересен еще и тем, что лезвия его зазубрены. В другой форме, строго хелидонской, вилка вертикальна, и один зуб ее находится над другим. Какой смысл этого при рубке – сказать сложно, но меч этот личный и особенный. Мне известен только один исторический клинок такой формы – зу'ль-фикар («повелитель разрубания»), оружие, врученное Мухаммеду архангелом Гавриилом, а далее Мухаммедом – своему зятю Али бин-Али Талибу, который разрубил им череп Мархаба, огромного воина-еврея из крепости Хайбар. Оно появляется среди оружия князей Зейди, владык Сана'а в Эль-Йемене, на юге Аравии: ближе к нам его можно увидеть в турецкой интерпретации, на примере клинка около двадцати футов в длину, привезенного доном Хуаном Австрийским от турок из Лепанто ²³⁹. Возможно, такой честью это оружие обязано тому, что упомянуто в числе «ахади», или традиционных высказываний апостола ислама: «нет более смертоносного для врага меча, чем зу'ль-фикар, и более храброго юноши, чем Али».

В число строго хелидонских клинков я не включал раздвоенное лезвие. Наглядный пример последнего – Орис-ский меч: две почти овальные формы исходят из одной рукояти, но они разделены по всей длине. На Золотом Берегу обнаружена и еще одна форма: клинки расположены как знак Овна; их единственное предназначение – отрубить носы и уши ²⁴⁰. Отрубаемый член помещается на место соединения лезвий, и состригающее движение вверх производит увечье. Для следующей страницы я приберегу «расщепленные мечи» – два клинка в одних ножнах, какие использовались в средневековой Европе и до сих пор

---

²³⁸ Роджерс Бей утверждает, что геральдический герб известен арабам как «ранк», во множественном числе – «ранак», и что слово это происходит от персидского «ранг», цвет, от чего происходит и наше «ранг», слово, до сих пор объяснявшееся неудовлетворительным образом. Что касается красок, то слово «лазурь», например, явно происходит от персидского «ладзаварди». Все это позволяет предположить, что начало появления геральдики в ее современном виде мы должны искать в Персии.

²³⁹ Этот трофей висит на стене у лестницы в прекрасном арсенале, принадлежащем Арсеналу военного флота, Венеция. Клинок имеет надпись из Корана (глава XI, том I), головы драконов с раскрытой пастью на рукоятке, а под рукояткой – розетку с различными вставками-надписями «На» («Ачлах!»).

²⁴⁰ Мы с капитаном Кэмероном выставляли один образец, любезно предоставленный нам королем Блей из Аттабо, на специальной встрече Лондонского антропологического института.

сохранились в Китае.

Рис. 150.
Золотой Берег

Подведем итог этой длинной технической главы: меч должен быть крепко закреплен и хорошо свинчен спереди и сзади, так, чтобы не оставалось промежутка между рукоятью и клинком. Захват должен быть прочным, а хвостовик – закреплен либо заклепками, либо, что еще лучше, завинчивающейся головкой; если этого не сделать, у оружия не будет толкового лезвия. Испытывая оружие, им следует несколько раз подряд с силой ударить по деревянной подставке. Если ручка не ослабевает, а клинок издает правильный звон, это признак удовлетворительности крепления: если же клинок дребезжит или удар причиняет боль руке, то, значит, крепление неправильно, и удар таким мечом будет неэффективен.

Примечание: тип и модель прямого лезвия – это форма рапиры, которую мы называем толедской. Она, возможно, происходит от спаты, или длинного меча римских кавалеристов; но свою современную совершенную форму он получил во время правления Карла V (1493–1519 гг.). Примером кривого клинка является так называемая дамаская сабля, датируемая, наверное, эпохой раннего ислама (VII веком), когда восточные армии по большей части состояли из всадников-бедуинов.

Глава 8

МЕЧ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ И СОВРЕМЕННОЙ АФРИКЕ

На текущий момент история знает цивилизации – со своим языком, литературой, наукой, искусствами и оружием – древнее египетской. Надо изменить и модернизировать устаревшую поговорку «Ex Oriente lux» – «свет исходит с Востока», – представляющую, будто это освещение исходит из Индии; истина прямо противоположна. Заря знания зародилась и взошла не на востоке, а на юге, на Черном континенте, который является также и Высоким континентом²⁴¹. Не можем мы больше соглашаться и с тем, что

Путь империи лежит на запад.

Как учит нас профессор Лепсиус, «в древнейшие времена на человеческой памяти мы знали только одну продвинутую культуру, только один способ письма и только одно литературное искусство – египетское». Карл Фогт, человек, имеющий смелость говорить то, что думает, режет напрямик: «Наша цивилизация произошла не из Азии, а из Африки». В поисках нашего происхождения мы должны вернуться к

Великой владычице мира в египетской долине.

Современные египтологи пересматривают ложные и односторонние теории,

---

²⁴¹ Австрийский географ доктор Иосиф Чаванн оценивает среднюю высоту Африки в 2170 футов (округленно), что в два раза выше, чем Европа (971 фут, М.Г. Лейпольдт).

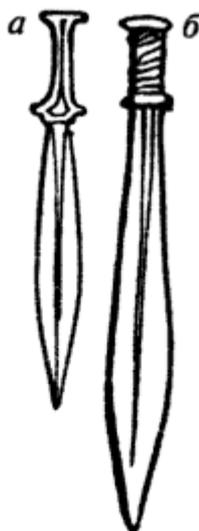
основанные на скудных исследованиях антропологической литературы на греческом, латыни и иврите. В долине Нила мы все еще находимся на пороге изучения – топографического, лингвистического и научного. О протоегиптянах и их первоначальном ремесле мы знаем все еще очень мало; а ведь абсурдно было бы предполагать, что человек начал свой путь к цивилизации с постройки пирамид, высекания обелисков и вырезания иероглифов. «Кушитская» школа, основанная на азиатских эфиопах или епископе Евсебии и неудачно представленная Бансеном, Масперо, Уилкинсоном, Мариэттом, Бругшем и еще множеством менее значительных имен, определила, что древние жители окрестностей Нила «несомненно прибыли из Азии». Этой теории сильно не хватает доказательств; и то же самое можно сказать и о популярных представлениях, основанных на библейских сказаниях, – «первые колонисты Египта пришли из Месопотамии». Кажется, мы читаем сказку, когда видим (у Уильяма Осбурна), что «искусство этих первобытных египетских художников было частью той цивилизации, которую принесли с собой первые поселенцы, прибывшие в долину Нила».

Я убежден в том, что древние египтяне были африканцами, и чистыми африканцами; что жители долины Нила – это и сейчас негроиды, «подбеленные» большим вливанием сирийской, арабской и других азиатских кровей, и что колыбель этого народа – Эфиопия. Эсхил уже покрыл их черные тела белыми одеждами, когда Геродот сделал их чернокожими по сравнению с арабами²⁴² и североафриканцами. Каждый путешественник считает свое описание хорошим для своих дней. Блюменбух объявил, что древние египтяне имели берберское происхождение (народ Псаметика, или сына Солнца). Хартманн выражал мнение, что они были не азиаты, а африканцы; доктор Мортон изменил свое изначальное мнение, обнаружив, что у них черепа негроидов. Я надеюсь подтвердить их правоту, создав большое собрание черепов мумий. Совершенно точно, что волосы – эта великая характеристика любого народа – у современных египтян не мягкие, как

утверждает профессор Хаксли, а наподобие проволоки, как и у их предков. Более того, их тип, как отчетливо показывает пример Сфинкса – меланохроитовый негроидный. В конце концов, есть и другие признаки, которые нет необходимости отмечать здесь, отделяющие как людей, так и лошадей африканского происхождения от арабского.

---

²⁴² Мистер Лэйн, который был сильно привязан к Каиру и его населению, с недавних пор настаивает на арабском происхождении и родстве египтян. С точки зрения тех, кто знает оба народа, они не менее различаются, чем англичане и греки. Поставьте араба, особенно бедуина, рядом с феллахом, и контраст между ними поразит даже наименее опытный глаз.

Рис. 151.
а — бронзо-
вый кинжал;
б — меч
(14 дюймов
в длину)

Есть история Древнего Египта, в которую мы еще не углублялись. Геродот освещает ее, когда считает, что жрец Пта в Мемфисе претендует на древность в 11 340 лет, за каковой период правило 341 поколение царей и жрецов. То же самое делает Платон, когда говорит о гимнах, которым 10 тысяч лет, и Мела, когда насчитывает 330 царей перед Амасисом, которые правили более 30 тысяч лет.

Размеры «Кеми» ²⁴³ произвольно приписывались речной долине до Первого порога, или 700 миль в длину и семь – в ширину, которые в районе дельты расширились до 81 мили. Мы справедливо можем ожидать, что современный Маср – только кусок восточной части древнего Мизраима. Греки считали границы Азии раскинувшимися за Суэцкий перешеек и Нил и простирающимися до Ливии ²⁴⁴. Этот «Великий Египет» все еще предлагается системой Бар-Била-Ма, обширной Фиумаре, ныне сухой, как кость, и линией оазисов в диких землях к западу от Речной долины с их гигантскими развалинами протоисторического Прошлого, которые могут датироваться еще теми временами, когда бассейн Бар-эль-Газала – озера, подобного Танганьике и Виктория-Ньянза, – начал свой ежегодный слив воды на север по каналам, параллельным «реке Египетской». Бассейн озера заилился бы в ходе естественных процессов, и избыток воды, который больше не мог стекать на север, проложил бы себе путь на восток, в Нил. Более легкое стекание превратило бы озеро в речной бассейн и систему, а более неорошаемые земли могли превратиться в пустыню, покрытую пятнами, как леопардовая шкура, в виде оазисов или имеющих воду долин.

Обилие популярной литературы познакомило публику со внешними аспектами Древнего Египта, но мир все еще далек от того, чтобы прочесть то послание, которое Египет оставил

---

²⁴³ «Кеми» – «Черная земля», в противоположность «красной земле», диким землям Северо-Западной Аравии.

²⁴⁴ Гекатей и Анаксимандр делили мир на Европу (Эреб, Гарб, Запад) и Азию (Азиих, Восток). Их наследники добавили к этим частям света Ливию (Африку); слово это было произведено от названия племен либу или рибу; а Отец Истории добавил к ним, совершенно необоснованно, четвертую – дельту Нила. Хотя этнологически это совершенно верно: Египет – это ни Африка, ни Азия, это страна в себе.

человечеству. Мы должны вернуться к «Чудесам на берегах могучего Нила» в поисках происхождения всего, что интересует нас больше всего. Эта страна – колыбель языка. Ее язык содержит все элементы так называемых «арийской», семитской и аллофилийской, или туранской, языковых семей и датируется задолго до дней их теперешнего распространения. В «Египте» Бунсена впервые отмечен этот факт, на некоторой дистанции, впрочем, и без указания его важности. «Все семитские местоимения и суффиксы», утверждает М.К. Бертин, «можно проследить вплоть до их египетских прототипов, особенно времен ранних династий»; он мог многое добавить и о других формах. Бругш повествует нам, что примитивные корни и основные элементы египетской грамматики указывают на тесную связь с индогерманскими (!) и семитскими языками ²⁴⁵. Аллофилийский, или агглютинативный туранский, язык ²⁴⁶, третий, не являющийся ни арийским, ни семитским, тоже прослеживается в древнекоптском.

Что же позволяют предположить эти факты? Лишь то, что элементы, существовавшие в египетском языке, переместились с берегов Нила и эволюционировали, разделялись и дифференцировались во многих центрах. Словосоставная, или иранская, схема находит свой дом в Восточной Европе (Греция, Италия и славянская, или полуазиатская ее часть); в Малой Азии – особенно во Фригии, в Месопотамии, в Персии и, в конце концов, в Индии, где он установился сравнительно недавно. Это объясняет, как филолог может вывести санскрит из литовского языка, уберегает нас от «арийской ереси» ²⁴⁷, отменяет «индоевропейский язык», или, что еще хуже, «индогерманский» – этот современный пример национальной скромности. Оба термина содержат в себе теорию – и теорию недоказанную. Опять же слово-развивающая, или арабская, схема, абсурдно именуемая «семитской» (от имени Сим!) возростала, умножалась и совершенствовалась в Северной Африке и Аравии, в то время как туранская становилась все более независимой и, выделяясь из аккадского, распространилась по Китаю и землям татар.

Этот изначальный язык Египта создал себе алфавит, из которого выводятся все остальные алфавиты, что подтверждается следующим фактом: каждый и все они начинаются (как, по словам Плутарха, и древнекоптский) с буквы А. О его возрасте в стране Нила мы можем судить по картушу с именем Хуфу, оставленному каким-то рабочим на внутреннем блоке Великой пирамиды. Как много поколений членораздельно говорящих людей должно было пройти, пока в голове человека не появилось такой искусной и прекрасной системы, как королевская подпись на щите!

---

²⁴⁵ Как пример корней – которые наиболее примечательны, когда состоят из единого согласного звука, удвоение которого создавало самые первые слова, – взять хотя бы «папа» и «мама». Первое – от египетского па-па (корень П): производить, изначальное представление об отце, а второе – ма-ма (корень М): носить, вынашивать, быть беременной. «Мут» становится «мата», «матерь», мать. Мер («а-мор») – любовь; «меран» («мориор») – «умирать» и «море» («маре») – море. В семитских языках у нас есть «ма», еврейское и арабское та – вода, и длинный список других слов (как «йа» – да, «на» – нет и другие, список которых слишком длинен, чтобы приводить его).

²⁴⁶ Характеризуется по большей части постпозициями, в противопоставление препозициям, которые, будучи добавленными к глаголу, делают его каузальным, рефлексивным и т. д., и причудливой формой предложений. Примеры – финноугорская группа и тюркомонголотатарская группа, обе из которых, возможно, происходят от древнескифского языка.

²⁴⁷ Я предпочитаю термину «арийский» старый термин «иранский». Иран (Персия), который когда-то был расширен из Индии в область Средиземного моря, стал одним из великих центров, где развивался «арио»-египетский элемент языка и где еще можно найти типичный народ. Нет особых возражений и против термина «туранский», где Туран – это неиранские области на востоке – земли татар и Китай. Но термин «семитский» основан на мифах и теориях, и его следует изменить на «арабский». Египто-арабский достиг наивысшего развития на Пиренейском полуострове. Иврит – это северный и в какой-то степени варварский диалект; сирийский – это его северовосточная ветвь, галла – западный и т. д.

Но Египет сделал еще больше. Он стал фонтаном знания, которое затопило весь мир. На восток этот поток хлынул через Вавилонию и Халдею, Персию и Индию, Индокитай, Китай и Японию в Австралию и Полинезию. В западном направлении он заполнил Африку и Европу. Америки он мог достичь с обеих сторон. Восточный поток мог через Китай и Японию достичь восточного побережья, а западный – перебраться через Атлантику; возможно, в те дни Берингова пролива еще не существовало. В лице Карибского залива нашлось новое Средиземное море, а в Мексике и Перу – новые Индии. Действительно, поход разума из Египта имеет общую протяженность с пределами привычного мира.

Изобретение алфавита непременно должно было привести к появлению литературы – поэзии, истории, критики. Самый первый из известных манускриптов – это папирус Присса (д'Авеннес), свиток, датируемый временами фараона Тат-ка-ра, последнего из Пятой династии (около 3000 г. до н. э.). Это – собрание пословиц, максим, советов и указаний, пятое из которых гласит: «Чти отца своего и мать свою, и да будет твоя жизнь долгой». Стиль ее восхищает своим юмором и графическим описанием пожилого возраста – «*Senex bis puer*»²⁴⁸. Самый первый эпос – это героическая поэма Пента-ура, посвященная Рахмесу II (1333–1300 гг. до н. э.); это прообраз циклической песни, которая, особенно на Кипре, предшествовала шедеврам предводителя гомеров; а открывается она «*Arma Virumque sano*». «Книга мертвых» – это рождение драмы, и она, возможно, была создана за века до диалогов Иова. «Песни Соломона» – это воскрешение Изиды и Нефтисы. Критика молодого автора приверженцем чистоты стиля может добавить линию и в сегодняшние «обзоры». Изобретение географических карт и планов мы тоже должны приписать египтянам. Они первыми начали изучать геральдику: каждый округ имел свою отличительную эмблему, обычно это была птица или зверь, а каждый храм и гильдия – свой герб²⁴⁹.

Литература была бы несовершенной без искусств и науки, и, следовательно, их родину и центр мы тоже находим в Египте. Эти исследования гуманизировали этот народ; их кодекс предлагает ту же мягкость в наказаниях, что и современное законодательство; а почтительность египтян к буквам, к пожилому возрасту и к человеческому достоинству делает их вечным примером для подражания для всего мира. Памятники показывают их увлечение музыкой и живописью. Их знание скульптуры доказывает ряд работ, особенно деревянный «шейх эль-балад» (староста деревни) в Булакском музее – чудо искусства, датируемое, возможно, Четвертой династией, 3700 г. до н. э. В числе их архитектурных достижений – арка, закругленная и заостренная, восемь различных видов колонн, в том числе протодорическая; атланты, кариатиды в виде людей. Храм в Гизе возле Сфинкса явно старше, чем окрестные пирамиды; это прочнейшее произведение, при создании которого самый твердый камень обрабатывался как дерево.

Из наук египтяне особенно культивировали геометрию, астрономию, астрологию и алхимию, по имени которой можно узнать ее происхождение. Их арифметика имела дело как с десятичными, так и с двенадцатиричными числами, математика выросла из измерения полей и строительно-храмовых вычислений. Египтяне знали прецессию равноденствий: Родье считает, что они высчитали ее, наблюдая точку равноденствия и восход Сотиса, звезды Тут, «оси небес», и что исследования в Сьене начинаются с 17 932 г. до н. э. Они знали движение апсид, периоды обращения Солнца и звезд; они изобрели понятия широты и долготы, отмечали крестиком пересечения солнцестояний и равноденствий и издавали календари на год. В области оптики египтяне изобрели линзы, не оставались они в неведении

---

²⁴⁸ «Старик – дважды ребенок» (лат.).

²⁴⁹ Эмблемой одного округа (Танис) был полумесяц и звезда, у других округов были такие же эмблемы с двумя-тремя звездами. Позже эта эмблема перешла к Византийской империи, а на египетском флаге мы и сегодня видим полумесяц и Себ – пятиконечную звезду. От турецкого он отличается главным образом тем, что на последнем звезда имеет семь лучей.

и о движущей силе пара и даже, возможно, получили зачатки знаний об электричестве из наблюдений за электрическими рыбами.

В области механических технологий они были просто великими. В области медицины египтяне занимались вскрытиями и вивисекцией, в области земледелия изобрели плуг, борону, серп с зазубренным лезвием и цеп, в области ткачества – «ласточкин хвост», в области керамики – гончарный круг, в области гидравлики – водяное колесо. Что касается садоводства, то они умели пересаживать взрослые деревья, кроме того, делали стекло и фарфор, поддельный жемчуг и драгоценные камни, пользовались наждачным порошком и шлифовальным кругом. Египтяне пряли шелк и умели протравливать материалы кислотой и красить волосы, делали из глины кукол и детские игрушки, отливали маски из папье-маше. В некоторых моментах они были до странного современны: на охоту одевались в одежду защитного цвета, а не розовые или зеленые охотничьи костюмы: мы же сейчас только начинаем понимать свои ошибки. У египтян была соколиная охота, и они играли в шашки, из которых позже выросли шахматы, восседая в креслах, форма которых напоминает наши, а не на диванах или триклиниях. Их домашняя мебель старательно избегала слишком правильных форм; а сейчас Япония учит Англию и Германию не утомлять глаз однородностью.

Насколько они были продвинуты в литературе и политике, этой земной религии, настолько же культивировали они и религию – небесную политику. Исследователь Библии обнаружил среди гробниц стран Нила подтверждение абсолютной правоты слов Цельса – а именно о том, что евреи заимствовали свои доктрины и практики у египтян. Их дата сотворения *ex nihilo*²⁵⁰ (4004–4620 гг. до н. э.) – это, очевидно, дата начала династии Мена по Мането; она используется по сей день. Их космогония сотворения мира, как показывает каббала и выразительно заявляет Ориген, являлась адаптацией аллегорий и мистерий Нила, которые принято понимать буквально и фактически. Их «Адам» – это «Атум», от которого происходит и «Адима», Первочеловек индусов. Их Апп, или Апап (Апофис), чье определение – змея, пронзенная четырьмя ножами, – это великий старый змей, Син, Сатана. «Потоп» – это ежегодный разлив Нила в восприятии, искаженном издубарскими легендами равнины Междуречья. Имя Ной подозрительно похоже на Ну или Нуху, Плавающего-по-реке, Повелителя Разлившегося Нила. «Хам» – это предположительно «Кам», черная раса. Ковчег – это Бар или Уа (Барис, корабль Арго) Ну, священный корабль, изображенный на развалинах египетской Элефанти, корабль Осириса, или Уасура, бога-Солнца, имеющего вид человека; а плывущая корзина с Моисеем – это просто повтор ковчега Осириса. В этой сложной политеистической системе из умерших предков, изначально основанной на монотеизме, Солнце обозначало жизнь человека. Оно вставало ребенком Гором; оно же было Господином Ка в полдень; старело и садилось оно, будучи Тумом; и Гормаху (Гармахисом) оно сияло подземному миру, уйдя за горизонт, делая Ночь и Смерть предвестниками Света и Жизни.

Сверхъестественный аппарат обеих вер (и изначальной, и заимствованной) один и тот же. Четыре духа Смерти – Амсет (под Исидой), Хапи (Нефтис), Туамутеф (Нейт) и Хебсенауф (Себк) – стали четырьмя архангелами. От Урима и Туммима (последнее – множественное число от Тме или Темис) происходит слепая или безголовая богиня Справедливости и Правосудия²⁵¹. Даже такие фразы, как «Я есмь то, что я есмь», – это заимствования из египетских священных писем: Анх («Я есмь Жизнь») перешло в Яхве (Иегова). Это «неизреченное имя»²⁵² было заимствовано некоторыми, включая Коленсо, из

---

²⁵⁰ Из ничего (лат.).

²⁵¹ Слепая потому, что видит не глазами, а внутренним взором. Ее глаза скрыты повязкой. Обычно ее называли Ма, а идеограф ее – линейка в один локоть.

²⁵² Это форма аориста от «Хава», а «*natura*» («природа» (лат.) – от «*nascog*» («рождаться»). Если рассуждать мистически, то «Иа» – это прошедшее время, «Ха» – настоящее, а «Ва» – будущее.

семитского язычества; но Бругш показал, что Египет предоставил ветхозаветную концепцию Творца. Здесь же появляется действительно прямое заимствование в единстве Бога и двоичности Тифона, Сета, Сатаны, Злого Духа. Позже были скопированы и местные триады Кеми, в которых третий происходил от первых двух. Оба церковных устава содержали Пророков («Сем») ²⁵³, Верховных жрецов ²⁵⁴, Жрецов, «Святых Отцов», и Писцов. Десять заповедей – это резюме из сорока двух предписаний «Книги мертвых» (гл. 125). Переносные раки великих египетских богов породили идею молитвенного дома, которая переросла в идею Храма; она соотносится с передвижным шатром карфагенян. Африканский обычай обрезания изначально был введен предположительно как мера профилактики сифилиса, следы которого находят в доисторических костях. Странная неприязнь евреев к свинине кажется бессмысленной, если не объяснить ее сверхъестественным страхом перед зверем Тифона. Рационалисты утверждают, что религия запрещала мясо свиней, поскольку в тропических условиях оно опасно для здоровья, но это *causa pro causa* – свинина является излюбленной пищей в Бразилии, в Китае и среди христиан Индии; даже маратхи едят мясо диких свиней; а повадки этого животного не более омерзительны, чем, скажем, утки. Правда заключается в том, что эти гастрономические запреты служили цели разобщения – они помогали воздвигать ненависть между народами и держать людей в повиновении жрецам.

Но, переняв многое из мудрости (и глупости) Египта, евреи жестоко вычеркнули в высшей степени египетские представления о Душе, о Суде над умершими и о грядущем состоянии наказания или награды – три догмата, которые в современном мире лежат в основе любой веры. «Когда умрет человек, го будет ли он опять жить?» – вопрошает Иов (14, 14) в главе, показывающей, что однажды потерянная жизнь – потеряна навсегда. И явно со времен Моисея это было особенностью «семитского» мышления; они жили в Настоящем и не имели Будущего, вернее, отпихивали его с презрением. «Моисей, – пишет профессор Оуэн, – не мог принять существование загробной жизни или проповедовать награду и возмездие в будущем без риска примешать к своему монотеизму оттенок многообразного символизма, окружавшего «Божественного сына Амена» (Озириса), который, утратив земную жизнь ради блага людей, стал, получив божественное существование, их судьей». Евреи приняли идеи и Души, и Суда, и Рая, и Ада от своих родственников-ассирийцев ²⁵⁵, которые также передали им и имеющиеся у них сегодня имена для двенадцати месяцев, и астрономические знания. А их современные последователи, приняв повсеместно концепцию Воскрешения, совершили тот шаг, от которого так старался охранить их Моисей.

Вряд ли надо объяснять, что мифология Греции, Этрурии и Рима представляет из себя лишь искаженные мистерии и метафизику Египта. Хватит и трех примеров: Харон – это

---

²⁵³ Мой товарищ по путешествиям, преподобный У. Робертсон Смит, отрицал происхождение иудейского института пророков от египетского. Его интересная книга «Ветхий Завет и т. д.» нуждается в большем египтизме. Пророки страны Нила имели свои заслуги; они предсказали, что Суэцкий канал фараона Нехо принесет больше пользы чужакам, чем местным жителям.

²⁵⁴ Одевание Верховного жреца в иудаизме имело 366 колокольчиков, символизирующих дни звездного года Сириуса. Во времена первых фараонов «Царица нового года» появлялась, совпадая с началом солнечного года. Эра Сириуса была установлена из наблюдений до Тутмоса III (Восемнадцатая династия, примерно 1580 г. до н. э.).

²⁵⁵ Авраам, легендарный предок евреев, был халдеем из Ура в Халдее. На восточном берегу Евфрата расположен Уру-ки, Эрех, он же Варка, а напротив него – Ур, Уру, или Муфэр. Бедуины до сих пор называют его «Урха» в память об Уре. Так, Авраам был горцем из суровых мест на границе с Южной Арменией. Отсюда «еврейское лицо», с его резко выраженными чертами и густыми волосами и бородой, которое появляется на многих скульптурах Вавилонии и Персии. Отсюда также и поверхностное наблюдение, что афганцы и горные племена запада Индии – это евреи, потому что выглядят как евреи. Причина этого в том, что они все происходят из единого этнического центра, великого водораздела рас.

деградировавший Гор; Минос – это Мена, а в имени Радамант заключено слово «Аменти», правая сторона (Озириса), запад. Не стоит удивляться и тому, что сейчас Египет дает почву для научных предрассудков. Каждый читатель «литературы пирамид» отметит то таинственное влияние, которое Кеми оказывает на современные умы ²⁵⁶.

В предыдущих главах я отмечал развитие металлургии в Древнем Египте. Возможно, начали египтяне с обработки золота ²⁵⁷ – его руду легче всего найти и обрабатывать; оно в изобилии встречалось в Верхнем Египте, и около 1600 г. до н. э. они нашли свою Калифорнию в лице страны Куш (Эфиопии). Они называли ее «Тум», «Хетем» и «Нб», что произносится по-разному – «Небу», «Неб» и, наконец, «Нуб», от чего и произошло слово «Нубия». У него было два иероглифа, обозначающие ожерелье и миску для промывания, покрытую тканью для фильтрации. Жители Кеми называли серебро «белым золотом», что позволяет сделать выводы о том, какой из двух металлов был обнаружен первым; и они три тысячи лет назад могли изготавливать серебряную проволоку. Уилкинсон отмечает: «Положение серебродобывающих шахт неизвестно»; но он писал до открытия Мидиана, где с поверхности земли поднимали камни, в которых содержалось три унции серебра на тонну. Как показывают изображения, они добывали железо, хотя немного его пережило коррозию времени. Египтяне использовали поддувало при работе лудильщика и были хорошо знакомы с процессом паяния с помощью свинца или сплавов ²⁵⁸, как показывает шеш, или систрум, мистера Бартона. Я могу здесь отметить, что от этого *serpitaculum*, используемого в храмовых службах, пошла и марака, или таммарака, священная погремушка, тыква, в которую насыпали гравий и которую боготворят бразильские тупи, которые с ее помощью познали таинственное влияние ритмических звуков. Они были искусны в изготовлении оружия с инкрустацией, права на изобретение которого считались принадлежащими грекам. Их простая технология заключалась в том, чтобы вырезать место узора, вбить туда молотом золото и серебро и в завершение отполировать поверхность ²⁵⁹.

Высокий уровень металлургии в Египте не мог не привести к развитию оружия и доспехов, он просто должен был предоставить солдатам возможность побеждать «подлых, нечистых и ничтожных иноверцев» – то есть все народы, кроме них самих. Бог Анхар, он же Шу, является «повелителем ятагана». Гор, как мумифицированное божество с головой ястреба, сидит, держа два меча. Амон-Ра, повелитель Хаб, является «великим богом Раменма», «повелителем меча». «Носитель Пшента – двойной короны» (фараон), образ Монту, бога войны, был «Его Святейшество» (верховный жрец) и верховный главнокомандующий, который лично вел своих воинов «омыть сердца» (остудить свою доблесть), как зулусы омывают свои копья. Как и Гор, он – «Доблесть с Мечом». Когда он

---

²⁵⁶ В нашей половине XIX века три популярных помешательства производят стремительный рост литературы. Во-первых, это литература по Шекспиру – о том, что произведения Шекспира написал не Шекспир, а Бэкон или какой-нибудь другой поэт из Палмерстоуна. Во-вторых, в качестве побочного эффекта «книги мормона», наследие «утерянных племен» Джона Булла, которых никто никогда не терял. В-третьих, это помешательство на пирамиде; в массовом сознании уже укрепилась идея о том, что пирамида вызвала появление британского дюйма: эти «пирамидисты» по большей части забыли о том, что их «пирамида» – лишь одна из многих и помимо нее существуют еще три, превышающие ее в размерах, и около семидесяти уступающих ей, с которыми в сумме она формирует кладбище Мемфиса.

²⁵⁷ Примечательно, однако, как подметил Бругш, что с древнейших времен проклятия тифонических богов имели отношение к золоту. Так, Плутарх («Исида и Осирис») повествует нам, что верующим было указано не носить этого благородного металла.

²⁵⁸ «Свинец соединяется также и с помощью белого свинца (олова); белый свинец – с помощью масла» (Плиний. XXXIII, 30).

²⁵⁹ Этот процесс напоминает наше чернение. Самое древнее произведение этого рода содержало по большей части серебро и никакого свинца.

собирался на войну, ему преподносили «фальчион победы», с такими словами: «Прими это оружие и разбей им головы нечистых». На рисунках и скульптурах это большая и героическая фигура: он держит лук, сражает врага копьем или мечом и ведет свою боевую колесницу по телам убитых. Его солдаты делились на каласири (крашр – лучников) и «гермотибиан». Эти два подразделения представляют собой вторую из пяти каст, считающуюся ниже жреческой и выше крестьянской: им принадлежала одна из трех частей, на которые делилась земля. Рекрутов обучали в военных школах, которые и породили позже панкратиумы, палестры и гимназии; они тщательно обучались гимнастике, как показывают изображения на памятниках в гробнице Бени-Хасан, пользуясь модгарами, или индийскими дубинками, и были превосходными борцами, хотя этого нельзя о них сказать как о кулачных бойцах. Царские статуи – это статуи атлетов: у них широкие плечи, узкие бока и хорошо развитые мышцы. Солдаты практиковали технику одного удара; очевидно, правая рука их была прикрыта защитной корзиной, а левая – лубком или лубками из дерева, связанными вместе и служившими щитом (рис. 152).

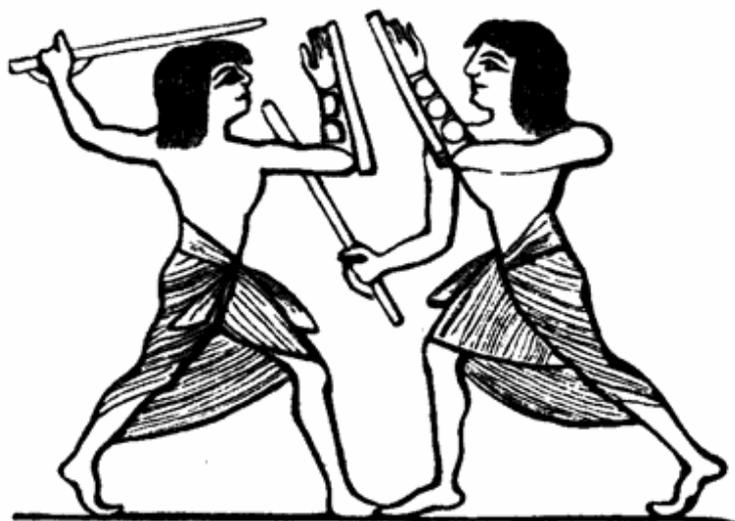

Рис. 152. Использование одиночной палки в Египте

Рис. 153. Египетский воин со щитом

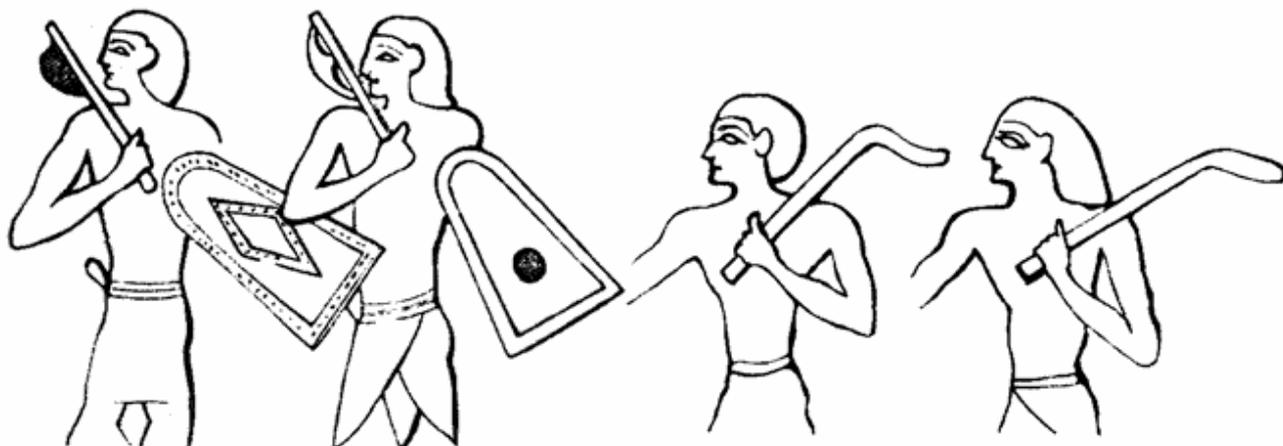

Рис. 154. Египетские воины

Рис. 155. Египетский воин

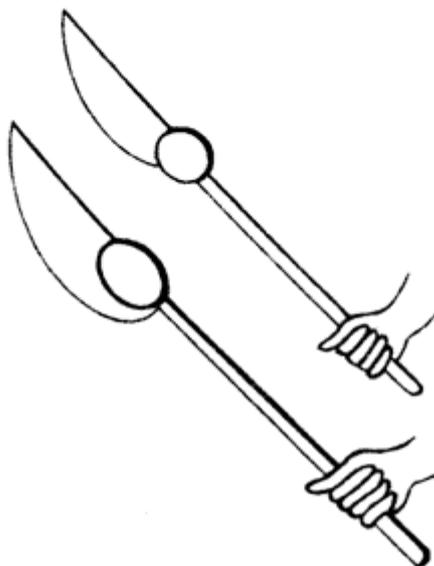

Рис. 156. а — бой (с фиванских рисунков), б — египетские воины (с фиванского барельефа)

Действующая армия состояла из пеших и конных ²⁶⁰ (последние большей частью находились в колесницах), они делились на корпуса, полки, батальоны и отделения. Воинами командовали хилиархи (полковники), гекатонархи (капитаны) и декархи (сержанты) – так их называли греки. Тяжеловооруженные воины были снабжены длинными мощными копьями и огромными щитами, в которых были проделаны смотровые отверстия. У некоторых были дубинки «писан», боевые топоры или булавы; почти у всех были вдобавок к этому секиры на длинной ручке ²⁶¹, мечи, фальчионы и кинжалы. Легкую пехоту представляли собой в основном лучники и пращники, тоже вооруженные лиса-нами, топорами, боевыми цепами и мечами. Корпуса колесничих, или кавалеристов, помимо луков и стрел, были вооружены также дубинками и короткими мечами для ближнего боя. По боевым топорам явно прослеживается их происхождение от каменных кельтов, которые привели к появлению в иероглифике слова «натр» или «нетр» («нетер» и т. д.), что означает бога, богов или богиню. В демотическом алфавите топор обозначал букву К («Келебия»).

Рис. 157. Бронзовые топоры на деревянных ручках, привязанные ремнями (собственно топоры — 3 и 4,5 дюйма длиной, ручки — 15,5 и 16,5 дюйма)

Рис. 158. Секиры

Рис. 159. Боевые топоры «хетен»

²⁶⁰ Лошадь, очевидно неизвестная во времена Первой династии Мемфиса, была хорошо известна при Второй. Есть предположение, что это животное попало туда из Ливии или из Верхнего Египта; но африканская лошадь, возможно, имеет азиатское происхождение. Первые рисунки лошадей и колесниц мы находим в Эйлейтиасе, в храме Аах-меса, Амоса, Амозиса, датированном 1500 г. до н. э.

²⁶¹ Эти секиры имели три фута в длину, два из которых составляла ручка; длина лезвия колебалась от десяти до четырнадцати дюймов, а под ним был тяжелый металлический шар, около четырех дюймов в диаметре; для владения таким топором требовались сильные руки! Дубинка, находящаяся в Британском музее, снабженная деревянными шипами, на памятниках не представлена и, возможно, принадлежала какому-нибудь варварскому племени.

Битва начиналась по сигналу трубы с наступления легкой пехоты, лучников и пращников. Затем поднималась в атаку тяжелая фаланга из десяти тысяч человек, шедшая в боевом порядке – сто рядов по сто человек в каждом, охраняемая с флангов колесницами и кавалерией. Так что битва представляла собой не беспорядочную мешанину поединков, как в Европе в Средние века. При штурме укрепленных мест египтяне использовали «черепашу», тараны, складные лестницы, осадные башни и переносные мосты. Были они искусны и в проведении военно-подрывных работ.

Египетские фалангиты были вооружены большими щитами, копьями и мечами; последний именовался в большинстве случаев «сефт»; также можно было встретить форму написания «сетф»; из нее получились такие названия, как эфиопский «сифет» и берберский «сивуит». В иероглифике это оружие имело четыре различных обозначения. Первое – «меч-бумеранг» – звучит так «м» или «ма», что переводится как «разрушать»; «м» – это корень иврите кого и арабского «маут» и праkrito-санскритского «мар». Второе – «меч-нож»: «ат» или «кат», определяющий суть резания. В корне «ма» («резать, косить») объединены два иероглифа. Третье – это «хопш», «хепш», или «хепши», то есть «меч-серп», все еще используемый в Абиссинии и по всей Африке: он стал позже индийским «кубья», греческим «копис» и гуркхским «куккри», при этом потеряв свой изгиб.

Следующие два объединялись корнем «смам» («сражать»). Еще у меча были такие имена, как «та» или «на» (он же – «наи», «на-уи» и «нахтуи»).

Фальчион («*ensis falcatus*»), именуемый «шопш», «хепш» или «хопш»²⁶², представлен периодом Шестой династии (после 3000 г. до н. э.). Как утверждает Мейрик, Аргос-Аргонис был провинцией с весьма смешанным населением, основу которого составляли пеласги, а высшие слои – египтяне; за ними пришли финикийцы, основавшие город Финикию. Квинт Курций утверждает следующее: «*Copides vocant gladios leviter curvatos, falcibus similes, quibus appetebant belluarum manus*»²⁶³.

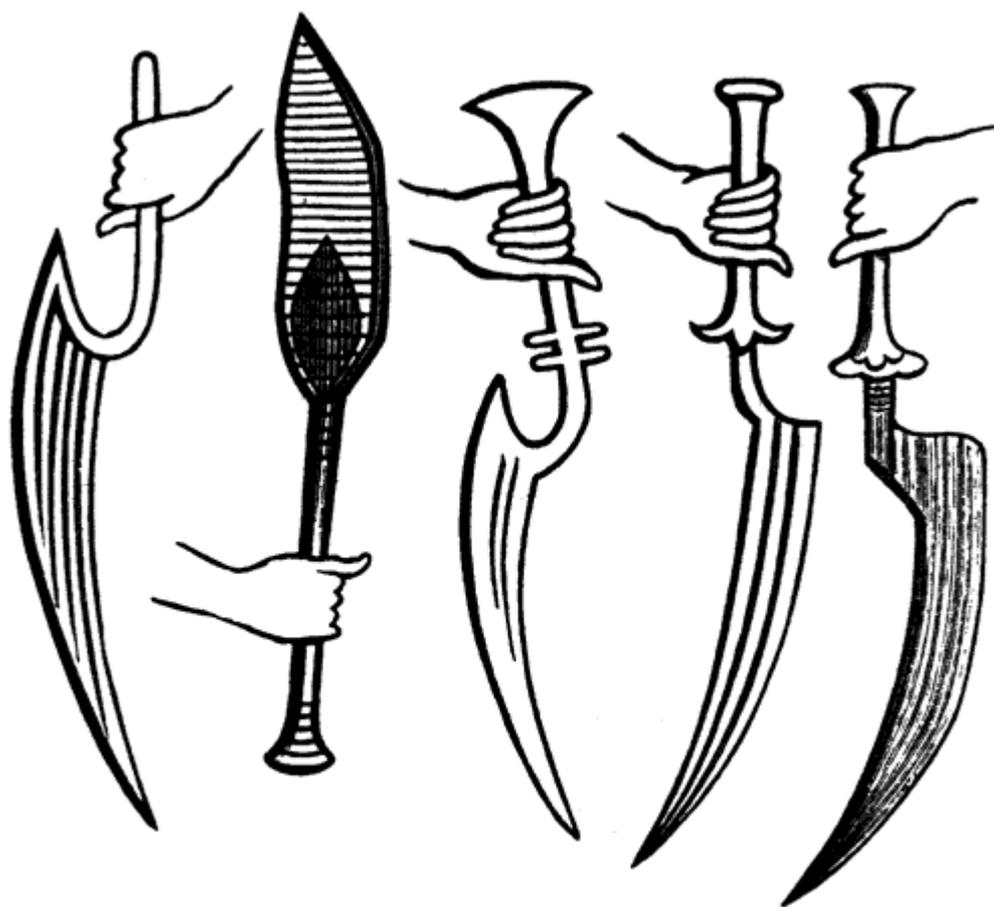
Очевидно, египетское «сф», «сефи», или «сефт», что означало «меч» в целом, является источником месопотамских слов «сир», «сирру» или «сапара»; арамейских «сеф», «сифо» и арабскому «сеф-ун»; второй слог здесь является просто окончанием; латинское «*spatha*», немецкое «*Schwerte*» и английские «*swerde*» и «*sword*» являются поздними отзвуками все тех же слов «сеф» и «сефт». Немцы правильно говорят: «*Nichts wandert so leicht, als Waffen and Waffennamen*»²⁶⁴.

---

²⁶² Я не могу не счесть это слово родственным английскому «свор» (рубить).

²⁶³ «Кописами именуют слегка изогнутые мечи, используемые на войне» (лат.). Подробнее об упоминаниях кописа см. в гл. 11.

²⁶⁴ «Ничто с такой легкостью не распространяется, как оружие и его имена» (нем.).

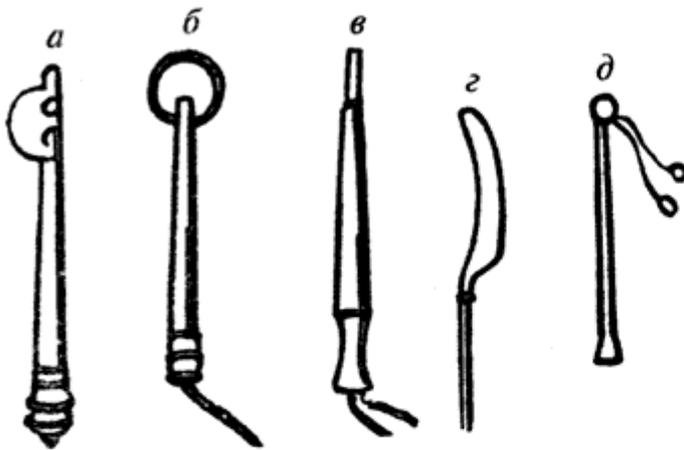

Рис. 160. Различные формы египетского хопша (кописа) со внутренними и внешними режущими кромками

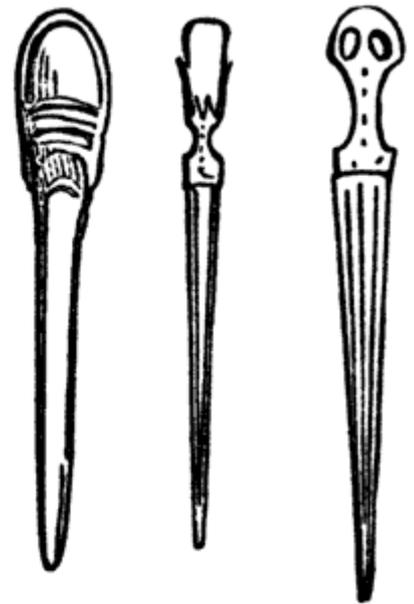
Серповидное лезвие египтяне называли также «хроби», от чего происходит и иврите кое «херев» («оружие», «меч»). Мы уверены в том, что эти слова изначально египетские: доказательством этого является тот факт, что символ «ма» («разрушать» и т. д.), обозначающее «хопш» или *ensis falcatus*, является числительным «девять»; а прямой тесак («кт») – местоимением «ты», «твой». Два этих слова вместе относят к древнейшей религиозной практике ²⁶⁵.

Фальчион, форма которого соответствует образцу *Ursae major* (что дословно означает «созвездие Медведицы»), имел толстую заднюю кромку и был утяжелен бронзой; клинок же, по крайней мере в позднее время, изготавливался из железа или из стали, как показывает его голубой цвет. Шампольон отмечал голубые мечи с золочеными рукоятками в гробнице Рамсеса III и «оружие «копис», в котором золото, из которого состояла ручка, было пропущено и по желобу в задней кромке клинка. Золото было либо вплавлено в железо, либо просто задняя кромка была позолочена. Бывало и так, что царские кописы целиком состояли из золота, или, как обычные кописы, – целиком из латуни (меди?). В другом похожем оружии в клинке были сплавлены латунь (медь?) и железо. В одной гробнице в Гурнахе был обнаружен железный копис.

²⁶⁵ Согласно Кастору, два меча, направленные остриями в горло стоящего на коленях человека, были общим знаком, которым жрецы помечали чистых животных, избранных для жертвоприношения. По его словам, это четко указывает на то, что в прошлом жертвоприношения были человеческими.

*Рис. 161. а — египетская праща;
б — неизвестное оружие; в — кинжал в
ножнах; г — топор; д — бич «скорпион»*

*Рис. 162. Египетские
кинжалы*

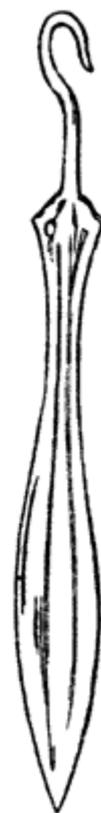
Хопш, изначально серповидный и являвшийся как рубящим, так и метательным оружием, всегда носил при себе фараон, который пользовался им так же, как и пикой («тару»), булавой, топором («ака», «акху») и секирой («хетен»). Так, на изображениях им орудуют как офицеры, так и рядовые, как легковооруженные, так и тяжеловооруженные. Командующие же пехотными корпусами вооружены простыми палками-стеками, как римские центурионы или наши армейские сержанты прошлых лет.

Рис. 163. Египетский кинжал из бронзы (Британский музей)

Рис. 164. Офицер личной охраны Рамсеса II, явно азиат

Рис. 165. Бронзовый меч, обнаруженный в Аль-Кантаре, Египет

Четвертый – длинный прямой меч, который не встречается в иероглифах, – имел обоюдоострое колюще-режущее лезвие листовидной формы длиной в два с половиной – три фута ²⁶⁶, с колющим острием, как мечи сомалийцев ²⁶⁷. Это большое оружие, кажется, использовалось иностранными наемниками. Листообразная форма перекочевывает также в

---

²⁶⁶ Розелини приводит пример длинного конусообразного клинка с ребром жесткости явно утопленным и поднимающейся поверхностью с каждой стороны. По всей своей длине клинок разделен на пять чередующихся участков – гладких и заштрихованных.

²⁶⁷ В Сомали сохранилось еще три примечательные особенности из быта Древнего Египта: парики (какие носили египтяне), деревянная подставка для головы «уте», служащая вместо подушки, – дальше на север в качестве нее используют полуцилиндр из алебаstra с ровным вырезом – и головной убор из перьев страуса. Последний у древних египтян был символом правды, поскольку, как утверждает Гор – Аполлон, все перья имеют одинаковую длину. Римляне переняли эту моду в качестве военного украшения. «Твоя храбрость еще не снабдила твой шлем всем необходимым, чтобы защищать лицо от палящего солнца?» – говорят курды, которые прикрепляют на шлем по одному перу за каждого сраженного врага. Сомалийцы тоже добавляют в волосы по одному белому перу после каждой победы или убийства. Мы тоже иногда говорим «перо в его шляпу». Перо принца Уэльского – это египетское обозначение правды. Мистер Джеральд Мосси, кажется, считает, что «тмеи» – «всего лишь обратный перевод греческого «темис»; что перья – это «шу» и что богиня – это «ма», или «мати». Но корнем «темис» является «та-ма», «богиня» (правды?).

«совкообразную» форму наконечников копий. Рукоятка была узкой в середине, постепенно расширяясь в обе стороны, и была иногда инкрустирована металлами, драгоценными камнями и ценными породами дерева. Головка меча, который носил фараон, увенчивается головой ястреба (или несколькими): эта птица служила символом Ра (Солнца). Также ручка снабжалась иглами и штифтами из золота, которые виднелись сквозь специальные отверстия в передней части ножен. Это оружие воины вонзали в горло врагу, как Митра вонзал меч под лопатку быку. Видоизмененной его формой был меч-кинжал; иногда фараона изображают с двумя такими кинжалами. Носился он, как правило, за поясом. Оружие такой формы распространилось на Кавказе ²⁶⁸: формой его является грузинский ханджар, который вешается на пояс вместо меча.

---

²⁶⁸ Полковник А. Лэйн Фокс отмечает, что сток, постоянно встречающийся в этих кавказских кинжалах, несколько отклонен от середины лезвия и с обеих сторон находится на чуть разных местах, что показывает его происхождение от волнистой формы. Я предполагаю, что изначально он появился из наконечника стрелы, «расширенного на изгибе», и привожу рисунок этого оружия (рис. 170).

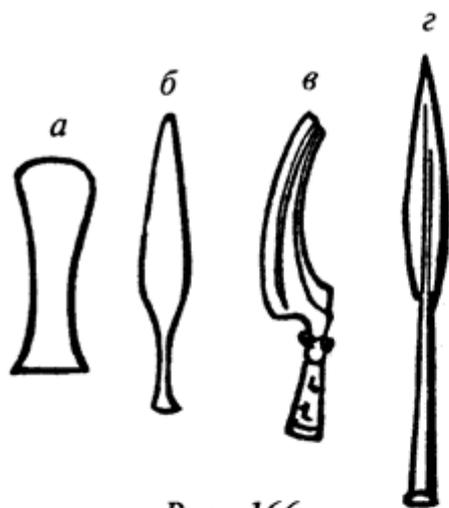

Рис. 166.

a — топор, *б* — наконечник копья;
в — хопш; *г* — наконечник копья

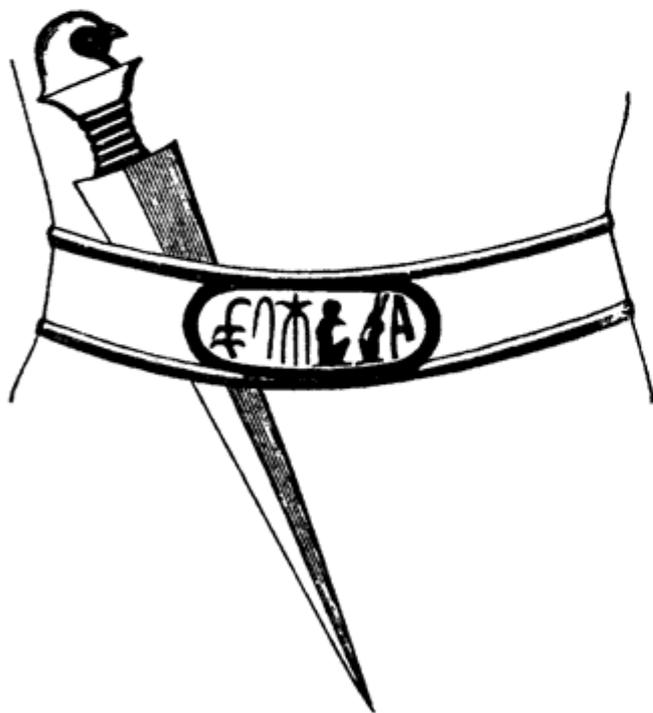

Рис. 167. Пояс и кинжал

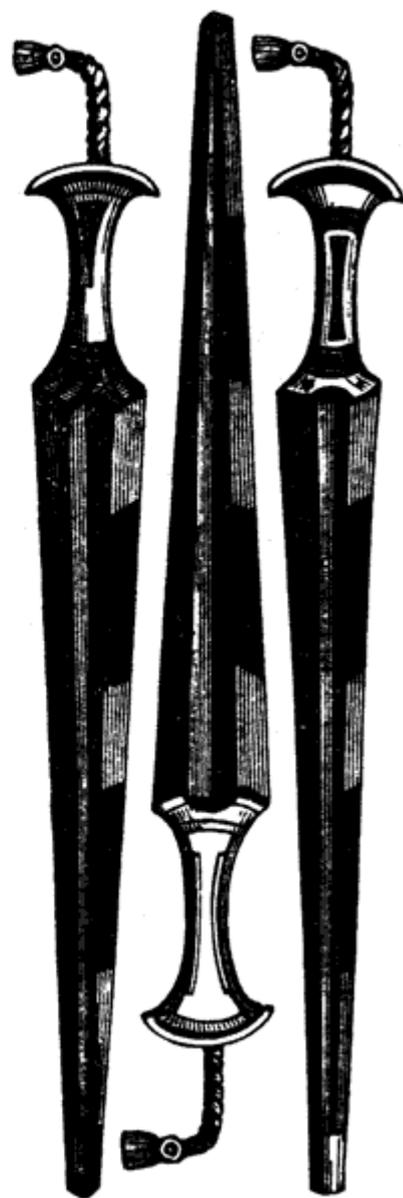
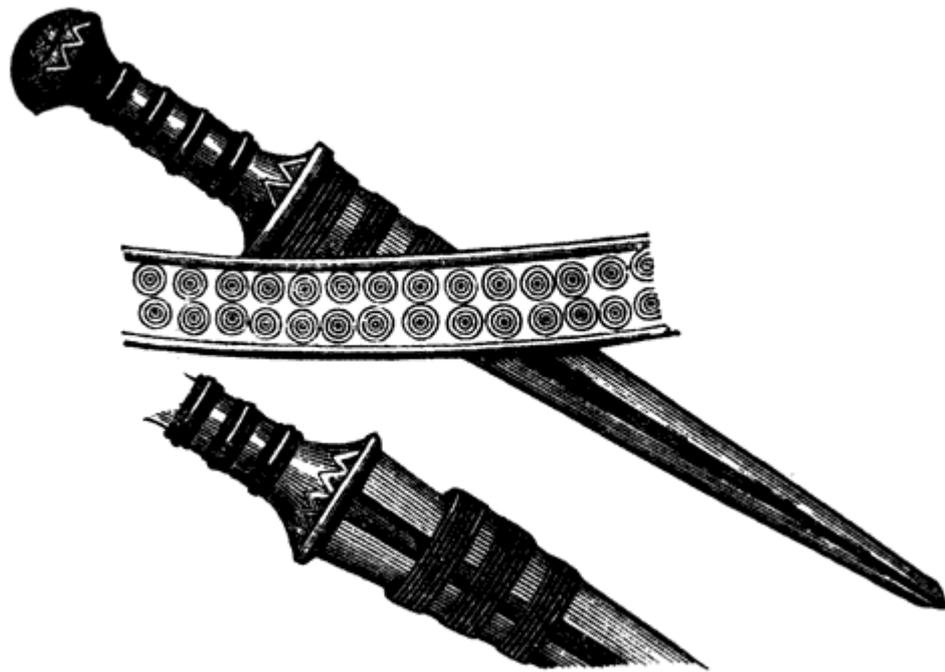
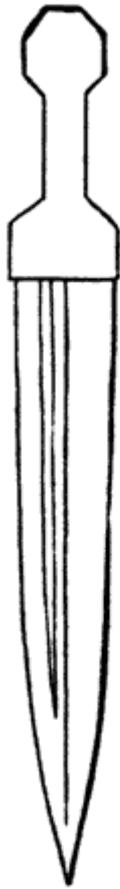

Рис. 168.
 Египетские кинжалы

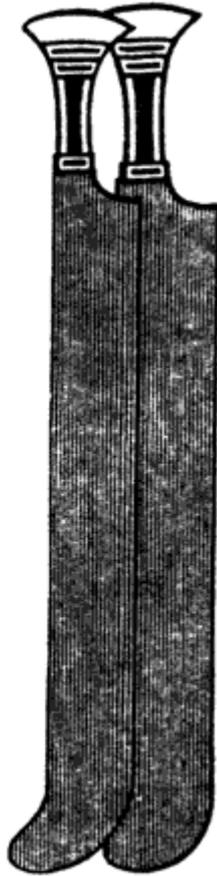

Рис. 169. Ассирийские кинжалы, ножны и пояс (Британский музей)

Длина египетского оружия была различной. Бронзовый клинок Аменофиса II, обнаруженный Уилкинсоном в Фивах, имел лишь пять с половиной дюймов в длину; длина других достигала семи и даже десяти дюймов. Экземпляр мистера Солта, находящийся в Британском музее, имеет длину одиннадцать с половиной дюймов, включая рукоять; длина других достигает фута и даже шестнадцати дюймов. Многие из этих клинков к острию сужаются с полутора до $\frac{2}{3}$ дюйма. У доктора Джона Эванса есть меч, найденный в «Большой Кантаре» при постройке Суэцкого канала; лезвие его, семнадцать дюймов в длину, имеет листообразную форму, а полная длина меча – двадцать два и три восьмых дюйма (рис. 165). «Вместо гарды он переходит в маленький хвостовик. Там опять же расширяется до восьмигранного штыря диаметром около трех восьмых дюйма, который сводится к точке, а затем загибается, образуя крюк – возможно, служивший древнейшим способом подвешивать оружие на пояс». У основания лезвия – два отверстия для заклепок; видимо, рукоять состояла из двух частей, охватывавших хвостовик. Упоминает доктор Эванс также и бронзовый клинок меча, предположительно из Нижнего Египта, находящийся в Берлинском музее: на нем есть выгравированная полоса по обеим сторонам лезвия; по ширине он ровнее, чем экземпляр из Кантары, рукоять его отломана.

Рис. 170.
Кавказский
кинжал

Рис. 171.
Египетские
мечи-тесаки

Рис. 172.
Египетский
хопш

Достаточно много египетских мечей посередине толще, чем по краям, и еще больше – имеющих небольшие желобки. Бронза их столь хорошо закалена – или ковкой, или гидравлическим прессом, или фосфоризацией (?), – что они и много тысяч лет спустя сохранили упругость и пластичность – и сейчас они не менее эластичны, чем современная сталь. Я уже отмечал фиванские кинжалы пасалаквы и харриса. Рукоять кинжала, как правило, была частично покрыта металлом, как и рукоять меча, а шитье кожаных ножен снова напоминает сомалийские потайные ножны. У египтян, как это подтверждают иероглифы, были и односторонние рубящие ножи, которые были короче, чем мечи, и делались, очевидно, из стали; они похожи на наши ножи для рубки мяса ²⁶⁹.

Длинный меч встречался редко и был скорее оружием варваров, поскольку мало где присутствует на картинах и барельефах. Однако Розалини зарисовал один такой меч, похожий на эспадон или европейский тяжелый двуручный меч. Одна запись времен Рамсеса приводит в списке трофеев, добытых у ливийских максийцев (киренийцев), сто пятнадцать мечей длиной пять локтей (семь с половиной футов) и сто двадцать четыре меча длиной три локтя.

Мейрик, в его общем введении, касающемся оружия всех народов, приводит два вида египетских клинков – скорее тесаков. Один (б, рис 174) – прямой с загнутым клювом, на рукояти которого имеется кисточка. В действительности это древний турецкий ятаган и его производные, о которых я уже говорил; таким образом Египет перешел к рубящему оружию. Другой (а) – это кривой ятаган со скошенным концом и двойным шнуром у рукояти. Первый,

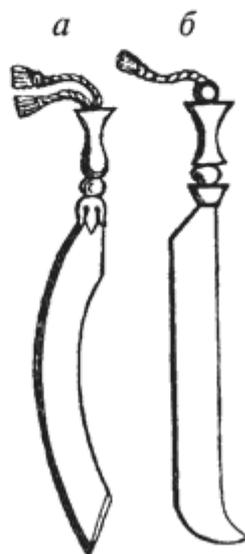
---

²⁶⁹ Форму которого в точности сохраняют замечательные афганские «хараи» – односторонние ножи.

кажется, является имитацией обломка обсидиана; второй – вариантом хопша или серпообразного меча.

Рис. 173. Бронзовые кинжалы и ножны к ним (длиной 1 фут). Из фиванских гробниц, Берлинский музей

Рис. 174. Формы египетских мечей

Рис. 175. Мечи-кинжалы

Теперь мне придется временно отказаться от хронологического порядка ради географического, чтобы бегло описать мечи современной Африки.

На Черном континенте, как и в Новом Свете, это оружие не имело большой значимости. Следует сделать вывод, что основным оружием здесь является боевой топор, используемый для грубой работы, и копье ²⁷⁰ – для тонкой. Меч же, как таковой, имеет место только в мусульманской части Африки.

Денхэм и Клаппертон сообщают, что мальтийские рыцари вывезли много своих прямых двусторонних мечей в Бенгази (Северная Африка), где меняли их на быков. Из Триполи их через Сахару доставляли в Борну, в страну хауси, и в Кано, где ими пользовалось негроидное мусульманское население. Современные путешественники отмечают, что эта меновая торговля все еще идет в Кано, куда ежегодно импортируется через Средиземное море около пятидесяти тысяч клинков, – причиной тому служит неспособность местных негров изготавливать собственные. Так они попадают к племенам пуле (фула) и фульбе, к

---

²⁷⁰ Согласно Денхэму, племя багирми поклоняется длинному копью причудливой конструкции; это обожествление копья наблюдается также и у племен марги и мусгу. Оно распространилось из Древнего Рима до некоторых тихоокеанских островов; а жители острова Фиджи поклоняются боевой дубине. В Бароде (Гуджарат) высочайшие почести оказываются золотым пушкам с серебряными колесами.

хауси, к борнейским племенам и ко всем остальным жителям северо-запада. Большая группа народов манденка, которую еще неправильно именуют мандинго, тоже закупает европейские клинки, для которых сама изготавливает рукояти и ножны. Дальше к юго-востоку мистер Генри М. Стенли отмечает, что «у царя Кишакка имеется арабский ятаган, почитаемая фамильная реликвия царской семьи, и меч основателя этого царства (?)».

Барт («Путешествия») оставил нам точные, хотя и скудные подробности об оружии Северо-Западной и Центрально-Западной Африки. «Местные утверждают, что единственным человеческим оружием являются копья и мечи». Клинки, по большей части изготавливаемые в Золингене ²⁷¹, являются принадлежностью благородных и свободолюбивых амошагов, или имошагов; все путешественники отмечают, что эти мечи сохранили старый рыцарский вид эпохи Крестовых походов. Таварики – люди низшей касты – пользуются только копьем и общеафриканским боевым ножом «телак». Форави всецело полагаются на свои мечи; кель-оуи (хаиль, что значит «жители долины Оуи») и кель-герес пользуются копьями, мечами и кинжалами. Имгад, племя опустившихся негроидных берберов, не имеют права пользоваться ни мечами, ни копьями; подобным же образом и в Сомали лук является принадлежностью касты слуг. Сын Кази под Агадом был вооружен железным копьем, мечом и кинжалом: вождь мусгу – мечом-бумерангом. Среди багирми немногие могут позволить себе иметь каскара (меч), да и боевой нож кинья, являющийся самым популярным орудием среди этих народов, а также среди камури, борнавис, ндзига и голлио – я упоминал их под именем «даниско». Это короткий египетский нож с двумя остриями, который используют как для метания, так и для ближнего боя. В Сокото путешественнику встречалось доброе железо; в Кано, в стране хауса, он наблюдал, как кузнец с помощью самых грубых инструментов создавал кинжал листовидной формы, с длинным ребром, красиво украшенный и с очень острым лезвием. У племени таварик кузнец называется «энхад»; у тимбукту его название – «му-аллим», что означает «художник».

Североафриканские «игры с мечами» – это то же самое, что подобные обряды в Аравии и Индии, явно они заимствованы из изначального танца мечей ²⁷². Итальянский автор Эдмондо де Амицис очень живо и красочно описал подобные танцы в Танжере. «Три мужчины с мечами держали в другой руке по палке. Невозможно описать словами экстравагантную буффонаду (*goffagini*) этой школы (я говорю именно о местной школе, потому что и в других городах Марокко мы видели похожее представление). Налицо были все движения ганца с веревками, бестолковые высокие прыжки, травмы и удары, которые можно было увидеть аж за минуту до широкого взмаха руки. Все проделывалось величаво-лениво; любой из наших специалистов смог бы осыпать всех четверых градом ударов, не получив при этом ни одного».

Мечи древнеегипетского вида распространились по Черному континенту вширь и вглубь, и они по сей день сохраняют свою форму. У сомалийского оружия клинок прямой, копьеобразный. Шотель – абиссинский меч (рис. 176) – прямой наследник фальчиона-хопша. Вряд ли есть что-то еще неудобнее этого огромного серпа; режущая кромка его – внутренняя, рукоять слишком мала, и вытащить его из ножен затруднительно. Рукоять, имеющая четыре дюйма в длину, является грубой шишкой из черного дерева, а хвостовик проходит в головку и там заклёпывается. Грубый и уродливый клинок имеет ребро жесткости по всей своей длине, с которого идет скат к обеим кромкам. У основания длина его – один дюйм, и он постепенно сужается к острию, пользоваться которым вряд ли представляется возможным. Длина лезвия по всему изгибу – три фута тридцать семь дюймов; длина изгиба (расстояние от дуги до хорды) составляет два дюйма; проекция за

---

²⁷¹ В больших количествах ввозятся также лезвия из Англии Сирии.

²⁷² Атенеус рассказывает о фракийском танце с оружием, в котором «мужчины высоко и легко прыгали, орудя мечами». В конце концов один из них ударил другого так, что всем показалось, что тот ранен.

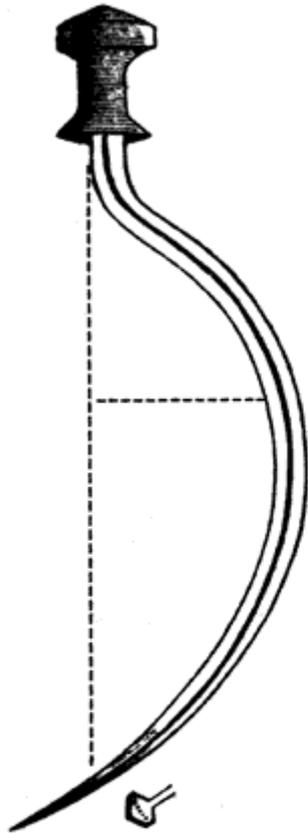
направляющую – четыре дюйма. Грубые ножны из недубленой кожи окованы полым латунным кангом; сделанным еще грубее, чем клинок; присоединенная к верхней части ножен под устьем большая железная пряжка соединяет их с поясом или напульсником. Народ, имеющий такое оружие, явно не привык к мечам ²⁷³.

Афроарабские племена с верховьев Нила (например, бишарины) также сохранили египетскую форму, унаследованную от дубинки лисан. Меч галла короче и проще, чем египетский. Но североафриканский флисса, ятаган, по типу которого с легкой руки герцога д'Омаля Франция много лет имела кошмарный штык, если и был унаследован от лисана, то приобрел причудливый изгиб. Полковник Лэйн Фокс считает, что флисса кабиллов (от слова «кабаил» – «племена») напоминает «выпрямленный копий, вроде того, что представлен в руках греческого воина на вазе в Неаполитанском музее». Вряд ли есть что-то, лучше приспособленное для ближнего боя, чем это удобное рубящее оружие; если же прикрепить его на конец мушкета (причем ствол перевешивается вперед), то результат получается хуже некуда. Но как военные «модельеры» британской армии ищут философский камень в создании такой военной формы, которая была бы одновременно и теплой, и прохладной, и тяжелой, и легкой, и дышащей, и влагонепроницаемой, и красивой, и долговечной, и дешевой, и хорошей, – так и французы стремятся сделать из штыка «multum in parvo» ²⁷⁴ – меч, пилу, в общем – все, чем должен и не должен быть штык. Абсурдный штык-ятаган лишь недавно был снят с вооружения французской армии, а во многих странах континента сохраняется и до сих пор.

---

²⁷³ Отсюда и жгучее стремление абиссинцев, когда их впервые посетили европейцы, заполучить цивилизованные мечи. Отец Альварес, живший в Абиссинии между 1520-м и 1527 гг., рассказывает, как бар-негийцы («бар-негусы», что значит «владыки моря») выпрашивали у португальского посла его богато украшенный меч, «ибо даже у великих вельмож мало мечей». Престер Джон (негус, или император) демонстрирует «пять связок коротких мечей с серебряными рукоятями», отобранных у мусульман. Король Португалии выслал Престеру Джону «в первую очередь золотой меч с богато украшенной рукоятью» и хорошего фехтовальщика – Эстевама Полларга.

²⁷⁴ «Многое в немногом» (лат.).

Рис. 176. Абиссинский меч, большой серп (у рукояти широкий, в дюйм шириной; к концу сужается)

Рис. 177. Абиссинский меч поменьше

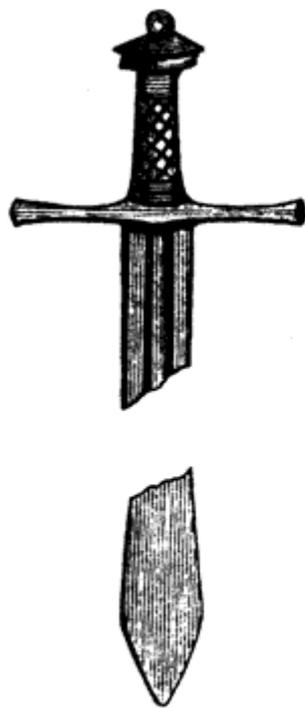

Рис. 178. Абиссинский меч в ножнах (ножны открыты)

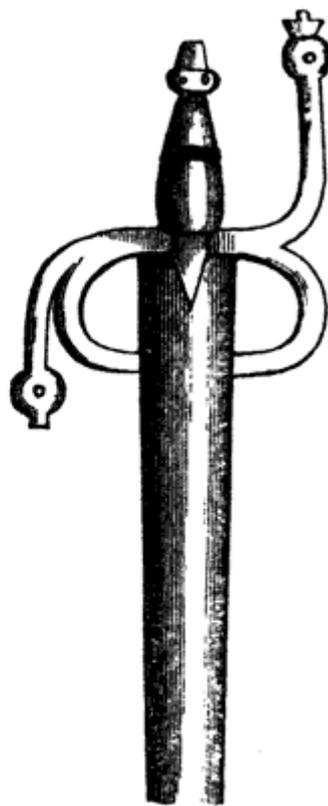

Рис. 179. Флисса кабиллов

Меч, распространенный среди племен данкали, которые населяют юго-западное побережье Красного моря севернее Сомали, имеет явно европейское происхождение. Прямой тонкий клинок, имеющий, как минимум, два продольных желоба, в длину почти четыре фута и расширяется к острию; рукоять его состоит из головки, ручки, обмотанной шнуром, и из прямых поперечин, формирующих крестообразную гарду. Сейчас это оружие производится в Германии – думаю, в Золингене, который снабжает оружием, кажется, всю Африку к северу от экватора.

Рис. 180.
Меч данкали

Рис. 181.
Конголезский
меч

В нашем веке наконец-то поняли, что сердце Африки населяет единая семья народов, говорящих на родственных языках. Это люди крупного, мощного сложения, часто каннибалы, совершенно не похожие на негров из табачных лавок. Среди этих людоедов затерялись являющиеся, возможно, аборигенами этих земель племена карликов – явно это и есть пигмеи Гомера и Геродота; ныне известны названия их многочисленных кланов – ака, тикитики, доко, вамбиликимо («двулоктевые») и т. д. И карлики и великаны – из которых первыми в Европе получили известность мпангве, они же фаны, – умеют работать с металлом, и работают с ним и те и другие неплохо. Они презирают оружие, которое трескается и ломается, и предпочитают, имея на то причины, нашему оружию свою самодельную продукцию, которую закаляют путем многократного нагрева без охлаждения в воде. Согласно сведениям майора Серпа Пинто, представители племени бароце закалывают оружие бычьим жиром ²⁷⁵ и солью. Однако он отмечает, что гангелла «изготавливают сталь из кованого железа, закаляя ее в воде, куда бросается раскаленный металл».

В окрестностях реки Габон производят также бабанга (?), меч с клинком листообразной формы с квадратным концом (его делают в Батта и используют мпангве), глейв тоже листообразной формы, имеющий длинную рукоять и острие на утолщенном конце, и мечи с трехгранными клинками, более-менее расширяющимися кверху.

На славной реке Конго мне показали меч, принадлежавший живущему в самых верховьях речной долины племени миджоло, или миджере. Все утверждали, что он местной работы и используется для танца с мечом, исполняемого перед князем. Но он явно является копией с аналогичного оружия XV века; крестовина рыцарского образца, как и у мпангве,

---

²⁷⁵ Закалка в масле или жире вместо воды – это распространенная практика. До сих пор рабочие добавляют в воду небольшой кусочек жира или выливают в нее горячее масло, через которое проходит сталь перед тем, как попасть в воду, поскольку таким образом предотвращается образование в ней трещин и изъянов.

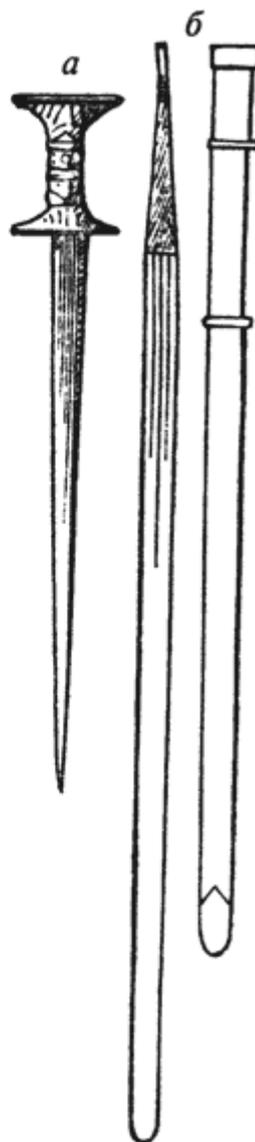
перекочевала в африканское окружение. Рукоять и головка были сделаны из кости (в более бедных вариантах – из дерева); гарда представляла собой тонкую железную полосу, исходящую из места соединения лезвия и рукояти – под ней создавалась открытая «*ras d'ane*» овальной формы – и вверх и вниз торчали две поперечины, параллельные рукояти и предназначенные для защиты руки. Клинок, сбалансированный хвостовиком, был прямым, гибким и обоюдоострым.

В деспотии Униоро, что на северном побережье озера Ньянза (Виктория), сэр Сэмюэл Бейкер нашел нож египетской листообразной формы, какую итальянцы называют «*Lingua di Bove*» (бычий язык). Клинок этот имел выдающееся ребро жесткости, рукоять его была обмотана медной проволокой. Очевидно, что его использовали и как рубящее, и как колющее оружие (как и сомалийский меч).

У занзибарских арабов сохранился старый европейский двуручный меч с тонким, плоским обоюдоострым лезвием и выступающим острием, очень напоминающий удлиненный меч палача. На их мечах стоят клейма Золингена, однако в Занзибаре распространены два вида мечей. Короткий меч (а, рис. 183) имеет три стока и только одну режущую кромку, длина его лезвия составляет один фут десять дюймов; рукоять и ножны его – из меди, на них есть рельефные и резные украшения, и отделаны они драгоценными камнями. Второй (б, рис. 183) – самый распространенный, именно его носят, как правило, арабские мужчины. Меч имеет длину три с половиной фута; длинный хвостовик его сужается по мере приближения к эфесу; он заключен в оболочку из дерева и кожи. Головка имеет цилиндрическую форму, а у эфеса нет ни гарды, ни крестовины. Деммину «сложно понять, как можно сражаться этим оружием одной рукой». По большей части это оружие декоративное, а использовать его в случае необходимости можно взяв двумя руками, как дубину. Но занзибарские мечи всегда неуклюжи и так же опасны для собственного хозяина, как и древние клинки галлов и бриттов. Родственники занзибарцев, бедуины, живущие в окрестностях Маската, хранят с религиозной почтительностью множество предметов древнего оружия, добытых или купленных в прежние времена, и, возможно, датируемых еще временами Крестовых походов. Эти ценные предметы разошлись очень далеко: португальцы встречали у малаккских мавров мечи с надписью «Помоги мне Бог» на латыни.

Рис. 182.
Меч-кинжал
из Униоро

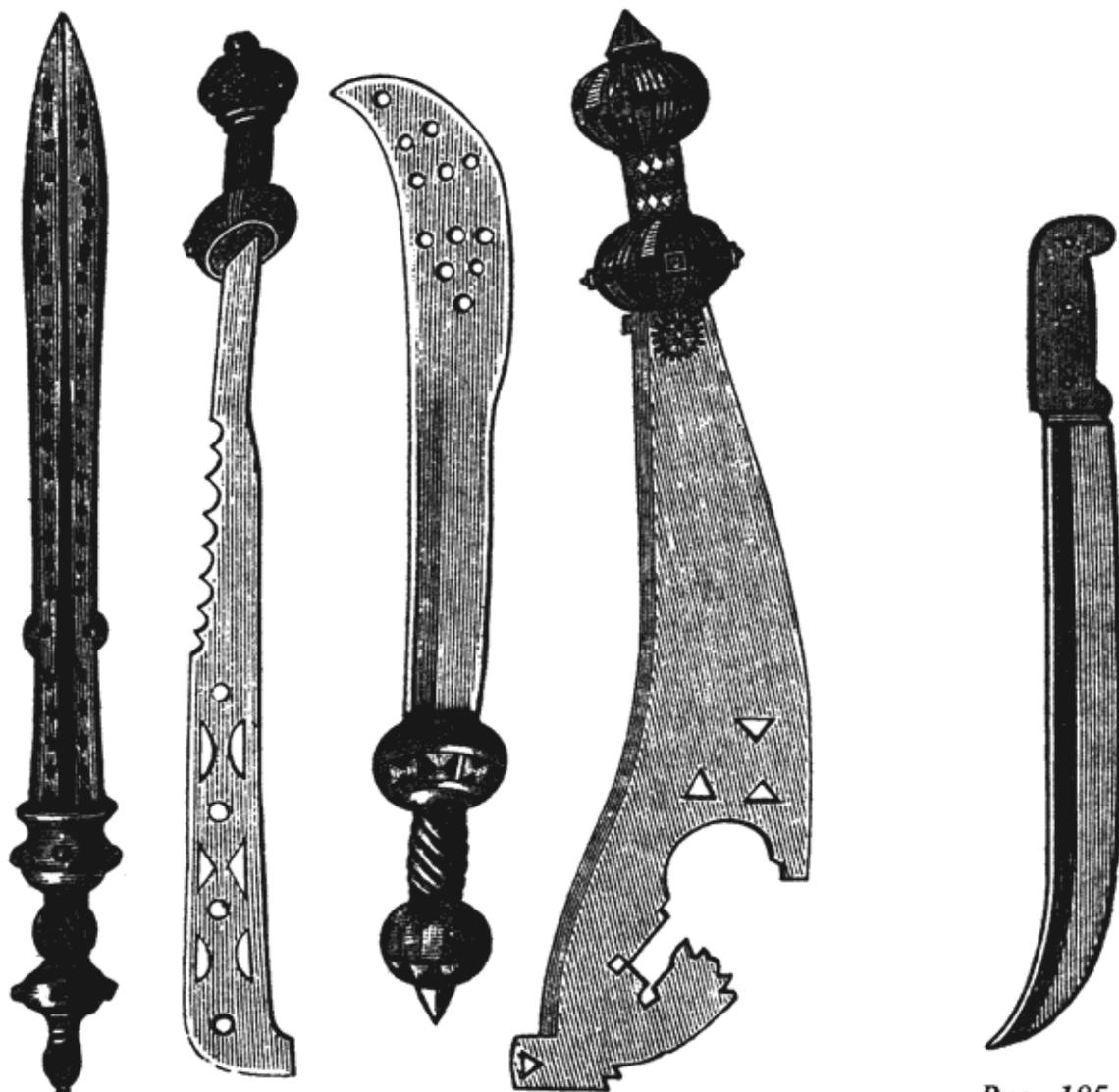
Рис. 183.
Занзибарские
мечи

Известен был меч и в кровавых деспотиях, тянущихся по западному побережью Африки, – Ашанти, Дахоме и Бенин. Многие их формы заимствованы у марокканского ятагана, турецкого (или, скорее, персидского) скимитара и у малайского криса. Их снабжают серебряными рукоятками и ножами и обычно заворачивают в ткань так, что видна только рукоять и часть ножен. Некоторые из форм настолько видоизменились, что выглядят почти оригинальными; особенно это касается коротких прямых клинков, в которых просверлены отверстия, как в ножах для разделки рыбы, и которые оканчиваются округлым изгибом. Они похожи на хорошо известные индийские тесаки; вероятно, и те и другие имеют египетское происхождение. У ашанти и дахоме эти мечи делались по большей части из железа, иногда – из латуни, иногда – из золота ²⁷⁶; они несут на себе фантастические украшения в виде

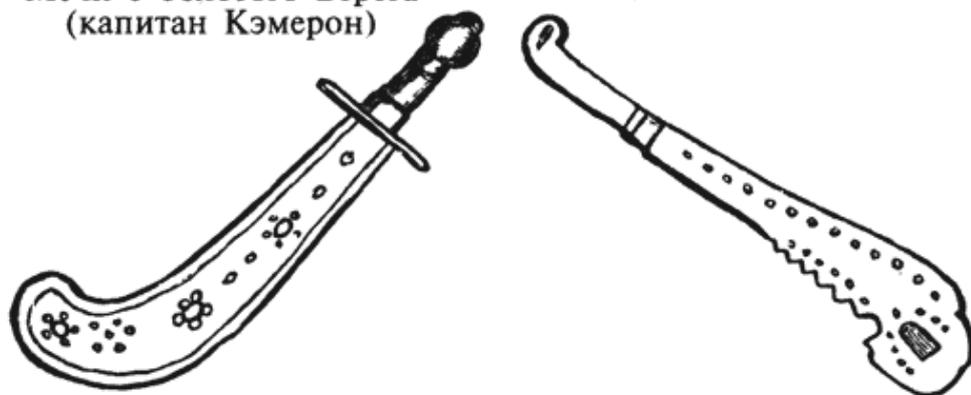
²⁷⁶ Я уже упоминал об этом форменном надувательстве, о знаменитом «золотом топоре», который в 1880–1881 гг. вызвал памятную «ашантийскую золотую лихорадку» (На Золотой Берег за золотом. II). В Англию был прислан вовсе не тот предмет, который считают национальным палладиумом. Другое напоминание о последней «ашантийской войне», «зонтик короля Кофе, предмет огромных размеров из яркого материала», был всего лишь возвращен на родину. Вещи такого типа можно увидеть на большинстве итальянских рынков – они там закрывают от солнца фрукты и овощи, которые продают старухи; и мне кажется, что честь производства этого зонтика принадлежит Манчестеру.

орнаментов и вырезов. Эти «рыбные ножи» используют при жертвоприношениях и обезглавливаниях (причем последнее с их помощью выполняется из рук вон плохо). Мистер Генри М. Стэнли упоминает о наличии «длинных тесаков», распространенных среди дикарей Маконго, и о железных клевцах и «массивных тесаках с отполированными лезвиями» в Карагве.

Рис. 184.
Мечи с Золотого Берега
(капитан Кэмерон)

Рис. 185.
Меч-нож
ашанти

Рис. 186. Мечи Гелеле, царя народа дахоме

Гезо, воинствующий царь народа дахоме страны Ффон, любивший в отношении оружия как изобилие, так и разнообразие, имел похожие на ножницы мечи с двумя лезвиями. Содержал он и устрашающую бригаду «амазонок», которых звали «женщины-бритвы», по имени лезвия «нък-пле-нен-тох». Оно представляло собой увеличенную европейскую бритву, где тридцатидюймовое стальное лезвие выкидывалось пружиной из простой рукояти черного дерева. Этой бритвой отрубали голову пленным царям; один вид ее приводил в трепет вассалов.

Мой друг капитан Кэмерон приводит интересные подробности о мече тех частей Африки, которые он посетил впервые, и он любезно прислал мне рисунок небольшого меча «маньюэма» с размеченным масштабом. Он пишет, что представители племени вахумба пользуются обоюдоострыми железными мечами, по форме напоминающими мечи римских легионеров. Вожди боготворят свои стальные клинки, несущие на себе различные ажурные украшения; у некоторых нижняя часть ножен украшена к тому же еще и рядом бубенцов. Кожаный ремень замыкается в петлю из меха (часто используется мех выдры); его перекидывают через левое плечо. Вожди рехомбо используют похожие клинки с широкими серпообразными краями; рядовые воины у них вооружены тяжелыми копьями и короткими ножами, которыми они пользуются и за едой.

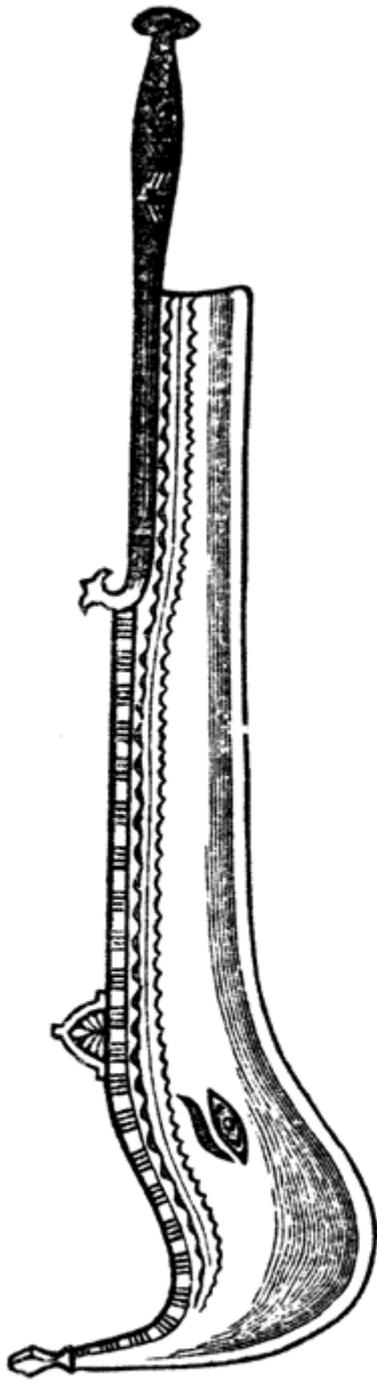

Рис. 187. Меч для обезглавливания

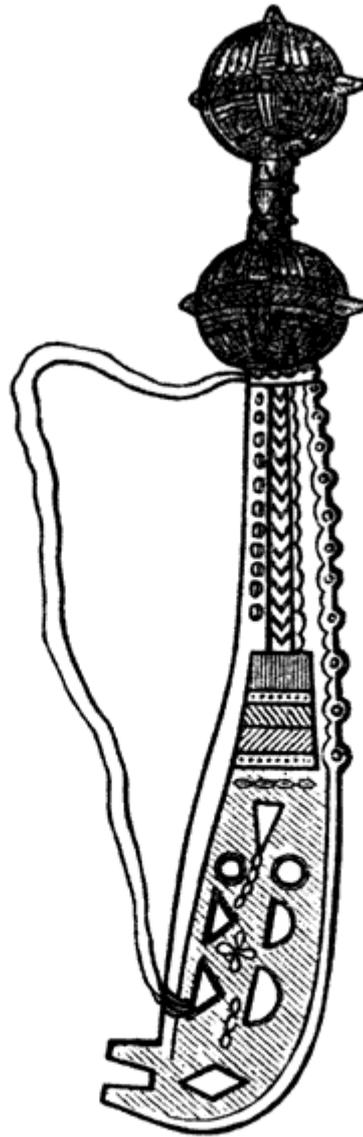

Рис. 188. Меч васа (золотые пластины на дереве прикреплялись проволокой, а затем отбивались до такой степени, чтобы швы стали незаметными)

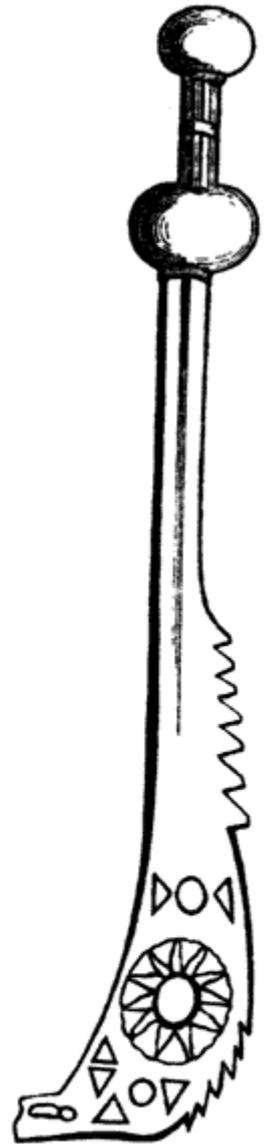
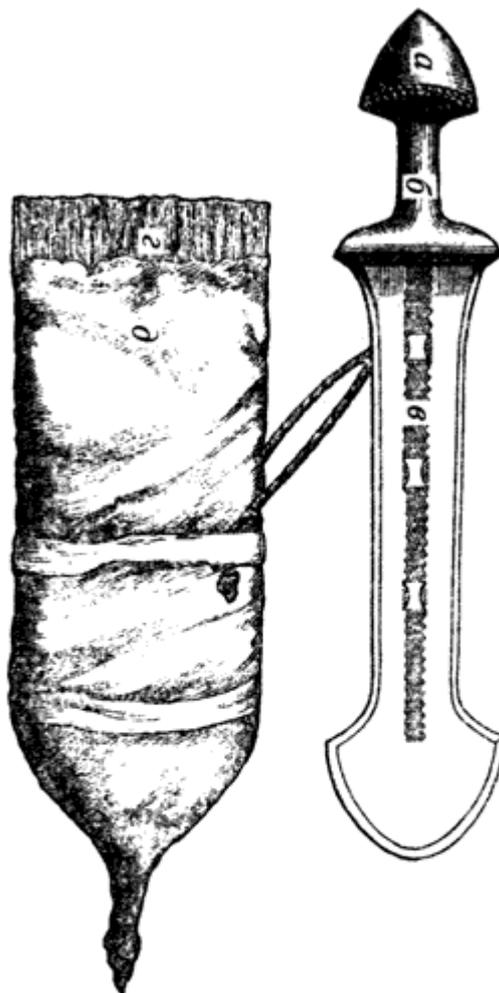

Рис. 189. Меч царя Блэя. Сделан из золотого листа. Перед походом на войну ему приносили клятву: «Если я сбегу домой, отруби мою голову»

Население центральных Медных земель ²⁷⁷ имеет только длинные ножи в форме наконечников копий. Стэнли описывает их как «короткие мечи с ножнами из дерева, к которым привязаны маленькие латунные и железные бубенцы». Мечами владели и вожди, находившиеся в вассальной зависимости от «царя Касонго», — но эти мечи остались

²⁷⁷ Знаменитые медные шахты Конго, добываемый в которых металл, по словам Барбота, путали с золотом.

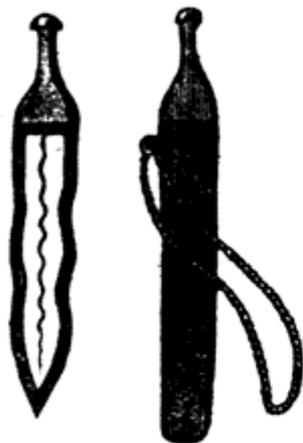
неописанными ²⁷⁸. Кажется, они были похожи на те, что я видел в Конго. У этих негров есть обычай ложного нападения, как знак уважения – такой обычай хорошо знаком и бедуинам. «Намазавшись хорошенько (глиной или киноварью), вождь отдал сумку мальчику и, выхватив меч, бросился на Касонго с очевидным устремлением отрубить тому голову; однако, добежав до него, вождь внезапно рухнул на колени, воткнул меч в землю и склонил голову в пыль».

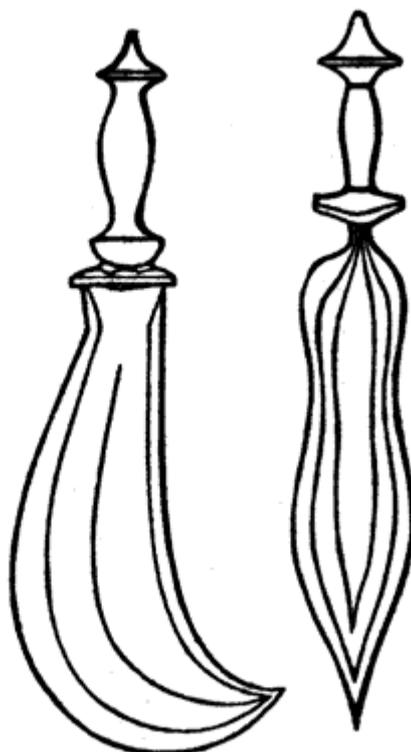
Рис. 190. Меч «маньюэма» капитана Кэмерона, ножны и пояс: *а* — медь; *б* — дерево; *в* — сталь; *г* — дерево; *д* — кожа

Меч покве, которым обладали вожди народа лунда, простым людям иметь не разрешается. Это оружие (рис. 191) тоже попало в области, лежащие южнее экватора, из Египта; его путь можно проследить по ножам-кинжалам Овампоса. Это большой обоюдоострый нож, имеющий три пяди в длину и четыре дюйма в ширину; ножны его делаются из кожи, вешается он под левую руку. Покве сильно напоминает короткие листообразные клинки с реки Габон в Западной Африке; это вновь напоминает о мечах и наконечниках копий бронзового века. Стэнли показывает «нож басва» в Верхнем Конго, в точности напоминающий покве; это оружие «может иметь различный размер – от мясницкого тесака до дамского кинжала» (?). Также он находил и «великолепные длинные ножи вроде персидского куммарса (ханджара?) и «мечей-клевцов».

²⁷⁸ Капитан Кэмерон привез их образцы домой.

Рис. 191. Меч
покве вождя
казембе

Рис. 192.
Габонские мечи

Рис. 193.
Тесак
народа
хабши

Народ хабши, населяющий Джанджиру («эль-джезира» – «остров») неподалеку от западного побережья Индии, южнее Бомбея, сохранил любопытное напоминание о своем африканском происхождении. Эти негроиды, именующие себя абиссинцами, на самом деле являются васуахили из Занзибара. Их тесак – это выпрямленный хопш, сделанный полностью из железа, имеющий плоскую крестовину и головку (рис. 193). Клинок имеет пятнадцать дюймов в ширину, задняя часть его имеет полтора дюйма в толщину, и он ровно настолько тяжел, чтобы им только можно было орудовать. Этих бывших пиратов все еще боятся, из-за их большой физической силы ²⁷⁹ и свирепого нрава их изнеженные индийские соседи. Стоит отметить, что в случае еще одного «индийского бунта» мы можем без проблем подавить его с помощью армии негров с восточного побережья Африки.

Полковник А. Лэйн Фокс отмечает, что одной из наиболее причудливых форм меча, используемых в Африке, является гофрированный меч с S-образным участком. С каждой стороны один участок клинка утоплен только с одного бока. Таким образом, при поперечном разрезе мы увидели бы что-то вроде буквы Z. Назначение такого ухищрения можно понять, если подумать о нем применительно к стреле лука или арбалета. Такой наконечник придаст стреле вращательное движение, что приведет к увеличению точности при попадании в цель. Но эта особенность была сохранена там, где смысл ее теряется; и, что любопытно, эта S-образная форма представлена на всех мечах, привозимых с Кавказа; саксонские и франкские железные клинки, обнаруженные в могильниках Англии и Франции, имеют ту же отличительную особенность. Все они могут иметь египетское происхождение: на Кавказ они могли попасть через Колхиду, а в Западную Европу – через посредство финикийцев. Иллюстрации взяты из «Языческой Саксонии» мистера Дж. И. Акермана, который оказался первым, кто обратил внимание на странную схожесть саксонских и готтентотских копий ²⁸⁰.

²⁷⁹ Согласно Марко Поло, люди Занзибара «высокие и плотного сложения; но высокими в собственных пропорциях не кажутся; те, что кажутся, – просто великаны. Они так сильны, что могут нести за четверых и есть за пятерых».

²⁸⁰ В «Журнале Антропологического института» за август 1883 г. была опубликована великолепная статья

Так, мы видим, что с тех пор, как в Египте были изобретены три вида клинка – прямой, кривой и полуизогнутый, – больше в Африке положительно ничего нового в хоплологию внесено не было. Негры и негроиды либо заимствовали свое оружие из Египта, либо ввозили его из-за моря. В межтропической Африке никогда не изобретали ни алфавита, ни плуга, ни меча.

Глава 9

МЕЧ В СТРАНЕ ХЕТТОВ, ПАЛЕСТИНЕ И ХАНААНЕ, ФИНИКИИ И КАРФАГЕНЕ, ИУДЕЕ, НА КИПРЕ, В ТРОЕ И ЭТРУРИИ

За века до того, как евреи покинули дельту Нила, со стороны Азии с Египтом граничила великая империя, отражавшая Египет, как Новый Свет отражает Старый. Действительно, чем Кеми была для Запада, тем страна хеттов стала для Востока. Жителям берегов Нила этот народ был известен под именем хита, хетта или шета. Евреи со времен Авраама и до времен Негемии и Плена называли их «хитим», или «детьми Хетта». Охотничья надпись Тиглатпаласара (Тигулти-пал-Сира) I (1200–1100 гг. до н. э.) содержит упоминание ха-ат-те (хаттов) ²⁸¹. По ее словам, они обитают на «Верхнем Океане Заходящего Солнца». Греки перевели с еврейского Γή Χεττιεῖμ и назвали этот народ Χεττιμ и Χεττεινί. Это ἑταῖροι Κήττειοι (производное от кетя, или кетия Гомера (Одиссея. XI, 520), чей вождь Эврипил был убит «медью» (мечом), от которой многие погибли вокруг него «ради подарков женщине».

Колыбелью этого народа, который управлял в Западной Азии в XVIII и XVII веках до н. э., были степи между Оронтом и Евфратом. Иисус Навин представляет Господа говорящим: «От пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца, будут пределы ваши» (1,4). В период своего наибольшего процветания хетты занимали все пространство между Египтом и Ассирией, на севере достигая Фригии и Киликии; на востоке – Месопотамии, а на западе – Средиземного моря. Они укрепляли, возводя стены, такие города, как «Тунеп, или Тунепа (Дафне), в стране Нахарайн» (последнее здесь, вероятно, обозначает Верхнюю Палестину – Арату (Арадус), Хамату (Хамат, верхний город); Хальбу, или Хилибу (Алеппо); Казантану (Гозантинис), Нишибу (Нисипис) и Патену, давшую подъем «Падан-Араму», или «Батане». Их северной столицей был Каркемиш (греческий Иераполис и современный Яраблус), располагавшийся на Евфрате, недавно раскопанный; некоторые объясняют это слово как город (кар) Шемиша, бога страны Моав, другие – от имени «Кем», или «Чеммис», египетский аналог Пана. Этот город был захвачен Саргоном (717 г. до н. э.) и стал центром Ассирийской сатрапии. Священным городом хеттов был Кадеш («священный»), синоним Эль-Коде, как арабы называют Иерусалим, и даже о Городе Давида говорилось (Иезекииль, 16, 3): «...отец твой – Аморей, и мать твоя – Хеттеянка». Хеттское племя распространилось до самых южных пределов Палестины; Геброн, одно из их поселений, было основано, как нам было сказано, за семь лет до Зоана («станции погрузки животных»), он же Сан или Танис, столица египетских «царей-пастухов». Но намек, который содержит это название, должен был относиться к Сесострису-Рамсесу II, который также сделал своей столицей Сан под именем «Пер-Рамсес» («Дом Рамсеса»), не по изначальному строению царя Пепи из VI династии, который жил за тысячу лет до Авраама.

«О механических методах древних египтян». Мистер У.М. Флиндерс Петри считает, что они обрабатывали диорит на токарных станках и вставляли камни в острия инструментов для гравировки (алмазы? или в изобилии встречающиеся в Мидиане корунды?) и что именно алмазами наносились древнеавилонские надписи.

²⁸¹ Они были распространенным народом в Сирии, от Евфрата до Ливана; ассирийцы знали эту область под именем Мат-Хатте.

Рис. 195.
Кинжал
с Кипра

Хеттами правило двенадцать «царей», возможно, сатрапов, над которыми главенствовал «Хита- сир», или верховный вождь. В Библии «царь хеттов» упоминается как присоединившийся к египтянам. Хотя евреям и было строго приказано уничтожить этот народ, их книги доказывают, что «хита» находились часто в близких отношениях со вторгнувшимися, как в случае с Урией Хеттом, одним из тридцати телохранителей Давида. Они поклонялись Ваалу Сутеху (Сутеку), богу войны, «человеку войны», эквивалентному Амуну, и его жене (Сакти, или активной энергии), Астарте-Анате; также они поклонялись Таргате, Деркету или Атаргатису – это два сирийско-греческих слова для обозначения одной и той же личности. Египтяне считали хеттов «великим народом», а их место обитания – «великой страной», почитая их, на самом деле, почти за равных; говорили они также и о почитании их богов. Как и их соседи из страны Кеми, хетты были пишущим народом. Памятники в стране Нила упоминают некоего «Кираб-сара» (или «-сира»), «автора Книг Вождя Хеттов»; решающим фактором здесь был папирус, или пергамент. Хеврон изначально назывался «Кирьят-Сефер (Ка- рият-Сефер)» – расположение книг.

На промежутке между XVII и XIV веками до н. э. хетты были сильными противниками Кеми. Они отчаянно сражались против Тутмоса III (около 1600 г. до н. э.) в его сирийскую кампанию, когда «Александр Великий египетской истории» одолел вождя Кадета, построил крепость на границе с Ливаном и подчинил «Нахарайн». Тремя веками позже Кадет был взят Осиреем, или Сети I (1366 г. до н. э.). Несколько лет спустя была проведена великая кампания его сына ²⁸², Рамсеса II, «который обновил Египет» и стал столь же знаменит, как

---

²⁸² В качестве напоминания о своем вторжении Рамсес оставил три иероглифические таблицы, вырезанные на скалах южной стороны устья Нар-эль-Кальб (Собачьей, или Волчьей, реки, Ликуса) в нескольких милях к северу от Священного Бейрута (Беритус и др.). Ими отмечена древняя дорога, восходившая по грубому руслу реки к своему началу в Келесирии (Эль-Бака'а). С тех пор как были написаны эти страницы, в Эль-Бахри в

и Сесострис Геродота ²⁸³. Он чуть не был разбит в великой битве под «злым Кадешем» ²⁸⁴, но в конце концов ему удалось «сбросить врагов одного на другого вниз головой в воды Оронта». Уилкинсон показывает город с двойным рвом, через который было переброшено два моста; на дальней линии защиты, созданной впадающей в озеро рекой, выстраивалась в качестве резерва фаланга хеттов. «Удивительно богата, – утверждает Бругш, – великая панорама, представляющая схватку колесниц; в то время как Рамсес ²⁸⁵, изображенный в виде гигантской фигуры, бесстрашно сражается в самой гуще вражеских повозок, изумляя друзей и врагов, его доблестный сын, Прахиунамиф, главнокомандующий колесницами, ведет их в атаку на врага. Хеттских воинов сбросили в реку, и среди них – царя Хилиби (Алеппо), которого воины пытались оживить, подняв за ноги» ²⁸⁶. Такова была битва, породившая первый эпос, «Песню книжника Пентаура».

Война окончилась, когда Египтянин женился на дочери Хетта и подписал со своим тестем цивилизованный договор об отводе войск, который был выгравирован на серебряной пластине ²⁸⁷. Однако около 1200 года до н. э. произошло еще одно вторжение под руководством Рамсеса III. Это «Рампсинитус» греков (сложный титул Рамессу-па-Нетер (Рамсес Божественный) оставил записи о своей «кампании Возмездия», которые покрывают одну сторону храма Медина-Хабу; среди побежденных врагов упоминается «несчастный царь хеттов, взятый в плен живым».

Позже хетты стали хорошо известны ассирийцам. Салманасар II (884–852 гг. до н. э.) отмечает «хеттов и город Петра» (Петор); он взял «восемьдесят девять городов страны хаматитов» и Римонидри из Дамаска. Тиглатпаласар II (745–727 гг. до н. э.) говорит о «городе Хаматти» (Хамат) и «Аруму» (Арамейский).

Верхнем Египте были найдены саркофаги и мумии Рамсеса II и его дочери, они были перевезены из Фив в Булак доктором Эмилем Бругшем.

²⁸³ Имя Сесострис происходит от «Сес», «Сетесу», «Сестесу» или «Сестура», например: «Сесострис, именуемый также Рамсес» (сын Сети?). Сесострис в понимании греков объединяет в себе, как я уже сказал, Сети и его сына Рамсеса. Согласно Бругшу, он – «Фараон Плена» и сын безымянной царевны (Меррис? Термутис?), которая нашла Моисея. Царевна Термутис, по словам Иосифа Флавия, назвала Моше (Моисея) от «мо» – («ма» – вода), и «усес» – тот, кто спасся из нее («сес» – добраться до берега). Возможно, это «му-су» – «сын воды». Иосифа Флавия жестоко обидели «клеветнические измышления» Мането; этот египетский жрец, писавший во время Птолемея Филадельфа, около 70 г. до н. э., заявляет, что евреи изначально представляли из себя семью прокаженных рабов, которые, будучи изгнанными из Египта, были ведомы жрецом-изменником Осарсифом (Оси-рис-Сапи, бог подземного мира), и что численность их увеличилась за счет палестинских беженцев, выгнанных Аменофисом. Он приводит число прокаженных и нечистых в 250 тысяч (50 000 x 5), а численность гиксосов, еще одного нечистого народа, – тоже около 250 тысяч. Ученые классического периода приняли это воззрение, соответственно оскорбив их эпитетами «gens sceleratissima» («народ преступников») (Сенека) и «odium generis humani» («ненавистные роду человеческому») (Тацит).

²⁸⁴ Находился Кадеш на левом берегу Оронта, на четыре английские мили к югу от расширения реки. Этот город исчез из истории после XIII века, но местная легенда сохранила память о нем.

²⁸⁵ Профессор Эберс, которому знакомо много портретов Рамсеса-Сесостриса, заявляет, что это был красивый горбоносый мужчина с тонкими чертами, как у Наполеона Бонапарта.

²⁸⁶ Этот оригинальный и инстинктивный способ реанимации утопленников применяют и по сей день, несмотря на глубокое возмущение сведущих людей.

²⁸⁷ Бругш приводит условия договора в переводе мистера Гудвина и добавляет примеры в доказательство того, что оно было заключено. Так он объясняет иначе необъяснимый поворот, как возврат вспять еврейского Исхода, в то время как эмигранты продвигались прямо к своей цели. Его сильным местом является идентификация «Ваала-Зефона (Софония?)», о которой столько комментаторов плодили безнадежные догадки. Он объясняет это как «Вaal Севера (Тифон, Сутех или Хепш)», «горы Касион» Юпитера Касиоса – это имя происходит от египетского Хазиана и Хазина.

Согласно Уилкинсону, хетты представлены на монументах как бритый народ со светло-красной кожей. Одеждой их была длинная ассирийская роба до лодыжек; волосы курчавые, иногда покрытые высоким головным убором фригийского типа. Характерным элементом, который появляется и в их иероглифах, являются заостренные ботинки ²⁸⁸, что-то вроде солеретов XVI века. В качестве вооружения у них были квадратные или овальные щиты, стеганные куртки и браслеты, защищавшие руки. Оружием их были луки, копья и короткие прямые мечи, какие сейчас применяют для рубки мяса, используемые в то время и их соседями-соперниками из долины Нила.

Эти доблестные ханааниты были мастерами искусства войны. Армия их разделялась на пехоту и кавалерию. Последняя состояла из родовой элиты под названием «Тухир» («Тахир»?) («избранные») и отряда наемников под руководством «хир-питов», то есть капитанов. Среди них были шар-данцы, сардонцы, обычно именуемые сардинцами; Бругш утверждает, что они были колхидцами, и выводит от них «сардинское белье». У них были рогатые шлемы и круглые щиты, копья и длинные мечи.

Келау, пращники, кажется, были элитным подразделением, находившимся всегда подле князя ²⁸⁹. Боевым строем была регулярная фаланга, или колонна копьеносцев, как у египтян, и, хотя кавалерия включала в себя и всадников, «сила их была в колесницах».

«Хеттизм» стал наукой последних лет после того, как импульс ему придала публикация «хеттских иероглифов», впервые обнаруженных в Хамахе, затем – в Алеппо. Две надписи на скалах с барельефами были обнаружены преподобным Е. Дэвисом (из Александрии) в Ибризе (Абриз), что в трех часах к югу от Эрегли, древней Кибистры великой Ликаонийской равнины. Находки в Каршемише добавили еще немного к этому скудному запасу; говорят, что в Британском музее есть хеттские печати. В «Трое» доктора Шлимана я увидел хеттский иероглиф на терракотовой печати. Средняя фигура справа – явно кулак, или перчатка, сложенная в виде кулака, – египетское обозначение руки. Я еще отмечу ликийскую монету и резную золотую вещь с Кипра. Три читаемых знака – голова быка, шапка и согнутая рука – видны на так называемой доисторической статуе Ниобы на горе Сипилус. Явно хеттской является и бронзовая таблица в музее М. Перетье, Бейрут.

Современные исследования позволяют нам характеризовать искусство хеттов как смесь египетского с ассирийским, или скорее вавилонским, при значительной модификации и того и другого. Первое мы видим в двух сфинксах Эюба и крылатом солнечном диске, который был заимствован Месопотамией также из долины Нила. Барельефы и геммы Ассирии отражены в хеттском представлении человеческой фигуры, но рост обычно меньше, члены – толще и более округлены, мышцы не так выражены. В Богаз-Кеуи многие божества стоят на животных; считается, что такое их положение характерно для раннего Вавилона ²⁹⁰. Здесь также богини носят расписные короны, украшение Эфезийской Артемиды, из чего профессор Сойс делает выводы о ее хеттском происхождении. В Эюбе обнаружен двуглавый орел, который, как предполагается, будет прототипом древнего сальюканского и современного европейского чудовищ.

Иероглифический словарь хеттов систематически родственен египетскому, как показывают примеры ботинка, перчатки (или руки), согнутой руки, боевого топора и короткого прямого тесака. Но до того как прочесть эти идеограммы, важно определить язык; вот тут и появляются трудности. Профессор Сойс отрицает, что хетты были семитами или говорили на семитском языке; в этом ему вторит мистер Боскауэн. Но первый со слабым успехом отстаивал и идею о том, что кипрское письмо было «не чем иным, как иероглифами

---

²⁸⁸ Слово происходит от кельтского «бот» (нога).

²⁸⁹ Как правило, пращники считались наименее ценными воинами.

²⁹⁰ В Египте царь возлагает ноги на военнопленных.

Хамата». Мистер Хайд Кларк считает, что хеттский, этрусский и кипрский языки – родственные, и находит их письменные знаки на отдельных испанских монетах. Другие поддерживают идею о скифском (туранском) происхождении хеттов; в наше время появление таких идей неизбежно. Преподобный Данбар Хит смело объявляет хеттский язык семитским и делает храбрую попытку перевести их слоговое письмо²⁹¹. Но в существующих условиях ничего толком сделать нельзя: еще не составлен даже полный список их иероглифов.

Хетты были жителями материка, а вот побережье Средиземного моря – Сирию и Палестину – населяли семитские и родственные им племена. «Сирийя» обозначало «скалистую местность» – от Сура или Цура («скала»). Геродот (VII, 63) породил грустную путаницу, написав, что «народ, который греки называют сирийцами, варвары зовут ассирийцами». Слово «Ассирия» происходит от другого корня («Ашур»), которое предположительно обозначало «счастье» и применялось, как мы увидим, к одному из богов. Сирия – это иероглифическая Хар, Хару или Халу, «страна-позади», т. е. находящаяся за Осирисом (Египтом), или север его, и Акарру или Ахару клинописи – оба слова этих происходят от «семитского» корня Ахр. «Палестина» (Сирия) – это всего лишь «страна филистимлян», Захи иероглифов и средневековая Филистина; этот народ, возможно, связанный с гиксосами, жил на востоке от Египта и построил Пелусиум – «город филистимлян».

За филистимлянами жили финикийцы – купцы и торговцы, путешественники, исследователи и колонизаторы – «англичане древности». Когда Геродот говорит, что финикийцы пришли с «Эритрейского моря», под ним обычно понимается Персидский залив, где острова Тирос (или Тилос) и Арадус принято считать прародителями одноименных средиземноморских поселений. Принято считать, что слово «Финикия» происходит от *σροῖνιϕ*, что опять же может быть просто переводом египетского слова «кефет», «кефту», «кефт» или «кефа» – «пальмовое дерево». Но еще не решен вопрос о том, являются ли финикийцы «фенех»²⁹² памятников мусульманского Эль-Фениш. Мариэтт-паша считал слово «Пуной», «Пени» происходящим от «Пун» или «Пунт», под которым он понимал страну Сомали. Геродот полагал, что «пунт» означает, как и в понимании большинства, противоположный арабский берег²⁹³. Так, «ворота Пунта» – это мифическое Красное море (примордиальное?), где красный Тифон и красный дракон Апп или Апап (Апофис) сражались против белого бога Гора – прототипа Бальдура Красивого.

Финикийцы наложили на мир свой отпечаток. На протяжении многих поколений Средиземное море было «Финикийским озером». Это позволяло их купцам и мореплавателям разнести цивилизацию из Египта и Ассирии на самый далекий Запад. Финикийцы были мировыми курьерами. Их «круглые корабли», или торговые суда, и вытянутые боевые корабли заплывали далеко на север и юг Атлантики. Топографический список Тутмоса III показывает густонаселенную страну, и, как утверждает Мариэтт-паша, карта Ханаана, составленная из примерно ста пятнадцати иероглифических названий,

---

²⁹¹ Мистер Хит любезно объяснил мне основу своей системы. Рисунки в Ибризе позволили предположить «семитизм», он отделил корневые знаки от словообразовательных и открыл три арамейских суффикса, «т-на», «т-кун» и «т-хун». Отсюда появилась вероятность того, что он открыл знаки, обозначающие звуки «т», «н», «к» и «х».

²⁹² У Шешонка (Шишака), современника Соломона, побежденные племена Эдома и Иудеи обозначены как «фенех и ааму (сиро-арамейцы) из далекой страны». Бругш «имеет предчувствие», что эти «фенех» близко связаны с евреями, и отмечает сходство слова «аму» с «ам», известным еврейским словом.

²⁹³ Некоторые считали, что «Пунт» позже стал Пандеей, или царством Мадур на юге Индии. Пунт Мариэтта же простирался от Баб-эль-Мандеб до мыса Гардафуи (что переводится с латыни как «я был стражем»).

является предположительно картой Земли Обетованной, созданной за двести семьдесят лет до Моисеева Исхода. Среди городов – Дебеху, ныне Ваалбак ²⁹⁴, «город Ваала»; Тум-саху, ворота Тума, заходящего солнца, ныне Дамаск; Биарут (Бейрут); Кериман или Горный Кармель, и Йопу, Йоппа, или Яффа. В египетской «Ярутана» мы видим Иордан, а «Шабатуан» – это «река Саббатис» Плиния и Иосифа Флавия ²⁹⁵.

Главные города Финикии, Тир и Сидон, были необычайно роскошными, хранилищами богатства Востока, еще в 1500 г. до н. э. историки в основном приписывают все самые тонкие произведения искусства либо сидонцам, либо богам. Восточный берег «внутреннего моря» был центром цивилизации, школой высокой культуры, которая добавляла красоты необходимым и полезным техническим продуктам; и его искусства и ремесла стали образцом для подражания даже для прародителя-Египта. Лишь несколько найденных нами надписей свидетельствуют об их литературе – но нет ничего более трогательного или более поэтического, чем эпитафия Эшмуназара, царя сидонского: «Разлученный с плодом моей жизни, моими мудрыми и храбрыми сыновьями, овдовевший, дитя одиночества, я лежу в этой гробнице, в этой могиле, в построенном мною месте» и т. д. Финикия передала Греции и Риму не только свою письменность, но и своих богов. Малакбел, например, явно был Малик Кабир, «Великий Царь», отец кабиров, святых-покровителей страны пальм и пеласгов; это божество соответствует египетскому Пта, богу-демиургу, обозначаемому скарабеем, символ, распространенный в Финикии не меньше, чем в стране Нила. Мелькарт же, которого Нонний считает вавилонским Солнцем, был богом города; западнее он превратился в Геракла, этрусского Эркаля; последний был важным коммерческим персонажем в Финикии. Мелькарт – это Оршол по Селдену («De Diis Syrius» ²⁹⁶), который считает это имя происходящим от «Ур» – «свет» ²⁹⁷.

Еще один сирийский народ, часто упоминаемый в египетских памятниках, – шайретана. Они населяли страну, расположенную на реке и на озере или море. Из защитного вооружения шайретана носили тугие кирасы из наложенных металлических пластин, надеваемые поверх короткой куртки, и обвязывавшиеся вокруг запястья наручи; шлемы их имели рога по бокам и венчались навершием с шаром и острием. Оружием их были дротики, длинные копья и острые мечи. Токкари, их соседи, также носили в качестве оружия нападения копья и большие заостренные ножи или прямые мечи. У народа ребо были луки и длинные прямые мечи с очень острыми концами. То же самое относится и к народу ру-тенну, или рот-н-н, которые часто упоминаются в списках на памятниках. Они, кажется, подразделялись на два: ру-тенну-хир (верхний ру-тенну) – это явно был народ Келесирии, а рутены, или лютены, упоминаются в связи с Ненией (Ниневией), Шинаром (Сингаром), Вавилоном и другими местами Восточного Нахарайна (Месопотамии).

Мы не знаем ничего о финикийском мече, кроме того, что содержится в легенде о загадочном египто-аргивском герое, Персее. Согласно Геродоту (II, 91), его квадратный храм был в Панополисе-Чеммисе в фиванском номе: здесь почитателям показывались его сандалии, двух футов в длину, – и страна процветала, где бы он ни появлялся, как и в том

---

²⁹⁴ «Бак» от коптского «беки» – город.

²⁹⁵ «In Judaea rivus Sabbatis omnibus siccantur» («В Иудее реки по субботам перестают течь» (лат.) (Плиний. XXXI, 18). Это представление, несомненно, возникло от ручьев с резко меняющейся полно-водностью (Силоам и др.), текущих вокруг Иерусалима. Иосиф Флавий утверждает, что его Субботняя река нарушает иудейскую субботу тем, что течет только в этот день недели и отдыхает в остальные шесть. Также мифический «Субботой», чей поток из огромных скал и волн песка от шести до двух сотен локтей в высоту, истекал из «Эдемского сада». Он все еще перечисляется в десяти «потерянных племенах», и в него верят друзья.

²⁹⁶ «О сирийских богах».

²⁹⁷ Возможно, от египетского «Ур» – «древний», «старый», «изначальный».

случае, когда видела Эль-Хизр, зеленый стяг ислама. Греки, которым мы не обязаны доверять, считают его сыном Юпитера и «акризской служанки (Данаи)», а персы, согласно грекам, объявили своего сына Персея героем, давшим имя их стране, наследником хакманских или ахеменидских царей. Главных подвигов за ним числится два. В испанском Тартессе, или в Ливии (Геродот. II, 91), он убил, с помощью «волшебного зеркала», данного ему Афиной, Горгону Медузу, эту старую голову Тифона, из чьей шеи родились Пегас и Хрисаор ²⁹⁸. На финикийской Йоппе (Яффе) ²⁹⁹ он убил морское чудище и спас Андромеду, чье имя звучит подозрительно похоже на «Анат».

В обоих этих предприятиях герой использовал оружие небесного происхождения, *harpe* Кроноса, которым тот орудовал в своем единоборстве с Тифоном. Гигант или злой бог отобрал его у доброго бога, которого ныне держит пленником в пещере; и он не восстановился, пока плененный не был освобожден Тутом-Гермесом. Греки зовут этот меч *harpe* ³⁰⁰ – это явно то же самое имя, что и финикийское «хе- реба» или еврейское «херев»; в то же время описание его как *falx acuta* (острый серп) идентифицирует его с египетским клинком хопш. Персей совершил два своих подвига таким же образом, как Геракл сразил Лернейскую гидру; а Меркурий отрубил голову Аргусу (*falcato ense*) с помощью *harpen Cyllenida* ³⁰¹.

Эта легенда оказалась весьма благодарным полем деятельности для комментаторов. Ее героя связывали с Ио, Белусом и Египтом; а ведь он явно родственен кипрскому Персею и финикийскому Резефу ³⁰² (что означает «огонь» или «молния»). Изначально эта схватка – вечная борьба добра, света, тепла и радости с их противоположностями. Она начинается с Озириса и Тифона, переходит в Ассирию, где бог солнца Бел нападает на морское чудище Тиамат со своим мечом сапара, или хопш. В Персии он становится Хормуздом (Ахурамазда) и Ахриманом (Анграманус); у евреев это битва Бела и Дракона; у греков – между Аполлоном и Пифоном. Это единоборство продолжает и св. Патрик ³⁰³, навсегда изгнавший из Ирландии змея; и в конце концов оно проявляется в виде «боя святого Георгия со Змеем».

---

²⁹⁸ Терракотный рельеф в Британском музее показывает, как Хрисаор рождается из шеи Медузы.

²⁹⁹ Йоппа, согласно традиции (Плиний. V, 14), была построена Кефеем, царем Эфиопии, и была его столицей до Потопа. Тот же автор повествует нам, что там были показаны цепи Андромеды и что скелет чудовища (возможно, это был скелет рыбы, выброшенной на рифы в гавани?) привез в Рим Курул Эдил М. Эмил Скафр-младший, ведший свои дела в Сирии (IX. 4). Скелет был длиной футов сорок, позвоночник имел толщиной полтора фута, а ребра были больше, чем у индийского слона (кашалот?). Аяссон заявил, что эти останки нужно послать тем, кто демонстрирует в своей коллекции оружие, которым Каин сразил Авеля. Павсаний (II век) видел ручей Лидда, красный от крови, в котором Персей омылся, убив «чудо морское». В Йоппе св. Иерониму показывали традиционную скалу, в которой остались отверстия от оков Андромеды. Сейчас это место начисто позабыто – по крайней мере, все мои усилия отыскать его оказались тщетны. Свидетельство это в высшей степени достоверно – но свидетельствует оно, увы, о невозможности. Все чудовища – внутренне противоречивые существа. «Кетос», кит или акула (*Canis Carcharias*), – это явно то же самое существо, что поглотило Геракла и Иону.

³⁰⁰ Мистер Бьянчини весьма неточно переводит «*harpe*» как «меч-палаш», другие авторы используют для перевода еще более абсурдное слово «ятаган». Это абсолютно точное описание того, чем он не является.

³⁰¹ Бронзовый Персей Бенвенуто Челлини в Логги-дель-Органья во Флоренции держит в руке серповидный меч – кривую саблю.

³⁰² Возможно, от этого происходит название города Арсуф и острова Сериф, где поклоняются Персею.

³⁰³ Кажется, это имя носили трое: Палладий, первый миссионер в Ирландии; святой Патрик, ученик святого Германуса, умерший где-то в 458–461 гг.; и Патрик Мак-Кальфурн, также ученик святого Германуса, проповедовавший в 440–442 гг.

Это последнее проявление египетской мифологии Римская католическая церковь рассматривает как апокриф, и неудивительно. Драконы не существуют, и никогда не существовали, разве что в качестве доисторических чудовищ; более того, путешественникам в Сирии показывают несколько гробниц «Мара Джуриуса», каппадокийца, святого, культ которого распространился из Диосполиса-Лидды по всему миру. Во время правления Юстиниана Тезеум Афинский посвящался «Святому Георгию Каппадокии», и на Кипре храмов у него было не меньше, чем у Венеры. Он попал в английский календарь, когда Генрих II женился на Элеоноре, дочери Вильгельма Аквитанского, крестоносца, выбравшего своим святым покровителем «flos Sanctorum». Он до сих пор является крестным отцом ордена Подвязки, учрежденного в 1350 г. Эдуардом III; и большинство рыцарей из ныне существующих орденов носят орден Подвязки на золотом медальоне и отмечают его праздник в Виндзоре 23 апреля.

Один шаг в продвижении святого был отслежен М.Ч. Клермонтом-Ганно³⁰⁴, ориенталистом, чья археологическая проницательность не превзойдена даже его деятельностью. На группе барельефов в Лувре показан Гор с ястребиной головой, сидящий верхом и в римской униформе, пронизывающий своим особым копьём («хаматум», или шипоконечным) шею крокодила Тифона, Сета, Дагона³⁰⁵, Пифона – Дьявола. Это позволяет предполагать, что Гор и Персей, святой Патрик и святой Георгий – одно и то же лицо.

Меч Эреба еще не был обнаружен в Финикии, но Уилкинсон утверждает, что прекрасные мечи и кинжалы, которые находят в могилах древних бриттов, явно не принадлежат к греческому или римскому типу, они – финикийской работы. Карфагенские же мечи, однако, откапываемые в Каннах, сейчас находятся в Британском музее³⁰⁶. То, что эти нации – родственные, понятно по Пенулусу, или Плавту, и по таким именам, как Дидо (форма имени Давид) и Элисса (Эль-Иса, царствующая женщина); по Сихеусу, который происходит от того же корня, что и Заччеус; по Ганнибалу и Гасдрубалу (в которых содержится корень «Ba'al»), и по «суффетам» – магистратам, которые являются иудейскими «шофетим», или судьями. Наемные армии Карфагена, чьи победы впервые упоминает Геродот, были вооружены мечами из меди, бронзы и олова; Мейрик также упоминает латунь; одаренный в высшей степени богатым воображением генерал Вэлленси сравнивает его с металлом Доуриса или «ирландской латунией». Доктор Шлиман в «Мотье в Сицилии» находил карфагенские наконечники стрел из бронзы, пирамидальной формы и без зазубрин («хами»); в Микенах он обнаружил тот же стиль.

Ликийские мечи, возможно, напоминали египетские хопши; то же самое относится и к сицилийским коротким кривым мечам. Сицилийцы вооружались также сариссами – это длинное копьё, от шестнадцати до двадцати футов длиной, которое позже использовали народ Эпира и македонцы в своей фаланге. Оно противопоставляется «лариссе», европейскому средневековому копьё, и «нариссе», которую использовали норрены.

Самое интересное, что мы практически не знаем, мечи каких размеров и форм использовались древними евреями. Шекели и тому подобные предметы находят в порядочных количествах, а вот оружия или защитного вооружения древние евреи, этот «железный народ в железном одеянии», не оставили нам ни единого экземпляра. Это тем

---

³⁰⁴ «Гор и святой Георгий и т. д.» См. также вид сентиментального исследования, эстетично названного «Отдых святого Марка: место драконов» Дж. Р. Андерсона.

³⁰⁵ От «даг» (рыба, кетос), финикийское – «даюн», «дагон»: «Даган» – мужского рода, «Даллас» – женского. Просто рыба-бог. Сарданапал был «тем, кто знал Ану (бога) и Дагона».

³⁰⁶ Другие, найденные в Каннах, напоминают ирландские медные мечи.

более любопытно, что говорится, что меч хоронили вместе с его хозяином ³⁰⁷. И хотя нас уверяют (Быт., 4, 22), что Тубал-Каин, сын Ламеха и Зиллы, был первым кузнецом, но прямого упоминания о железном оружии среди евреев вплоть до Исхода мы не встречаем. Гезениус предлагает считать Ту-бал-Каина «гибридной формой», «шлачный кузнец» от персидского «Тупал» (шлак) и «Кани» («Faber» – кузнец). Его отождествляли с Пта, Бил-Каном (Ассирия), Вулканом и Малакбелом; и лишь незнание индуизма не дало средневековым комментаторам найти его в лице Вишвамитры, бога-ремесленника из индуистского пантеона. Маэстро Визани (1588 г.), известный фехтовальщик, приписывает изобретение меча Тубал-Каину; кажется, нужно датировать этого достойного человека концом бронзового века или началом железного. Необоснованные претензии на первенство в этом изобретении выдвигают все древние народы; и вряд ли честно было бы полагаться в качестве доказательства на утверждение Бохарта о том, что «*Judaei semper mendaces; in hoc argumento potissimum mentiuntur liberalissime*» ³⁰⁸.

Однако есть масса очевидных свидетельств тому, что финикийцы и презренные ханааниты были высококультурными народами, в то время как евреи таковыми не были. Последние ни разу не упоминаются в египетских иероглифах ³⁰⁹. Даже основав свое княжество в суровых и бесплодных высотах Иудеи, в своих технологиях они продолжали зависеть от соседей. Золото было во времена Давида столь распространено, что он мог собрать тысячу миллионов фунтов (сто тысяч талантов золота и миллион талантов серебра) на постройку Храма, однако при этом мудрому царю Соломону пришлось искать резчиков по дереву даже среди плотников. В Иудее не было ни наук, ни искусств, ни архитектуры, ни скульптуры, ни живописи, ни мозаики, ни даже кулинарии. Великий храм, преемник Моисеевой молельни, представлял собой по большей части работу Хирама из Тира, которого Геродот называет Сиромусом, Диус – Хиромусом, он же Менандр и Иозефус. Возможно, это династическое имя, как «Хаарам» Священный.

Другой ученый знаток оружия объявляет, что первым оружием, упомянутым в иудейском Священном Писании, является пламенеющий Меч Херувима (Быт., 3, 24). В ассирийских памятниках словом «керуби» («черуб», которое происходит, как и арабское «карруб», от «карб» – «близость», «подобие», «родство») обозначают фигуры колоссов, символизирующие Силу Добра и охраняющие ворота дворцов. Охраняя от вторжения Зла, они нашли дорогу к Эдемскому саду, который стали оберегать от грешников и незваных гостей. «Пламенеющий меч», который «оборачивался всюду, охраняя древо жизни», представлял собой двухклинковый меч, «хелидонский» по представлениям греков, и служил талисманом. Тиглатпаласар I сделал из меди один из таких вилкообразных мечей, исписал его известиями о своих победах и поместил как трофей в одной из своих крепостей. Но меч из Книги Бытия, возможно, является оружием – символом Меродаха, вавилонского бога и планеты Юпитер. Этот вращающийся диск представлял, как арийская ваджра, молнию, или «удар грома», которой наши классики вооружили Зевса-Юпитера; чрезвычайно поэтическое описание этого приводится в древнем аккадском гимне. В нем среди других эпитетов меч именуется «литту» (или «литу»), что буква за буквой является тем же самым, что и первое из

---

³⁰⁷ Иез., 32, 27. «Не должны ли и они лежать с падшими героями необрезанными, которые с воинским оружием своим сошли в преисподнюю, и мечи свои положили себе под головы, и осталось беззаконие их на костях их, потому что они, как сильные, были ужасом на земле живых».

³⁰⁸ «Иудеи всегда лгут; а в этом вопросе они могут лгать совершенно свободно» (лат.).

³⁰⁹ Евреи, возможно, включались в число «несчастливых иностранцев», которые в то время составляли около трети населения Египта. Было модно одно время считать евреями народ, который в памятниках именовался «апер», «апура», «апериу» и «апиуруи»; но Бругш показал, что это были изначальные «эритрейцы» – всадники-арабы из пустыни, распространившиеся из Гелиополиса дальше до современного Суэца.

слов еврейского словосочетания, означающего «пламенеющий меч» («лахат³¹⁰ ха-хереб»), также это может означать и «сжигающее разрушение». Ф.М. Ленорман предположил, что истинное значение этого слова – «волшебное чудо». Но с большей уверенностью можно придерживаться мнения о мече в форме диска, что соотносится с колесами в представлении Иезекииля (гл. 9, 10). В халдейской битве Бела и Дракона мы опять же видим великий пламенеющий меч, крушащий все вокруг, когда бог сражается им против дракона. Так и египтяне задолго до того изображали солнечного бога в славе солнечных лучей – самый подходящий символ – и его врага, Апофиса, Змея из Книги Бытия, которого он сокрушает, чудовищную рептилию, оцетинившуюся гребнем из четырех клинков мечей, похожих на тесаки, символизирующих разрушение.

Евреи заимствовали свою металлургию, как и все свои изначальные науки, из Египта. М. де Гоге отмечал, что они были не лишены знания технологий, если способны были сжечь золотого тельца и растереть металл (возможно, с помощью соды) до состояния порошка, который можно было растворить в воде и выпить – *augum potabile* («питьевое золото»).

Евреи называли меч «херев», и слово это около двухсот пятидесяти раз встречается в Ветхом Завете. Корень его, как и арабский «хрб», означает «терять», «быть потерянным», а существительное обозначает любое расточение³¹¹. Чаще всего слово это обозначает меч; в других же случаях – нож. Так, у Иезекииля (5, 1) мы видим: «Возьми себе острый нож («херев»); возьми себе лезвие цирюльника». В других местах этим словом обозначается зубило (Исх., 20:25); топор или пика (Иер., 34:4; Иез., 5, 1 и 26, 9) и, наконец, жестокий жар (Иов., 30:30). Арабское «харбах» обозначает дротик.

Из еврейских записей мы можем понять, что изначально их мечи были медными; отсюда и все ссылки на их блеск; за медью последовала бронза и железо, которое точилось на точильном камне. Они не были кремневыми; «острые ножи», которые упоминает Иисус Навин, были просто осколками кремня наподобие египетских. Мечом пользовались как пешие, так и конные воины, причем последние добавляли к «сверкающему мечу» еще и «блестящие копья» (Наум, 3:3). Херев не был ни большим, ни тяжелым оружием, и можно с уверенностью сказать, что формы его были теми же, что мы видим на египетских иероглифах. Вес меча Голиафа, к сожалению, не приводится, в отличие от веса его копья и доспехов; не знаем мы ничего и о мече, отвергнутом Давидом по причине того, что он не успел его проверить. Но та легкость, с которой Давид выхватил впоследствии из ножен филистимский херев и сражался им, позволяет предположить, что он имел нормальный размер и вес. Меч этот вызывал большое восхищение, поскольку победитель сказал «нет ему подобного» (1 Цар. 21:9). Из той же главы и стиха мы узнаем, что меч был «завернут в одежду», что до сих пор практикуется на Востоке, «позади ефода» – т. е. облачение первосвященника. А свидетельство о человеке, бросившемся на собственный меч, позволяет предположить, что меч этот был жестким, коротким и прямым, как египетские листообразные мечи. Аод, планируя убийство Еглона, царя моавитян (Суд., 3:16), «сделал себе меч с двумя остриями длиной в локоть» (восемнадцать дюймов), очевидно ножен не имевший. Частое упоминание обоюдоострого меча (или прямого колющего-рубящего?) позволяет предположить, что существовали и односторонние мечи или, может быть, палаши. Не очень понятно, почему Мейрик утверждает, что евреи носили меч «висящим впереди, по-азиатски». Аод носил меч на поясе под одеждой на правом бедре и доставал его левой рукой. Опять же когда Иоав намеревался убить Амесса (2 Цар., 20:8), «одежда, бывшая на

---

³¹⁰ «Лохат» (нем. *Lohe*, англ. *low* или *lowe*) – в единственном числе означает «пламя» а во множественном – состояние очарованности, одурманенности и т. д.

³¹¹ Мистер Джеральд Мэсси определил бы еврейский «хереб», как и финикийское «хереба» и греческое «харпе», как египетское «херп» – знак величия, выражаемый иероглифом в виде весла. Получается, что херп сперва разрезал воду, будучи винтом, затем – зерно, будучи серпом, и, наконец, стал мечом и стал разрезать людей. Это остроумно, но не более того: «белое оружие» Египта не имеет признаков происхождения от весла.

нем, обтягивала его, а на бедрах его был пояс, к которому был пристегнут меч в ножнах; когда он двинулся, меч вылез из ножен». Намеки на притесняющий меч (Иер., 46:16; 50:25) наводят на воспоминания об ассирийской эмблеме Меча и Голубя, которые нарисованы вместе на одном изображении. Возможно, египетский ритуал мертвых следует понимать так: «Я пошел дальше, как его дитя от его меча». Херев носили явно только в чрезвычайных ситуациях, как и цивилизованные греки и римляне, а не обычным образом в мирных городах, как европейское рыцарство.

Култеллари или сикарии, которых упоминают Иосиф Флавий и Тацит ³¹², были просто убийцами, вроде французских кустильеров или английских кустрилов.

Вывод о том, что евреи не были первоклассными «мечепроизводителями», мы можем сделать из истории Иуды Маккавея ³¹³. Видение пророка Иереми, за которым позже последовала победа над Никанором, обещало ему «Божий Меч, священный Меч», не короткий махера, а большой ромфеа. После своей войны с самаритянами и язычниками Палестины «Иуда взял Меч Аполлониуса (сирийского полководца) и сражался им всю жизнь».

О том, насколько распространен был меч в Иудее, мы можем догадываться по тому, что этот фактор считался при переписи населения. Выражение «с мечом на поясе» обозначало взрослых мужчин, способных быть солдатами, а также начало военной кампании. Утверждалось, что Саул орудовал мечом левой рукой, что выдавало в нем члена племени Венеамина. О последнем, однако, мы знаем, что многие там были амбидекстрами, то есть одинаково хорошо владели и правой и левой рукой как в ближнем бою, как и при метании камней из пращи. В конце концов, «пасть от меча» было явно не меньшим несчастьем, чем умереть в собственной постели, у таких мужественных христиан, как скандинавы. В проклятии, которое Давид наложил на Иоава, содержались слова о том, чтобы не было в его доме времени, когда не было бы в нем «...бросившегося на собственный меч (самоубийцы)». Все это в целом делает еще более странным тот факт, что ни одного еврейского меча никто никогда не находил.

Об оружии племен, живших по соседству с древними евреями, мы знаем мало. В знаменитой пестрой армии Ксеркса ассирийцы, согласно Геродоту (VII, 65), орудовали (εγχεῖριδια), похожими на египетские. Арабы, как и индийцы, были просто дикарями, вооруженными луками и стрелами; надо отметить, что ездили верхом они только на верблюдах, лошади же не были одомашнены ни в одном племени со времен «Великого царя» (485–465 гг. до н. э.). Об оружии филистимлян мы можем судить только по известному единоборству Давида и Голиафа из Гефа (Гата) (1 Цар., 17). Свидетельства о нем полны трудностей в сведении вместе противоречащих друг другу текстов; например, Давид – оруженосец Саула, при этом неизвестный при дворе. Непросто определить и то, где находится Гат. Его принято отождествлять с Харбат («руинами»); Гат – груда развалин, находится к западу от крепости Байт-Йирбин, «Дома Гигантов» (тиранов) – это арабское название, соответствующее еврейскому Бетхогабра. Полем боя считают Вади-эль-Самт (Эллах св. Джерома), что к западу от Иерусалима. Народ этой части Палестины, вероятно происходящий от гиксоков или хананеев, – высокие красивые люди, приученные к сражениям и набегам соседством хищных бедуинов. Вооруженные до зубов, они – приверженцы использования огромной «небут» – дубины с железным наконечником.

Филистимская равнина, когда-то дававшая почву пяти царственным городам, кажется с моря совершенно бесплодной; но взгляд изнутри увидит хорошо поливаемые долины, и

---

³¹² Тацит (История. V. 13) называет их «бандой убийц». Зловещее слово «сикарий» впервые появляется в истории евреев во времена Иосифа. Сикарии во время больших праздников убивали свои жертвы скрытыми до поры кинжалами. Сика (она же Сикка) будет упомянута позже, в другой главе.

³¹³ Маккавейская эпоха представляет интерес, поскольку именно в это время установилось представление о «воскресении». Слово это следует писать «макаби», поскольку происходит оно от Ми Камо Ка Баалим Яхве.

последовательность руин доказывает, что земли эти принадлежали энергичному и предприимчивому народу. Газа (Азза), на южном ее краю, была сравнительно важным местом, благодаря тамошней хорошей гавани и торговле с окрестными бедуинами. Не стоит путать ее с современной Газой.

Голиаф, «чемпион среди необрезанных», т. е., филистимлян, и, возможно, типичный представитель этого народа, носил доспехи из «латуни» (меди); к сожалению, из какого материала были сделаны его меч и ножны, не уточняется.

Оставим Сирию и перейдем к Кипру, который можно рассматривать как отдаленную часть Палестины. Его размеры, его расположение между Востоком и Западом и богатство золотом, серебром, медью и железом сделали его важным узловым пунктом для древнего пеласго-эллинского или греко-итальянского народа, представители которого двигались на запад, используя Геллеспонт и Босфор как места переправы, а Эгейские острова – как перевалочные пункты. Так Кипр и стал «колыбелью греческой культуры, котлом, где вместе варились азиатские, египетские и греческие ингредиенты». Генерал Пальма (ди Чеснола) доказал своими неопределимыми находками, которые добавили новую, очень важную главу в археологию и историю искусства, что первое кипрское искусство было полностью египетским, затем подпало под финикийское и ассирийское влияние и, наконец, стало греческим. Так с закатом эллинской цивилизации на запад мигрировал и один из чистейших классических мифов. Кипр был местом рождения Венеры³¹⁴, антропоморфизма, который сослужил бесконечную службу поэзии, живописи и скульптуре. Идалиум (Дали) был столицей Кинираса, Киннари-менестреля³¹⁵, Креза своего времени; это было место согрешения Мирры и смерти ее сына Адониса. Последний, которого отождествляют с палестинским Таммузом и ассирийским Ду-зу («сыном жизни»), Аммианом Марцеллином (XXII, 14) был сделан «символом плодов земных, срезанных в свое наилучшее время». Здесь находилась мастерская Пигмалиона, Фа'ам Альюн (Malleus Deorum), молота богов³¹⁶; и здесь из его дышащей статуи из слоновой кости родился Пафос, царь. В итоге здесь процветали поэты, предшественники Гомера, и здесь был рожден Зенон, стоик.

Кипр почти сразу же попадает в историю. Надпись времен Тутмоса III повествует о «ложном племени киттим»; остров во всех памятниках именуется Асиби. В клинописи слово это пишется как «Китти»; находим мы также и «Атнан»; отсюда, возможно, и эллинические «Акамантис». Это «Хиттим» евреев и, возможно, их же «Кафтор». Впрочем, последнее слово оказывается египетским «Кефа» или «Кефт» (финикийская пальма), превратившимся в сына Иавана и внука Иафета. «Киттим» и родственные ему слова дожили до наших дней в виде греческого Китиума, ныне Ларнака, от «ларнакс» – саркофаг. Я уже отмечал (глава 4) спорное происхождение слова «Кипрос».

По поводу того, кто был коренным населением Кипра, есть весьма непрочные основания считать, что это были «арийцы» из Малой Азии, фригийцы, ликийцы, лидийцы

---

³¹⁴ Афродита, или Венера (Урания и Пандемос, Порна и Гетера), изначальная мать и идеал женской красоты, была распространенным персонажем. В Египте она была Атор – богиня наслаждения – и Аштар нильских Менд. У арабов она стала Белтис, Ваалтис (женский род от Бела или Ваала) и Алиттой (богиней Ал-Илат); у сидонцев – Ашторет; у финикийцев – Иштар и Астартой, что Генезиус считает семитизацией образа персидской Ситарех, звезды (т. е. Венеры); в Библие – Дионеей и Дионой; в других частях Сирии – Деркетю, Атергатис (Га-ур-т, Тореус) и Нани, причем последний образ еще живет в лице Биби Нани в Афганистане. На Кипре она была Анат, Танат или Танит (Га-Нейт – Афина?), в Персии и Армении – Митра, Таната и Анаитис – Анаида, планета Венера; а в Карфагене – Танит Пен Ваал.

³¹⁵ На иврите «киннур» – это лира с шестью – семью струнами, напоминающая нубийскую. Отсюда, возможно, происходит и слово «кифара», «гитара».

³¹⁶ Так, у Иеремии (23:29): «Слово мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу?»

или киликийцы. Должно быть, это было раннее «семитское» заимствование, что видно по таким именам, как Ама- тус – греческая форма от «гамат», «высокий город», что принято объяснять через еврейское «амат», внук Ханаана. Финикийцы селились по большей части на юге острова и сделали его форпостом Тира и Сидона. Геродот повествует нам, что там были также и эфиопы, согласно их собственным данным (VII, 90), – он подразумевает здесь под эфиопами кушито-азиатские племена из Персидского залива.

Основой экономики Кипра со времен героев до дней Рима была торговля медью и изготовление оружия и доспехов. Легендарному кипрскому царю Киниру приписывали изобретение молота, наковальни, клещей и других инструментов металлургии. Этот возлюбленный Венеры был только героем- родоначальником финикийской кинирады, которая правила островом, пока не была подчинена Птолемеем Лагидом (312 г. до н. э.). Им противостояло семито-килийское семейство священников и жрецов, Тамириды. Гомер (Илиада. XI, 19) описывает нагрудник из обработанной и червленной стали, украшенный золотом и оловом, которое царь Кинирас послал Агамемнону. Александр Великий высоко ценил, за легкость и закалку, клинок, подаренный ему царем Китиума; нам известно, что он пользовался этим клинком в бою и сразил своим «кипрским мечом» Резала Персидского. Деметрий Полиоркет носил доспехи кипрской работы, которые выдержали выстрел из баллисты с расстояния в 20 шагов. У Геродота (VII, 90) кипрский контингент армии Ксеркса был вооружен по образу греков.

Технологии свои Кипр получил от финикийцев, чьи бронзовые пластины находили в подвалах дворцов Ниневии. Гравировка по драгоценным камням и работа по «черному камню» (pietra dura) высоко культивировались. Резьба по стеклу и кристаллу была хорошо известна там уже тогда, когда Геродот (II, 69) еще описывал первое только как «оплавленный камень», возможно, ссылаясь на «самоцветную кашицу». Но Теофраст через полтора века после историка упоминает стекло как якобы производимое путем плавки определенного камня. Я уже ссылаясь на причудливую благопристойность и украшенность глиптических останков на острове Венеры, праздники которого, судя по описанию, имели ультраканопский характер.

Рис. 196.
Бритва

Рис. 197. Бритва?
Пражский музей

Рис. 198.
Серп? Бритва?
Клагенфуртский музей

«Находки» кипрского оружия не имеют большой важности; возможно, этому предмету просто не уделялось еще должного внимания. В Дали (Идалиуме) был найден замечательный кинжал с открытым кольцом для украшения между рукояткой и лезвием, а вместе с ним – медные топор и наконечник копья. Здесь же нашли также и бронзовую таблицу герцога де Люина, первооткрывателя кипрского слогового письма³¹⁷, которое вызывало, да и сейчас

³¹⁷ Исследуя восемьдесят букв, герцог де Люин нашел двадцать семь египетских, двенадцать ликийских и семь финикийских. Это позволяет предположить, что это слоговое письмо – ветвь рисункового письма, которое переросло в собственно алфавит в долине Нила и, будучи измененным финикийцами, было передано в Грецию. Другие считают, что это – несовершенная модификация ассирийской клинописи, которая появилась около 700 г. до н. э. и существовала вплоть до времен Александра. Я уже отмечал, что изначально клинопись представляла из себя изображение предметов; то же самое явно можно сказать и о китайской иероглифике. Некоторые из кипрских знаков очень похожи на алфавит Деванагари, о котором мы знаем, что это современное

вызывает столько споров. В Аламбре обнаружили тоже большое количество медных инструментов, иголок, мисок, зеркал, топоров, наконечников копий и кинжалов. Среди них – предмет серповидной формы (рис. 196, а), той формы, которую авторы работ по этрусской цивилизации называют «бритвой». Он мог служить бритвой, или серпом, или сельскохозяйственным инструментом для обрезки ветвей ³¹⁸.

Рис. 199. Серебряный кинжал

В одной гробнице в Амагусе нашли медные топоры и железные наконечники стрел, а в другой, там же, – железный кинжал. Есть очаровательный кинжал из Куриумской сокровищницы.

На одной патере ³¹⁹ были обнаружены прямой клинок, тесак для мяса и египетские листообразные мечи, а также поломанная статуя воина из Голгои с палашом или тесаком, висящим под колчаном с левой стороны. В гробницах, где были терракотовые всадники, неизменно находили один-два наконечника копий семи – десяти дюймов в длину, в то время как фигуры солдат часто сопровождалась боевым топором, ножом или кинжалом. Сцена обезглавливания Персеем Горгоны украшает саркофаг, также найденный в Голгои; а голова Медузы явно послужила прототипом головы индусской богини Кали. Находки средневекового оружия, кажется, имеют большую важность, чем древнего. Есть интересное упоминание – но это лишь упоминание – о венецианском оружии, взятом из двух казематов в Фамагусте, древней Амта-хадасте ³²⁰, Аммохостосе Птолемея (V, 14, 3): особенный интерес представляют рапиры, на ручках которых изображен герб Иерусалима и гербы их владельцев, инкрустированные золотом.

На материке к северу от Кипра лежит совершенно замечательная страна, которая,

---

отпочкование от южноарабского или гимнаритического. Резьба по золоту из Куриумской сокровищницы состоит из двух наложенных полумесяцев, что может быть хеттским письмом, а может и просто орнаментом. Мистер Соис на самом деле выводит это слоговое письмо из страны хеттов. О полумесяце и звезде я уже упоминал; датировать их появление в декоративном искусстве невозможно.

³¹⁸ В Пражском музее находится около дюжины таких серпов, найденных вохте Тепла; один из них (рис. 197, б) имеет отверстие. В коллекции музея Клагенфурта я нашел серп (рис. 198, в) пятнадцати с

половиной сантиметров длиной и четыре – шириной, с этрусской надписью

См. главу 10.

Ч О Д А 1 К

³¹⁹ Крылатые сфинксы на этой патере с головами соколов до странного похожи на египетские. «Тот самый» Сфинкс, который, возможно, старше пирамид, лев с головой человека, – «соединение силы и разума». В более поздних вариантах человеческая голова заменялась на голову змеи или ястреба; в последнем случае туловище снабжалось дополнительно крыльями. То же самое касается троянского и ассирийского сфинксов: по большей части они крылаты. Перебравшись в Грецию, сфинкс сменил бородатую мужскую голову на женскую. Гиносфинксы Египта гораздо моложе, чем андросфинксы. Сфинкса с женским лицом мы находим в дверном проеме фриза Ксантуса и над саркофагом Амагуса. Те, кто понимает их причудливую красоту, красоту не линий, но выражения, которое египтяне придавали лицу сфинкса, обязательно должны ознакомиться со статуей, находящейся сразу слева от главного входа в отель «Шепхердс» в Каире. Она происходит, как мне кажется, из великого Дромоса из Сераибеума, гробниц Аписа с великолепного кладбища Мемфиса.

³²⁰ Что означает «святая земля», или «великая богиня», сирийская Дея. Когда перед этим словом оказалась дигамма, слово это стало Фамагустой, каковое слово было впоследствии искажено до Фама Аугусты и до Аммоности, что переводится как «куча песка».

формируя точку соединения, является связующим звеном между Востоком и Западом и была одним из мостов первых переселений из Азии в Европу и наоборот.

Этот *tete de pont* ³²¹, ведущий к острову-мосту и различным перевалочным пунктам из скал, – знаменитая Троя, издавна населенная великим фригийским народом. Отсюда и интерес, вызванный раскопками доктора Шлимана. Его работы слишком хорошо известны, чтобы вдаваться в детальное описание пяти (семи?) городов, «последовательные слои руин которых, все еще хранящие следы пожаров, свалены на высоту пятидесяти (двух с половиной) футов над бывшей вершиной горы Гиссарлык. Труды этого исследователя, по словам его редактора, прошли через «несколько стадий – не критичное принятие, гиперкритичное отторжение и избирательное верование»; я могу отметить лишь то, что вопрос Трои сейчас кажется еще дальше от разрешения, чем когда-либо был (если такое вообще возможно). Точно мы можем сказать, где ее не было. Глава раскопок начал с того, что предположительно поместил город Приама на второй снизу слой, находящийся на глубине двадцати трех – тридцати трех футов от поверхности; впоследствии он изменил свое мнение в пользу третьего слоя. Жаль, что этот ученый автор не представил свою живо написанную книгу «Троя» на рассмотрение профессионального археолога. Тогда нам не пришлось бы столько читать о «хеттском орнаменте «свасти», о том, что «троянцы пользовались солонками и перечницами» или что «эпос «Рамаьяна» был написан самое позднее за восемьсот лет до рождения Христа», и о «заимствованиях санскритских слов без изменений» ³²². В дальнейшем, говоря о «собственно Трое» и «троянском слое», я буду иметь в виду Трою в понимании доктора Шлимана.

В этом городишке на момент его разрушения еще продолжалось технологическое использование каменных орудий. Их обнаруживали во всех четырех нижних слоях, и даже в афинском Акрополе. Однако они встречаются в соединении с золотом и серебром, медью, бронзой и следами железа – но не с оловом ³²³. Этот народ, как и большинство варварских народов, был опытен в металлургии; и если диорит доктора Шлимана – действительно диорит ³²⁴, то, значит, они работали хорошо закаленными инструментами. Медь, либо чистая, либо с небольшой примесью сплавов, была самым распространенным металлом. Мы читаем про ключ, про большой двусторонний топор, про подставку для вазы, про гвозди, булавки для одежды, про любопытный инструмент, похожий на трензель из конской сбруи; про линейку, большое кольцо, котел, два целых шлема, три кривых ножа и копье со средней прожилкой. Над так называемой «Великой Илионской башней» ³²⁵ была обнаружена

---

³²¹ «Передовой редут» (фр.).

³²² Эти допущения – прекрасные примеры того вреда для филологии, который наносят в не критичной Англии односторонние взгляды «санскритологов». Мистер Джеральд Мэсси вряд ли преувеличивает, когда заявляет: «Кажется, открытию санскрита предречено было стать смертельной находкой для филологов нашего поколения». Причудливая смесь филологии в специализированной форме с религиоведением и дебрями метафизики оказала, на мой взгляд, вреднейшее воздействие на все три дисциплины; но полуобразованная публика была этим очарована. Санскритология была с гораздо меньшим восторгом принята во Франции или критичной Германии, где редактирование, или, правильней было бы сказать, уродование текстов строго порицалось. Но санскритологи, к пущей дискредитации востоковедения вообще, да и английской филологии, представили нам искаженную санскритологию; во время последнего большого конгресса востоковедов в Лондоне они практически монополизировали все время и внимание, компрометируя востоковедение в целом. Понятно, что на этой почве возникают протесты.

³²³ Не считая конечно же его присутствия в бронзе.

³²⁴ Американец Чарльз Рау просверлил в диоритовом топоре отверстие с помощью одного лишь лука, без использования металла. Для этого потребовалось работать четыре месяца по десять часов в день.

³²⁵ В средневековой поэзии словами «Илиос», «Илион» и «Илиум» обозначался дворец Приама.

большая отливная форма из слюды, предназначенная для отливки двенадцати различных предметов – топоров и кинжалов. Так мы узнали что-то о длинных медных ножах, которые герои Гомера носили позади мечей и использовали для жертвоприношений; также мы можем сделать закономерный вывод о том, что поэты времен Илиады не могли, как это часто предполагается, не знать процесса плавления и отливки металлов. Рядом с этой важной формой для отливки находится красивое копьё и длинные тонкие прутья с загнутым концом, предположительно булавки для одежды или причёсок. Железо содержалось только в одном снаряде для пращи, хотя доктор Шлиман и часто упоминает «магнитный железняк»³²⁶.

В «верхнетроянском слое» были обнаружены и другие формы для отливки прутьев, и четырёхфутовый тигль, в котором ещё осталось немного меди. На воротах, которые, по предположениям, являлись «скейскими» или «левосторонними»³²⁷, имелось два медных засова. В так называемом «дворце Приама»³²⁸ было найдено около дюжины длинных тонких булавок для одежды или причёсок; одна из пяти булавок, сплавившихся воедино от пожара, имела две отдельных головки: верхняя – чечевицеобразная, а нижняя – совершенно круглая. Толстые гвозди, предназначенные для забивания в дерево, встречались редко – за два года работ их было найдено всего два. Были найдены в конце концов и фрагменты меча, копья и других инструментов.

Первым предметом из обнаруженных в так называемой «сокровищнице Приама» был медный щит менее двадцати дюймов в диаметре. Плоскость его окаймлена ободком в полтора дюйма высотой. На нем имеется выпуклость два с третью дюйма на четыре с третью в размере – и эта выпуклость окаймлена бороздой две пятых дюйма шириной. Так, Антике и Аулак, приспособленные для несения защитной службы, напоминают щит Аякса, который можно было складывать в семь раз, изготовленный Тихием³²⁹ (Илиада. VII, 219–223), и щит Сарпедона, с округлой пластиной из кованого «халкоса», чья кожаная обивка внутренней стороны крепилась ко внутренней кромке золотой проволокой или заклепками (Илиада. XII, 294–297). Под левую ручку котла для кисломолочного напитка лебен были прочно приплавлены два фрагмента копья и боевого топора. Было там и тринадцать медных копий, от семи дюймов до фута длиной, ширина же их была от полутора до двух и одной трети дюйма. В древках их были отверстия для булавок для крепления; греки и римляне вставляли древко в специальный раструб, имевшийся на наконечнике копья. Был там и обычный односторонний нож шести дюймов в длину, и семь двусторонних кинжалов, самый большой из которых имел десять и две третьих дюйма в длину и два дюйма в ширину. Рукояти были от двух до двух и трех четвертей дюйма, а концы хвостовиков, где должна была бы быть головка, были изогнуты под правильным углом. Несомненно, хвостовик был вставлен в деревянную оправу; если бы она была костяной, остался бы какой-то след. Кончик

---

³²⁶ Не может ли это оказаться черный гематит, используемый на Кипре? Сравните гусиную голову, священное ведро и лягушку, египетский символ человеческого эмбриона, и Гора – Аполлона (Гарпократа) у генерала Пальмы. Но уверен ли этот талантливый автор в том, что он назвал «гематитом»?

³²⁷ То есть ведущие на север или запад. Древние египтяне становились лицом на юг («хин» или «хунт»), который называли «вверх» или «вперед», в противоположность северу, который считался нижней («хир») или задней частью («пеху»). Соответственно, справа у них был запад («уним»), а слева – восток («семах»). Правая нога Озириса была западной стороной дельты Нила. Так, Плиний (II, 6) делает своего наблюдателя смотрящим с юга. Ассирийцы и семиты становились лицом на восток («кадам» – «перед», в противоположность «акиру» или «шаламу», месту отдыха солнца); так, их «право» («Йемен») означало юг, а «лево» («шам») – север. Они ввели эту моду и в Древней Индии, где, соответственно, Дакшина («декстра», правая рука) стала югом.

³²⁸ Путешественники, побывавшие на месте раскопок, посмеиваются над этим пышным названием: на картинках в книгах эти развалины выглядят величественно, но на самом деле они крайне убоги.

³²⁹ Вряд ли стоит напоминать эллинистам, что, как предполагается, Тихий был личным другом Гомера.

хвостовика был просто загнут на расстоянии примерно полдюйма от конца, чтобы удерживать рукоятку на месте. Такая древняя система крепления до сих пор еще не является полностью устаревшей, особенно в варианте, когда металл остается незакрытым. Единственным признаком меча был фрагментарный клинок длиной пять и две трети дюйма и примерно два дюйма в ширину, с острым лезвием на зубилообразном острие. В «сокровищнице» было найдено много золотых пуговиц, похожих на наши современные запонки для рубашек. Возможно, они служили для украшения ремней, на которых носили мечи, ножи и щиты.

Рис. 200.
Медный меч с
острым концом
из «сокровищ-
ницы Приама»

Из работ доктора Шлимана можно догадаться, что его «Троя» на момент своего разрушения представляла собой городишко, живший в каком-то отношении еще в каменном веке, находившийся в расцвете своего века медного и, возможно, на заре века железного. Жители города, очевидно, знали алфавит, чем их противники-греки похвастаться не могли; вообще, сравнивая эти развалины с аналогичными в Микенах, можно сделать вывод, что культура троянцев не уступала, если не превосходила культуру эллинов того времени. Любопытно отметить, что чем больше углублялись раскопки, тем больше было признаков технологических достижений. Согласно Геродоту, египтяне знали о могуществе Трои, хотя никакого египетского влияния в раскопках обнаружено не было, и Бругш отрицает любые намеки на Трою в египетских памятниках. Такое же отмежевание наблюдается и от Финикии и Ассирии. Сходство терракотовых статуэток с найденными на Кипре и некоторыми найденными на Эгейских островах позволяет предположить, что существовали давние

отношения между фригийскими троянцами и фригийскими греками, поскольку и те и другие – индоевропейцы, и что вековая Троянская война была, как и недавние российско-польские столкновения или война федералов и конфедератов, не чем иным, как «семейной враждой» – злобная ссора соперничающих родственников.

В завершение неисчерпаемой троянской темы: Гомер, или так называемый Гомерид, описывает город по легендам своего времени, как никогда не путешествовавший англичанин описал бы Кале времен королевы Марии. Нет оснований верить, что он видел Трою; это еще менее вероятно, чем предположение, что он умел рисовать с фотографической точностью. Поэтому чересчур смело было бы заявлять об обнаружении Скейских ворот или Примова дворца. Даже количество находящихся друг над другом городов вызывает споры. Доктор Шлиман («Илиос и т. д.») полагает, что их было семь, а доктор Вильгельм Дерпфельд сокращает их количество до шести:

1. Греческий Илиум последней, или «римской», эпохи, тянувшийся футов на шесть вглубь.

2. Греческий Илиум «македонской» эпохи, взятый Фимбрией в 85 г. до н. э.; он тянется по-над плато, соединяющимся с Гиссарлыком.

3. Ранний греческий Илиум, взятый Харидемусом (359 г. до н. э.). Он, кажется, ограничен небольшим холмом.

4. Маловажная деревня; возможно – п. 3 на ранней стадии развития, когда Гиссарлык населяли переселенцы из Эолии. Свидетельство о наличии у них керамики позволяет предположить, что это – древнейшие эллинские находки.

5. Доисторический город.

6. Отдельный слой развалин, тоже доисторических.

Доктор Шлиман добавляет к этому перечню еще № 7 – самые древние доисторические постройки, обнаруженные на скальном грунте на глубине пятьдесят два фута под поверхностью и пятьдесят девять футов – под сегодняшним уровнем равнины.

В итоге мистер У.У. Гудвин приходит к «итоговому заключению» касательно Гиссарлыка, гласящему, что там только два важных поселения. Первое – это большое доисторическое городище, занимавшее весь холм и плато. Второе – исторический Илиум в трех фазах своего развития – первобытное эолийское заселение Акрополя, македонский город и римский Илиум.

Непосредственными соседями троянцев были лидийцы, которых история делает предками древних этрусков. Геродот (I, 94) рассказывает историю о Тиррениусе и его отъезде, которая, однако, отличается от отчета Ксантуса Лидийского, сохраненного Николаем Дамаским. В «Илиаде» (II, 864) лидийцы появляются только как меонианцы. Это были люди, говорящие на иранском языке, судя по таким словам, как «кав» («канис», «кьон», «сван» и т. д. – т. е. «собака») и «сардис» от «сарат» или «сард», «трад» в древнеперсидском и «сал» в современном персидском языке – «год». Язык их явно родственен этрусскому и латыни; например, Мирсилус, сын Мирсуса, греко-лидийское имя Кандаулеса (Геродот. I, 7), происходит от «Лартиал-и-са»; а Сервилиус – от «Сервиус», где «л» – означает «сын» (filius), что демонстрирует ту же странность. Лидийцы были цивилизованным народом, который первым начал изготавливать золотые монеты (Геродот. I, 94) и штамповать серебро (там же) 330; имя их навсегда окажется связанным с музыкой. У них число двенадцать считалось священным; оно создавало совершенную Амфиктионию ионийцев и сохранилось в конфедерации этрусских городов (Ливий. V, 33). Наконец, гробница Алиаттов, похоже, является прототипом этрусских гробниц; причудливость этих «домов мертвых» позволяет предположить прямое заимствование из Египта, а не случайное совпадение. Но Бругш совершенно не верит в существование пеласго-италийской конфедерации во времена

---

330 Статир Креза стал первой известной грекам золотой монетой. Большинство классических авторов заявляют, что серебряные монеты впервые стали делаться в Эгине по приказу Фейдона (около 869 г. до н. э.).

Мернептаха и Рамсеса III; и он положительно считает, что египтяне периода Четырнадцатой династии ничего не знали об Илиуме и дарданианцах, мисийцах и ликийцах, лидийцах и этрусках, сардинцах, греках-ахейцах³³¹, сикулианцах, теусинианцах и осканцах.

Как бы то ни было, этруски, «*asegimi Tusci*» Вергилия, были высокоцивилизованным народом, изобретательному и прогрессивному гению которого Рим обязан своими первыми шагами в искусствах, технологиях и вооружении. Свет был пролит на эту страницу доисторического знания недавними обширными раскопками в графстве Эмилиан недалеко от Болоньи, тирренской Фельсине (Вельсине). Мой друг, недавно умерший профессор Бианкони передал мне сопроводительный набросок (рис. 202) исключительного железного клинка, обнаруженного в развалинах Марзаботто. В работе, напечатанной, но не опубликованной ученым-археологом графом Гоззадини из Болоньи, он описывается следующим образом: «В нише всего тридцати сантиметров в глубину лежат на расстоянии двух метров друг от друга три скелета, чьи головы повернуты на восток. На каждом – железный клинок меча, шестьдесят два сантиметра в длину и четыре с половиной в ширину у хвостовика (*spina*), сточенный до формы листа оливы; все они имеют среднюю жилку или продольное ребро. К одному из клинков окисление частично присоединило остатки железных ножен, чуть выпуклых к концу и имеющих прямоугольный выступ, возможно, предназначенный для размещения крюка, которым меч цеплялся за перевязь. Поверхность ножен имеет среднюю жилку, как и лезвие, а волнообразное устье их приспособлено к рукояти меча. На этой поверхности есть только два рельефных ушка (*borchie*), соединенные скрепой (*listello*). Хвостовик, двенадцати сантиметров длиной, показывает длину рукояти, которая, будучи сделанной из менее долговечного материала, полностью исчезла».

---

³³¹ Не путать с «акваюаша» или кавказскими ахейцами.

Рис. 201.
Клинок из
Марзаботто

Длинное узкое лезвие рапиры с центральной жилкой впервые встречается на египетской бронзе; для более жесткого металла этот шаг оказался легче. То, что железная форма часто встречается в Этрурии, так же как ее медный аналог – в Микенах, подтверждается обнаружением трех таких клинков в одной гробнице; более того, как уже говорилось, четвертый из них много лет пролежал в коллекции Марзаботто. Все они имеют похожую форму – высокоцивилизованную. Количество клинков позволяет также предположить, что они – местного производства, а не оставлены боянами и лигаунианцами, которые, согласно недавним предположениям профессора Ко- нестабиле, могли быть захоронены на кладбище Марзаботто. Дата последнего несколько неопределенна; но оно не может датироваться позже кладбища в Вилланова, где граф Гоззадини нашел «красную медь», которую он датирует временем Нумы, 700 г. до н. э. Ему противостоит практик-антрополог Габриэль де Мортилье, выдвигающий гораздо более ранние сроки.

Граф Гоззадини приводит ценное описание пятого этрусского меча, недавно обнаруженного на ферме «Палаццино» в округе Церетоло общины Касалеччио, где-то в десяти километрах к юго-западу от «этрusской Болоньи». В отдельной гробнице, тщательно раскопанной собственником (Марчезе Томазо Боши), был обнаружен скелет, лежащий

ногами на юг. Под левую руку от него лежал железный наконечник копья³³², тянувшийся выше головы; на левом плече был толстый наплечник из бронзы. Другие предметы, в числе которых этрусская ойнохоя, два ножа, сделанные целиком из железа, и зубило из того же металла, были разбросаны по могиле, которая не была облицована камнем. Справа от скелета лежал железный меч, в железных же ножнах; у меча не хватало рукоятки. Принято считать, что оружие хоронили вместе с его хозяином.

Граф Гоззадини описывает меч следующим образом: «Слегка двояковыпуклый и двусторонний, он насчитывает 0,625 метра в длину – от хвостовика (*colodo*) до конца ножен. Хвостовик, не считая той его части, которая формирует ручку, имел длину 0,11 метра. Ширина его – 0,47 метра у рукоятки, к концу он сужается, что доказывается тем, что ножны сужаются до 0,27 метра в конце. На рукоятке не было никаких признаков поперечины или гарды, которая тоже была бы железной; очевидно, что она была сделана из какого-то недолговечного материала, который полностью разрушился. Предполагается, что форма рукоятки повторяла форму мечей предшествовавшего бронзового века, то есть имела утолщение за лезвием для удобства хватки. Ножны были чуть более двояковыпуклыми, чем сам меч: железная пластина около одного миллиметра толщиной, свернутая в горизонтальной плоскости так, чтобы края ее, соединяясь, накладывались друг на друга, образуя узкий шов. Заканчивались ножны крючком или ферулой яйцеобразной формы; возможно, к ним относятся и фрагмент железной пластины с коротким широким крючком, похожий на используемые для крепления ремня».

Здесь у нас снова имеется совершенная рапира. Единственный вопрос – этруская ли она или, как предположил М.Г. де Мортилье, галльская. Граф Гоззадини умело отстаивает первый вариант. Он указывает на то, что вторгнувшиеся «бойи» удерживали и город, и всю страну на протяжении двух веков (566–358 гг. до н. э.), пока римляне навсегда их не изгнали, но доказывает, что эти народы не пользовались столь хорошими мечами. Когда я дойду до кельтов (гл. 8), я покажу, что длинный неудобный рубящий «клайдаб» или «спата» этих народов не имели ничего общего с мощной двояковыпуклой и тщательно окультуренной рапирой Церетоло.

Другие клинки, похожие на этот клинок из Церетоло, – длинные, узкие и имеющие заостренный конец – находились в явно этрусских гробницах. Были обнаружены такие же в Каире; ныне они находятся в Григорианском музее в Риме. В декабре 1879 года еще два клинка были найдены в некрополе в Вальдичиане, между Чиуси и Ареzzo, где на подставке высокой вазы была выгравирована длинная этруская надпись. Два похожих лезвия нарисованы также, в рельефе и цвете, на оштукатуренной стене гробницы в Каире. Дес Вергерс в атласе «Этрурия и этруски» описывает их так: «Фриза их главы была украшена изображениями длинных обоюдоострых мечей с большой крестовиной, а справа – с гардой, напоминающих те, что римляне называли спатами. Одни – обнажены, другие – в ножнах». Четыре таких меча были обнаружены также в Пьетраббонданте в районе широко прославленной Исернии и хранятся в Национальном музее Неаполя. Синьор Кампанари обнаружил в этрусской гробнице бронзовую рукоятку меча, прикрепленную к железному клинку. Наконец, в поместье Беначчи возле Цертозы в Болонье тоже был обнаружен железный клинок и железные зубила, похожие на клинки Церетоло.

Профессор Конестабиле недавно совершенно верно подметил, что «мечи такой же формы и такого же размера обнаруживались и в других этрусских городах, расположенных вне сферы галльского нашествия, особенно в Тоскане». Совершенно точно, что такие клинки находят по обе стороны Альп. Как римляне переняли иберский или испанский клинок, так же и галлы могли вместо своего собственного несовершенного оружия принять на вооружение то, что позаимствовали у итальянцев. Из их истории мы знаем, что они так

---

³³² Это оружие напоминало бронзовые формы, обнаруженные в Бройло в Тоскани в большом количестве в 1875 г. и названные «Fonderia di Bologna».

делали. Более того, этруски распространили свою торговую деятельность не только на приальпийскую местность, но и на всю обширную территорию от Швейцарии до Дании и от Валахии до Англии и Ирландии. Это доказывают исследования многих ученых. Десор, получив рисунок железного меча с бронзовой рукояткой, обнаруженного в Сионе, и, по заявлению Тиоли, в точности напоминающего меча Гальштата, сказал так: «Подобные мечи явно производились не в самой стране; они свидетельствуют о большой торговой активности этрусков в раннюю железную эпоху». Ливий действительно подтверждает размах производства оружия в Этрурии, относя его на 205 год до н. э., когда закончилась боянская оккупация Фельсины. Тогда один только Ареццо смог обеспечить флот Сципиона за сорок пять дней тремя тысячами шлемов, таким же количеством щитов-скутов и копий трех разновидностей.

Но рапира не представляла собой единственную форму этрусского меча. В «Этрусских древностях» Гамильтона есть фигура человека, несущего рубящий меч как кортик, затянув ремень на верху груди. Керамика Этрурии содержит много четких рисунков мечей и другого оружия; но технология их несколько смешана, и самая надежная информация – это та, что получена из существующих находок.

Эти находки позволяют нам судить, что у этрусков Италии с древнейших времен была рапира, совершенное оружие для того, чтобы рубить и колоть. Клинок – длинный, но не слишком; он достаточно широк, чтобы быть эффективным, но не слишком тяжелым, и, как только возможно, его усиливает ребро жесткости, формирующее полую арку. В главе 11 я проведу сравнение этрусского меча с микенским; последний является чудом своего рода, но сделан из более отсталого металла – бронзы.

Глава 10

МЕЧ В ВАВИЛОНИИ, АССИРИИ, ПЕРСИИ И ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Несмотря на то что профессор Лепсий установил и доказал, что первая цивилизация пришла в Вавилонию из Египта, изучение Библии и порочная практика буквального толкования мифов и мистерий как исторических хроник привела многих в наше время к тому, чтобы считать равнину Шинара (Вавилона) и древнее устье Персидского залива колыбелью цивилизации и родиной «семитизма». Мы все еще читаем о том, что «Вавилония имела выдающуюся цивилизацию и многочисленное население тогда, когда Египет еще был зарождающимся государством»³³³. Только в Книге Бытия (10:10), в документе, описывающем более позднюю этнологию, мы встречаем упоминания об Эрехе (Уруке)³³⁴. С другой стороны, египтяне объявляли Белуса и его подчиненных египетскими колонистами, которые научили варваров-вавилонян астрологии и другим наукам. Документальная Вавилония, или дохалдейская империя, начинается только в 2300 году до н. э., с десятков веков спустя после Менеса. Мистер Джордж Смит недавно предостерег нас о том, что некоторые ученые будут говорить, что, мол, анналы «покрывают период еще за две тысячи лет до этого времени», но он же четко утверждает, что нельзя точно датировать ни одного царя до Кара-Индаса (около 1475?–1450? гг. до н. э.). И еще «великие храмы Вавилонии были основаны царями, жившими до завоевания Хаммурапи, царя арабов Кассии» (XVI в. до н. э.)³³⁵.

---

³³³ Автор этого высказывания, как ни странно, – доктор Бирч. Даже Джастин знал лучше: он помещает Сесостриса (II, 3) на 1500 лет до Нинуса, «древнейшего царя Ассирии», которого он датирует 2196–2144 гг. до н. э. (Ветзель).

³³⁴ В клинописи – «Уру-ку» («город земли»); в Талмуде – Урикут, город мертвых Вавилона; в греческом – Орхоэ, откуда, наверное, происходит и «оркус». Урук становится у европейских классиков «*pater Orchamus*».

³³⁵ Джон Смит приводит схему:

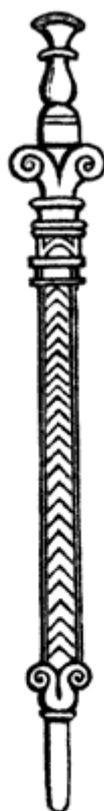

Рис. 202.
Ассирийский
меч

Берберские или аккадские надписи, обнаруживаемые в Вавилонии, не имеют датировок раньше 2000 г. до н. э. Правление Нина, строителя Ниневии и основателя ассирийских династий, обычно датируется периодом между 2317-м и 2116 годами до н. э. Отрывок из хроник Армении ³³⁶, за авторством Александра Полиистора, приводит, добавляя династии, дату их происхождения: 2317 лет. Берозус- священнослужитель заявляет, основываясь на официальных документах, что Вавилон («Ворота Бога») имел царские анналы еще за 1000 лет до Соломона, с чьего правления начинается история еврейских династий. Диодор

Алор и 9 царей до Вавилонского потопа ..	432 000 лет;
86 царей от Вавилонского потопа до Мидийского завоевания	
(1-я династия)	34 080 (33091?) лет;
8 мидийских царей (2-я династия)	224 (160—?) года;
11 других (3-я династия)	неизвестно;
49 халдейских (4-я династия)	458 лет;
9 арабских (5-я династия)	245 лет;
Семирамида;	
45 царей (7-я династия)	526 лет.

Набонид, царь древности (555 г. до н. э.), согласно цилиндру (печати), найденному в Сипаре (Сефарваим, город Солнца) и изученному мистером Пинчесом, приписывает обожествленной Саргине датировку около 3800 г. до н. э. Он откопал на глубине 18 локтей под поверхностью цилиндр Нарамсина, сына Саргины (3750 г. до н. э.), «которого ни один царь не видел 3200 лет».

³³⁶ Слово это – «Хар-Минни», то есть «горы Минни». Древнейшие армянские надписи датируются VIII веком до н. э.

Сицилийский, цитируя Ктесия (395 г. Ассирийский до н. э.), считает монархию начинающейся за тысячу лет до падения Трои, которое мы считаем произошедшим около 1200 г. до н. э. Эмилий Сура, которого цитирует Патеркул, предлагает дату 2145 г. до н. э., а Евсевий Армянский предлагает дату за 1340 лет до первой Олимпиады (776 г. до н. э.), то есть 2116 г. до н. э. Междуречье от великого царства хеттов ³³⁷ унаследовало Вавилон, который жители долины Нила называли «Хар». Ассирийцев египтяне называли «мат», или «народом»; иероглифы упоминают «Великого царя страны Мат». А вот об Ассуре ³³⁸ было маю что известно до упадка фараонов в XXI династии (1100–966 гг. до н. э.) жреца Херихора и его преемников; один из последних – Рамессу, или Рамсес XVI, – женился, оставив трон, на дочери Паллашарнеса, «великого царя ассирийского», столицей которого была Ниневия, и таким образом положил начало ассирийским вторжениям в Египет ³³⁹. Тогда мы можем уверенно считать, вместе с Лепсием, что ранняя вавилонская цивилизация последовала за египетской, если не была заимствована оттуда ³⁴⁰.

В Вавилонии третий элемент, так называемый «туранский» (китайский), впервые возник из египетского и начал играть роль в драме прогресса. Почти неизвестное количество его предстает огромным в глазах некоторых исследователей, и от разоблачения Аккадии еще ожидают великих открытий. Но раса, представленная, в частности, китайцами, не могла оказать влияния на знания Египта.

На тот момент, когда писались генеалогические таблицы книги Бытия (гл. 10), эти области были столь неизвестными и варварскими, что автор исключил их из цивилизованного мира.

Знаниями каких-либо фактов о цивилизации Месопотамии мы обязаны по большей части работам XIX века. Профессор Гротефельд из Бонна в 1801–1803 годах обнаружил ключ к персидской стреловидной клинописи ³⁴¹. Этот великий шаг вперед открыл этот лабиринт множеству других исследователей – таким, как Хеерен (1815), Бурнуф (1836),

---

³³⁷ Напав на этих хеттов, Рамсес II (Сесострис) оставил три свои «колонны», или «таблицы», на скалах возле Нар-эль-Кальб в Бейруте. Шесть ассирийских надписей были также там известны, и они содержали имена Асур-рис-илим, Тиглатпаласар, Ашшурнасирпал, Салманасар. Синахериб и Асархаддон. На северной стороне реки, там, где древний акведук, заросший роскошной зеленью, и вращается мельничное колесо, надписей обнаружено не было. Около трех лет назад, однако, хозяин, пробивая новый туннель, отломал часть скалы, и фрагмент ее, на котором находились клинописные знаки, привлек внимание доктора Хартманна, советника консульства Германии. Никаких других шагов не предпринималось вплоть до 10 октября 1881 г., когда Джулиус Лойтвед, вице-консул Дании в Бейруте, оголил поверхность скалы и обнаружил пять клинописных надписей, в одной из которых было 45 строк. Кажется, их вырезали в спешке, потому что они сделаны на камне, поверхность которого не была обработана. По мнению профессора Сойса, это вавилонская клинопись, а не ассирийская.

³³⁸ Или Ашшур, «Судья богов», представленный крылатым египетским диском.

³³⁹ Бругш показывает, что Шешонк и другие фараоны XXI династии были ассирийцами, правившими «Мат Муз-ур», «народом Египта».

³⁴⁰ Этот великий ученый считает клинописное слоговое письмо происходящим из Египта; по его мнению, изначально оно было рисунковым – рисование везде предшествовало письму. Астрономия Месопотамии – египетская (единица измерения у них – эль, 0,525 метра). Архитектура их, это первое создание человеческой мысли, показывает по храмам, храмовым башням, усыпальницам и особенно пирамидам (например, тем, что в Бирс-Намруд), что они являются несовершенной имитацией аналогов из долины Нила. Геродот приписывает Вавилону открытие полюса, изобретение солнечных часов и разделение дня на двенадцать часов, а между тем это все было хорошо известно еще древним египтянам.

³⁴¹ То, что ассирийцы имели литературу, четко видно из надписей: «В ночное время обмотайте вокруг головы больного фразу из хорошей книги» (рецепт снотворного!). Первым материалом был, скорее всего, пергамент; а язык доказывает, что были известны и свитки папируса («дуппу-га-зу»).

Лассен (1836–1844), Хинкс, который набросился на ассирийскую клинопись, и, в конце концов, Роулинсон, чья работа «Облегченное чтение» популяризировала эти исследования в Англии. Действительное изучение месопотамских развалин начал ученый Ботта (декабрь 1842 г.), который, потерпев неудачу в Коньюнджике напротив Мосула, затем обрел успех в Хорсабаде, где-то миль на десять северо-восточнее; четыре года спустя (в декабре 1846 г.) первая коллекция ассирийских древностей попала в Лувр. За ним последовал (в ноябре 1845 г.) мистер (ныне сэръ) Х.А. Лэйярд, не являющийся, к сожалению, ориенталистом – его различные открытия глиняной литературы и популярные публикации представили публике Коюнджик и Кальат Нинави (Ниневию), Хиллах (Вавилон), Варку, Сиппар, в шестнадцати милях к юго-западу от Багдада и еще несколько библейских городов.

Это «открытие» древностей, похороненных двадцать столетий назад, и целая «библиотека» из барельефов позволяют нам сравнить долину Нила, колыбель и родину наук и искусств, с их соперниками-наследниками с Тигра и Евфрата. Происхождение ремесел Ассирии, как и Египта, все еще неизвестно; хотя Ассирия и позаимствовала свои искусства и науки из Египта, они пережили там скорее закат и деградацию, чем развитие. И действительно, сколь велика разница между порфирами, гранитами и сиенитами Египта и глиняными кирпичами, грубым черным мрамором и базальтом и недолговечным алебастром (известковым карбонатом) Междуречной Ассирии. Но из своего скудного материала деятельные жители долин выжали все, что было можно. В развалинах обнаруживаются настоящие египетские арки; так называемая «ионическая капитель», завитки которой изначально были рогами козлов; кариатиды и атланты – человеческие фигуры, служащие колоннами; карнизы, кронштейны и консоли и множество архитектурных украшений, служащих для заполнения пустых пространств. Все это явно перешло из страны Нила, как и крылатый круг, лотос ³⁴², сосновая шишка и розетка. Последняя была обнаружена также доктором Шлиманом, превратилась позже в *rosa mystica* искусства Византии и использовалась христианами для обозначения своего происхождения. И вновь мы имеем здесь дело с ключевым шаблоном, который является в той же мере троянским и китайским, как и греческим. Жимолость, символ Хома или ассирийского «древа жизни» ³⁴³; волнообразный гильош; меандр, иногда также ошибочно именуемый «тосканской каймой» – она была распространена также и в Египте и на Кипре и, возможно, происходит от хеттского узора «свасти», ошибочно именуемого «свастика» ³⁴⁴. Ассирийцы преуспевали в литературе ³⁴⁵, в живописи, в скульптуре, в малых искусствах и в металлургии. Они производили

---

³⁴² Алебастровая богиня в каждой руке держит цветок лотоса, прижимая его к груди. Это характеризует Древний Египет, куда этот цветок попал из озерных краев Экваториальной Африки. На голову той самой же фигуры надет большой египетский парик, волосы с которого колечками ниспадают на плечи.

³⁴³ Слово «сома», обозначающее индийское растение *Asclepias gigantea*, происходит от «хома». Персея, египетское «древо жизни», является, скорее всего, *Balanitis Aegyptiaca*.

³⁴⁴ Бернуф (Эмиль) в «Религиоведении» назвал «свасти» знаком женского начала, а «праманту», или торчащий факел, – мужского. Его использовали на алтарях для жертвоприношения, чтобы добиться священного огня («Агни»); эта практика была причудливой и не происходящей из повседневной жизни. Как знал Плиний (XVI, 77), дикари использовали два факела, но никогда три. Свасти явно является простейшей формой гильоша. Согласно Уилкинсону, самая сложная форма гильоша покрывала потолок в Египте, который был на тысячу лет старше, чем предметы, находимые в Ниневии. Символ «свасти» распространился вдаль и вширь, везде получая новое мифологическое и таинственное значение.

³⁴⁵ В Ассирии, как и в Египте, культивировались геометрия и алгебра; предполагается, что они возникли из подсчета налогов и храмовых измерений. В Ассирии использовали астролябию и знали квадратные корни и дроби со знаменателем 60 – единым представителем десятичной и двенадцатеричной систем исчисления. С падением Ассирии (555 г. до н. э.) совпало зарождение литературы в Греции, где письмо стало общераспространенным около 500 г. до н. э. Больших высот достигли в Ассирии магия и прорицательство – например, толкование знамений.

прозрачное стекло: хрустальная линза ³⁴⁶, найденная в Ниневии, может объяснить миниатюрные размеры некоторых надписей. Ассирийцы производили эмаль и украшали ею презренный кирпич. Как и их учителя из Египта, они искусно резали по кости, вырезали цилиндры из яшмы и черного камня (*pietra dura*), вырезали геммы из сердолика, оникса, сардоникса, аметиста, агата, халцедона и лазурита.

Что касается ассирийской металлургии, то немного предметов из железа было найдено во влажной и азотистой почве речной долины, но металл их отличается, как и египетский, голубоватым оттенком; бога Ниниб именовали «повелителем железной куртки». Золото и серебро щедро использовались для украшений. В Монте-Гордей («Курдских горах») возле Мосула, изначального Арарата «Ноева ковчега», добывали свинец. Медные сосуды, которые, будучи отполированными, сверкали, как золото, находили во дворце Нимруда; руду привозили из северных гор, возвышающихся над долиной Тигра, где Архана Ма-адан (шахты Диярбакыра) долго снабжали Оттоманскую империю. Вопрос о том, откуда ассирийцы экспортировали олово, еще не решен ³⁴⁷. Они хорошо обрабатывали бронзу: найдено много отливок из этого сплава: бытовая утварь – кастрюли и котлы, кружки, вилки и ложки, тарелки и миски, простые и украшенные; инструменты – такие, как иголки, гвозди и пилы; тонкие пластины; так называемые бритвы ³⁴⁸; лампы; оружие; щитоподобный предмет, какие находили и в Египте; наконечники копий, щиты, дверные петли, каждая по шесть фунтов и три и три четверти унции весом.

Бронзовые ворота Балавата, створки которых имели восемь футов в длину, демонстрировавшие триумф Салманасара II (884–850 гг. до н. э.), говорят о высоких технологиях. Лэйард привез в Британский музей много железных предметов из северо-западного дворца в Нимруде; были там и предметы с железной сердцевиной, вокруг которой для экономии была отлита бронза. Среди них – железная кольчуга, два ржавых шлема, украшенные бронзой; иголки, молотки, ножи и пилы. Они датируются примерно 880 г. до н. э.

Ассирийцы щедро изображали сцены войны и охоты. Сотни барельефов, менее условных и потому более естественных, чем египетские, изображают охоту на льва, оленя и лесного кабана, дикую лошадь, осла и быка. Не менее искусно изображали они и войну, которая показана во всех стадиях – марши, переправы, битвы, морской (или, скорее, речной) бой, преследование врагов и пытки пленных – истязания, сажание на кол, сожжение живьем, распятие на кресте, «сажание деревьев» (погребение живьем).

---

³⁴⁶ Тоже египетская.

³⁴⁷ Ближайшее место – Кавказ, где когда-то его добывали. Лэйард (с. 191) предполагает, что олово привозили из Финикии; и, следовательно, то олово, которое было использовано в (ассирийских) бронзовых предметах, находящихся в Британском музее, на самом деле могло быть экспортировано около трех тысяч лет назад с Британских же островов.

³⁴⁸ Медный инструмент из Куюнджика имеет в точности такую же форму, что и так называемые этрусские бритвы.

Рис. 203.
Ассирийское
копье
с противо-
весом

Рис. 204.
Ассирийский
наконечник
копья

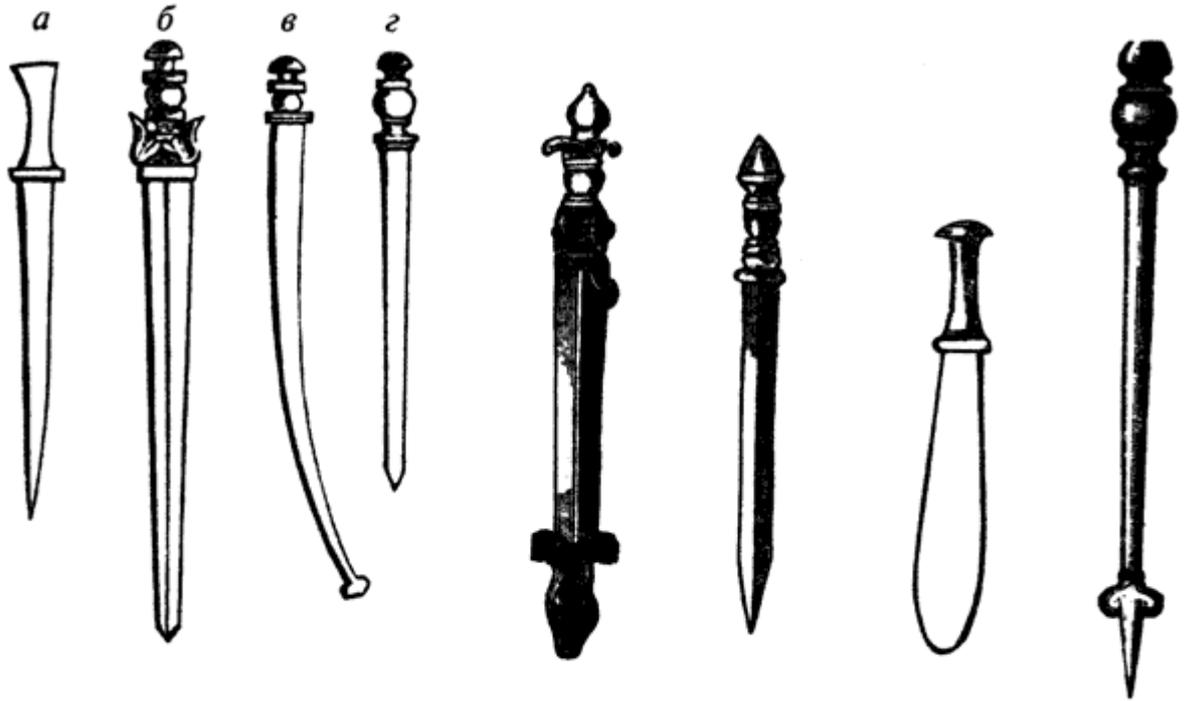

Рис. 205. Ассирийская «бритва»;
серповидный предмет с барельефа.
Похожее оружие, выполненное из железа и обнаруженное в Пестуме в Лукании, хранится в Музее артиллерии в Париже

Отвратительная жестокость этих азиатов, все еще практикуемая персами, курдами и «ужасными турками», являет собой резкий контраст с мягкостью африканцев-египтян. Их стены, одиночные или двойные, сопровождались рвами и крепостными валами, а также были снабжены бойницами, амбразурами и зубцами; найдено два щита, похожие на египетские картуши. *Places fortes* (укрепления) атаковались с помощью башен на колесах ³⁴⁹, таранов с железным наконечником, раздвижных лестниц и павуазов – больших щитов, похожих на распространенные в Европе в XV–XVI веках. В поле к копьям прикреплялись вымпелы; а на них изображены орлы. Бой начинался с обстрела метательными снарядами, камнями, дротиками и стрелами; затем вступали булавы и копья; меч тоже никогда не оставался без дела. Воинов изображают пешими и конными, с роскошными попонами лошадей, или в колесницах, или плывущими на пузырях из надутой кожи. На них шлемы самых разнообразных форм – с гребнями, с полумесяцем, с *fleur-de-lys* (геральдической лилией) наверху и с просто гладкой поверхностью; у некоторых – закрывающие уши шлемы древнеегипетского образца («наммс») или индийские «кан-топ». Иногда шлем заканчивался металлическим наконечником – *pickelhaube*. Скульпторы изображают чешуйчатые доспехи или кольчуги норманнского образца, с чулками из железных (?) колец, крагами и шнурованными на голени ботинками. Щиты их, либо полностью округлой формы, либо закругленные сверху и ровные снизу, закрывали все тело.

---

³⁴⁹ «Ассирийцы, загружающие быка с человеческой головой в повозку» с помощью рычагов и ремней, напоминают нам статую Рамсеса II и показывают, что и этот народ умел перемещать предметы огромного веса. У обоих государств имелись «безграничные ресурсы из голой человеческой силы».

Рис. 206. *а* — вавилонский бронзовый кинжал; *б, в* — ассирийские мечи (Лэйард); *г* — ассирийский бронзовый меч (барельеф во дворце Саргона II, 721—706 гг. до н. э.)

Рис. 207. Кинжал-меч в ножнах

Рис. 208. Кинжал-меч

Рис. 209. Меч-дубинка

Рис. 210. Фехтовальный меч

Ассирийские мечи, как и египетские, имели четыре основные формы. Первая — длинный кинжал египетского образца; ее использовали все, без общественных различий, от царя до пращника. Вторая («малмулла» (?), рис. 206, в) некоторыми переводится как «фальчион» и выглядит чуть искривленной, не как турецкий ятаган, а полуизогнутой, в стиле японских мечей или индийских тальваров. Кривые мечи на барельефах в основном являются атрибутами представителей побежденных народов. Третья форма — «са-па-ра», или хопш (рис. 221); четвертая — дубинкообразный меч, с утолщением на конце, практически не имеющий острия³⁵⁰. В клинописи часто упоминается некий «двойной меч»; возможно, это тот тип меча, который греки называли «хелидонским»³⁵¹. В изображениях на барельефах встречается и «фехтовальное» оружие — например, меч из дворца в Ниневии периода правления Сарданапала (1000 г. до н. э.) (рис. 210).

³⁵⁰ Все еще не установлено точно значение слов «какку» (оружие?) и «гиззин» (ятаган?).

³⁵¹ В глиняных таблицах мы читаем о «звезде двойного меча» («ка-каб гир-таб»). «Хаммасти» тоже переводится как «клинок двойного меча».

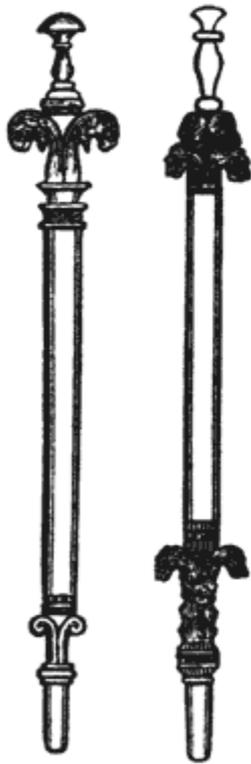

Рис. 211.
Ассирийские
мечи

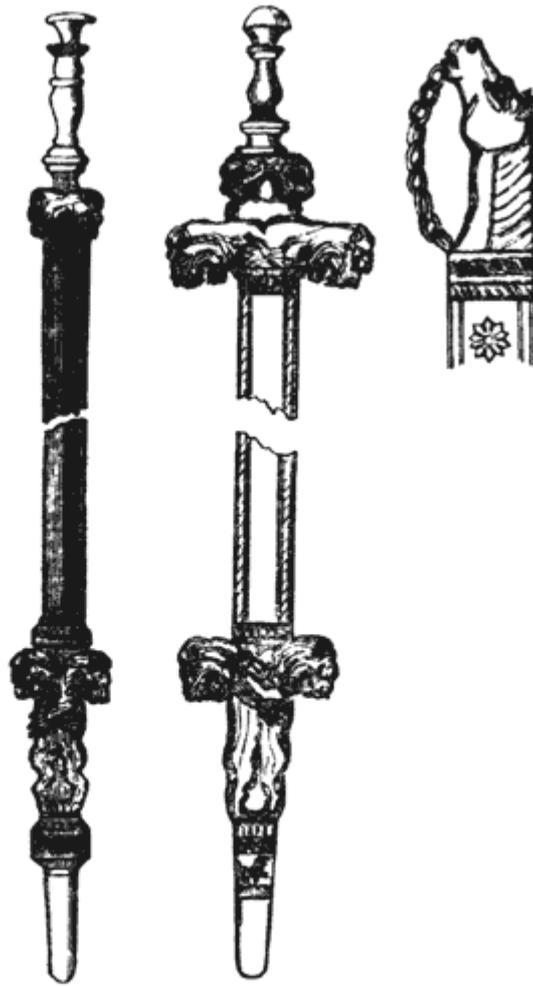

Рис. 212.
Ассирийские
мечи

Рис. 213.
Ассирийский
кинжал

По большей части оружие имело богато украшенные эфесы и ножны. На скульптуре царя головка эфеса формируется куполом или полушарием – постоянное украшение, – под которым находится шар между двумя плоскими дисками: верхние челюсти двух львов, расположенные друг напротив друга, охватывают клинок и рукоять в том месте, где она прижимается к устью ножен. У другого меча на рукояти львиная голова. Ножны с двумя львами встречаются часто, иногда эти два зверя изображаются сплетенными в смертельных объятиях. У еще одного экземпляра царское лезвие гораздо шире обычного, и два лежащих льва формируют обод, охватывая ножны своими лапами и глядя назад или выгибая назад шеи (рис. 212). Обод другого меча обогащен гильошем. В надписях Ашшурбанипала мы читаем о «стальном мече с золотыми ножнами» и о «стальных мечах на поясе». Другая легенда гласит: «Он поднял свой великий меч по имени Повелитель Грозы», что доказывает, что меч, как и конь, колесница, корабль или другое любимое существо, мог носить имена и титулы.

Рис. 214. Ассиро-вавилонский лучник. Барельеф, 700 г. до н. э. (Луврский музей)

Рис. 215. Ассирийский пеший воин в шлеме с высоким гребнем, нагленниках или поножах, с круглым шлемом и копьем. Барельеф в Ниневии, эпоха Салманасара V, 700 г. до н. э.

Рис. 216. Ассирийский воин на охоте. Барельеф из дворца Саргона II (Британский музей)

Кинжал часто украшают головой гиппопотама (животного нильского, или, вернее, общеафриканского), которая увенчивает чешуйчатую рукоять (рис. 213). Такой кинжал носили в кольце на поясе; иногда он извлекался из-под куртки. В более длинном варианте его носили на узкой портупее, которую перекидывали через правое плечо и застегивали вторым ремнем на груди, что очень похоже на наши старомодные перекрестные перевязи. Меч всегда носили с левой стороны. На царском поясе для меча несколько уровней выпуклостей и шариков, возможно, это жемчужины; пояс евнуха-сопровождающего состоит из трех широких рядов, средний из которых то тут, то там прерывают круглые пластины. У жреца через левое плечо наискось переброшен широкий шарф с длинной свисающей бахромой; он окаймлен тройной последовательностью маленьких розеток, заключенных в квадраты, и закрывает меч, возможно служа ему портупеей. Портупея воина выкрашена в красный цвет, как древесина луков и стрел. У другого евнуха перевязь меча пристегнута пряжкой к напульснику, а в правой руке он держит бич – это знак официального ранга, как у египтян «курбай». У другого воина, помимо повязки «камар» (напульсника) – красный ремень, кажется, с кисточками, которые свисают взад и вперед с плеч.

Рис. 217.
**Пеший воин армии
 Синахериба
 (712—707 гг. до н. э.)
 с барельефа, находя-
 щегося в Британском
 музее. Шлем его име-
 ет современную пер-
 сидскую коническую
 форму. Одежда и по-
 ножи, кажется, коль-
 чужные; щит — круг-
 лый, большой и силь-
 но выпуклый**

Рис. 218.
**Ассирий-
 ский воин
 с мечом и
 жезлом**

Рис. 219.
**Ассирийс-
 кие воины
 на охоте
 на льва**

Рис. 220.
**Ассирийский
 евнух в
 кольчужной
 одежде с
 жезлом,
 луком и
 коротким
 мечом**

Меч и кинжал, кажется, использовались в Ассирии повсеместно – без них ходили только пленники и рабочие. Один из ассирийских богов с головой коршуна держит в своем одеянии два длинных кинжала, в то время как Ашшур изображается в скульптуре стреляющим из лука. Ашшурбанипал «разбил народ Арабии своим мечом». У царя, стоящего в своей колеснице, с «цидарис» (тиарой) и мухобойкой, в кольцах на поясе, с которого свисают шнуры и кисточки, висят два кинжала и меч. На другой статуе царь изображен возложившим левую руку на скипетр, а правую – на рукоять меча. На третьей – втыкает короткий прямой клинок, как матадор – шпагу, между вторым и третьим позвонками дикого быка, в том месте, где наиболее уязвим спинной мозг. В наши дни такое зрелище можно увидеть в Испании. Мечи носят и маги, и евнухи ³⁵²; один из последних достает свое оружие, чтобы срубить голову. У телохранителя сбоку меч длиной более обычного, а в руках он держит стрелы и другое оружие для своего господина. Даже палач делает свою работу мечом.

К счастью для ученых, полковник Ханбери купил древнеассирийский бронзовый меч у одного бедуина в Нардине. Установить, откуда этот меч изначально взялся, он не смог; предположительно, он был вложен в руки статуе, возможно Мардука (Марса, отца Неба или Меркурия ³⁵³), и в точности напоминает те мечи, с которыми боги изображены на

³⁵² Это отвратительное явление принято считать происходящим от Семирамиды (Шаммурамат) из Ассирии, и распространилось оно чрезвычайно обширно. Еще в начале нашего века в христианском католическом Риме из людей делали евнухов. Это до сих пор практикуется в Египте, Турции и Персии, хотя пророк Аллаха и запрещал подобные действия.

³⁵³ Небо в надписях держит золотую тростинку или прутик, как и Гермес Гомера является *χρυσόβραχος*. Он же проводит души в Аид. Халдейские боги, как и египетские, были умершими предками, а за ними следовали и естественные объекты – Ану (небо). Бел (земля), Хеа (море), персонифицированные с созданием обширной и распространенной мифологии. Солнце, луна и эфир были первой Тριάдой Вавилона. Хтонические боги Греции – Уран (египетский Урнас), Гайя и Таласса (ассирийские) тоже предшествовали антропоморфизму олимпийцев. Конечно же они были представлены в человеческой форме. Постепенно жрецы стали приписывать

«цилиндрах» сражающимися с Драконом. Размеры его таковы:

длина клинка – 16 дюймов;

длина эфеса – $5\frac{3}{8}$ дюйма;

общая длина – $21\frac{3}{8}$ дюйма;

ширина у рукояти – $1\frac{1}{8}$ дюйма;

ширина у основания рукояти – $1\frac{7}{8}$ дюйма.

Эфес этого оружия инкрустирован слоновой костью и богато украшен драгоценными камнями. Оно принадлежит к тому типу, который в клинописи обозначается как «са-па-ра»³⁵⁴. На нем есть клинописные надписи в трех местах:

1) по всей длине плоского клинка, вдоль задней стороны; по задней части лезвия; 3) вдоль передней стороны лезвия, где надпись гласит:

E-kal Vul-nirari sar kissati abli Bu-di-il Sar Assuri

Abli Bel-nirari Sar Assuri va...

(Дворец Вул-Нерари, Царя народов, сына Будила³⁵⁵, Сара
(царя) Ассирии,
сына Бел-Нерари, царя Ассирии...)

Двигаясь дальше на восток, мы можем отметить, что скульптуры Персеполя четко демонстрируют, как и можем ожидать, свое происхождение из Ассирии и Вавилона. Персы, несмотря на свои огромные претензии, народ сравнительно молодой³⁵⁶; они были достаточно варварским народом, вооруженным только пращами, лассо и ножами. Время жизни Хахаманиша (Ахеменеса), героя-основателя правящей династии, вряд ли может быть датировано раньше чем 700 г. до н. э. Это примерно то время, когда Саргон II впервые упоминает греков как «яха» или «ятнан» (Юнан – это Иония), – они присылали ему дань с Кипра и более отдаленных местностей. Мидийцы, до того как Киаксар вывел персов из прикаспийских областей в Большие Земли, были простыми варварами, вроде современных илиатов – иранских кочевников, составляющих от четверти до половины населения этой страны. Но Персия в самом начале своего существования получила богатое наследие – Вавилон. К завоеванию Вавилона (538 г. до н. э.) персов привел их героический царь Кир Великий, или, точнее, Куруш-старший³⁵⁷, сын Камбиза (Ксенофонт), а не отец Камбиза (Геродот), и современник Дария Мидийского³⁵⁸. Их храбрость и достойное поведение,

---

божественную природу и естественным причинам и следствиям, что привело к населению пантеона прославленными людьми. Потому что, я повторяю: человек обожествляет только одно – себя.

³⁵⁴ «Сибри» или «сибирру». Я уже отмечал, что это слово, возможно, происходит от египетского «сф», «саиф», или «сефт» и напоминает слово «сабля».

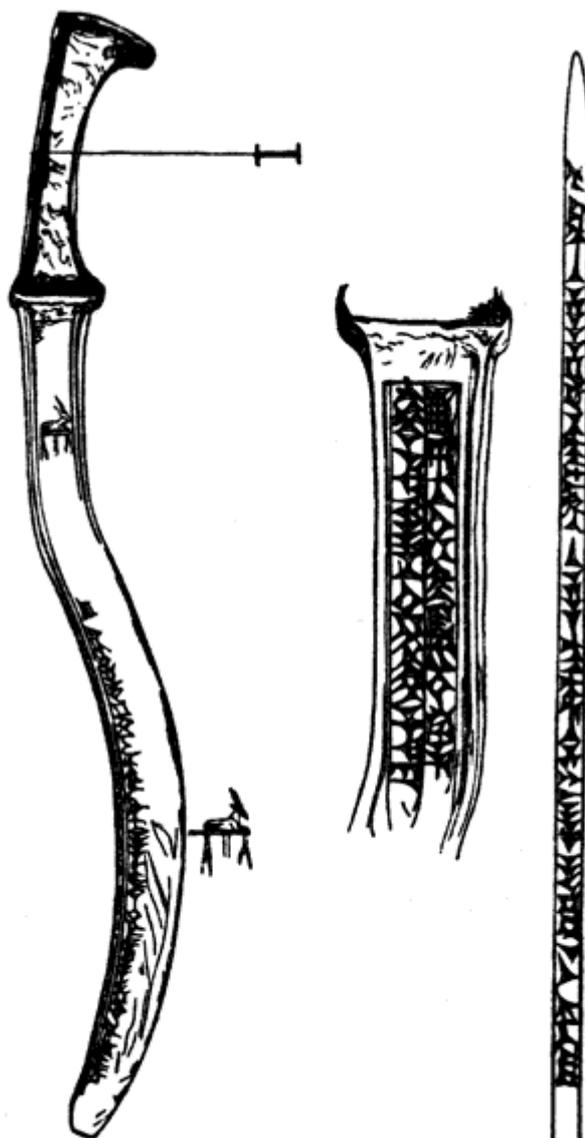
³⁵⁵ Будил, как говорит мистер Боскауэн, унаследовал титул от своего отца в 1350 г. до н. э. Он защищал северо-восточные народы, нари и гути, гутиум и гоим; еще он много строил, а сын его, Вул- Нерари («Вул, надежда моя»), из чьего дворца и происходит этот меч, был одним из величайших царей Ассирии. В Британском музее есть длинная надпись, описывающая реконструкцию им дамбы, которая вела к храму Асур.

³⁵⁶ Лэйард отстаивает теорию, что персы и индийцы вышли из единого центра около 1500 г. до н. э. Но о каких индийцах он говорит? Уж точно не о «туранских» племенах, населявших полуостров до прихода браминов.

³⁵⁷ Греки, в языке которых не было звука «ш», превратили «Куруш» в «Кирос».

³⁵⁸ Мидия – это Северо-Западная Персия от Армении до Азербайджана, к югу от Каспия. «Великая

верность и простота, мудрые законы, щедрость и правдолюбие ³⁵⁹, ныне, к несчастью, утерянные, возвышали их в дни Геродота до гордого положения «господ Азии».

**Рис. 221. Бронзовый меч, носящий имя Вул-Нерари I.
Найден близ Диярбакыра**

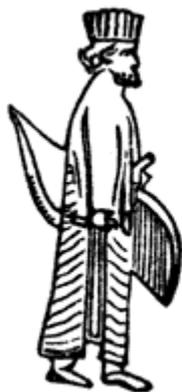
Между барельефами Хорсабада (дворец Саргона II) и Персеполя та же разница, что и между скульптурами раннего Египта и тех времен упадка, которые Макробий назвал

Армения» позже включала в себя Грузию и Абхазию. От самоназвания этого народа – «мандеи» происходит и греческое «мантейцы».

³⁵⁹ Геродот, I, 136, 138 и т. д. Все авторы уверяют, что древние египтяне и персы, китайцы и индийцы были правдивыми народами, питающими отвращение ко лжи. «Правда так сладка!» – утверждал житель долины Нила. В надписях из Карпентраса госпожа Та-бай «ни о ком не произносила лжи». В триязычной Бехистунской надписи (516 г. до н. э.) царь Дарий говорит: «Тот же, кто будет впоследствии царем, встретив лжеца или злодея, да уничтожит его мечом своим!» Сейчас же они – полная тому противоположность. Только дикие племена, такие, как бедуины, илиаты или индийские изгои, еще заслуживают былой славы. «Слово кораджера» стало уже именем нарицательным на западном побережье полуострова Индостан. Я не могу списать эту деградацию на что-либо иное, кроме как на рост торговли, общение с иностранцами и изменение веры. Однако эта тема слишком обширна и важна, чтобы ее можно было хотя бы бегло рассмотреть на этих страницах; но должен отметить, что индийцы деградировали еще на моих глазах. В 1845 г. торговые книги одного сахурака (купца) служили доказательством в нашем суде. В 1883 г. такое предложение было бы осмеяно.

«тиранией Птолемеев» ³⁶⁰. Рисунок менее чист, формы – тяжелее, анатомические подробности отсутствуют или показаны очень приблизительно. В целом это неумелое подражание превосходящим моделям.

Рис. 222. Персидский лучник. С барельефа в Персеполе, древней столице Персии (560 г. до н. э.). Длинное, предположительно кожаное, одеяние, достает до лодыжек. Головной убор ни имеет ничего общего со шлемом, но тем не менее похож на металлический

Рис. 223. Персидский воин. С барельефа в Персеполе, отливка с которого находится в Британском музее. Щит его, имеющий достаточную высоту, чтобы на него можно было облокотиться, представляет собой почти что полусферу; шлем, закрывающий уши и шею и состоящий из цельного куска, отличается от ассирийского

Рис. 224. Персидский кидарис, или тиара

Геродот, описывая армию Ксеркса (Хшхерше – Ахасуеруса ³⁶¹) в 480 году до н. э., насчитывает в ней сорок пять народов, из которых только шесть (в том числе Colchians и каспийцы) были вооружены мечами. Длинными прямыми кинжалами были вооружены пактийцы, пафлагонцы, фракийцы и сагартянцы, которые говорили на персидском языке, а по одежде представляли из себя наполовину персов, наполовину пактийцев (афганцев?) ³⁶². Кочевники-сагартянцы (?) были вооружены коротким клинком и арканами, сплетенными из ремней: это выдает в них скотоводов ³⁶³. В главе 3 снова упоминается «персидский меч,

³⁶⁰ Завоевания Александра Великого дали цивилизованному миру единый язык. Птолеми, достигнув греческого господства в Египте, добились той совершенной терпимости, которую подтверждают Манефон и Берос.

³⁶¹ Известный по книге Эстер (Аместрис), которая содержит скудные следы веры Израилевой. Эта ужасная мегера (474 г. до н. э.) привела к массовому убийству 800 человек в Шушане и 7500 в провинциях. Возможно, от варианта имени Ксеркса в пехлеви (Хшхерше) и происходят современные титулы «шах» и «шахиншах».

³⁶² Отсюда, возможно, и происходит пухту или пушту – афганский язык, представляющий собой древний грубый диалект персидского языка.

³⁶³ Южноамериканский аркан – лассо – успешно применялся против меча (будучи в руках всадника, конечно). Им было совершено много убийств в Аргентинской республике – жертве внезапно набрасывали аркан на шею, и она задыхалась, пока ее волокно вслед за мчащейся лошадью. Незачем и упоминать, что аркан хорошо знали и в Египте, где его использовали для охоты на газелей и даже на дикого быка. Индийский аркан – «паша» имел около десяти локтей в длину, а петля его составляла одну ладонь в окружности. Он состоял из

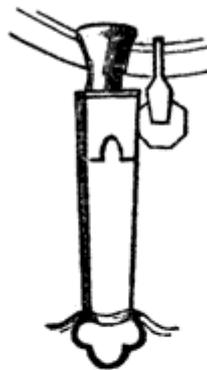
именуемый акинак». Как и римский кинжал пугио или современный *couteau-de-chasse*, он был прямым, а не изогнутым, как пытается нас убедить Иосиф Флавий. Персидские воины имели при себе только «кинжалы на поясе вдоль правого бедра». Камбиз умер от раны, нанесенной в правый бок, а Валерий Флакк описывает парфянина как

Insignis manicis, insignis acinace dextro.

(«...и с блестящим акинаком справа»)

Рис. 225.
Персидский
акинарес
(здесь изобра-
жен носимым
с правой
стороны)

Рис. 226.
Персидский
акинарес

Рис. 227.
Меч из
группы
Митры

Юлий Поллукс утверждает, что это персидский маленький меч, крепившийся к бедру, а Иосиф Флавий сравнивает его с сикой. Любимым оружием персов был лук, хотя Дарий и говорит о мече как о средстве возмездия.

Индийцы, столь прославлявшие впоследствии свои мечи, в 480 г. до н. э. были варварами, одетыми в хлопчатые одежды и вооруженными лишь луками с тростниковыми стрелами. Из двадцати народов, у которых набралось тысяча двести семь трирем, длинные сабли были у египтян, «очень напоминающие египетские» сабли – у киликийцев, кинжалы и кривые фальчионы – у ликийцев, а у карийцев – кинжалы и «*senses falcati*», которые греки, очевидно, не использовали.

маленьких кусочков ремня, украшенных свинцовыми шариками, и считался «благородным оружием». Римские гладиаторы, именуемые «лакеаторами», считали свое название происходящим от слова «лассо»; не следует путать их с ретиариями.

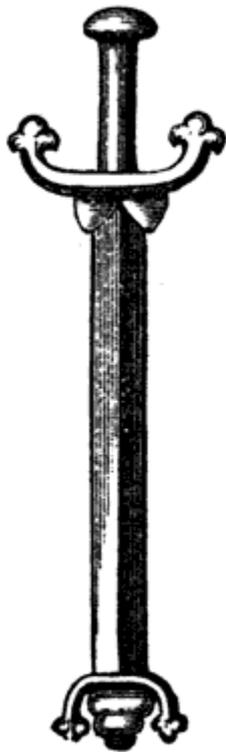

Рис. 229. Персидский
акинак (с барельефа
в Персеполе)

Рис. 230.
Различные кинжалы из Персеполя

Изображения персидского акинака в изобилии встречаются в скульптурах Чехель Мунар (Дворца сорока колонн) в Персеполе. Очевидно, их было два вида. На рисунке Портера (пластина 37) изображена рукоять, похожая на эфес современного оружия, торчащая из ножен, висящих на правом боку воина; Аммиан Марцеллин (XIV, 4) и все классики настаивают на этой странной для меченосцев особенности ³⁶⁴. Другой вид (пластина 41) – это меч, обычно носимый на передних узлах ремня, имеет изогнутую ручку и волнистое лезвие по типу малайского криса. В других местах (пластины 53 и 54) человек протыкает живот ревущему чудовищу обычным кинжалом «ханьяр». Путешественник сделал вывод о том, что это небольшое прочное оружие с широким лезвием и окованными железом ножнами, которые, видимо, привязывались к правому бедру, и является типичным персидским мечом того времени, который классики описывают как очень короткий. Прямым наследником этого оружия, ныне устаревшего в Персии, является афганский «чарай», родственник египетского меча-тесака.

³⁶⁴ Этим оружием, однако, могли пользоваться как кинжалом, а слева носить меч.

Рис. 231.
Акинак из Персеполя

Рис. 232.
Акинак из группы Митры

Согласно Квинту Курцию, «пояс Дария был золотым, а на нем был подвешен ятаган царя, ножны которого представляли из себя цельную жемчужину». Практика инкрустирования клинков и рукоятей, все еще популярная в Персии, может объяснить сведения Геродота (IX, 80) о том, что среди трофеев, взятых греками в Платее, были «акинаки с орнаментом из золота». Акинаки Мардония долгое время хранились в качестве трофеев в храме Афины – Парфеноне в афинском Акрополе. С другой стороны, как это делалось везде, золотые клинки давались *honoris causa* (в знак особых заслуг). Так, в «Илиаде» (XVIII, 597) мы встречаем описание того, как Гефест наносит на щит Ахилла изображение юношей с золотыми мечами. Согласно Ксенофону, в Персии царскими подарками был золотой ятаган, нисейская лошадь с золотой уздечкой и другие принадлежности для битвы. Геродот (VIII, 120) описывает, как Ксеркс дарит абдеритам золотой ятаган и тиару. На поясе у Дианы – золотой фальчион (Геродот. VIII, 77). Золотой клинок не забыли и позже. В «Хрониках Дальбукерке» описывается, что позади царя Кананора стояло двое пажей – один держал золотой меч, другой – золотой ятаган. Это оружие отличали от «мечей, украшенных золотом и серебром». Царь Сиам тоже посылал дону Мануэлю Португальскому «корону и меч из золота». В Куско был найден уникальный золотой кельт.

Влияние великого Вавилоно-Ассирийского центра распространило египетские знания и науки по всей Азии. Из Ирана мы движемся вслед за распространением цивилизации на восток, в Индию. Здесь индийцы, как таковые, не могли утвердиться среди изначальных туранских хозяев Индостана, или «верхней страны», вплоть до Восемнадцатой египетской династии ³⁶⁵. Юг страны остался полностью туранским, и остается им до сих пор, о чем свидетельствует Малабар и его «непотизм».

К сожалению, в Индии не сохранилось заслуживающих доверия индийских записей о прошлом. Хотя Геродот и называл Индию «самой богатой и густонаселенной страной в мире», все же отсутствие храмов и других развалин наводит на мысли о том, что во времена процветания Египта, Ассирии, Греции и Рима эта страна находилась в состоянии варварства. В то время как принято датировать возникновение буддизма VI веком до н. э. и с этого

---

³⁶⁵ Уилкинсон отмечает: «Если и есть связь между религиями Египта и Индии, ее следует отнести на тот период, когда оба этих народа еще не покинули Центральную Азию»; Лэйрд, как уже было сказано, датирует это время около 1500 г. до н. э. Я вновь вынужден протестовать против представлений о том, что египтяне когда-либо «покидали Центральную Азию» и вообще что-либо там делали, кроме привнесения туда цивилизации.

момента встречаются упоминания о выдающихся последователях Будды ³⁶⁶, во времена Александра (327 г. до н. э.) явной цивилизации здесь было немного. Неарх упоминает о том, что индийцы «писали буквы на отбитой и потому мягкой ткани», а Страбон (XV, I) выражает сомнение, что в Индии умели писать.

Два великих индийских эпоса («Махабхарата» и «Рамаяна») и пятнадцать пуран – это лишь вместилища легенд и придуманных мифов; в них немногие золотые крупинки истины погребены под тоннами мусора. Все, что могут из них узнать антропологи, – это то, что в Индии жил примитивный (туранский?) народ, презрительно именуемый «ракшасами», или «демонами». Их завоевали брамины, позже персонифицированные в Раму и других героев, возможно, во времена Исхода евреев и цыган из Египта; гораздо позже возник буддизм, за которым последовало владычество мусульман и европейцев ³⁶⁷.

«Дханурвидья» ³⁶⁸, или «наука лука», содержит полнейшее доступное описание древнеиндийского оружия и орудий войны, но вопрос о дате создания этого труда до сих пор спорен. Своим отношением к большим числам индусы просто восхищаются. Принимая население Земли в целом за тысячу семьдесят пять миллиардов, они оценивают численность своей аксаухини, или полной армии, согласно «Нитипракашике» (отрывку из «Дханурвидьи», написанному мудрецом Вайшампаяной), в две тысячи сто восемьдесят семь миллионов пеших воинов, двадцать одну тысячу восемьсот семьдесят миллионов лошадей, двести восемнадцать тысяч семьсот слонов и двадцать одну тысячу восемьсот колесниц. Перечень жалований золотом ³⁶⁹ содержит столь же вольные и абсурдные цифры.

Индийский образ мысли – это к вопросу о термине «индогерманский» – все связывает с метафизикой: по крайней мере, все, выходящее за рамки физических явлений. Всем видам оружия и брони индийцы тоже приписывают сверхъестественное происхождение. Яя, дочь древнего Дакша (одного из Риши, или святых мудрецов), стала, по обещанию Брахмы, создателя, матерью всего оружия, в том числе метательного. Последнее делится на четыре большие категории: янтрамуқта (метаемые машинами); панимуқта (метаемые вручную); муқтасандхарита (метаемые и возвращающиеся) и мантрамуқта (метаемые посредством колдовства – таковых насчитывалось шесть видов). Все эти четыре категории вместе назывались «муқта», класс метательного оружия, и насчитывалось их двенадцать видов. Они противопоставлялись классам амуқта (неметательного оружия) из двенадцати видов, муқтамуқта (оружия, которое могло быть как метательным, так и неметательным) из девяти восьми видов и бахуюддха (искусство борьбы, не предполагающее использование оружия). Все оружие персонифицировалось: например, дхану – лук «имел маленькое лицо, широкую шею, стройную талию и сильную спину. Ростом он в четыре локтя и сгибается в трех местах; у него тонкий язык, во рту у него ужасные клыки; цвет его – кровавый, и он

---

³⁶⁶ Чандрагупта (Сандракоттус?), 316 г. до н. э.; его сын Биндусара, 291 г. до н. э. и его внук Ашока или Приядаси, 250–241 гг. до н. э., чьи дети разделили империю.

³⁶⁷ Тот факт, что авторы древности и средневековые географы смешивают Индию с Восточной Африкой, я бы объяснил тем, что два континента еще были соединены в эпоху миоцена, а возможно, и еще позже.

³⁶⁸ Горас Хейман Уилсон использовал ее в своей работе «О военном искусстве, как его знали в Индии». Слово «дхану» («лук» на санскрите), похоже, означало любое метательное или холодное оружие; следовательно, «Дханурвидья» содержит знание обо всем оружии. Лук также упоминается там – например, лук Вишну именуется Шарнга.

³⁶⁹ Например, главнокомандующий получал четыре тысячи варва (золотых монет) в месяц. Профессор Опперт с истинно немецкой наивностью утверждает: «Если этот перечень жалований верен и если эти жалования действительно выплачивали, приходится признать, что в Древней Индии существовал обширный золотой денежный оборот». Тот факт, что в этой стране разрабатывались золотые шахты, доказан Уинаадом и недавно возобновленными раскопками, но вот в чеканке монет пока следует усомниться – по крайней мере, до тех пор, пока не будет найдена хоть одна монета.

всегда производит булькающий шум. Он покрыт гирляндами из внутренностей и постоянно облизывает уголки рта»³⁷⁰.

Меч (Хадга, Ас или Аси) принадлежит ко второму классу. Согласно мудрецу Вайшампаяне, это было превосходное оружие, специально придуманное Брахмой, произведшим «асидевату». Этот «Меч-бог» появился на вершине Гималаев, потрясая недра земли и осветив небо. Брахма вручил оружие, размеры которого составляли тогда пятьдесят пальцев в длину и четыре пальца в ширину, Шиве (Рудре), который и сейчас является высшим божеством меча, чтобы тот очистил мир от могучих демонов Асуров. После победы Шива передал меч Вишну, тот – Мариси, а тот, в свою очередь, – Индре. Бог воздуха передал его хранителям частей света, а те – Ману, сыну Солнца, чтобы тот использовал его против злодеев. С тех пор меч и остается в его семье. У хадга было всего девять имен: оружие это носилось слева, имело тридцать два способа применения и было любимо всеми. В число четырех искусств, которые должна была изучить женщина помимо кама-шастры («искусства любви»), мудрецом Ватся³⁷¹ было включено и умение «сражаться мечом, одиночной палкой, шестом и стрелять из лука».

«Или» (ручной меч) имеет два локтя в длину и пять пальцев в ширину; передняя кромка его изогнута, гарды он не имеет. «Праса», или копье, в некоторых работах предстает как широкий меч. Единоутробный брат меча – паттиша, двусторонний боевой топор. Асидхену (кинжал), «Сестра меча, носимая царями», – это трехгранный клинок, имеющий один локоть в длину, два пальца в ширину, без гарды; носили его на поясе и использовали в ближнем бою. Мауштика («кулачный меч», стилет) имел длину всего в одну пядь (9 дюймов) и потому был весьма удобен для любых действий.

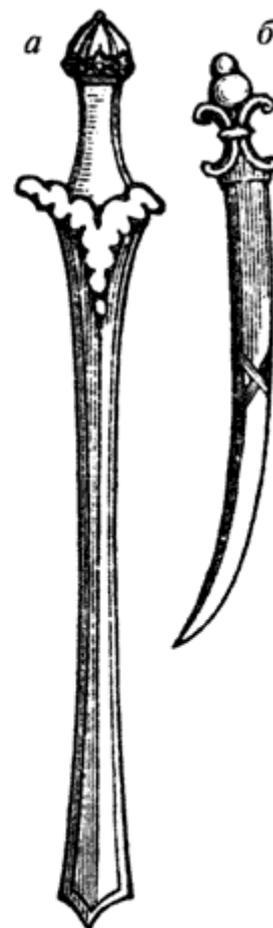
---

³⁷⁰ Здесь мы имеем дело с истинно индийской игрой воображения. Только представьте себе, чтобы западные люди в такой манере очеловечивали лук!

³⁷¹ Он жил между X и XIII веками и написал выдающуюся работу в стиле Овидия.

Рис. 233. Индийские воины. С мемориальных камней Биджанагара, фотографии с которых находятся в Кенсингтонском музее. Датировка этих памятников соответствует нашим Средним векам

Рис. 234.
a — японский клинок, в котором прослеживается индийское происхождение; *б* — индийская сабля; *с* барельефа в Биджанагаре

Мудрец Вайшампаяна, священнослужитель или ученый, обучающий искусству войны, предостерегает нас о том, что «эффективность оружия крайне изменчива. В разные эпохи и в разных местах качество оружия не одно и то же, поскольку изменяется и материал, и способ производства. Более того, многое зависит и от силы и способностей того, кто будет оружием пользоваться. Воин может сохранить, увеличить или уменьшить эффективность оружия». Можно отметить также, что многое из описанного им оружия кажется результатом бурной деятельности ума, подталкиваемого опиумом или гашишем.

Мудрец Шукра, или Наставник Демонов, тоже мудро рассуждает в своей работе «Шукранити» обо всех видах оружия, включая огнестрельное. Единственной практической частью главы V является описание счастливых и несчастливых отметин у лошадей. Похожая система существует у арабов, у которых лошадь, масть которой содержит зловещие знаки, можно продать лишь очень недорого, как бы хорошо ее ни кормили. Есть мудрость в стихе 242:

Невоюющий царь и никогда не существовавший жрец
 (брахман)
 Проглотит Землю, словно змея — мышь.

Что же касается меча, Шукра говорит о нем:

Ishadvaktrashcaikadháro vistáre chaturangular
Kshurápranto nábhismo drahamushtissucandraruk
Khadgah prasáshchaturhastadandabudhnah ksuránanah.

(Меч этот имеет слегка изогнутое одностороннее лезвие; шириной он в четыре пальца, имеет острый конец, острый как бритва; он тянется до пупка, имеет мощную рукоять и сверкает, как прекрасная луна. «Хадга» (двуручный меч) имеет четыре локтя (шесть футов) в длину³⁷², у рукояти широк и остер как бритва у лезвия).

Ни из одной из этих работ нельзя ничего узнать об одном интересном предмете – слоновьем мече. О нем упоминает итальянский путешественник Людовико ди Вартема (1503–1508 гг. до н. э.), описывая его как меч длиной в две сажени, прикрепляемый к хоботу. Афанасий Никитин называл его косой. Нокс в своем «Цейлоне» тоже рассказывает об остром железном оружии с тремя режущими кромками, «прикрепляемом к зубам (бивням?)». Возможно, это оружие имеет западное происхождение. Антигон, Селевк и Пирр, использовавшие слонов в военных походах, вооружали своих животных «острыми стальными наконечниками на клыки» – настоящими мечами. Во времена да Гамы на каждом животном крепилось по десять лезвий, по пять на каждом клыке.

Рис. 235. Сцена битвы
из пещеры в Куттаке, I век

Следует помнить о том, что верхняя часть Индии в начале нашей эры была по большей части буддийской, и, следовательно, там жили мирные люди. Однако в пещерах и в пещерных храмах на барельефах встречаются изображения людей с мечами и даже свободных боев. Оружием их являются по большей части короткие прочные клинки, похожие на персидские акинаки, но носимые по-современному слева. Мистер Джеймс Фергюсон любезно предоставил мне две иллюстрации. Первая (рис. 235) – это сцена битвы, на которой присутствуют два меча. Большой тесак или фальчион, с зубцами по задней кромке, находится в левой руке, в то время как правая держит щит³⁷³. Второй меч –

³⁷² Страбон (XI, I, 66) утверждает, что индийский меч имеет три локтя (четыре с половиной фута) в длину; а греки времен Атександра отмечали двуручные мечи и стрельбу из лука ногами.

³⁷³ Это явно перевернутое изображение. Большой фальчион, увеличенный вариант куккри, можно увидеть в Британском музее; одна сторона его лезвия имеет надписи на языке пали. Большая часть этих больших предметов оружия использовалась при жертвоприношении; представители низшей касты до сих пор используют фальчионы для обезглавливания буйволов, предназначенных богине Кали.

прямой, имеет одно среднее ребро, на конце расширяется вместо того, чтобы заостриться. Вторая иллюстрация (рис. 236), которую мистер Фергюсон называет «первым горцем», датируется тем же временем; на ней очень отчетливо изображены рукоять, которая может оказаться современной, ножны и способ ношения оружия. На фотографии это видно лучше, чем на деревянном рельефе, сделанном художником автора.

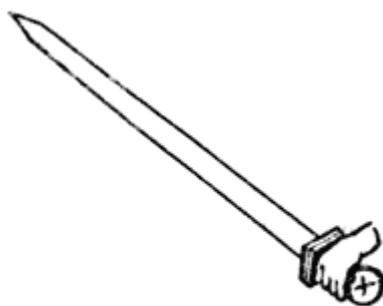

Рис. 236. Первый горец

Пещерные храмы Элефантины или Гарапури («пещерного города») в Бомбейской бухте, которые описывали Форбес и Гебер, доктор Уилсон и мистер Бургесс, преподнесли один примечательный и великолепный предмет. Эта сравнительно современная базилика, высеченная из скалы и посвященная Шиве или Махадеве, третьему члену индийской Троицы и представителю разрушения и воссоздания в своей тройственной форме – Тримурти, – содержит множество скульптурных изображений от десяти до четырнадцати футов в высоту, выдающихся настолько сильно, что они являются почти полностью высеченными, касаясь скалы, из которой высекались, только спинами. В северо-восточном углу стоит статуя героя Арджуны, третий среди братьев-пан-давов. Этот храбрец, особенно популярный на юге Индии ³⁷⁴, держит – вертикально, острием вверх – в правой руке короткий прямой меч с рельефно выраженным острием по римскому типу; меч имеет небольшую гарду, ладонь заполняет всю рукоять, а большая головка подпирает ладонь, как это и сейчас принято в Индии.

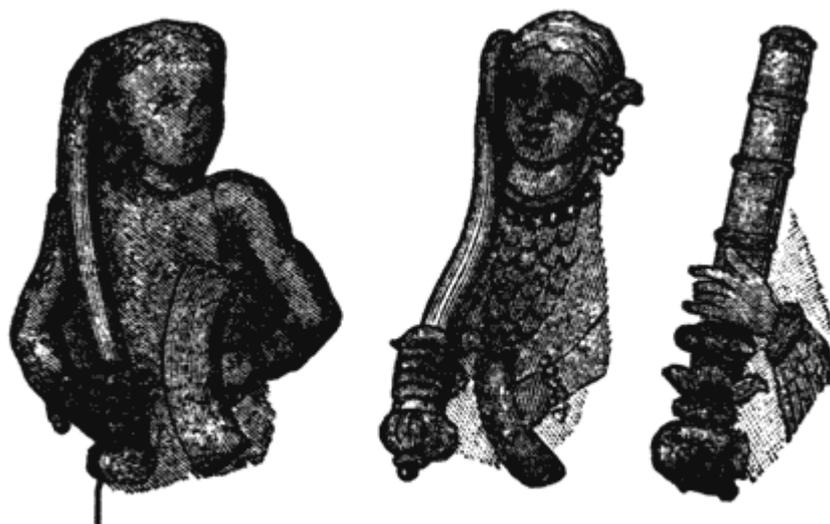
---

³⁷⁴ Он все время встречается в «Махабхарате», особенно в первой книге.

Рис. 237.
Меч Арджуны

Военная тактика древних индийцев прекрасно иллюстрируется шахматами ³⁷⁵. Но их священнослужители и ученые позже позаимствовали или изобрели заново всю «стратагематику», так что теперь в ней легко найти фаланги, легионы, атаку клиньями или полумесяцем.

Рис. 238. Скульптуры с острова Ява с кривыми мечами

Профессор Опперт повествует нам о том, что арка (*Calatropis Gigantea*), ластовень гигантский – растение с молочным соком, бурно произрастающее по всему полуострову, «если его использовать благоразумно при ковке железа, вносит большой вклад в превосходство индийской стали». Свойства этого растения хорошо известны первобытным алхимикам, врачам и ветеринарам, но об использовании его в обработке металлов я не слышал.

---

³⁷⁵ Некоторые авторы склонны обнаруживать шахматы и у римлян. Но если это было так, то где же имена шахматистов? Самое раннее упоминание из известных авторов встречается у Анны Комнины в «Алексиаде», когда Первый крестовый поход принес некоторую пользу, смешав миры Востока и Запада.

Рис. 239. Скульптуры Пешавара

Лейтенант-полковник Поллок (Мадрасский корпус) описывает, к сожалению без иллюстраций, бирманский «далвел» или боевой меч как «отвратительное двуручное оружие с клинком длиной около двух футов, острым как бритва». Также он упоминает «дха», или «дхау», – нож шести футов длиной, одинаково подходящий и для бытового использования, и для нанесения колющих ударов.

Глава 11 МЕЧ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ; ГОМЕР; ГЕСИОД И ГЕРОДОТ; МИКЕНЫ

Геродот писал (II, 53): «Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше как лет за 400 до меня». Это дает нам датировку между 880-м и 830 гг. до н. э. Вопросы о том, жили ли эти поэты в одно время, приходились ли родней друг другу, да и существовали ли они вообще, постоянно вызывают сомнения; одни утверждают, что Гесиод жил раньше, другие – что на двести – триста лет позже «слепого милезийца, именуемого в ту пору Гомером»; следует рассматривать Гомера как одного из гомеридов – героя-прародителя бардов, автора «Илиады» и «Одиссеи».

Если датировать, вместе с доктором Шлиманом, Троянскую войну примерно 1200-м 376 годом до н. э., то получается, что Гомер, согласно «отцу истории», жил около четырех веков спустя после войны, которую воспевал.

«Как бы мне хотелось доказать, что Гомер был живым свидетелем Троянской войны! Увы, я не могу этого сделать. В его время повсеместное распространение получили мечи и было уже известно железо, в Трое неизвестное совершенно 377. Кроме того, та цивилизация, которую описывает Гомер, на несколько веков более поздняя, чем та, которую я раскопал. Гомер приводит легенду о трагической судьбе Илиона в том виде, в каком она перешла к

---

376 Самая ранняя из датировок знаменитой победы – 1370 г. до н. э. (Юстин приводит дату 1184 г.), а самая поздняя – 724–636 гг. до н. э. Доктор Шлиманн считает, что предполагаемая дата основания города – 1400 г. до н. э.; что война произошла после правления шести царей, то есть в 1200 г. до н. э.; и что Гомер жил 200 лет спустя после разрушения города, то есть в 1000 г. до н. э. Таким образом, мнения Геродота и доктора Шлиманна в этом вопросе не сходятся – да и как они могут сходиться?

377 Или правильнее было бы написать «до сих пор не обнаруженное»?

нему от бардов-предшественников, «одевая истинные факты войны и разрушения Трои в одежды своего времени»³⁷⁸.

Что касается металлургии, то священные барды и герои Эллады, чей труд сформировал Священное Писание³⁷⁹ Греции, жили в расцвете медного века и на заре железного. Металл еще не отливали, его обрабатывали примитивным образом – молотом³⁸⁰; бытовало два способаковки – «холос-фиратон»,ковка из цельного куска, и «сфиратон» – пластинчатаяковка. Отливку и спайку изобрели (среди греков), согласно Павсанию и Плинию, вскоре после Гомера самиане Рекус и Теодорус. Последний, живший между 700-м и 800 гг. до н. э., мог быть первым, кто стал использовать литье, столь хорошо известное в Египте и Ассирии. Сочленения могли соединяться обычными механическими средствами³⁸¹, а служащие украшением пластины крепились к стенам и полам гвоздями и заклепками. Представление о том, что укреплением могут служить медные своды-купола, известно Пиндару, как и авторам «Илиады» и «Одиссеи» (III, 2). Тартар, впоследствии Ад, имел похожие пороги, а у Еврипидова Атласа были медные плечи.

Узоры наносились с помощью гравировочных резцов на домашнюю утварь (кубки, миски, котлы и треножники); на священные храмовые вазы; на трубы, оружие и доспехи. Помимо медной жаровни, мы находим также и золотолитейный станок, с помощью которого были позолочены рога быка.

Барды-гомериды и Гесиод хорошо знакомы с железом и сталью в ее различных формах – «цианус», «адамас» и «халипс». Упоминается семь металлов, «хафт-джуш» («семь кипений»), о которых стало известно из Египта. Остужение в воде, закалка, хорошо известно и в «Одиссее», как мы видим из описания выжигания глаза Полифему:

Так же, как если кузнец топор иль большую секиру
Сунет в холодную воду, они же шипят, закаляясь,
И от холодной воды становится крепче железо, –
Так зашипел его глаз вкруг оливковой этой дубины³⁸².

И несомненно он знал, что сталь можно размягчить простым постепенным нагреванием. «Сидерос» – это обычное кованое железо, так что мы видим σιδήρεον для железного века и σιδήρος πολίος, что следует переводить как «железно-серый». «Черный цианус»³⁸³ (темно-синий), упомянутый в «Илиаде», может быть плавленной или

---

³⁷⁸ Доктор Шлиман. Илиада.

³⁷⁹ Арабская, или, скорее, вообще мусульманская практика чтения Корана может объяснить древнегреческую. Его можно читать двумя способами: обычным, как будто это простая книга, и ученым – с особыми интонациями (кира-ат), которых существует около семидесяти. Подобная искусная модификация существовала и у индийцев. Эллины тоже либо читали труды своих писателей, Гомера и Гесиода, с обычными бытующими в языке ударениями, либо интонировали по ритму. Предположение о том, что люди могут писать ударения, не произнося их вслух, принадлежит к числу тех диких теорий, в которые может поверить только варвар. Кроме того, известно, что еще в XI веке в Греции были авторы, писавшие без какого-либо выделения ударений или ритма.

³⁸⁰ Инструментами, известными «Илиаде», были «центральноафриканские» молот, наковальня и мехи (Илиада. XVIII, 477; Одиссея. III, 434–435).

³⁸¹ К примеру, полосками ткани, завязками, заклепками, булавками, фибулами и остриями.

³⁸² Приведен русский перевод Гнедича.

³⁸³ Доктор Шлиман уверенно и постоянно переводит «цианус» (кианус) Гомера как «бронзу» (предисловие к «Микенам»). Милин («Гомерическая минералогия») считает, что это олово. «Цианус» Плиния – это лазурит.

искусственной сталью, сделанной с целью имитации природного синего камня, или лазурита. Адамас Гесиода, который определяет таким образом железо критских «идейских дактилей», кажется, был белым закаленным металлом; в то время как сталь, как таковая, либо дала имя хорошо известным «халибам», либо сама получила от них свое название. То, что более твердая сталь встречалась нередко, можно понять из предписания: «на праздничном обеде в честь богов не подрезать яркой сталью пять пальцев», т. е., например, не обрезать ногти за обедом. Так, описывая битву кораблей в «Илиаде», Гомер упоминает «огромный корабельный шест» двадцати двух локтей в длину с железными шипами и везде говорит о «столике с ножками из «циануса».

И все же основным металлом для производства оружия и доспехов была медь. Геракл, щит которого был сделан из алебастра (а не из гипса), слоновой кости, электрона (сплава металлов) и (чистого) золота, вооружен был «коротким копьем с наконечником из сверкающей меди»; к плечам он пристегивает «меч, спаситель от разрушения»; контекст позволяет предположить, что меч был сделан из того же материала. «Честнорукий сын Данаи, всадник Персей» имеет медный меч с железными ножнами, висящими на ремне ³⁸⁴. Щит Аякса «из семи шкур» был сделан из меди, а не «окован латунию», как пишет лорд Дерби. Ягням при жертвоприношениях перерезали горло «жесточкой медью», и Венеру Диомед преследует с тем же оружием. Гефест изготавливает для Ахилла щит из золота и серебра, меди и олова; доспехи хитрого Диомеда сделаны из меди – он поменял их на золотые, получив «стоимость ста быков за стоимость девяти».

В «Илиаде» ближнему бою отдается преимущество перед использованием оружия дистанционного поражения. Как отметил Страбон, герои Гомера всегда начинают свои поединки с метания оружия, а затем берутся за мечи. Но Оружием с большой буквы является лишь последний; соперничало с ним разве что копье. Так, обученных в Египте аргивов оскорбляют, называя «метателями стрел», а Диомед поносит своего врага как «лучника и женоподобного мужчину». Такого рода насмешки и сейчас бытуют среди диких племен.

Меч у Гомера имеет пять имен. Первое – «халкос» (медь – возможно, основной металл, из которого мечи изготавливались); использование этого слова похоже на применение латинского «*fergum*». Второе – «ксифос», слово, тоже имеющее видовой смысл в римской поэзии и прозе; уменьшительное от него – «ксифидион». Третье – «фасганон», произносящееся как «фасгханон», а четвертое – «аор». Фракия ³⁸⁵, с давних пор славившаяся своими ремеслами, производила большую часть этих клинков, и они были самыми лучшими по качеству. В руках троянского князя Эленоса мы встречаем фракийский «ксифос», возможно стальной, «красивый и длинный»; а Ахилл на тризне предлагает в качестве приза фракийский фасганон, украшенный серебром. Этот герой достает свой могучий ксифос из ножен, чтобы наброситься на Агамемнона, но по настоянию Афины, «все еще держа тяжелой рукой рукоять, вложил Великий Меч обратно в ножны». Ксифос, украшенный серебром, встречается во многих местах, а один такой меч, с золотой рукоятью и серебряными ножнами, принадлежит Агамемнону. «Элос» Гомера, обычно переводимый как «заклепки» или «гвозди», применялся и к шишкам, которыми прерывалось ребро жесткости или которые встречались на клинке возле рукояти ³⁸⁶. Парис вешает на плечо медный ксифос с серебряными шишками. Менелай тем же оружием отрубает врагу фалос – гребень шлема, в котором крепился конский хвост. Патрокл, вооружаясь, вешает на плечи

---

³⁸⁴ Это упоминание позволяет установить датировку изобретения металлических ножен.

³⁸⁵ Даже в армии Персея, как пишет Ливий, фракийцы время от времени шли первыми, сверкая мечами огромных размеров.

³⁸⁶ Плоские заклепки все еще используются при креплении к клинку в современной Африке.

медный ксифос с серебряными шишками, а у Ахилла – ксифос с большой рукоятью. Пенелей и Ликон, не попав друг в друга копьями, бросаются друг на друга с ксифосами, которые здесь снова называются «фасганон»; но оружие Ликона ломается у рукояти – «caulis», а ксифон Пенелея «вошел в тело; голова обмякла и все члены ослабели». На щите Ахилла Гефест ³⁸⁷ изобразил юношу с золотым ксифосом, висящим на серебряных ремнях.

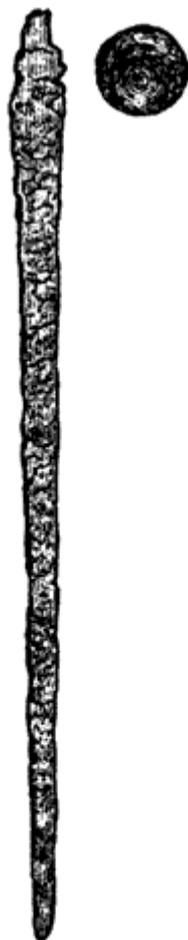

Рис. 240.
Обоюдоострый
бронзовый меч
с алебастровой
головкой эфеса
(Микены)

Ксифону, прямому «кинжук-рапире», противопоставлялся, как мы сейчас увидим, *φάσανον*, кривой кинжал, возможно, представлявший из себя метательное оружие наподобие сакса и скрамасакса. Словари их часто путают. Фасганон, кажется, является чем-то вроде квази-*Σφάσανον*, эвфемизмом, как глагол *φασγάνειν* (сражать мечом). Корень его, очевидно, *Σφαγ*, что проявляется в словах *σφάγη* (разбить) и *σφάγειν* (сразить): существует также и форма *φάσανον* от *σφάσανον*. Это обоюдоострый клинок листообразной формы (*φάσανον ἀμφηκες*): именно такой клинок Фрасимед вручает Диомеду, и именно таким клинком убивают во сне Реза. Слово это встречается часто: упоминается фасгана с массивной черной рукоятью; обычный фасганон встречается в «Одиссее» у Пиндара. Еще в одном отрывке «Илиады», однако, это уже *большой* фасганон.

---

³⁸⁷ Так, Аристофан упоминает меч, который выковал Гефест и который боги вручили Пелею в награду за то, что тот устоял перед соблазнами Аталанты.

Четвертый термин – *ἄορ* ³⁸⁸; обычно принято считать его словом исключительно поэтического назначения. В новогреческом языке это слово отсутствует. *Аор*, кажется, обозначал широкий, мощный, прямой клинок. В «Одиссее», достав из ножен острый *аор* (*ἄορ οἴον*), Улисс выкопал канаву шириной в локоть, а Гектор разрубил надвое ясеневое копьё Аякса. В «Илиаде» автомедон тоже владел длинным *аором*. *Аор* является и оружием Нептуна, сотрясающего землю, «страшным, сужающимся к концу мечом», «подобным молнии, с которым никто не решается вступить в смертельный бой». У Феба – Аполлона тоже золотой *аор*. Здесь мы видим пример поэтического слова с размытым значением, потому что в данном случае оно означает золотой лук и колчан со стрелами, которые бог носит на левом плече.

Пятое слово Гомера – это *Μάχαϊρα*, которая висела на едином ремне рядом с ножнами и использовалась для жертвоприношений и тому подобных целей. Впоследствии она стала популярной среди спартанцев; тогда это был кривой клинок, в противоположность прямому ксифосу. И опять же у Плутарха и других авторов, кажется, «махера», как и «спата», обозначает меч с длинным прямым клинком. Гомер не упоминает *κοπίς*, но Еврипид использует это слово в связи с «махерой».

Мы не должны ожидать столь же частых упоминаний о мече в «Одиссее», которая, с позволения мистера Сойса, появилась все-таки позже, чем «Илиада». В ней больше образов и меньше движения, больше единства и меньше отклонений, и, в конце концов, меньше сражений и больше красоты и цивилизованности. Но сам «Отиссефс», «человек, разгневавший многих», был воином, и он не забывает свое прежнее ремесло. Вдобавок торговля еще оставалась в те времена вооруженным обменом, а путешествия оживлялись пиратами. Медь, главный металл, продолжала составлять собой основу металлургии, и главный герой приобретает ее в огромных количествах (это помимо золота, серебра и электрона). В «Одиссее» Эвриал говорит Алсиною, что умиротворит гостя (Улисса), подарив ему меч с серебряной рукоятью и ножнами из слоновой кости. Женихи убивают Телемаха «острой медью». В финальной битве, кульминации всей поэмы, Эвримах достает свой острый медный меч и призывает друзей сделать то же самое, а от быстро летящих стрел прикрываться столами. В «Мышах и лягушках» копьем служит длинная медная иголка «работы Марса».

Кованое железо известно и «Одиссее», и «Илиаде». Афинемент ³⁸⁹ плывет через темные моря на Темезу (Темессус) за медью, а привозит обратно также и сверкающее железо. То же делает и Менелай ³⁹⁰. «Жестокое железо» уравнивает «жестокую медь». «Железо с длинным острием», столь смертельное для троянцев, – это, очевидно, копьё, с метания которого начинались поединки. Осторожная Пенелопа кладет рядом с собой наготове лук и «серое железо» против женихов, а во дворце есть склад кованого железа. Топор, заточенный с обеих сторон, сделан из меди, но вот те топоры, сквозь кольца или отверстия в которых должны были лететь стрелы с медными наконечниками, делались из железа. В «Одиссее» утверждается, что «железо само притягивается к человеку». Это утверждение повторяется везде теми же словами. А меч не единожды упоминается без указания материала.

В «Гимне Гермесу» бог Меркурий вскрывает панцирь горы скальпелем из серого железа. Глифанус – это инструмент для резьбы, зубило или нож для заточки палочек для письма.

---

³⁸⁸ Санскритологи считают, что изначально это *ἄσορ*, и считают его происходящим от «аси» («меч»); отсюда и «асик» («меченосец»). Возможно, он связан с *αἰῆλο*, поскольку носился на плече, на портупее.

³⁸⁹ Одиссея. I, 180.

³⁹⁰ Одиссея. IV, 83–84.

Спор о том, были ли так называемые поэмы Гомера записаны или передавались устно, все еще ожидает разрешения. Мы дважды встречаем слово *υρίφειν*, но его первичное значение – «отмечать», «резать» и только потом – «писать». Так, Аякс, подписывая (*επιγράφας*) жребий, мог просто нацарапать на нем: «жребий Аякса». Хотя против письменной версии веских аргументов нет, есть только в ее пользу.

Гораций, который был не только великим поэтом, но и вообще гением, упоминает о письменности во времена Гомера и утверждает, что первые своды законов вырезались на дереве (*leges incidere ligno*). Геродот сообщает о том, что он сам видел кадмейские (т. е. древнефиникийские) буквы; традиционно считается, что Даная взяла буквы из Египта, где, повторяю, и был изобретен тот единственный алфавит, которым пользуется весь мир. Доктор Шлиман («Троя», приложение редактора) нашел на глубине семи с половиной метров (двадцать пять футов) под так называемой «Троей Гомера» множество коротких надписей «древними кипрскими знаками»; не меньшее количество греческих надписей было найдено в Микенах. Очевидно, «Илиада» и «Одиссея» могли быть вырезаны грубыми финикийскими знаками на деревянных таблицах или выцарапаны на свинцовых пластинах. Профессор Поли датирует письменного Гомера 400 годом до н. э; но это уже другая сторона предмета.

Геродот является результатом деятельности Гомера, или, если вам угодно, гомеридов и Эсхила. Труды этого «рапсода-прозаика» являются не только работами по истории, логографии, этнологии, изучению древностей, записями путешествий, но и, в конце концов, эпосом и драмой. Они несут в себе романтически-героический настрой эпоса: в них есть совершенно эпическое единство действия, могучие кампании вторжений и частые отступления от темы, помогающие понять все тот же первичный предмет разговора. Это трагедии в сценическом смысле этого слова (например, рассказ о Ксерксе), в описании божественных действий, круга Необходимости, идеи о возмездии и зависти богов (*Deus ultor*); кульминацией является разгром персов в «Каллиопе», возвращение победителей домой и мрачные финальные сцены. Завершается этот труд эпиграммой, своего рода «*Vos plaudite*»: «Персы... выбрали жить хозяевами бесплодных земель, а не возделывать плодородную почву и быть при этом рабами». Все это написано с одной четкой целью, и разумная хронология заимствована из Египта. Есть, конечно, и поэтические преувеличения – это огромные цифры. Невообразимо огромное войско из пяти миллионов двухсот восьмидесяти трех тысяч человек ³⁹¹ и тысячи трехсот двадцати восьми трирем, которое было разгромлено горсткой греков численностью девять тысяч человек и триста семьдесят восемь кораблей, конечно, взято из воображения. Современная мысль, настроенная философски и скептически, вряд ли будет удовлетворена, пока эти подробности не будут подтверждены письменными свидетельствами того времени, например, надписями Бехистуна, которые являются комментариями к «Талии». Эллада всегда была, есть и будет, благодаря своему могучему интеллекту и превосходному воображению, «*Graecia mendax*». Восточные историки ничего не сообщают нам о великолепном нашествии персов. Вполне можно считать, что имело место мощное вторжение, возглавляемое неким могущественным сатрапом ³⁹², который вознамерился разрушить находящееся на западе осиное гнездо, но не более того. Просто невероятно, чтобы Великий царь, глава сверхдержавы того времени, повел на такую скромную цель миллионы воинов – цвет Азии, чьи описания наиболее лестны из описаний всех, чем мы располагаем и кого отец истории сам считает ни на йоту не уступающими грекам в отваге и доблести. И за это неверие я прошу прощения у тени Геродота.

---

³⁹¹ Геродот. VII, 186.

³⁹² От слова «кшатрам» («корона», «править») и «па» («защитник»). Это вице-короли Малой Азии, которые иногда управляли и не одной провинцией, принимали и отправляли посольства, облагали налогом толпы торговцев и даже вели войны без приказа на то Великого царя.

Этот поэт-историк приводит интересное описание меча скифов, которых греки и персы называют саками (шаками), или кочевниками ³⁹³. Согласно индийским легендам (например, легенде о Шак-ари, «враге шаков», как история именует Викрамадитья (79 г. до н. э.), саки были «туранцами» – монголами или татарами. Говоря о том, что они поклонялись Аресу – Марсу, Геродот, возможно, имел в виду их поклонение знаку войны, железному кинжалу. «Клинок из древней стали, – пишет Геродот, – помещался на вершину каждого такого кургана (холма с плоской вершиной из кустарника площадью в три фарлонга) и служил образом Марса; ежегодно ему приносились жертвы». В жертву приносились коровы, лошади и один процент пленных. «Сначала на голову им выливалось вино, затем их убивали над сосудом, который потом поднимали на вершину холма и кровь выливали на акинак» ³⁹⁴. В скифских могилах русской Киммерии (Крыма) и Татарики эти мечи по большей части бронзовые. Однако доктор М. Ферсон нашел и один железный (1839 г.) в большой могиле в Керчи, древнем Милезийском Пантикапее, получившем свое название по названию реки Антикапеи ³⁹⁵; это был короткий колющий клинок, похожий на древнеперсидские, с ребром жесткости и кривой рукояткой. Во времена Аттилы меч, являющийся одним из древнейших видов оружия скифов, если верить грекам, встречался редко и был предметом поклонения. Чингисхан, взойдя на трон, произвел такую процедуру жертвоприношения, которую, однако, нельзя назвать «монгольским обрядом» ³⁹⁶. Кажется, этот обычай является общим для сарматов (северных мидян и славян), аланов, гуннов и степных кочевых племен.

Скифы и клялись также знаком Марса. Геродот пишет (IV, 70): «Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу помещают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» ³⁹⁷. В «Анабазисе» греки приносят клятву, погружая меч в жертвенную кровь (варвары вместо меча используют копье).

---

³⁹³ Геродот. VII, 64.

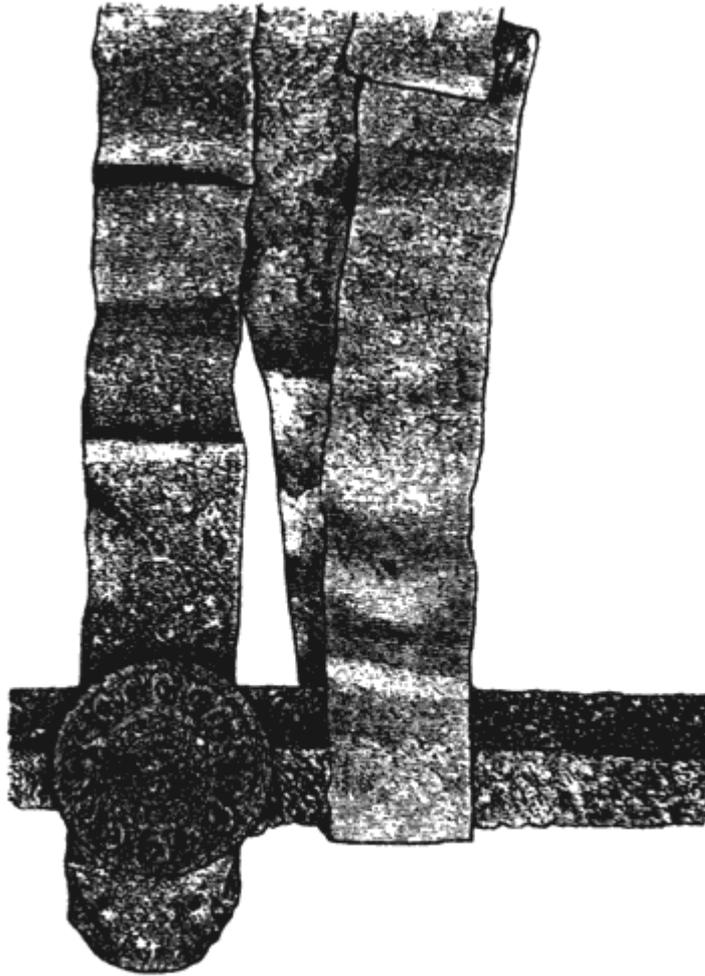
³⁹⁴ Это слово некоторые ошибочно переводят как «ятаган», однако возникновение последнего в его окончательной форме датируется началом исламской эры.

³⁹⁵ Роулинсон в своем труде «Геродот» приводит план гробницы, где в могиле вождя были найдены также золотой щит, кнут, лук, чехол для лука, пять статуэток и железный меч. Сбоку от него лежали кости женщины, с диадемой и украшениями из золота и электрона. В других курганах России и Татарики были найдены тела, положенные на листы чистого золота весом фунтов по двести, с бронзовым оружием, украшенным рубинами и изумрудами. Встречающееся у Геродота описание скальпирования (IV, 64) можно применить к современным североамериканским индейцам; а отправка вестника к Салмоксису, богу геттов (IV, 94), до сих пор имеет аналоги в Дахоме и Бенине.

³⁹⁶ Слово «монгольский» относится к одному конкретному народу; неспециалисты в востоковедении сплошь и рядом используют этот термин неправильно.

³⁹⁷ Перевод Г.А. Стратановского.

Этот процесс «смешивания крови» является обрядом братания и знаком всем путешественникам по языческой Африке.

Рис. 241. Золотая перевязь с фрагментом обоюдоострой бронзовой рапиры (склеп № 1)

Это то, что касается авторов древности; теперь посмотрим, насколько их подтверждают современные авторитеты. Наибольший интерес представляют раскопки доктора Шлимана в Микенах, поскольку все находки он считает совпадающими по времени с сожжением Трои; это позволяет нам сравнить Микены периода их процветания с Троей периода упадка. Энергичный исследователь утверждает, что в качестве материала для оружия и предметов обихода использовалась медь, и вообще считает ее главным металлом этих героических лет. Не найдя олова ни в Микенах, ни в богатых медью слоях в Гиссарлыке (Трое), он пришел к выводу, что, поскольку у Гомера неоднократно встречается упоминание «касситерона», значит, бронзу греки ввозили извне, соответственно, она встречалась редко и была дорога. К сожалению, анализа тонкой медной проволоки, на которой висели нагрудные украшения, он не проводил.

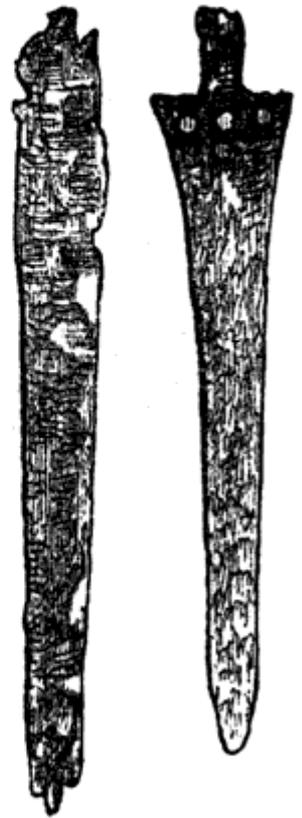
Рис. 242. Склеп № 1, Микены

Рис. 243. Длинная золотая пластина

Рис. 244. Это не боевые топоры

Рис. 245. Клинки мечей (склеп № 1, Микены)

Новые ощущения возникают, когда вместе с доктором Шлиманом спускаешься в древние микенские гробницы, где одновременно (?) хоронили по шестнадцать – семнадцать тел. Склеп № 1 приписывают Агамемнону и двум его глашатаям. Там было добыто множество интересных предметов, из которых стоит отметить золотую перевязь, украшавшую мумию. На моем рисунке она изображена прикрепленной к фрагменту обоюдоострого меча. Между средним и крайним телами лежала груда сломанных бронзовых клинков, которые могли представлять шестьдесят целых мечей; на некоторых имеются следы позолоты, а у нескольких на рукояти золотые булавки. Два клинка лежат справа от тела, и их орнаменты поразительно напоминают описания из «Илиады». Рукоять большего меча (№ 460) сделана из бронзы, инкрустированной золотом; широкая пластина из того же металла, обработанная таким же образом, охватывает плечи меча. Деревянные ножны его были, похоже, снабжены золотыми заклепками и длинной широкой пластиной (рис. 244) в форме человеческой фигуры, с кольцом, исходящим из шеи. Второй меч, сделанный похожим образом, кажется, был еще богаче. Доктор Шлиман считает № 463 (рис. 245) замечательным боевым топором; четырнадцать таких были найдены в «Троянской

сокровищнице». Это явно клинок меча, и то же самое можно сказать и о № 464, 465 (рис. 244).

На расстоянии чуть больше фута справа от мумии были найдены одиннадцать бронзовых мечей; два из них вполне сносно сохранились, оба имеют необычный размер – два фута десять дюймов и три фута два дюйма. Золотые пластины деревянной рукояти меча, имеющиеся на этом оружии, крепились к головкам рукояти двенадцатью булавками из того же металла с большими круглыми булавочными головками. Тело, находящееся на южном краю склепа № 1, было обложено пятнадцатью бронзовыми мечами, из которых десять было сложено у ног. Деревянные ножны в основном все сгнили, но украшавшие их как книжный переплет золотые заклепки или оклады так и лежат среди останков владевших ими воинов.

Почти столь же интересен в плане представленных там мечей и склеп № 4. Ведя раскопки с востока на запад, исследователи наткнулись на кучу бронзовых клинков, более чем в двадцать штук, на большинстве из которых можно было обнаружить следы деревянных ножен и ручек. Плоские круглые куски дерева и маленькие щитообразные или кнопкообразные золотые диски с инкрустацией, кажется, были вклеены по обеим сторонам ножен; самые большие находились на широком конце, и, постепенно уменьшаясь, они определяли ширину ножен. На деревянных ручках были похожие пластины из инкрустированного золота; остальное пространство покрывалось золотыми булавками, а большие деревянные и алебастровые головки мечей крепились золотыми гвоздями. Количество чистой золотой пыли не оставляет сомнений в том, что рукояти и ножны были позолочены. Кузнецы того времени явно не умели золотить серебро; они сперва покрывали его медью, а затем уже медь покрывали золотом. Золотой цилиндр (№ 366), украшенный с обоих концов широкой волнообразной полосой, а по окружности – узором из переплетающихся спиралей (все это было выгравировано), возможно, был частью деревянной рукояти меча. Посередине лежит ряд булавочных ушек, рядом четыре плоские булавочные головки, посреди которых – головка большой заклепки, которой все и крепилось.

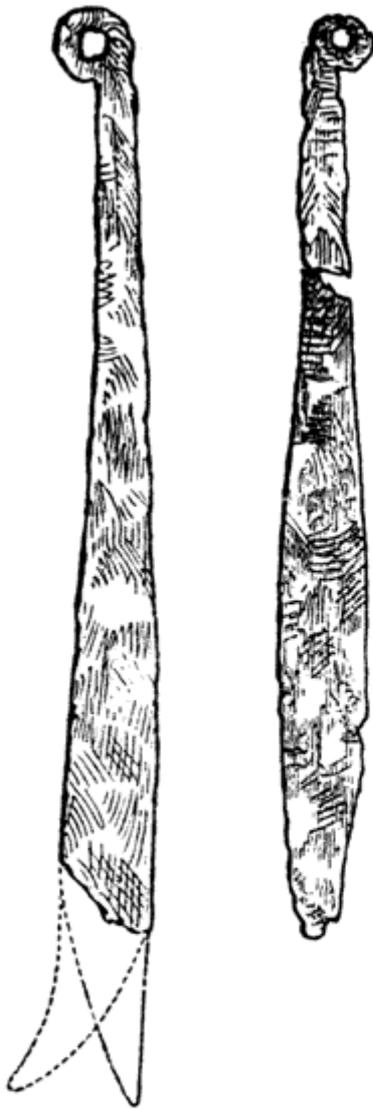

Рис. 246. Склеп № 4,
Микены

Рис. 247.
Бронзовый
наконечник
копья (?)

Рис. 248. Обоюдо-
острый бронзовый
меч и кинжал
(склеп № 4,
Микены)

В склепе № 4 тоже было найдено сорок шесть бронзовых мечей в более или менее фрагментарном состоянии. Десять из них были короткими и односторонними; их цельнометаллические части имеют длину от двух футов до двух футов и трех дюймов. Рукояти их слишком толсты, чтобы предполагать, что на них нанизывались деревянные ручки; на конце хвостовиков у них кольца для подвешивания к «теламону» или к ремню. Один клинок, напоминающий тесак (рис. 246), имеет форму, явно заимствованную из Египта, обломан на конце, и каково было его окончание, так и неизвестно. Второй клинок (рис. 246) имеет обычную листообразную форму. Доктор Шлиман считает, что они являются *φάσαγον* Гомера, которые он считает «тем же самым, что и ксифос или аор». В этом я осмелюсь с ним не согласиться, считая, что *φάσαгон* – это короткий египетский меч с клинком в виде бумеранга, пригодный как для метания, так и для рубки.

Обуюдоострое оружие с длинной узкой трубкой считалось кинжалом, а полость внутри него – предназначенной для облегчения. С моей же точки зрения, это наконечник копья, что доказывается и прикрепленным к нему кольцом (рис. 247). Фрагментарный двусторонний бронзовый клинок (а, рис. 249) имеет ребро жесткости, прерываемое зубцами, либо декоративными, либо предназначенными для расширения раны; такие же зазубрины

имеются и еще на одном оружии (б, рис 249), которое предположительно является кинжалом. Предмет № 446 – короткий обоюдоострый клинок, на плечах которого с обеих сторон имеются четыре большие плоские головки золотых иголок. По всей середине клинка с обеих сторон тянется золотая пластина, и в середине его, так же как и в конце, видны остатки деревянных ножен.

Вот мы и подошли к самой потрясающей части коллекции. Она недвусмысленно подтверждает правоту выводов доктора Шлимана, – если только эти клинки ³⁹⁸ не принадлежат (а они могут!) к более позднему периоду, – что высшая форма меча, которая распространилась у нас в XVI веке, была уже известна в 1200 году до н. э. Это любопытное замечание о том, насколько быстро можно достичь совершенства в «белом оружии» по сравнению с медленным прогрессом оружия огнестрельного, которому пришлось ждать изобретения самовоспламеняющегося заряда. На пластине № 445 приведен обоюдоострый клинок с ребром жесткости, фактически рапира, которую можно было использовать только как общее оружие. Длина ее – два фута семь дюймов (б, рис. 250), а кверху ее присоединены останки деревянных ножен. Нижний конец другого клинка (а, рис. 250) имеет три плоские золотые булавки на каждой стороне. Хорошо сохранился и № 448, длина которого – два фута десять дюймов; сбоку от него лежит алебастровая головка рукояти (рис. 249). У № 449 сохранилась часть рукоятки, покрытая золотом и прикрепленная золотыми булавками. По всему клинку идут вертикальные линии гравировки; с ними клинок выглядит по-настоящему красиво.

---

³⁹⁸ Йенс не может снять подозрения, что многие предметы оружия, имеющие отчетливо восточное происхождение, являются не атриданскими, а карийскими. Это племя примерно в XIII веке до н. э. распространилось под владычеством мифического царя Мидаса по всему Эгейскому архипелагу и колонизировало даже греческое побережье. Такие слова, как «гиметтос», «ликабеттос» и т. д., предположительно являются карийскими. Символом их богов был двусторонний топор, столь распространенный в Микенах; как заявил Фукидид, в их обычаях было хоронить оружие вместе с умершими, между тем как у греков такое не практиковалось.

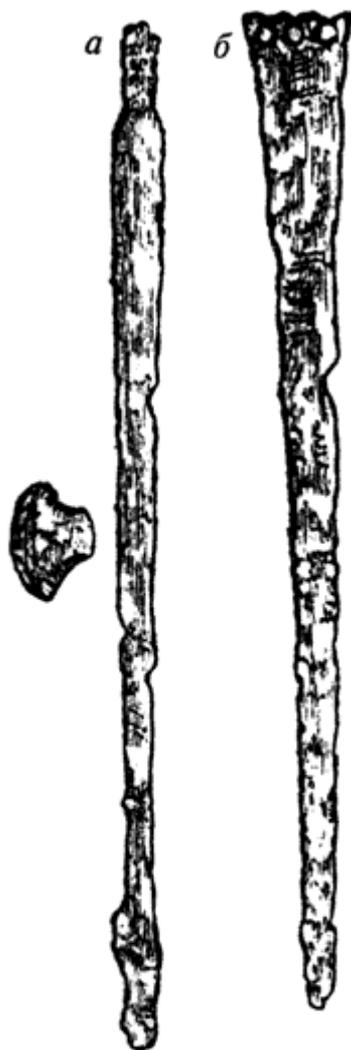
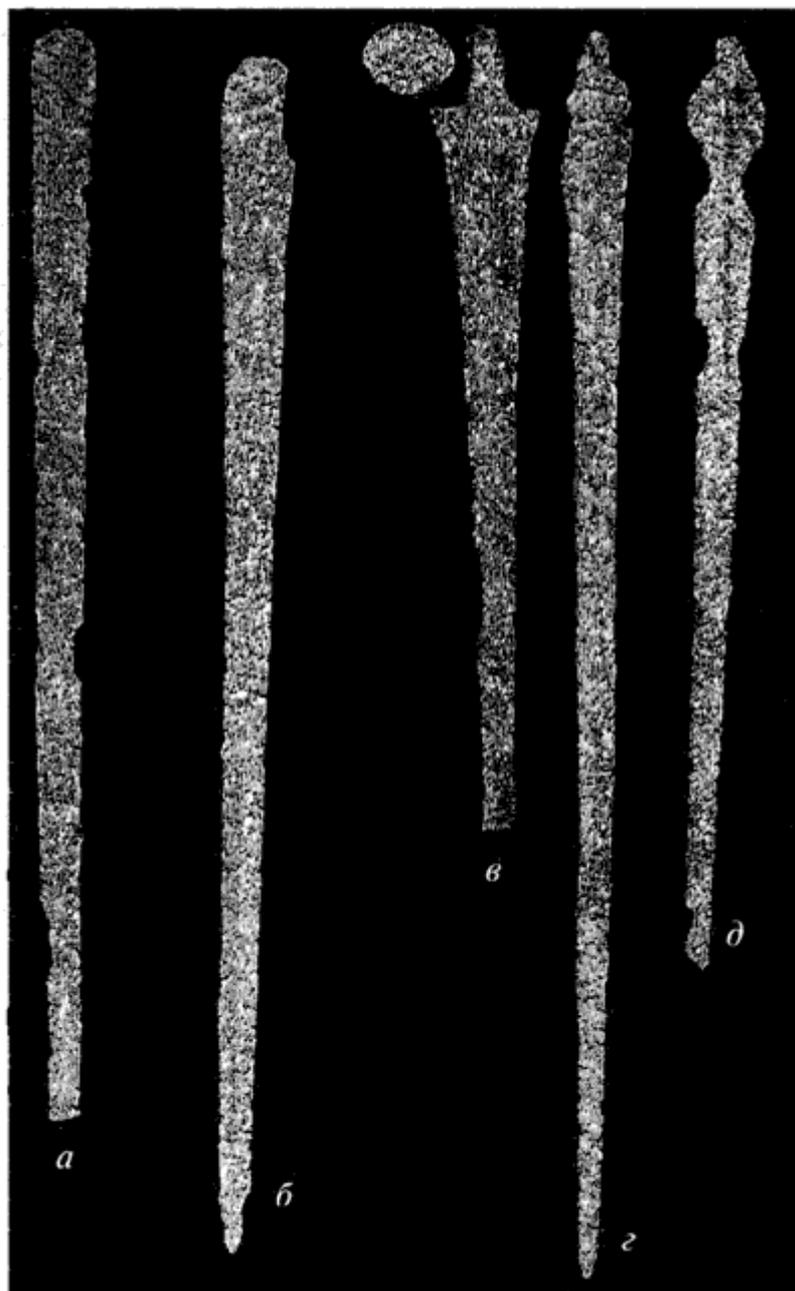

Рис. 249. Обоюдо-
острые бронзовые
мечи и алебастровая
шишка (склеп
№ 4, Микены)

Доктор Шлиман отмечает, сколь длинны эти клинки (некоторые из них были длиннее трех футов) и сколь они при этом узки. И добавляет: «Насколько мне известно, ранее оружие такого вида никогда не обнаруживалось». Я бы указал ему на этрусский клинок из Виллановы, описанный в главе 8.

В четвертом склепе были найдены также и три золотые перевязи. № 354 имеет в длину четыре фута и полдюйма и один и семь восьмых дюйма в ширину (рис. 241). С каждой стороны полосы имеется узкая каемка, созданная путем заворота золотой пластины: поле ее занято рядом розеток, где шесть овальных лепестков окружают центральный диск, а вся розетка целиком окаймлена точками. С одного конца – два отверстия, похожие на стекла от часов; они служили для пристегивания, как показывает небольшое отверстие и два разреза. Второй «теламон», плоская полоса четыре фута шесть дюймов длиной и два фута два с третью дюйма шириной, по предположению исследователя, предназначался для похорон – он слишком тонок и хрупок для того, чтобы его можно было носить. К некоторым клинкам были все еще прикреплены частички хорошо вытканной ткани, которые исследователь считает ножнами. Аборигены Индии и других жарких и влажных местностей, как я уже упоминал, обматывают свои клинки пропитанными жиром тряпками. Видим мы и золотую

кисточку, которую предположительно подвешивали к вышитому поясу.

Рис. 250. Микенские рапиры

На первом из надгробий, обнаруженных в Акрополе над склепами, изображен (крайне примитивно) охотник, стоящий на колеснице, запряженной одним конем; в правой руке он держит длинный широкий меч. На втором надгробии мы видим обнаженного воина, который в правой руке держит голову лошади, а в левой поднимает обоюдоострый клинок (рис. 251). Доктору Шлиману эта фигура кажется «полной боли»: голова изображена в профиль, а тело – практически лицом к зрителю. Охотник-колесничий держит в левой руке меч в ножнах, что-то типа длинного кинжала, оканчивающийся большой круглой головкой. В могилах было найдено много подобных предметов, и автор привлекает внимание к размеру «шишек» над кольцом печати. Большая часть из них сделаны из дерева или алебастра (рис. 281), содержат в себе золотые гвозди и часто окованы драгоценными металлами. Я бы предположил, что шар из полированного горного хрусталя (№ 307), с просверленными в нем отверстиями, найденный в склепе № 3, и предмет с большим устьем (№ 308), выкрашенный изнутри в красный и белый цвета, тоже являются головками эфесов мечей.

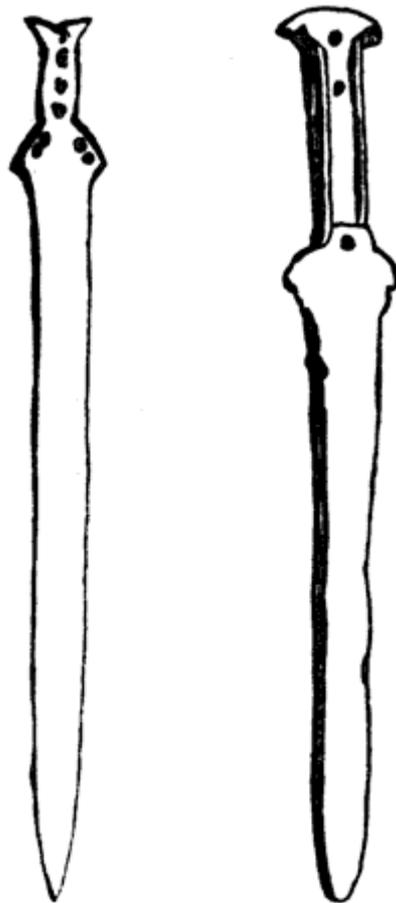
Рис. 251. Воин с мечом

В сокровищнице были найдены также «пять медных или бронзовых клинков без украшений» с кольцами из того же металла. В большом циклопическом доме, который неутомимый исследователь отождествил с дворцом Атридов, был найден прямой, обоюдоострый бронзовый меч колющего действия; плечи его имеют четыре просверленных в них отверстия и столько же отверстий в хвостовике, чтобы к нему крепилась рукоять (рис. 252). Рукоять делалась из различных материалов – дерева, кости, янтаря, горного хрусталя и алебаstra, часто оковывалась металлами, особенно драгоценными. Есть шесть примеров последнего, все богато украшенные выгравированными на них кругами, спиральями, обвязками и раковинообразными узорами.

Общее представление о том, что Гомер не знал процесса пайки ³⁹⁹, вызывает ненужный интерес к большому бронзовому кинжалу, обнаруженному в склепе № 3 на глубине шести с половиной метров. Два клинка там прочно спаяны посередине (рис. 253). Еще один пример этой технологии мы встречаем в виде двух длинных узких пластин из тонкой бронзы, спаянных между собой и формирующих таким образом единую пластину, на которой присутствуют также барельефные украшения в виде сверчков (цикад).

---

³⁹⁹ Хотя паять железо умели уже в Египте при Восемнадцатой династии.

Рис. 252.
Бронзовый
меч, обна-
руженный
во дворце

Рис. 253.
Бронзовый
кинжал.
Два спаян-
ных клинка

Ювелиры Микен были истинными художниками. У них было много работы: доктор Шлиман оценивает стоимость одного металла найденных им предметов в пять тысяч фунтов. Восхитительным произведением является коза, похожая на ассирийскую или истрийскую, стоящая всеми четырьмя ногами на булавочной головке ⁴⁰⁰. Или вот еще – львенок (№ 365), очевидно вырезанный и отшлифованный. Как и в современной Индии, восхитительно исполнены в узорах круги, спирали и волнообразные линии; столь же примечательна оковка золотом деревянных пуговиц. В древнем греческом городе имелся также и свой характерный «завитковый» узор, в котором объединялись два или три (получался «декстрорсум» или «синисторсум») завитка вокруг единого центра; как минимум, два из них делались непрерывными – этот узор заслуживает названия «микенская спираль». Этот орнамент переходит от золотых украшений и надгробных камней Акрополя к «сокровищницам» гораздо более поздних времен.

Одна из гравировок по золоту представляет особый интерес, поскольку на ней изображен поединок – «мономахия». Справа стоит высокий безбородый (или выбритый) воин, на нем нет шлема, и одет он только в «рейтузы» и «шорты»; вес его тела целиком находится на левой ноге, а правая вытянута, как при выпаде; он почти что воткнул острие своего прямого кинжала в горло своему бородатому противнику. На одном из колец с

⁴⁰⁰ Коз в таком положении можно увидеть по всей Индии – там фокусники специально учат их стоять таким образом.

печатью изображен огромный воин, поваливший одного противника, обративший в бегство второго и закалывающий третьего коротким широким прямым клинком. Победенный пытается защититься длинным ксифосом. Возможно, сюжет этого изображения – «Тезей изгоняет воров». На золотой пуговице изображен квадрат из четырех ножей для жертвоприношения египетской формы.

Склепы характеризуются положением останков – умершие лежат головой на восток, – и неполной кремацией. Последняя свойственна Индии, хотя этот народ и считал «огненные похороны» «огненным рождением», при котором жизненное начало, именуемое «душой», освобождается от земных оков. Обязательные слои гальки, через которые к огню поступала тяга воздуха, отмечались также и в древней Этрурии⁴⁰¹. Единственным питанием, положенным умершим, были неоткрытые устрицы. Впрочем, остальное могло сгореть. Из предметов быта в гробницах были терракотовые кувшины и вазы (простые и крашенные), медные котлы, урны и кубки – одно- и двуручные, украшения из золота и электрона в форме фольги и окованного дерева, бусы из стекла и агата, заклепки и кнопки, кресты и нагрудники, двусторонние геммы и маски, короны и диадемы. Оружие все бронзовое – это топоры, стрелы, копья, ножи, кинжалы и мечи; в изобилии встречаются золото и сплавы. Можно с уверенностью сказать, что железа нет ни в микенском Акрополе, ни в троянском сгоревшем городе. А в шаблонах и конструкции некоторых предметов, особенно золотых трубок с прикрепленными спиралями, наблюдается замечательная схожесть.

Открытия доктора Шлимана подверглись массовой враждебной критике. В целом же они наглядно показывают, что микенские воины использовали три вида мечей – ксифос, фасганон и копис.

Микенский ξίφος – это длинный, прямой, рапирообразный клинок рубящего и колющего (caesim et punktim) действия; единственной гардой его является крестовина, которая, как и ножны, весьма впечатляюще украшена. Слово «ксифос» все еще применяется в новогреческом языке в отношении прямого клинка, в противоположность «спати» (Σπάτι)⁴⁰², сабле или палашу.

Φάσαγρον, или кинжал, который Мейрик, а иногда и сами древние путали с ксифосом, представляет собой прямой клинок по большей части листовидной формы и выказывающий свое происхождение от копья. Он редко бывает длиннее двадцати дюймов. В новогреческой поэзии это слово до сих пор применяется к ножам и кинжалам, похожим на ятаган. Мое представление о том, что фасганон был метательным оружием, не соответствует классическому, но основано на сходстве его клинка с сиксом и скрамасаксом.

---

⁴⁰¹ Однако этруски, как и евреи, клали умерших ногами на восток, как сказано в «Этрусской Болонье».

⁴⁰² Официально это слово считают производным от σπάω («рисовать»). Я же вижу корни его в египетском «сфт». Очевидно, оно родственно Σπάθη (уменьшительное σπάθιον, слова, которое тоже перешло в новогреческий, и глагола σπάθω – владею (оружием). «Спафе» обозначает в первую очередь широкий клинок из дерева или металла; во вторую – ткацкий шпатель или лопатку (латинское tela), лопасть весла, скребницу (для чистки лошадей) и палаш. Шотландцы до сих пор называют ткацкую доску, которая использовалась до гребня, «спате». Также это слово используется для обозначения палача у Тертуллиана и в ботанике. В англосаксонских языках это слово превратилось в «spad», исландское «spadi», английское «spade». Латиняне превратили его в «spatha»; отсюда и неолатинское «espee» и «ерее», «espada» и «spada». Подвергался смысл этого слова и другим искажениям; у Чосера (Рыцари. 1662) «спарт» – это боевой топор: «У него есть спат весом двадцать фунтов». Даже Йенс считает слово «спата» происходящим от «шпатель».

Рис. 254.
Фасганон

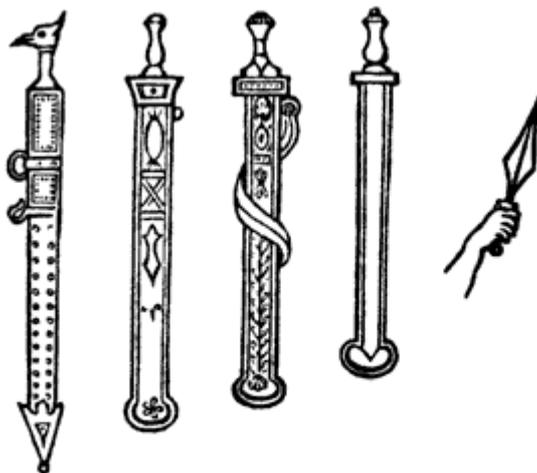

Рис. 255. Греческая фасгана

Рис. 256. Короткий
бронзовый меч (фас-
ганон), предположи-
тельно греческий

Κολίς, который Мейрик считает оружием греческим и который переводят обычно просто как «меч», я считаю происходящим от египетского хопша, чье внутреннее режущее лезвие он имитирует, лишь выпрямив изгиб. Авторы работ по хопшологии по большей части не осведомлены о его происхождении. Они следуют Ксенофону, который говорит о том, что его использовали персы и варвары, и Полибию, который утверждает, что персы использовали его еще до греков – в общем, считают его анахронизмом. Ученые отмечают, что на вазах он является оружием гигантов, а не богов и что амазонки сражались им против Геракла. Так, синьор Сороменью приписывает ему арабское происхождение, а полковник А. Лэйн Фокс – происхождение от римских легионеров. Последний автор действительно оспаривает тот факт, что «форма этого меча «явно производная от прямого листообразного бронзового меча, не более чем кривой разновидностью которого он и является». На самом же деле, как мне кажется, тут имел место обратный процесс. Экземпляры кописа встречаются редко; один из них найден в гробнице, которую считают римской, находящейся между Мадридом и Толедо; еще один оттуда же находится в Британском музее.

Особенность кописа в том, что у него, как я уже сказал, режущей кромкой является внутренняя, а не внешняя сторона изгиба; таким образом, следует предположить, что он использовался для колющих действий и «протянутых», а не прямых, рубящих ударов. Эта особенность была унаследована из Египта и долго являлась свойством греческих клинков.

Эта реликвия была найдена на острове Оссеро среди огромного множества бронзовых предметов – греческих римских, доисторических и протоисторических. У генерала Питт-Риверса есть бронзовый клинок из Коринфа – очень хороший экземпляр. Рукоять его имеет Н-образное сечение, диаметр головки эфеса – два с четвертью дюйма, а длина рукояти – три с половиной дюйма. Хвостовик отсутствует, лезвие начинается с выдающихся плеч; длина его – двадцать семь дюймов, а сечение – такое же, как у толедских рапир. Однако он имеет слегка листообразную форму. В Королевском арсенале в Турине (отдел Бомонт в северовосточной части) в стеклянной витрине находятся два греческих клинка. Один из них особенно интересен. Общая длина его – три с половиной фута; клинок имеет ребро жесткости; у него простая прямая крестовина, и рукоять его оканчивается вилкой, похожей на индийские «рога антилопы» и «скрученную рукоять» датских мечей.

Рис. 257

Рис. 258.
Копис с
головкой
рукояти

Рис. 259. Копис
с крюком

Рис. 260.
Гуркхский
клинок
куккри

Внутренняя кромка сохранилась с незапамятных времен в абиссинском мече – это огромный серп или маленькая коса. Он встречается в разных частях Африки, как явствует из «Путешествий» Барта. Его «даниско»⁴⁰³, который он переводит как «боевой крюк», используется народом крайне интересной местности – Адамава. Самым общепринятым оружием в тех краях является «голио», или клевец Магри, и нджига Багирми. Это тяжелый и неуклюжий бумерангообразный хопш.

Внутренняя режущая кромка свойственна в определенной степени албанскому ятагану и флиссе кабиллов; а после тщательной обработки, когда эта кромка увеличилась до формы полумесяца, это оружие превратилось в великолепный кора, или куккри, гуркхов, непальских горцев.

Рис. 261.
Даниско

Микенские находки не облепили нас вопроса о Аор и других формах греческого меча. Мы ничего не знаем о фракийской 'Ρομφαία, румпия Геллия (X, 25), который «А. В.» переводит как «меч». Большинство авторов считают, что это фракийское копье, вроде европейского «партизана», а «Словарь древностей» Смита описывает его как длинное копье, похожее на сариссу, с мечеподобным клинком. Это воззрение исходит от Ливия (XXXI, 39), который повествует нам о том, что в лесистой местности македонская фаланга оказывалась неэффективной из-за своих длинных копий и что фракийская румпия тоже встречала помехи

⁴⁰³ Даниско – это топор-ятаган Деммина.

по той же причине. Но в новогреческом это слово обозначает фламбер, или тот меч с волнообразным лезвием, который церковь вложила в руки ангельского воинства. Его всегда держит в руках «архангел Михаил, первый рыцарь, который в божественной битве сразил Змея, древнего врага рода человеческого, и изгнал его с небес»⁴⁰⁴. В Микенах не было найдено ни одного экземпляра χελιδών (gladius Chelidonium), широкого клинка с раздвоенным острием. Его упоминают Исидор (XVIII) и Ориген (гл. VI); и я упоминал о нем в главе 7. Мы не можем определить и форму афинского кнестейса или спартанского ксиная, который Ксенофонт называет ксуела. Судя по описаниям их использования, это были кинжалы колюще-рубящего действия. Не знаем мы ничего и о том, какого рода меч был у Христофора, помимо «ксистона»; последний же представлял собой либо копье пехотинца, либо пику всадника; в «Илиаде», как было показано, под этим словом подразумевается длинный шест с железными гвоздями.

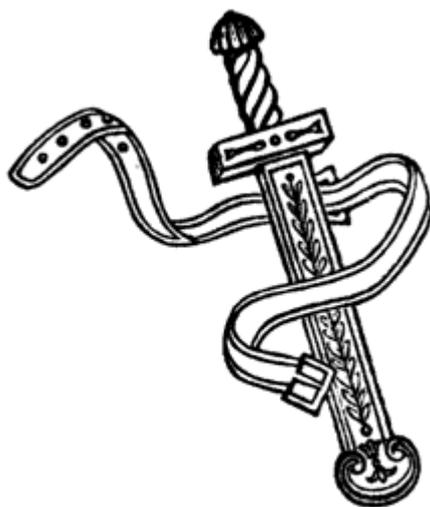
Согласно истории, греческий пехотный меч представлял собой прямой обоюдоострый клинок, имел равную длину от рукояти до острия, которое было выдающимся. Конные же воины предпочитали саблю или другие виды рубящего оружия. Ификрат (400 г. до н. э.), реформируя оружие и дос пехи, счел копье и меч слишком короткими и распорядился «удвоить длину копья и меч также удлинить». Плутарх (в «Ликурге») повествует нам о том, что некий муж в присутствии Агесилая насмеялся над спартанским клинком, который был всего четырнадцать – пятнадцать дюймов в длину, говоря, что фокуснику не составит труда проглотить его⁴⁰⁵; на что великий военачальник ответил, что «все же длины нашего меча хватает, чтобы пронзать наших врагов». А когда один из воинов пожаловался на короткую длину своего оружия, спартанец сухо предложил «наступать на шаг быстрее».

Додуэлл приводит данные о железном клинке, найденном в одной афинской гробнице, который был длиной в два фута пять дюймов, считая рукоять из того же металла. Большинство предметов, представленных в наших музеях, как бронзовых, так и железных, имеют примерно одни и те же размеры. Микенский меч имеет длину девятнадцать с половиной дюймов (а, рис. 265), а тот, что в Музее артиллерии, – тридцать два. Клинок из Пеллы, находящийся в Антиквариуме в Берлине, в длину всего лишь двадцать один сантиметр, четыре из которых приходится на рукоять.

---

⁴⁰⁴ Здесь видно, что архангел Михаил является небесным прототипом святого Георгия.

⁴⁰⁵ Это всемирно известный фокус, который, кажется, был изобретен в Египте. У Апулея (Золотой осел. Кн. I) «циркуль» – бродячий артист – глотает очень остро заточенный обоюдоострый кавалерийский палаш и копье всадника. Это «фракийское колдовство» все еще практикуют знаменитые дервиши раф-аи.

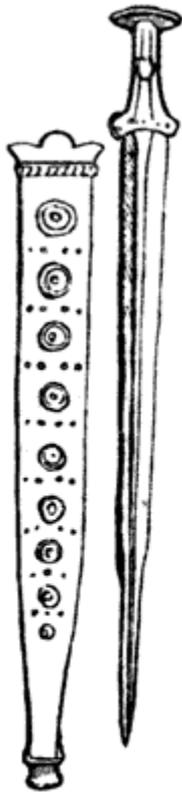
Рис. 262. Греческий ксифос

Меч, именуемый галло-греческим ⁴⁰⁶, с бронзовыми клинком и ножнами (рис. 263 и т. д.), имеет небольшую длину – двадцать пять дюймов. Павсаний упоминает оружие, которое, возможно, еще короче. И мы читаем, что, когда Манлий вторгся в Галатию, он счел, что тамошние мечи – *praelongi gladii* (Ливий. XXXVII, 17).

---

⁴⁰⁶ Галаты – это кельтские галлы, переселившиеся в западную часть Малой Азии после разгрома их вождя Бренна под Дельфами (279 г. до н. э.). Флор (II, 10) называет галло-греков «испорченными останками галлов»; Страбон также упоминает и фригийцев, и три галатианских народа (IV, I). Как Аммиан Марцеллин рассказывает нам (XV, 9), «галатеи – это греческий перевод римского слова «галлы». Они состояли из трех племен, каждое из которых имело свою столицу: племя толостобогии (толоса + боии) со столицей в Пессине, тектосаги (аквитанские) со столицей в Анкире (ныне известная своей шерстью Ангора), и трокми, главным городом которых был Тавиум, лежащий на восточном побережье Моря. Эти народы, как и их родственники галлы, были «*admodum dedita religionibus*» («весьма подвержены религиозности») (Цезарь. В. G. VI, 16).

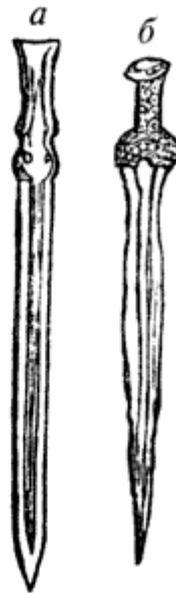
Способ ношения меча у греков, очевидно, менялся в зависимости от эпохи и, возможно, от длины оружия; справа легко извлекать кинжал, но неудобно доставать меч полноценного размера. У одних авторов греки носят орудие справа, у других – слева; Гомер, кажется намеренно, оставляет этот вопрос неясным, например: «Достав пронзающий кинжал из ножен, висевших сбоку» (Илиада. I, 190).

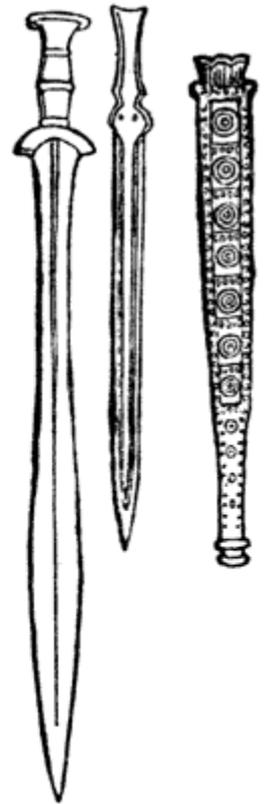
Рис. 263. Галло-греческий меч (60 сантиметров в длину)

Рис. 264. Галло-греческий меч

Рис. 265. Майенский клинок

Рис. 266. Галло-греческие клинки и ножны

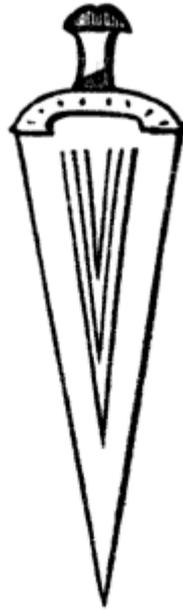
Слова «ραγα τηγου» одинаково приводятся везде ⁴⁰⁷, но вот с какого боку – нигде не уточняется. Острый меч Гектора свисает ниже его бедер, и, размахивая им, он бросается навстречу своей смерти от копья Ахилла ⁴⁰⁸. Троянец же сам убивает Аякса ⁴⁰⁹, который носил свой меч по ассирийскому обычаю, «перекрестив на груди два ремня – от щита и от меча с серебряными заклепками». Кинжал «паразониум», с его металлическими ножнами, обычно крепился к поясу для меча ⁴¹⁰ с другой стороны. Сделанный в форме бычьего языка («анелак», *langue-de-bœuf* – «бычий язык»), имеющий двенадцать – шестнадцать дюймов в длину, он был широко известен в Греции и Риме; я показал его египетское происхождение.

⁴⁰⁷ Илиада. XVI, 437.

⁴⁰⁸ Илиада. XXII, 310–360.

⁴⁰⁹ Илиада. XIV, 405.

⁴¹⁰ В «Илиаде» (IV, 185) мы встречаем $\xi\omega\sigma\tau\eta\rho$ и $\xi\omega\mu\alpha$ как разные вещи. Первый Менелай носит снаружи, меч – под ним и металлическую пластину $\mu\acute{\iota}\tau\rho\alpha$ на груди. А $\xi\omega\sigma\tau\eta\rho$ был, скорее всего, широким поясом, усиленным металлом, и считался частью $\acute{o}\lambda\lambda\alpha$; таким образом, $\xi\acute{o}\nu\upsilon\sigma\theta\alpha\iota$ («опоясываться») означало «готовиться к битве».

Рис. 267.
**Бронзовый
паразониум
(16,5 дюйма
в длину)**

Роль эллинов на великой сцене мировой истории заключалась в их вкладе в гражданскую жизнь. Как народу им не хватало практики и тренировок в воинском искусстве, что было в совершенстве воплощено римлянами. Их ежегодные игры, как показывают «Оды» Пиндара, были по большей части лишь соревнованиями в быстроте и проворстве. У них был гимнастический танец «бизазис» и (куда уж дальше) пиррический танец с мечами, как и у всех древних и многих современных народов; но эти игры быстро превратились в городах в женскую работу. Дома греки носили оружие только во время Панафинейских праздников, когда проходили маскарады; военных колоний, как у римлян, где каждый мужчина был бы воином, а каждый воин – ветераном, у греков не было. Их гимнасии и палестры были школами физкультуры, что вызвало презрение физически более крепких италийцев. Это были, как гимнастические классы для спартанских девочек, лишь школы красоты и методов воспитания, нацеленных на то, чтобы передать представления о совершенстве форм. Этот процесс начинался с невесты, которая украшала свою брачную комнату самыми прекрасными образцами живописи и скульптуры. Поэтому каждый хорошо воспитанный афинский гражданин, каждый «джентльмен» должен был быть красивым. Слова «красивый», «хороший» и «священный» стали почти синонимами. Физически человек стремился приблизиться к совершенству, чтобы достичь идеала мифологического богочеловека. Этот антропоморфизм пришел к закономерному итогу у Фидия; выражен он был в Парфеноне, а кульминацией его стал Олимп ⁴¹¹. С тех пор у древних процессы воспитания и физического формирования человека были заброшены, и народ этот тесно перемешал свою кровь с чужой, по большей части славянской и еврейской; в глаза стало бросаться обратное: редко теперь увидишь грека классического типа.

---

⁴¹¹ Вне всяких сомнений, Пифагор и Сократ были, как и египетские жрецы, монотеистами; но многоголовый Олимп был населен очаровательной стаей богов и богинь.

Рис. 268. Гоплит² (на войне этрусский шлем, легкий щит имеет форму листа)

Рис. 269. Бой греческих воинов, вооруженных мечом и копьем

412

Затем наступил век интеллектуального расцвета Греции. Уже в 450 году до н. э. софист киренской школы Протагор сделал «человека мерой всех вещей». Неделимое разделилось надвое: как это выразил Аристотель, животное существование состоит из ощущений, божественное – из размышлений. И это изменение мировоззрения постепенно погасило священное пламя искусства.

Эллины, даже в лучшие свои времена, не уделяли большого внимания использованию оружия, в котором ежедневно упражнялись более практичные римляне. У греков не было гладиаторских боев, которые служили лучшими в мире *salles d'armes* (здесь: «тренировочными залами»), не было и армейских *maitres d'armes* («учителя фехтования»); профессора благородного искусства защиты и нападения не требовались спартанскими законами. Они упражнялись в фехтовании, как мы знаем из трудов Демосфена; он называл афинян представителями «мужицкой школы фехтования; они всегда защищают пораженное место после пропущенного удара, и никогда – до него». Они предпочитали пентатлум, панкратион и боевые танцы; фехтовальный зал был для них второстепенен. Даже Платон возражал против «бесполезного искусства фехтования», мотивируя это тем, что ни учителя, ни ученики никогда не станут великими воинами – изумительная платоническая ошибка! 413

Нечем Эллада гордиться и в отношении простого оружия. Воин в Афинах и среди всех ионических и родственных народов был действительно уважаемым человеком; из четырех каст 414 воинская уступала только жреческой, превосходя крестьян и механиков. Но эллин был в первую очередь гражданином – политиком. Он избирал чиновников и священнослужителей и мог рассчитывать самому быть избранным. Он проводил жизнь на площади – агоре, сочиняя законы и конституции, заключая договоры и союзы. Его второй страстью были сплетни, напыщенно именовавшиеся «передачей новой информации». Эллада вскоре поняла, что ее сила – в литературе, поэзии, ораторстве, философии, инженерных науках и искусствах, в широте представлений, в чистоте и совершенстве литературных форм. Эти искусства Эллада передала всему человечеству, и никто никогда ее в этом не превзошел.

---

412 Из трактата М. Родьо *ΕΠΙ ΠΟΛΕΜΙΚΗΣ ΤΕΧΝΗΣ* (Афины, 1868).

413 Назовем хотя бы самых знаменитых: Александр Великий, Эвмен, Птолемей; Ганнибал, Сулла, Фабий, Марий, Катон, Брут, Юлий Цезарь, Марк Антоний, Помпей, Метелл, Серторий, Марцелл, Траян, Адриан – все они были знаменитыми фехтовальщиками, и о персональных победах в поединках некоторых из вышеперечисленных военачальников мы имеем достаточно свидетельств.

414 У албанцев разделение на четыре несмешиваемые касты сохраняется до сих пор. Это воины (они же землевладельцы), торговцы, пастухи и ремесленники.

Именно отсюда по всему миру разошлись утонченные правила пропорций. В то время как великие кемиты древности строили для вечности и даже размер ⁴¹⁵ выбирали, исходя из требований прочности, эллины разработали принципы Прекрасного и довели их до высшей точки. Ее испорченные дети жаждали новизны – они строили всевозможные системы космогонии, астрономии, геологии (кроме правильных); и они «выставляли свои знания напоказ», по словам Бэкона, «с флейтами и барабанами». Их египетские учителя говорили, что «это всего лишь дети», но греки превзошли своих учителей.

Здесь вряд ли уместно был бы обсуждать греческую военную тактику, да и сказать о ней нового особо нечего: все авторы вынуждены переписывать отрывки из трактатов Элиана и Ариана, которые жили в дни Адриана. Я лишь напомним читателю, что даже во времена Илиады у греческой армии имелся свой собственный план ведения битвы. Нестор наставляет своих воинов, чтобы они, как и их предки, сохраняли строй; а в двух местах ⁴¹⁶ мы встречаем упоминания о грубой фаланге или вытянутом прямоугольном строе цивилизованных египтян и хеттов. Ксенофонт повествует нам о том, что армия Агесилая вся казалась бронзовой и красной; последний цвет, совершенно неуместный, сохраняется в качестве форменного и в современной британской армии. По поводу же тяжеловооруженных гоплитов и легких пельтастов, у которых мечей явно не было, достаточно информации содержится в «Словаре древностей».

Еще одним неприглядным свойством греческого военного искусства было его безразличие к человеческой жизни, столь ценимой римлянами. Эллины сохраняли варварский обычай казнить военнопленных; римляне же уже во время 1-й Пунической войны имели систему обмена военнопленными, где разница в численности военнопленных с той или иной стороны уравнивалась денежным выкупом.

Греция редко вооружалась, разве что в случае оборонительных войн (как, например, война против персов) или войн гражданских или полугражданских (как война афинян против спартанцев, дорийцев, ионийцев и эолийцев). Достаточно взглянуть на любую другую их военную кампанию – взять, например, «Анабазис», – и становится понятно, чего они стоили как воины; а чего еще ждать от народа, типичными представителями мужчин которого были Фемистокл и Алкивиад? Они были слишком умны, слишком расточительны в усилиях, слишком неугомонны, слишком импульсивны (могли себе позволить даже разрыдаться), слишком самоуверенны, чтобы становиться дисциплинированными военными машинами. Они всегда были готовы к восстанию, к смене командования; руководство ими представляло собой весьма сложную задачу. В этом, пожалуй, к ним близки французы – одни из лучших в Европе солдат и при этом самые трудноуправляемые. Великим полководцам – таким, как Тюренн или Наполеон Бонапарт, – приходилось десятками расстреливать бунтарей, пока выжившие не научились «трепетать и повиноваться» ⁴¹⁷. Как и во французах или ирландцах, в греках было больше порыва, чем твердости. Победам своим они обязаны храбрости и стремительному натиску своих атак. Здесь можно их сравнить с англичанами, про которых маршал Буго сказал: «У них самая лучшая в мире пехота, хорошо, что ее мало». Таковыми и следует принимать греков.

---

⁴¹⁵ Некоторые греческие статуи были крупнее любых египетских. Олимпийский Юпитер высотой 60 футов, Аполлон 45 (Павсаний) и Колосс Родосский 105 футов, превосходившие все, что обнаружено в долине Нила. Не нужно и упоминать гору Атос и Харонион Антиоха. Старейшая из известных нам греческих статуй – портрет, сделанный в Милете в 550 г. до н. э. и подписанный так: «Я – Харес, сын Клейсиса, правителя Тейхиосы, преподношу Аполлону». Стиль этого и других древних произведений (ваз и т. д.), которые встречаются редко, наводит на мысли об Ассирии времен правления Ашшурнасерпала (880 г. до н. э.).

⁴¹⁶ Илиада. II, 362 и IV, 297.

⁴¹⁷ Но кто может себе такое позволить при республиканской форме правления? На этом основании можно предсказать большие проблемы, которые возникнут у наших соседей в следующей франко-прусской войне.

Успешному ведению своих войн Эллада по большей части обязана тому варварскому состоянию, в котором пребывали ее соседи. И римляне, и все народы Малой Азии, кроме греческих же колоний ⁴¹⁸, сильно отставали от Греции в развитии, когда, на манер конных народов Северной Азии, греки сменили колесницы на боевых коней ⁴¹⁹, позаимствовали из Египта искусство войны на суше и на море, осадные приспособления, все лучшее в области оружия и доспехов и даже пресловутую фалангу. Но греки потеряли превосходство, как физическое, так и моральное, когда народы-соперники догнали и даже обогнали их в таких областях, как вооружение, организация и дисциплина. Греция началась с побед, а закончилась полным разгромом римлянами.

И тут возникает любопытный вопрос. Правда ли, что народы подвержены тем же циклам упадка и заката, как государства или империи? Подчиняется ли тело политическое законам тела общественного? Правда ли, что народы стареют, становятся слабыми и бесплодными после самых ярких периодов своей зрелости? Или они не перестают быть великими и рождают великих людей, но просто соседи обгоняют их, а гениев подавляет неблагоприятная среда? Я не вижу, чтобы время сильно изменило крестьян Романии, горцев Пелопоннеса, персов, ставших в Бомбее фарси, или современных воинов долины Нила, которые под предводительством Ибрагим-паши разбили турок во всех битвах. Но условия жизни в Италии, Греции, Персии и Египте сейчас фундаментальным образом изменились, и эти народы больше не превосходят своих соседей. Их окружают теперь более сильные народы. В этом, возможно, и заключается то, что принято называть их упадком.

Глава 12 МЕЧ В ДРЕВНЕМ РИМЕ; ЛЕГИОН И ГЛАДИАТОРЫ

Та роль, которую сыграл в истории языческий Рим, имела два аспекта: это была роль завоевателя и роль правителя. Подчиняясь естественному для человека захватническому инстинкту, Рим вынужден был совершенствовать инструмент, с помощью которого эти стремления можно было реализовать, – оружие. Именно Риму мы обязаны происхождением слова «армия» ⁴²⁰. Слово «агша» (оружие) происходит от слова «armus» (рука). Хорошо зная, что «бог сражений» любит превосходство в оружии не меньше, а иногда и больше, чем «большие батальоны», Рим всегда выбирал то оружие и те приспособления, которые считал наилучшими; и, следуя собственной пословице, никогда не отказывался учиться в отношении вооружения даже у побежденных.

Но в Риме вскоре поняли, что хорошие солдаты могут получиться только из хороших

---

⁴¹⁸ К примеру, «священного города» Милета с его 300 зависимыми городами. Говоря о Древней Греции, следует помнить, что она простиралась от Малой Азии до Сицилии, Италии (и даже до юга Франции) и от Египта до Албании. Современная Греция – лишь ствол с обрубленными ветвями.

⁴¹⁹ Деммин считает, что «у греков никогда не было даже слова, обозначающего «скакать верхом» и что «такого глагола не существует даже у французов, поскольку слово «chevaucher» означает в строгом смысле лишь прогулку (flâner) верхом на лошади». Как отмечает его переводчик на английский, с этим утверждением вряд ли можно согласиться, учитывая существование таких слов, как ἰπλεῦεν (equitare), cavalcare – ездить верхом; ἰπλεῖα (верховая езда); ἰπλεὺς и ἰπλότης (всадник, рыцарь) и ἑπιβεβηκός (верховой). Его перевод слова «chevaucher» совершенно неверен. Chevaucher, доброе старое слово, ныне встречающееся слишком редко, четко соответствует понятию «скакать на лошади».

⁴²⁰ Немалое удивление вызывает то, что «находки» римского оружия столь редки и в сравнение не идут с широким распространением власти империи. Следует также помнить о том, что памятники имеют склонность к идеализации и архаизации; это особенно заметно в отношении формы шлемов, копий и мечей. Йенс рекомендует в качестве наилучшего места для изучения Романо-германский музей в Майнце под руководством профессора доктора Линденшмидта.

граждан. Поэтому Рим настаивал на цивилизационной максиме «*Cedant armae togae*»⁴²¹, избегая, однако, того вызывающего зависть первенства, которое Саллюстий назвал «самыми обидными словами Цицерона»: «*Concedat laurea linguae*»⁴²².

Рим подчинил военачальников чиновникам и провозгласил над ними абсолютную власть Закона. Грекам эта идея представлялась в виде Рока, Судьбы, Возмездия; Рим же низвел ее с неясности до реальности, с абстракции до конкретики, с небес на землю. Так, пока Греция учила человечество романтическим представлениям о упорядоченной свободе, свободомыслии, интеллектуальной культуре и гражданском патриотизме, Рим, с его почтением к Закону, в глазах которого все равны, проповедовал равенство людей. Так, христианский мир всегда управлялся и сейчас управляется языческими законами, тем римским правом, которое вышло из Двенадцати таблиц, как еврейские законы – из Десяти заповедей. На самом деле «фециальный колледж», который имел право объявления войн и заключения мира, был тем институтом, который неплохо было бы возродить и в современном мире⁴²³.

Рим имел только одну цель – завоевания. В отличие от греков, у которых они многое позаимствовали, римляне особо не увлекались искусствами или литературой. Все сочинения римских поэтов за тысячу лет можно уместить в один том. Вряд ли можно говорить о существовании римского искусства; за исключением имен нескольких выдающихся архитекторов, об остальном история умалчивает. Варрон смеется над куклами и статуями богов. Триумф Мецелла (146 г. до н. э.) привел к появлению искусства, но этот греко-римский художник был обречен на вечное копирование или создание портретов и статуй великих. В дни своей наивысшей роскоши и процветания римляне были лишь потребителями и покупателями, распыляя, а не прибавляя к искусству. По словам Вергилия, другие вдыхали жизнь в мрамор и бронзу; единственным искусством Рима было искусство управления народами, разделения побежденных и усмирения гордых. «*Fortia agere Romanum est*».

По поводу состава римской армии следует обращаться к достойному Полибию⁴²⁴, историку Древнего Рима Ливию и последнему из великих авторитетов, Вегецию, жившему во времена Валентиниана II (375–392 гг. н. э.), не забывая и о Варроне, который описывает изменения в оружии.

Войско состояло из трех частей – граждан, принесших клятву союзников и наемников; римская организация характеризовалась легионами (от слова *legere* – «избрали»). Постепенно возникший из фаланги или тесных рядов, легион учился применять для битв *acies instructa*, боевую шеренгу, или *acies sinuata*, шеренгу с флангами; а для особых задач сохранялись *agmen pilatum*, или тесный массив, и *agmen quadratum* – каре.

Легион же состоял из тяжелой кавалерии – милитов, от слова «*mil-es*», тысяча. Перед ними шли велиты, ферентарии или рорарии, «легкая пехота», «*eclairieurs*», расчищавшие путь; в I веке их усилили акцензы-велаты⁴²⁵. Ауксилиарии сражались с помощью луков и

---

⁴²¹ Шли в тогах и с оружием (лат.).

⁴²² Создали язык победителей (лат.).

⁴²³ В наши дни такой институт сохранился только в мусульманских государствах.

⁴²⁴ Плодовитый просветитель, современник Сципиона Африканского и военачальник, лицеизревший разрушение Карфагена; он родился в 204 г. до н. э., века три спустя после завоевания латинянами Этрурии.

⁴²⁵ Именуемые также «адскрипции», «супернумерарии» и «велаты», поскольку носили они только сагум – солдатскую одежду, в отличие от офицерского палудамента. Строго говоря, это был арьергард, в боевом построении находившийся позади триариев. В некоторые эпохи рорарии стояли прямо сразу за триариями, а акцензы, которым доверяли меньше всего, формировали замыкающие ряды.

стрел, а некоторые, как этруски, – пращей. Велиты же несли от двух до семи метательных копий (*hastae velitariae*), у которых древко, с девятидюймовым ромбовидным железным наконечником ⁴²⁶, было длиной около трех футов. Для ближнего боя на правом боку у каждого из них висел кинжал паразониум, и справа же – широкий колюще-режущий клинок средних размеров. Доспехами велиту служила юбка из кожаных полос, проклепанных металлом, и парма ⁴²⁷ – маленький круглый щит, похожий на цетру, около трех футов в диаметре ⁴²⁸.

Рис. 270. Римский солдат

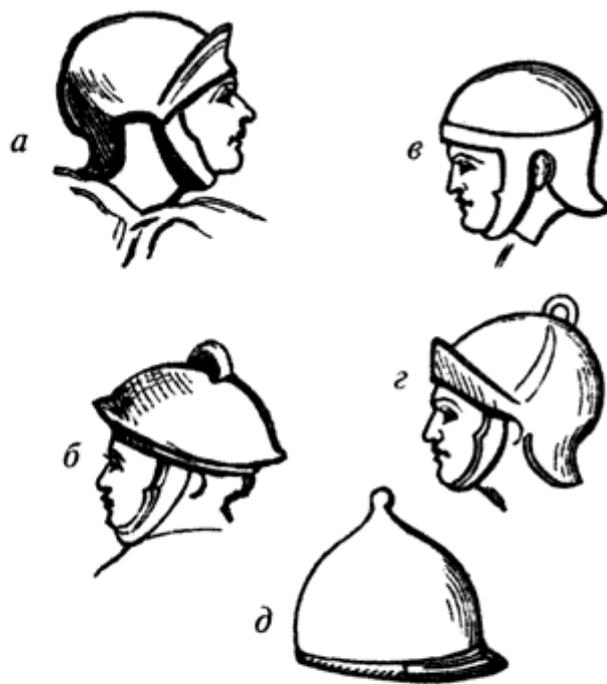

Рис. 271. а, б — шлемы астариев (с Траяновой колонны); в, з — шлемы астариев; д — бронзовый шлем (из Канн)

Легион, как таковой, представлял собой шеренгу – точнее, тройную шеренгу – астариев ⁴²⁹, или легионеров-копьеносцев. Ливий бегло описывает аций того периода, когда он только возник из фаланги как «состоящий из отдельных бригад, разбитых на центурии. Каждое подразделение состояло из шестидесяти солдат ⁴³⁰, двух центурионов и одного

⁴²⁶ Это оружие хорошо видно на таблице памятников на Судной стене музея в Аквилее.

⁴²⁷ Популярный среди греков клипус тоже был круглым, но он был больше, чем парма.

⁴²⁸ В фаланге, описываемой Ливием, велиты были легковооруженными воинами, снабженными только копьем и коротким железным пилумом (VIII, 7).

⁴²⁹ Это слово родственно кельтскому «аст» (ветка), отсюда и французское *arme d'hast*. Это было греческое слово *κοῦτοι*, копье без зубрин, царский жезл; при Республике оно собирало тысячи людей (*hastam centumviralem agere*). Это было оружие легкой пехоты (*hasta velitaris*), а также служило частью прически невесты. *Hastarius* и *hastatus*, *hasta* и *quiris* – синонимы.

⁴³⁰ Количество человек могло сильно различаться; наибольшее количество воинов в легионе составляло 6800 человек, считая кавалерию (при Сципионе), наименьшее – 1500 при Константине. В легионе, каким его описывает Ливий, было 5000 пеших воинов и 300 конных (VIII, 8). Возможно, нам следует принять за среднее значение цифру в 4000 пехотинцев, что составляет укомплектованный австрийский полк. В каждой из трех

штандартносеца ⁴³¹. Первыми стояли пятнадцать отрядов астариев и двадцать велитов. За ними стояли принципы с тяжелыми щитами и в полном вооружении, тоже в количестве пятнадцати отрядов. Эти тридцать отрядов называли «антепиланием», потому что позади них стояли еще пятнадцать со штандартами; каждый из последних состоял из трех отделений, и первое отделение каждого из них называлось «пилус». Первый штандарт находился во главе третьей шеренги, у триариев. Позади них стояли рорарии, чья боеспособность была ниже по причине молодости и неопытности; а позади всех, замыкающими, стояли акцензы, части, заподозренные в низкой преданности. Сражение начинали гастаты; если рассеять противника им не удавалось, они отступали в арьергард сквозь ряды принципов. Теперь в бой шли они, а гастаты – вслед за ними. Триарии между тем продолжали стоять на одном колене перед штандартами, выставив левую ногу вперед, со щитами на плече; копья их торчали вперед и вверх, а тупые концы были уперты в землю, так что вся шеренга выглядела ошестинившейся и неприступной, как крепостная стена. Если принципы не одерживали победы, «res ad Triarios rediit» ⁴³². Триарии, пропустив принципиев и гастатов, смыкали щиты и набрасывались на противника единой массой ⁴³³. Это была великолепная атака, когда противник, преследуя вроде бы побежденного уже врага, вдруг наткнулся на новую шеренгу.

Это все Ливий. Тема римских легионеров, этих «тяжелых молотов всей земли», требует от меня, однако, добавить еще несколько подробностей, как бы общеизвестны они ни были.

Рис. 272. Гастат (с Траяновой колонны)

Гастаты, или копьеносцы, молодые легковооруженные воины, шли перед легионами; поэтому их именовали «антесигнанусами» – от слова «ante» – «перед». Они носили шлемы – в виде каски или имеющие гребень, – которые были свойственны конкретному легиону ⁴³⁴, их доспехи составляли бронзовая нагрудная пластина тридцати двух дюймов в длину, или

шеренг насчитывалось 10 когорт, в каждой когорте – три манипулы. Последние получили свое название по пригоршне (manipulus) гравы, поскольку именно этот крестьянский символ, будучи прикрепленным на вершине шеста, был штандартом Ромула.

⁴³¹ Сигны – знаки, или штандарты, – у каждого легиона были свои. Вексиллум – цвета кавалерии – представляли собой квадратный кусок одежды, именуемый также паннус (πηνος). Слово это родственно готскому «fana» или «fan» и англосаксонскому «rap», немецкому «Fahne», французскому «bannière» и английскому «banner» (все эти слова в переводе означают «знамя»).

⁴³² За работу принимались триарии.

⁴³³ На самом деле формирующей фалангу – изначально это слово обозначало блок или цилиндр.

⁴³⁴ На офицерских шлемах в знак отличия укреплялись три (страусовых?) пера, черных и красных.

кираса из тонких металлических пластин, защищавшая грудь и имевшая наплечники, и килт 435 – юбка из того же материала. Ноги их были защищены поножами (осгеое); дополнительно гастаты были снабжены щитом «скутум». Этот предмет (σκτίος – кожа собаки?), искривленный вытянутый овал размером больше пармы, имел размеры четыре фута на два с половиной; рама его была сделана из дерева, а на покрытии имелись усиливающие выступы и металлические пластины. Как показывает их название, гастаты были вооружены большим копьем и длинным или коротким «гладиусом» или «энсисом». Последний носили, как правило, справа; как мы увидим, форма и размер его сильно изменялись. Попав в гущу битвы, воин отбрасывал копье и доставал меч; так же поступали и этруски. Шип на щите тоже использовался в ближнем бою для того, чтобы уложить врага.

Вторая шеренга, которая, как и третья, следовала за штандартами, состояла из принципов или «проков», зрелых воинов. Название их указывает на то, что изначально они формировали передовую линию, как греческие промахи или наши гренадеры. Последними шли триарии (люди третьей линии), резерв, получивший свое название по своему положению, – испытанные отважные ветераны, от которых ожидалось, что они могут повернуть ход боя вспять, если дела пойдут неважно. Сначала это были только пиланы 436 (метатели копий), в отличие от первых двух шеренг (именуемых поэтому «антепиланами»). Их грозное оружие, завоевавшее столь большую часть старого мира и перешедшее по наследству к франкам, было длиной около $6\frac{3}{4}$ фута и сделано из железа (два фута) с овальной или пирамидообразной головой с широким хвостовиком в деревянном стволе, утраивающим его длину. Последний был закругленным на заднике и квадратным вокруг плеч, как мы узнаем из Ливия, когда тот описывает «фаларику», или «метатель огня». И принципы, и триарии имели также и мечи, первые – на правом бедре, вторые – над ним; как уже отмечалось, это наиболее сложный момент. Сигнальщики, как и штандартноосцы, были одеты в специальные шлемы; они состояли из тубицинов (игравших на тубе, длинной этрусской трубе), корницинов («корну» – это скрученный рог) и буккинаторов, которые играли на коротком простом духовом инструменте. Римские офицеры были вооружены так же, как солдаты.

---

435 Изначально килт представлял из себя набедренную повязку, примитивную мужскую одежду тропических и близких к ним широт. В доспех он был превращен греками и римлянами, и в этом качестве он получил распространение по всей Европе. Он долго сохранялся у мальтийцев; до сих пор в Греции и Албании носят «фустанеллу». В Ирландии его носили в древности, а в Шотландии носят и по сей день.

436 Пилум – не римское изобретение; возможно, он был заимствован у самнитов. *Pilum murale*, который использовался для протыкания стен, представлял из себя круглое или квадратное древко длиной три локтя с железным наконечником той же длины. Длина и пропорции пилума постоянно изменялись; более того, имелось два его вида – тяжелый и легкий. Рисунки в тексте относятся к маенскому пилуму.

Рис. 273. Кираса центуриона с фалерами или украшениями

Под словом *utraque militia* подразумевались кавалеристы легиона, количество которых несильно изменялось по отношению к пехоте. Во времена Полибия это отношение составляло две сотни к четырем тысячам. Они были одеты в полный комплект бронзовых доспехов, который был легче греческого или галло-греческого ⁴³⁷; небольшие щиты из бычьей кожи были круглыми, овальными или многоугольными. Оружие всадников были копья (*contus*), часто в дополнение они носили дротики, кинжалы и мечи, которые крепились справа. Последние, в отличие от современных кавалерийских сабель, сохраняли форму пехотных мечей. Греческие кавалеристы на римской службе при осаде Иерусалима, как мы узнаем у Иосифа Флавия, имели длинные мечи, носимые на правом боку.

За легионом тянулась его тяжелая «*tormenta*» – артиллерия: катапульты (для метания дротиков) и баллисты (для метания камней), в сопровождении векстиллиариев (старых солдат), составляющих вексиллум, и обслуживаемые саперами – фабрами (лигнориями и т. д.). Обслуга лагеря (калоны, ликсы) и обоз (импедименты) шли позади.

Римляне тщательно муштровали свою пехоту. Вегеций рассказывает нам, что рекруты тренировались с ивовыми щитами и кольями, которые были в два раза тяжелее, чем обычное вооружение. Также регулярно проводились учебные поединки с деревянными мечами и метательными копьями, на наконечники которых были надеты шары.

В изнеженный период империи вскоре после Константина военная дисциплина ослабла и структура легиона была нарушена. Вместо того чтобы нести свои пожитки на себе, солдаты стали возить их в тележках. От гасты отказались, от шлема и кирасы солдаты тоже были избавлены, как от слишком тяжелых вещей. Вегеций ⁴³⁸ имел на то причины, когда приписывал разгром легиона готами недостатку бывшего защитного снаряжения воинов.

Римляне изучали возможности оружия не только во время ведения войн. На Марсовом поле и остальных семи парках столицы толпы молодых людей тренировались в верховой езде, владении мечом и спортивных дисциплинах. Могучим «тренировочным залом» служил также и Амфитеатр. Для этого полностью военного народа бои гладиаторов имели большое значение. «На самом деле это великолепный пример сильного влияния на людей, когда они постоянно видят в течение нескольких веков поединки бойцов, которые рубят друг друга,

---

⁴³⁷ При правлении Траяна и Септимия Севера кавалерия приняла на вооружение железные или бронзовые хаматы – цепи, образующие подобие кольчуги, и скваматы – чешуйки, которые пришивались к ткани или коже. Деммин ошибочно именует последние «кольчужой», но на приводимой им иллюстрации четко видны чешуйки.

⁴³⁸ О военном деле. I, 16.

проявляют чудеса храбрости и никогда не молят о пощаде», – утверждает Монтень ⁴³⁹.

Мне кажется, что XIX век слишком много тратит чувств в отношении «отвратительного варварства ланист ⁴⁴⁰ (тренеров гладиаторов)» и в отношении бедняг, «забываемых ради праздника римлян». Гладиаторские бои ⁴⁴¹ зародились среди древних этрусков, которые, вместо того чтобы убивать над погребальным костром рабов и пленников, как Ахилл и Пирр, позволили им сражаться за свою жизнь. Изначально бои проводились только на публичных похоронах, и только в результате неправомерного использования обряда они стали проводиться на частных похоронах, затем – в качестве представлений и в конце концов – как элемент праздничных зрелищ.

Согласно Ливию ⁴⁴², «когда Сципион показывал гладиаторов в Карфагене (в 546 г. до н. э.), это были не рабы и не люди, продававшие свою кровь, какие обычно попадали в обучение к ланистам» ⁴⁴³. Эта служба была исключительно добровольной. Бойцов часто присылали вассальные князья, чтобы продемонстрировать доблесть своих людей; другие же выходили биться в честь своих генералов, а были и такие, что с помощью меча решали личные споры. Среди выдающихся можно называть Корбиса и Орсуса, двух родственников-германцев, которые решили боем отстоять свои претензии к городу Ибес; они «представили армии в высшей степени интересное зрелище» того, как старший боец легко отражал неумелые атаки младшего.

Даже когда гладиаторами в Риме стали приговоренные преступники и пленники, лишённые древними законами войны права на жизнь, ещё оставалась некоторая гуманность. Хотя злодеев, приговорённых к *ad gladium* (*gladius* – меч), и должны были убить в течение года, те, которых приговаривали лишь к *ad ludum* (*ludus* – игра), могли в течение трех лет заслужить освобождение. А при империи принимать участие в шоу стало модно; Северу пришлось специально запрещать свободнорожденным гражданам, воинам, сенаторам и даже женщинам вступать на арену.

Жизнь гладиатора заставляла «честную бедноту» проклинать свой жребий. Они тренировались в самых лучших условиях, питались самой лучшей нищей (*sagina gladiatoria*); так, Цицерон называет крепкое здоровье и хорошие условия «*gladiatoria totius corporis firmitas*» ⁴⁴⁴. Гладиатор становился членом семьи после того, как принимал клятву, которую Монтень приводит по Петронии (117): «Клянемся сражаться своими мечами... и терпеливо сносить все, что гладиатор должен терпеть от своего учителя, вручая ему свое тело и душу». Другими словами, ему хватало общества, и он был дисциплинирован. Под руководством ланисты гладиаторы ежедневно тренировались в школах ⁴⁴⁵. Здесь они занимались «боем с

---

⁴³⁹ Эссе Монтеня. I, II. Гл. 24. Париж; Братья Гарнье, 1874.

⁴⁴⁰ Или «*maître d'armes*» – этот термин был заимствован римлянами у этрусков. Тренеры же легионеров назывались *armidoctores* и *campidoctores*.

⁴⁴¹ Афеней (IV, 41) рассказывает, ссылаясь на Гермиппа и Эфора, что изобретателями гладиаторства, как такового, были мантинейцы; идея эта возникла у одного из их граждан, Демуса или Демонакса, а вслед за ними это явление появилось у киренцев.

⁴⁴² Ливий. XXVIII, 21.

⁴⁴³ На заре Римской империи быть гладиатором считалось позорным; даже Петроний Арбитр использует слова «ты, презренный гладиатор» в качестве оскорбления.

⁴⁴⁴ «Основа силы гладиатора».

⁴⁴⁵ Марий и Помпей Великий «поддерживали форму», практикуясь во владении мечом в тамошних школах и на Марсовом поле, причем последний – вплоть до возраста пятидесяти восьми лет.

тенью», состязались с рудисами (деревянными мечами). Гладиаторы рубили «палусы» подобно тому, как это и сейчас практикуется в армии, и укрепляли мышцы плеч и спины с помощью гантелей и тому подобных тренажеров. В результате рана, которая для нетренированного человека оказалась бы смертельной, находящегося в столь прекрасной форме гладиатора могла лишь временно вывести из строя ⁴⁴⁶. Плиний отмечает, в какой небольшой опасности находился гладиатор. Рассказывая о двух вращающихся театрах К. Курио, которые во время представления могли крутиться внутрь или наружу, этот ворчун заявляет: «Гладиаторы подвергались едва ли большей опасности, чем римские граждане, позволявшие вот так вот крутить себя из стороны в сторону».

Будучи побежденным в бою и приговоренным к тому, чтобы «получить меч» (*ferum ресіреге*), гладиатор, готовый к своей судьбе, встречал ее мужественно и твердо. Когда же поднятые вверх пальцы даровали ему пощаду, побежденный оставался в живых. Август гуманно отменил варварские бои, в которых не давалось пощады. Победителю даровали пальмовую ветвь и деньги, которые, вне всяких сомнений, повышали его привлекательность для женщин. Мы встречаем упоминания о старых гладиаторах, что говорит о том, что карьера гладиатора не обязательно прерывалась смертью. Эти ветераны, а иногда и новички, прошедшие всего несколько гладиаторских боев, по просьбе публики освобождались от своей службы распорядителем игр. В таких случаях им даровали рудис (*rude donati*), и в качестве рудиариев они счастливо доживали свой век.

Имеются и упоминания о гладиаторах выдающихся. Диоген Лаэртский не пренебрегает упоминанием четвертого Эпикура «...и, в конце концов, гладиатора». Спартак, Крикс и Эномай сбежали из фехтовальной школы Лентула, ушли из Капуи и разбили лагерь на склонах Везувия; они так действенно орудовали выкованными рабами железными мечами, что Афиней заявляет: «Если бы Спартак не погиб в бою, он бы натворил в нашей стране немало дел, как Эвн на Сицилии» ⁴⁴⁷.

Первый бой гладиаторов произошел в 246 г. до н. э. в форуме Боариум между Марком и Д. Брутом на похоронах их отца, во время сатурналий (наше Рождество) и праздников Минервы ⁴⁴⁸. Отменил их Константин Великий (306–333 гг.), но его указ, казалось, лишь вдохнул в это явление свежую кровь: пленных франков на арене в Треве убивали сотнями. В конце концов их полностью уничтожил Гонорий, тот, что возвел в сан мученика монаха Телемаха. Вряд ли нужно подробно рассказывать, как этот полезший не в свое дело священнослужитель бросился в амфитеатр, чтобы разнять дерущихся, за что был незамедлительно закидан камнями.

В конце концов пришло время отменить это славные зрелища; как это часто происходит, давний обычай стал использоваться не по делу, что в конце концов заставило Лактанция воскликнуть: «*Tollenda est nobis!*» ⁴⁴⁹ Злоупотребления начались при Дивусе Цезаре, который собрал для боев столько гладиаторов, что его недруги встревожились и сократили это число. Калигула сильно увлекался этими боями и даже произвел некоторых гладиаторов в командиры своей германской стражи. Он лишил мирмиллонов ⁴⁵⁰ некоторых

---

⁴⁴⁶ Поэтому единственным простым лечением, которое получал раненый гладиатор, было «освежение глотком щелочного раствора, приготовляемого из пепла». Имелся ли в виду антисептик на основе древесного угля, использование которого возобновляется сейчас?

⁴⁴⁷ Эвн был лидером восставших рабов в 130 г. до н. э.

⁴⁴⁸ Первым римским художником, изобразившим гладиаторов, был Терсний Лукан.

⁴⁴⁹ «Их вообще нужно запретить!»

⁴⁵⁰ Слово «мирмиллон», он же галл, кажется, происходит от кельтского слова, обозначающего рыбу.

видов оружия. Когда один из них, по имени Колумб, вышел из боя раненым, но живым, Калигула отравил его раны ядом, который впоследствии получил название «колумбиум». Нервный Клавдий (Кальдий) ассистировал на этом зрелище, «закутавшись, по новой моде, в плащ». Поощаив одного из проигравших гладиаторов, вняв мольбам четырех его сыновей, он пустил по амфитеатру табличку с напоминанием зрителям о том, как важно иметь детей, поскольку они могут обеспечить жизнь гладиатору. Позже он стал жесток. Если кто-нибудь из сражающихся падал, особенно если это был ретиарий, Клавдий приказывал убить его, чтобы насладиться выражением агонии на лице. Если двое бойцов убивали друг друга, император повелевал сделать из их мечей много маленьких ножей. Нравилось ему и наблюдать бестиарии; он сделал это зрелище очень жестоким и кровавым. Нерон во время своего «золотого пятилетия» приказал, чтобы ни одного гладиатора, будь это даже приговоренный преступник, не добивали; он же заставил сражаться на арене четыре сотни сенаторов и шесть сотен всадников, многие из которых были богаты и славны. Нерон поддерживал сторону фракийцев или пармулариян и часто присоединялся к восторгам публики в отношении прасины, или «зеленой фракции», чем, разумеется, компрометировал свою священно-беспристрастную позицию как императора. В конце своего правления, бывшего более жестоким ⁴⁵¹, услышав однажды, как хозяин школы гладиаторов заявил, что фракиец не хуже мирмиллона, а распорядитель игр не согласился с ним, Нерон стащил последнего со скамьи на арену и затравил собаками, повесив на него табличку «пармуларий-клеветник». Как «Неро» вызывал пересуды своей страстью к пению и игре на арфе, так и Коммод унижал себя любительским участием в гладиаторских боях. Он фехтовал хитро, но трусливо. Будучи сильным человеком и тренированным гимнастом, он надевал непробиваемые доспехи и сражался тяжелым мечом, а противникам его доставался только меч из свинца или олова. Даже гуманный Траян выставлял на зрелище после своих побед около десяти тысяч дакийских «единоборцев». Militarизм римлян делал их хорошо знакомыми с убийством. Так, Тацит заявляет: «Германцы порадовали нас зрелищем битвы, в которой было убито около шести тысяч человек». Это «представление гладиаторов» произошло возле Друзского канала, где римская стража на Рейне руководила происходящим с другого берега.

Гладиаторы пользовались мечами обоих видов – и прямым двусторонним клинком, и кривым. Димахеры, как явствует из их названия, имели два оружия: это могли быть либо два меча одного размера, как это делают японцы, или меч и кинжал, как это долго практиковалось в Средиземноморье. То же самое можно сказать и о *duos gladios*, которыми был вооружен галл, сраженный Торкватом. Гопломахи, вооруженные *cap-a-pie*, должны быть к тому же и меченосцами. Мирмиллоны были вооружены кривым мечом с лезвием со внутренней стороны (*gladio incurvo et falcato*): у Монфокона такой гладиатор выходит с длинным выпуклым щитом и коротким мечом «сика» ⁴⁵². Противником мирмиллона всегда выступал ретиарий, вооруженный сетью и трезубцем; Кортес встретил воинов с сетями в Мексике, это естественное оружие для рыболовов. Уинкельманн показывает бой между ними: ретиарий поймал свою рыбу и перешел к работе своим трезубцем-фусциной, а ланиста

---

⁴⁵¹ Если Нерон был тем чудовищем, каким его изображают комментарии и христианские источники того времени, можно только удивляться, как угораздило такого ярого противника христианства влюбиться в Актю, «сладкую и целомудренную христианку», и почему жители Рима так сожалели о его смерти. Есть предположения, что на самом деле самыми яркими гонителями первых христиан были наилучшие из цезарей – Веспасиан, Тит, Диоклетиан и Юлиан.

⁴⁵² Это слово, кажется, родственно словам «сахс», «сакс» и «сикс» – названиям оружия, от которых предположительно произошло название саксонцев. Он мог быть и прямым, и кривым, главной целью его было обеспечить тесное прилегание при ношении к телу или подмышкам, поэтому он был излюбленным оружием сикариев. Есть причудливая легенда о происхождении названия «Сицилия» от «сики», которую Хронос забросил в Дрепанум.

в тоге, с прутом в руке, стоит позади него и показывает, куда бить.

Отличительным признаком самнитов был большой щит скутум ⁴⁵³, присущий их племени, и листообразный греческий меч – так утверждает граф де Келюс, но на памятнике, воздвигнутом Каракаллой в Бато, клинок изображен ровным сверху донизу. Фракийцы выходили с круглыми щитами и не с большими мечами, которые отмечал Ливий, а с короткими ножами, которые Ювенал называет *falx supina* ⁴⁵⁴. Фракийский меч очень похож на тот, что используется на острове Кос. Уинкельманн приводит бой между двумя фракийцами, за спиной каждого из которых стоит его ланиста. Также мы видим там, как обнаженный гладиатор с мечом и щитом сражается с другим, одетым в нагрудный ремень, юбку (*subligaculum*) и сапоги, со щитом и треххвостым би-чом-флагеллумом.

Гладиаторы четко отделялись от бестиариев, которые сражались с дикими зверями. Одни выступали в форуме, другие – в цирке. И еще: бестиариев, которые могли бы похвастаться, что к их числу принадлежал и святой Павел, не надо путать с преступниками, которых бросали на растерзание львам, не давая им ничего для самозащиты, – так поступили с Ментором, Андроклом и членами первых христианских общин ⁴⁵⁵. У бойцов со зверями были свои школы, *scholae bestiarum* или *bestiariorum*, где они тренировались в обращении с оружием и получали плату – *auctoramentum*. Оружие у них было разное – по большей части их изображают с мечом в одной руке и полотнищем в другой, с поножами на левой ноге. При Дивусе Цезаре преступников первое время выпускали против зверей с серебряным оружием. До наших дней этот обычай дожил в виде испанской корриды. В Англии бои гладиаторов в той или иной степени существовали до времен Аддисона. Среди профессиональных бойцов дольше всех живет слава «великого кочевника Фигга, которого знатоки боев прозывали «королем клинка» ⁴⁵⁶.

И в завершение этого обзора гладиаторских боев: большинство популярных видов спорта жестоки, но не стоит путать, как это часто делают, жестокость со зверством. Жестокость может сочетаться с великим умом, зверство же характеризует пониженный интеллект. Каждый народ склонен порицать любимые соседями затеи. Английские охотники на лисиц и голубей ⁴⁵⁷ сурово отзываются о корридах и петушиных боях – классических восточных забавах, которые сохранились в Испании и испанской Южной Америке ⁴⁵⁸. Боксер, который на скромной дистанции изображает кулачный бой, излюбленный греками и

---

⁴⁵³ Такие щиты из ивовых прутьев использовали также сабиняне.

⁴⁵⁴ Собственно *falx* – это большой режущий меч с ровным или зазубренным лезвием и с крюком, торчащим из задней части загнутой головки. Кроме этой, существует еще много его разновидностей. Одна – это просто кривой клинок; вторая – листообразный клинок со внутренним крюком, а на третьей имеется, помимо острия, еще и серп на задней стороне. От слова «*falx*» происходит термин «фальчион».

⁴⁵⁵ Ментора упоминает Плиний (VIII, 21). История Андрокла хорошо известна: его помилovali и подарили ему его нового друга – льва, которого он впоследствии водил по Риму, несомненно, собирая немало медных монет.

⁴⁵⁶ Капитан Годфри назвал его «атласом меча», а Горф обессмертил этого отважного «простолюдина» в своих книгах «Путь разврата» и «Южная ярмарка».

⁴⁵⁷ Неприятно видеть распространение этого бесчеловечного и подлого «спорта» за границу: уже проходила охота на голубей в Венеции во время Географического карнавала, он же конгресс, в сентябре 1881 г. Низкий поклон английским принцам, которые порицают эту бойню у себя дома. Или еще охота на лисиц: единственная польза, которую она приносит, – это оборот примерно в миллион ежегодно.

⁴⁵⁸ Я описал петушиный бой на Канарских островах (К Золотому Берегу за золотом. I. Гл. 9). Известная история о Фемистокле и петухах сделала это развлечение классическим. Говорят, что Александр Великий распял сборщика налогов из Александрии, который убил и съел знаменитого бойцового петуха.

римлянами, кажется пораженным зрелищем французского бокса, украшенного саватом, и бразильской капуэйры, где бьют головой. То же самое происходит и с другой стороны. Наличие или отсутствие честности должно, как мне кажется, осуждать или судить все возможные виды спорта, которые не являются совсем уж варварскими. И если подойти с такой меркой, мы не будем слишком строги к гладиаторским боям Рима.

Теперь я перейду к описанию меча у римлян, что будет проще, чем описание меча греческого.

Когда в начале южноевропейского железного века произошло так называемое «основание Рима», предполагается, что его граждане, как и их предшественники – этруски, изначально делали клинки из меди и бронзы, позаимствовав у греков листообразную форму лезвий, которая и сохранилась впоследствии у гладиаторов. Этот материал продолжал использоваться и в стальном веке, но уже с самого начала римляне предпочитали более твердый материал. Плиний выразительно рассказывает нам, что Порцена, после своей недолго продержавшейся победы, запретил будущим хозяевам мира использовать железо для каких-либо других целей, кроме сельскохозяйственных; небезопасно было держать даже стилус. Полибий отмечает, что в его дни использование бронзы было ограничено только доспехами – шлемами, нагрудниками, поножами. Все оружие – мечи, копья и т. д. – либо изготавливалось из стали, либо имело стальные наконечники. Этому превосходству в материале оружия мы и можем приписать успех римлян во 2-й Пунической войне (218–201 гг. до н. э.) и завоевание ими храбрых галлов, ведь противники не могли противопоставить им ничего, кроме бронзы. Да, римляне имели право назвать меч *ferum* 459.

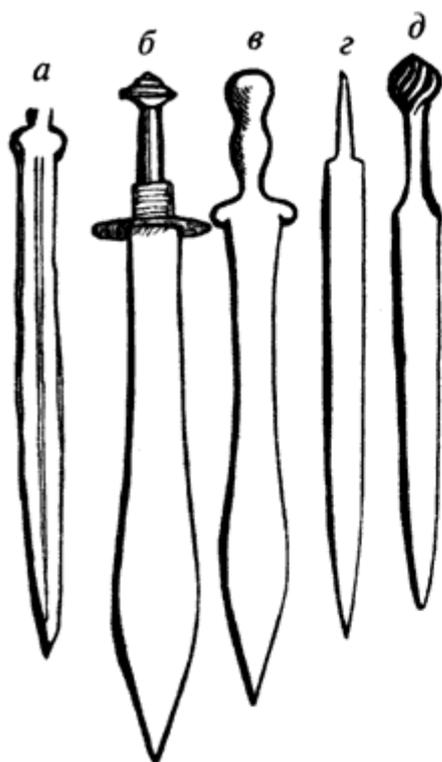
Римляне называли меч «энсис», «гладиус» 460 и «спата». Два последних слова используются Квинтилианом как синонимы; но первое в наше время стало чисто поэтическим. Теории о происхождении этих слов неубедительны. Восс находит слово «энсис» в *ἐγχος*, «гаста»; санскритолог увидит его в «аси» – «меч», в авестийском «ан». Слово «гладиус» принято считать происходящим от «a clade ferenda, quasi cladius» (Варрон и Литлтон); Восс предпочитает *κλάδος* («рамус», «молодая ветка» – что и представляло собой первобытный меч); другим это слово кажется родственным кельтскому «клад» – «разрушитель». О происхождении слова «спата» я уже говорил: Светоний считает его равнозначным с махерой; но это слово, как и уменьшительное от него, «махериум», используется в слишком общем смысле.

Римский меч, как и все остальное оружие, был длиннее, крупнее и тяжелее, чем греческие аналоги. В первичной форме «рука героя» Вергилия и Ливия представляла собой короткое одностороннее режущее бронзовое оружие, именуемое также «галльским мечом», поскольку издавна сохранялось у этого народа. Она показана в руках римских наемников (рис. 276). Другой из самых ранних форм меча, если не вообще самой ранней, была листообразная, при которой длина клинка изменялась от девятнадцати дюймов (клинок, найденный в Микенах) до двадцати шести (находка Бингена). Последний весьма причудлив: рукоять его украшена бронзой, и он снабжен крестовиной. На другом клинке (рис. 277), слепок с которого находится в Музее артиллерии в Париже, видно клеймо оружейника: «Sabini (opus)».

---

459 Так, *Μελίη* и древнегерманское *Ask* (яшень) обозначает лук; есть много примеров подобного словоупотребления.

460 Марчионни пишет, что гладиус – короткий и широкий пехотный меч, а энсис – длинный и широкий кавалерийский, по сути дела, то же самое, что и спата. И эта точка зрения достаточно распространена.

Рис. 274. Мечи:
а — римский меч
(19 дюймов в длину),
б — гладиус

Рис. 275.
Бронзовый
обоюдоострый
древнеримский
энсис¹

Рис. 276.
Меч
римского
наемника

Рис. 277.
Римский
меч (Музей
искусств)

461

Третья форма, которую чаще всего отождествляют с римскими солдатами, сильно напоминает ту, что ввел во французской армии маршал Сульт (не без денежной выгоды для себя лично). За среднюю длину его можно принять двадцать два дюйма, эфес имеет длину шесть дюймов, имеется (правда, не всегда) крестовина длиной четыре с половиной дюйма и толщиной в четыре слоя. У некоторых экземпляров есть четко определенные гарды (рис. 274, б). По всей длине клинка тянется ребро жесткости; клинок либо прямой, либо слегка сужающийся к острию, которое выдается вперед ⁴⁶². Этот толстый тяжелый клинок, используемый для *caesim et punctim* ⁴⁶³, был самым эффективным для ближнего боя, и римляне быстро постигли неизвестную большинству жителей Востока истину о том, что рубящий удар ранит, а колющий – убивает. Следовательно, они быстро научились презирать старые мечи, короткие и кривые. Это национальное оружие, должно быть, использовалось уже Эмилием в битве при Теламоне (225 г. до н. э.), поскольку Полибий отмечает, что римский клинок не только колет, но может и неплохо рубить.

Вскоре после этой битвы римляне во время своих первых вторжений на испанский полуостров (219 г. до н. э.), направленных на низвержение власти Карфагена, приняли на вооружение испанский гладиус, включая и кинжал пугио (рис. 280); переход с бронзового оружия на стальное охватил всех после битвы при Каннах. Превосходство в материале

⁴⁶¹ Острие его называлось *suspis* – это слово никогда не применяется в отношении *muco*, *acies* – кромки.

⁴⁶² Этот клинок сильно напоминает клинок, обнаруженный в Остирботтене в Финляндии, за исключением того, что у последнего сохранился хвостовик.

⁴⁶³ Рубяще-колющего действия.

оружия немало помогло римлянам победить своих строптивых соперников. Римский проконсул М. Фульвий захватил в 192 г. до н. э. Толедо, Толетум, «город небольшой, но занимающий выгодное положение»⁴⁶⁴; он предоставил завоевателям наилучший метод закалки стали, связанный, как мне кажется, не зря, с водой реки Тахо. Последовавшее за этим завоевание царства Норикум⁴⁶⁵ (Штирия, 16 г. до н. э.) предоставило в их распоряжение столь же превосходные месторождения. Из трудов Плиния и Диодора Сицилийского мы в совершенстве знаем о том, как кельтиберы добывали и обрабатывали железную руду. Из этого материала делалась спата, или иберийский клинок, – это имя он получил уже при империи, особенно при Адриане (117–138 гг.). Длинный, обоюдоострый и более тяжелый, чем короткий ксифос-гладиус, он влил свежие силы в *impetus gladiatorum*.

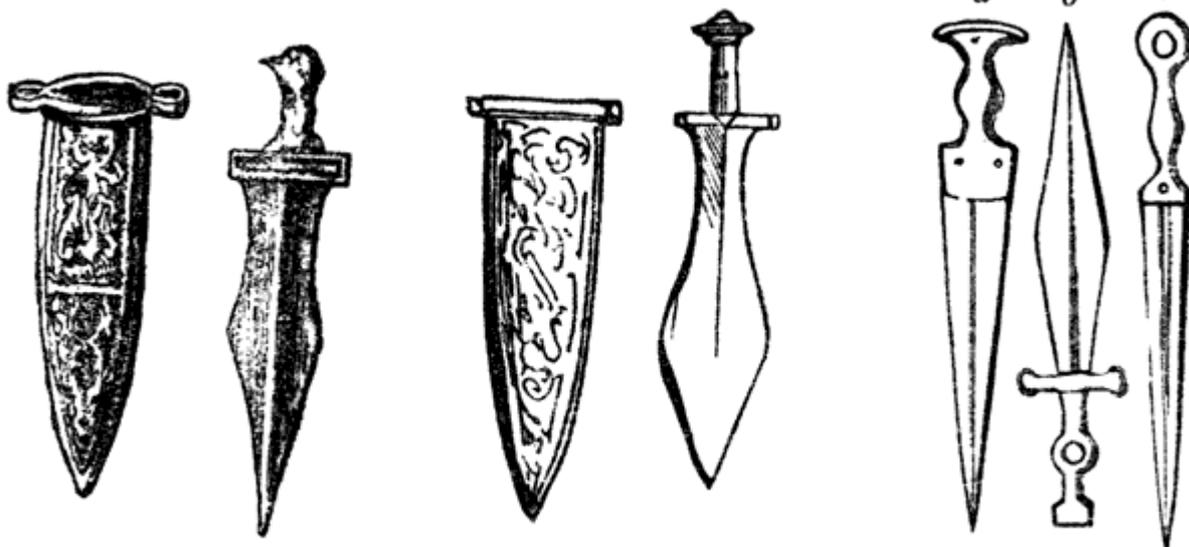

Рис. 278.
Меч и ножны

Рис. 279.
Меч и ножны

Рис. 280. Пугио

Во времена Цицерона меч явно уже был длинным, иначе как объяснить шутку, направленную против его зятя; и Макробий выразительно описывает нам, что Лентул носил клинок, который он оценил как «соломенный». Во времена Феодосия (378–394 гг. до н. э.) длинное и прямое оружие времен Адриана вновь укоротилось до такой степени, что длина его разве что раза в два превышала длину рукояти; в итоге этот меч стал паразониумом.

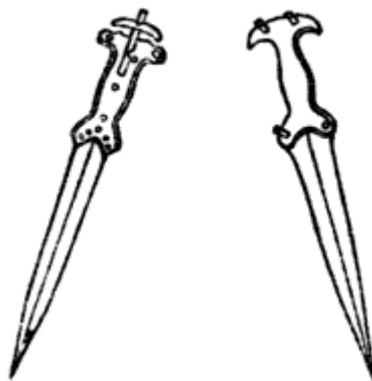
Паразониум, пугио⁴⁶⁶, или кинжал, сопровождал гладиус в поздние дни империи и носился на том же (иногда на отдельном) поясе, обычно с противоположной стороны. Это греческий *εὐχερίδιον*, и нам очевидно его египетское происхождение. Материалом для него служили достаточно чистая медь, бронза и сталь. Что касается формы, то это был обоюдоострый стилет, или скорее ланцет (рис. 280, б), что указывает на его происхождение от копья. Он замечательным образом напоминает кинжалы, найденные в египетских гробницах (рис. 280, в), и оружие с Z-образным сечением, какое все еще используют на Кавказе и в Персии. Хвостовик, как правило, оформлен таким образом, чтобы с обеих сторон к нему крепилось по деревянной пластине: излюбленным материалом была сердцевина

⁴⁶⁴ Ливий. XXXV, 12. Согласно испанским традициям, Толетум был основан в 540 г. евреями, которые назвали его Толедот, а арабы – Таваллуд, «мать городов».

⁴⁶⁵ В строгом смысле – южнодунайские земли от Венского леса до Инна. Местом масштабной добычи железа был Лаурациум (Лорч, под Эннсом). С 16 г. до н. э. это была провинция, управляемая прокуратором.

⁴⁶⁶ Паразониум = *παρά* + *ξώνη*. Слово «пугио» происходит от *pugnus* (πύξ), «кулак»; некоторые считают его происходящим от *rungere* («протыкать»).

сирийского терпентинного дерева.

**Рис. 281. Обоюдоост-
рые римские стилеты**

Рукоять гладиуса оставалась бронзовой еще долгое время после того, как клинок стал делаться из стали. Ручка чаще всего делалась из дерева, которое крепилось с помощью металлических заклепок; более богатые мечи делались из кости, янтаря и алебастра, серебра и золота. Эфес оканчивался капюлом; эта металлическая головка эфеса ⁴⁶⁷ в простейшем виде представляла собой плоскую отливку или ступенчатую пирамиду. Но в наше время это «яблочко» превратилось просто в украшение: Плиний жалуется на него, а Клавдиан говорит о *capulis radiantibus enses* ⁴⁶⁸. Эта мода продолжалась и в Средние века. Рукоятка часто увенчивалась, по ассирийской моде, головой какого-нибудь животного; в Риме чаще всего для этой цели выбиралась голова орла. В Королевском арсенале (Турин) находится прекрасный римский широкий меч с причудливой рукояткой ⁴⁶⁹ и головой барана на рукояти. Гарды рукоять, как правило, не имела, максимум – простую крестовину или небольшую гарду овальной формы ⁴⁷⁰.

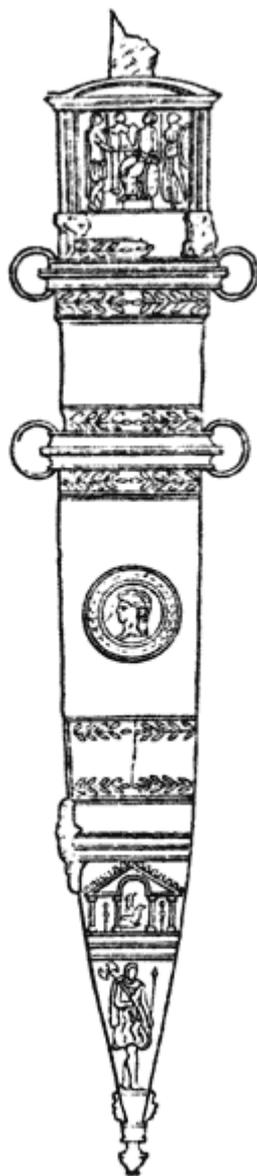
---

⁴⁶⁷ Смит переводит *capulus* как «рукоять». Головка же эфеса лучше подходит для объяснения легенды Овидия о Тезее, который, появившись впервые перед своим отцом Эгеем, был опознан по знаку на костяном капюле своего меча и тем избежал отравы Медеи. Более того, «золотая рукоять меча, украшенная бериллами», была бы крайне неудобна.

⁴⁶⁸ Мечи с конусообразными головками (лат.).

⁴⁶⁹ На этой рукояти – четыре углубления для пальцев. Эта система вмятин снова вошла в обиход недавно, как показывают мечи Виктора-Эммануила и генерала Ламармори в Муниципальном музее Турина.

⁴⁷⁰ Пластины гард, так же как и крестовины, были обнаружены в Галлии.

Рис. 282.
Меч Тиберия

Ножны изначально делались из кожи или дерева и заканчивались фибулой – металлической застежкой в форме полумесяца. Некоторые ножны на памятниках, где с мечом, как и со шлемом и пилумом, обращались достаточно вольно, имеют по три кольца с каждой стороны; и, поскольку на поясе колец было только два, объяснить смысл остальных пяти нелегко⁴⁷¹. В дни расцвета империи ножны, как и эфес, головка и застежка, делались с золотым и серебряным рельефом, и на каждом участке их были видны инкрустации драгоценными камнями, что делало ножны шедевром искусства. Таков, например, меч, или, скорее, паразониум Тиберия, выкопанный в Майнце в 1848 году и находящийся ныне в Британском музее. Сами ножны, устье их, кольца с обеих сторон и застежка усилены и украшены рельефами из золота и серебра, а в центральном поле – портрет красавца «Биберия». У другого паразониума (Англо-римская коллекция) – железный клинок и бронзовые ножны.

При правлении Константина II (350 г.) и благородного и славного Юлиана Отступника эта чрезмерная роскошь была пересмотрена. Последний внял урокам восточных персов,

---

⁴⁷¹ Эти кольца встречаются на ножнах Тиберия.

парфян и сарматов (славян?); более того, он принял на вооружение известное в Ниневии забрало шлема и кольчугу, которую мы видим на Траяновой колонне. Результатами этих реформ потом еще долго пользовались в рыцарскую эпоху. Меч носили на «балтеусе» – это этрусское слово применялось как к португее, так и к поясу. И то и другое делалось из кожи или ткани, либо простой, либо вышитой, с металлическими пластинами, многочисленными и искусно сделанными кольцами и пряжками, застежками и брошками из самых дорогих материалов. Принято считать, что гладиус и последовавшую за ним длинную колюще-рубящую спату носили подвешенными справа, как это принято у персов. С другой стороны, старый энсис подвешивали слева, на манер египтян, ассирийцев, индийцев и прочих «варваров»⁴⁷². Последнее позволяло воину извлекать меч из ножен в безопасном положении, протягивая за ним руку поперек тела, прикрытого щитом. К тому же при этом он мог сразу прихватывать большим пальцем тыльную сторону клинка, где, собственно, большой палец и должен находиться всегда, особенно при нанесении рубящего удара. Однако же я считаю, что римляне, как и греки, носили меч и с той и с другой стороны⁴⁷³.

Сведений об особенных римских мечах у нас нет – разве что из книг. Например, мы знаем о «клюдене» – телескопическом мече фокусников, который складывался в рукоять. «Ваш страх перед сталью так велик, – заявлял в его оправдание Апулей, – что вы боитесь даже танцевать с мечом».

Железные римские клинки встречаются не часто, хотя делали их, должно быть, миллионами. Капитан Гроуз зарисовал один клинок листообразной формы, похожий на современные сомалийские, найденный в Северне под Глочестером. Мейрик рассказывает, что в Вудчестере был обнаружен железный клинок меча, похожий на большой и широкий нож (древнейшая форма гладиуса?) и кинжал (пугио) около фута длиной, очень похожий на современный французский штык. Он отмечает и еще один железный гладиус девятнадцати с половиной дюймов длиной, с латунной застежкой. Преподобный Т. Дуглас в своей «*Naenia Britannica*» показывает находку, обнаруженную в одном кентском кургане. Это меч длиной от острия до головки эфеса тридцать пять с четвертью дюйма; железное лезвие его, тридцати дюймов в длину и двух дюймов в ширину, плоское и обоюдоострое. Деревянная рукоять его сгнила; ножны были сделаны из дерева и обтянуты кожей, а висело само оружие на кожаном ремне слева. Раскопки в Саут-Шилдс принесли, по словам преподобного Дж. Коллингвуда Брюса, пять римских мечей длиной от двух до трех футов с деревянными ножнами и бронзовыми крюками или застежками.

Если Греция обеспечила золотую юность европейской цивилизации, то Рим породил человека античности. Он учил собственным примером и преподавал вечный урок священности индивидуума и нации, закона, правосудия и абсолютной терпимости в вопросах религии. Рим не боялся быть великим, и сомнений насчет «территориальных приобретений» он не знал. Тогдашние хозяева мира творили свои чудеса побед и завоеваний с помощью этих технологий, устремляемые могучей волей, волей столь узконаправленной и столь постоянной, что она преодолевала все препятствия. Подобный талант решительности и упорства продемонстрировали турки предыдущего поколения, которые, будучи просто конными варварами, смели все сопротивление: так, арабы до сих пор говорят: «Сядь на чистокровного скакуна, и османец догонит тебя и на хромом осле!» В силу такого же упорства и кельто-скандинавы (я бы не стал называть их англосаксами), современные англичане, оказались достойными последователями древних италийцев и из своего уголка мира, своего клочка бледной суровой суши распространили свое влияние далеко за пределы

---

⁴⁷² Йенс приводит иллюстрацию, на которой изображен «Эннейский» памятник в Бингене; там изображен двойной балтеус, застегнутый вокруг пояса, на котором справа висит длинный меч – спата, а слева – пугио, причем оба перпендикулярно. Римский паразониум в коллекциях встречается тоже редко.

⁴⁷³ В этом вопросе следует особенно осторожно относиться к гравировкам, особенно на вазах и т. д. Неосторожные художники часто приводят зеркальные изображения человеческих фигур.

мира, известного цезарям Рима. Оказалось, что нужно всего лишь помнить призыв «вперед!» и не забывать, что стоять на месте – значит откатываться назад.

Римляне времен республики были непревзойденными солдатами своего времени. Они превосходили лучших современных солдат в дисциплинированности, верности вождям, стойкости к лишениям, нагрузкам и усталости. Но стоит взглянуть на любую из их кампаний – с помощью знаменитых «Комментариев», – как становится ясно, насколько они целиком и полностью зависели от своих командиров. Когда их возглавляли второсортные и третьесортные людишки – каковыми всегда являлись, являются и будут являться большинство генералов, – римских воинов подлейшим образом громили, даже в самые славные дни Рима, варвары – брэннские галлы, орды полурабов Ганнибала, дегенерировавшие греки Пирра с их «огромными, сотрясающими землю животными» и вооруженная толпа, которую черусканец Арминий (Ормин или Герман) повел против Вара. Кампании римлян, всегда увенчивающиеся в конце концов успехом, были отмечены множеством частных поражений; а в случаях внезапных и страшных тревог слишком часто римские солдаты пугались и обращались в бегство. На самом деле в «солдатском бою» они сражаться не могли, но этого и сейчас не умеет практически никто, кроме англичан и славян.

Однако если римлян вел военный гений, римские солдаты демонстрировали чудеса храбрости и воинской доблести. Юлий Цезарь, победивший в пятидесяти битвах, который мог утихомирить мятежников одним лишь словом, никогда не ошибался, указывая им путь к победе. Секрет беспрецедентного успеха великого эпилептика ⁴⁷⁴ мы узнаем от него самого – это та тщательность, с которой он готовил каждого воина. «Он наставлял солдат (объясняя им новый вид атаки) не так, как бывалый генерал учит выстроившихся солдат, а как ланиста тренирует своих гладиаторов. Он учил их, какой ногой делать шаг при наступлении или отступлении, когда следует остановиться и закрепиться, когда изобразить ложную атаку, как и когда метать дротики» ⁴⁷⁵.

Сама гордость его помогала ему управлять, и, попадая в полосу неудач, он сжимал рукоять меча, повторяя: «Вот что даст мне все то, что мое по праву!» А о его «политике» (как это называют греки) мы можем судить по тому, что о нем рассказывает Полиен. «Командиры учили римлян, что солдату не следует украшать себя золотом или серебром, а следует полагаться на меч», – пишет Ливий. Но вот Божественный Цезарь поощрял солдат к тому, чтобы они украшали свои мечи как можно большим количеством драгоценностей – причиной тому было здравое рассуждение, что такой меч они вряд ли бросят, когда будут убегать от врага. И хотя Цезарь не стеснялся грабить и обирал даже храмы богов, он, как и командиры наемников нашего времени, всегда тщательно следил за тем, чтобы солдаты были сыты и получали регулярное вознаграждение посредством «трофеев».

У римских солдат было еще одно качество, которое еще не совсем покинуло латинян.

---

⁴⁷⁴ В критический момент битвы при Тапсе с Цезарем, согласно Плутарху, случился эпилептический припадок. Некоторые из величайших людей древности были подвержены «падучей». Египтяне считали эти припадки демонстрацией власти Тифона; отсюда и «священная болезнь» Апулея, и странные фантазии об «одержимости бесами», преобладавшие в старину и не изжитые полностью до сих пор. Ученый Кэнон Фаррар считает, что причиной этой болезни является «шип в теле», который упоминает великий апостол. Он приводит сведения о «трансах» Сократа, о припадках Магомета, об экстазах святых Бернара, Франциска, Катерины Сиенской, добавляя к этому списку Джорджа Фокса, Якоба Бема и Сведенборга.

⁴⁷⁵ Это пример творчества гения и в то же время урок для военных вождей, но кто из наших современников практикует такой подход или хотя бы способен его практиковать? Правда, Суворов сам учил своих солдат штыковому бою, сняв шинель и засучив рукава; заурядных военачальников передернуло бы от одной мысли об этом. У русских, кстати, весьма любопытные представления об использовании этого оружия: «Братя! Не смотрите противнику в глаза – пристально глядите ему в грудь и вонзайте в нее штык». Первое правило генерала – всегда быть вместе со своими солдатами, есть с ними из одного котла и самому вести их, если потребуется, в атаку. А что было в обычае у несчастного лорда Раглана и его преемника генерала (Джимми) Симпсона? Неудивительно, что реданское начинание провалилось.

Они знали «волшебство повиновения» и то, что «le monde est la maison du plus fort»⁴⁷⁶. Римский солдат не дегенерировал, пока гражданские не подали ему пример. Велей Пагеркул определяет падение доблести римлян с разрушения Карфагена, когда гражданские споры разрешались с помощью меча; другие – с наплыва роскоши при Лукулле. Но все же Плиний мог хвастаться своими согражданами: «Они, несомненно, превзошли все народы в доблести».

Однако римские солдаты одержи вали победы и над теми народами, представители которых превосходили их размером, весом и силой. Превосходство римлян в области вооружения уже не было столь заметно, когда римляне столкнулись с «варварами», особенно варварами северными, после того как последние научились дисциплине, уверенности духа и практическому военному искусству не хуже, если не лучше самих римлян. Жители северных европейских широт всегда превосходили южан в росте, весе, силе и той таинственной субстанции, что зовется жизненной силой. Поэтому есть антропологическое правило, что северяне всегда побеждают южан; в Южном полушарии, конечно, все наоборот, что мы видим на примере войны южноамериканских республик (Чили против Перу). В Европе в качестве примеров я могу указать хотя бы на то, что скандинавские северяне завоевали Нормандию, а норманны-французы победили англичан. Редкие исключения легко объяснить. Гений Божественного Цезаря привел к победе его римлян над галлами и подчинению последних. Для Наполеона дорога на Берлин оказалась открытой. Но такие монстры разума, как двое последних, появляются на свет не часто, и для того, чтобы повторить такое, человеческой природе надо передохнуть.

Те, кто непредвзято читает историю, вынуждены будут признать, что жизнь и судьба страны в основном определяются ее размером и силой. Нужно только просчитать, сколько футов и фунтов страна может поднять, и можно будет предсказать ее, так сказать, будущее⁴⁷⁷.

Глава 13 **МЕЧИ ВАРВАРОВ (НА ПЕРИОД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РИМСКОЙ** **ИМПЕРИЕЙ)**

Большая часть научных трудов, посвященных оружию, когда речь заходит о Риме, описывает и оружие его европейских соседей, «о которых империя точила свой меч, как о точильный камень»⁴⁷⁸. Широта вопроса принуждает меня здесь к тому, чтобы обозреть всех в общих чертах, начиная с дакийцев на востоке и заканчивая Британскими островами.

Дакийцы, особенно из Дакии Траяна – Венгрии и Трансильвании, Молдавии и Валахии, известны нам в основном по барельефам на Траяновой колонне. Ее воздвиг этот император, который, как Адриан, следовал по стопам Божественного Цезаря, чтобы ознаменовать победы 103–104 годов; датируется она тремя годами до его смерти в 117 г. Дакийский меч был приблизительно серпообразной формы, режущей была внутренняя кромка лезвия, как у старейших греческих мечей и их прообраза, египетского хопша. Трофейный дакийский меч,

---

⁴⁷⁶ «Мир – это самый надежный дом» (фр.).

⁴⁷⁷ Это чистый и простой материализм, но на это явление указывают все течения современной науки. Таинственная «жизнь» – это больше не «жизненная сила»; она просто представляет собой общую сумму энергии и протоплазмы. «Жизнь – свойство протоплазмы или биоплазмы, и она является последним продуктом мысли и исследования». Я могу добавить к этому, что Сознательность, как и Воля, является свойством жизни, как таковой, во всех ее видах; состояние и условие существования малейших частичек мозга и всего тела – простая последовательность недооцененных доселе предшествующих стадий развития.

⁴⁷⁸ Флор. II, 3.

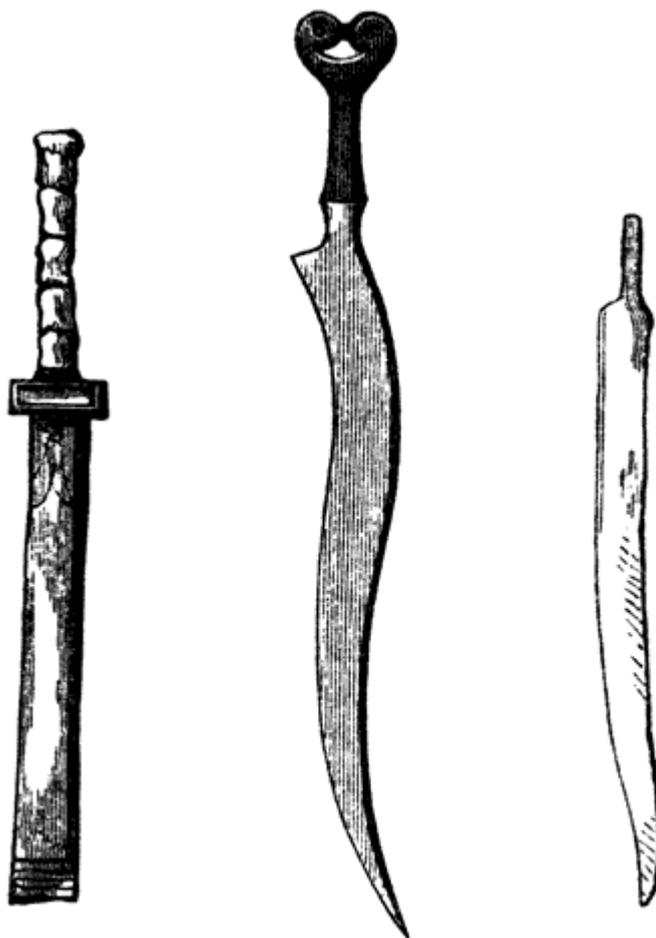
принадлежащий доктору Грегорутти из Паприано, является кривой саблей без крестовины.

Я уже упоминал о мече фракийском. Доктор Эванс упоминает фрагмент замечательного бронзового клинка из греческой Феры; на нем посередине, между двух чуть выпуклых ребер жесткости, сделан узор в виде маленьких золотых топоришков, имеющих форму боевых топоров. Этот же автор, описывая красивый бронзовый меч из Берлинского музея, который считается найденным в Пелле, Македония, упоминает о том, что этот предмет может иметь и рейнское происхождение.

В древней Иллирии римский гладиус сохранился вплоть до относительно недавней эпохи. В боснийских могилах славян – мусульман и христиан находят короткие прямые колющие мечи с простой крестовиной и круглой головкой эфеса. Они кажутся скопированными с некоей древней монеты.

Древнее кладбище в Гальштате, Зальцкаммергут, населенном дунайско-кельтскими аланами или нориканскими таврихиями, представляет особый интерес по двум причинам. Во-первых, там нашли бронзовый меч, совпадающий по времени с эпохой железа, во-вторых, оно доказывает, что смена материала не привела к значительным изменениям в форме и характере самого оружия. Впрочем, этого и следовало ожидать, поскольку оба меча были приспособлены для одной цели – колоть, а не рубить. Из двадцати восьми длинных мечей шесть были сделаны из бронзы, девятнадцать – из железа, у трех были бронзовые рукояти и железные клинки. Меч размером длиной 1 метр имел листообразную форму, обоюдоострый клинок и выдающееся острие. Маленькая, лишенная гарды рукоять 25 сантиметров в длину, сделанная из бронзы, накладывалась на хвостовик пустой частью, как на британском мече, находящемся в Таузере, и крепилась металлическими заклепками. Головка эфеса представляет собой либо металлический конус, либо вилку с завитками, которой завершалось и то и другое оружие.

Доктор Эванс отмечает, что в одном случае из бронзы сделаны и рукоять, и головка эфеса железного меча, а в другом – только головка; гарда же плоская и проклепана, как на бронзовых мечах. В других мечах не хватает головки эфеса. Есть у него и сломанный железный меч из этого кладбища, меч с закругленным центральным ребром и с небольшим шариком на каждой стороне. Есть также и «красивый бронзовый меч» из той же местности, на клинке которого находятся два небольших выпуклых шарика с каждой стороны центрального ребра, а на промежутках между ними – выгравированная трехступенчатая волнистая линия. В данном случае хвостовик проходит сквозь рукоять, которая состоит из чередующихся слоев бронзы и некоего утраченного материала – возможно, кости. У великолепного железного меча из Гальштата, ныне находящегося в Венском музее, рукоять и головка эфеса инкрустированы янтарем. В других случаях рукояти делались из бронзы, дерева или кости. Материалом ножен служило по большей части дерево, видимо обтягивавшееся кожей. Большинство клинков клались в захоронения без ножен, и бронза их была целенаправленно сломана.

Рис. 283.
Германский или
славянский меч

Рис. 284.
Скрамасакс
из Гальштата

Рис. 285. Датский
скрамасакс (IX век,
Копенгаген)

Сорок пять коротких мечей представляют нориканские мечи – во дни Рима они еще использовались. Железные клинки имеют либо листообразную форму, либо похожи на причудливый английский анелэйс, или анлас, более-менее конический и остроконечный; рукоятка их из бронзы или кости оканчивалась простой раздвоенной вилкой. Среди них есть явный скрамасакс, который можно сравнить с более поздним датским оружием.

Бронзовые клинки в Италии встречаются сравнительно редко, хотя использование их продолжалось довольно долго, и латинские авторы часто упоминают это оружие в стихах и прозе. Кажется, это дает ответ на вопросы о римском происхождении североευропейских мечей; конечно, есть вероятность, что они, как и римский алфавит, были скопированы с монет; но есть и другие моменты, противоречащие этой точке зрения. Доктор Джон Эванс ⁴⁷⁹ отмечает причудливость, на которую он часто указывал на словах, но еще не упомянул в печатном виде. «Дело в том, что обычно, хотя это и не общепринято, существует соотношение между длиной клинка и длиной пластины рукояти; у длинных мечей, как правило, длинные и пластины клинка, а у коротких мечей – короткие. Это правило пропорций соблюдается так строго, что рисунок длинного меча в пропорции один к шести

---

⁴⁷⁹ Эванс отмечает также маленькие рукояти бронзовых мечей: «факт, который, кажется, доказывает, что люди, орудовавшие этими мечами, были сложения довольно среднего». Он отрицает, что они были очень уж маленькими, полагая, что расширяющаяся часть рукояти была рассчитана на то, чтобы находиться в захватываемой рукой области. Я уже объяснял, что рука была специально ограничена для того, чтобы придать больший импульс силы режущему движению.

иногда может полностью совпадать с рисунком меча, который на треть короче, если пропорции второго рисунка будут один к четырем». Это позволяет предположить, что изначально идеальный образец меча появился в одном центре и оттуда распространился во все стороны. Несложно догадаться, что центром этим была долина Нила.

Итальянские бронзовые мечи представляют некоторые формы, которых в Британии не найдешь. Края режущих кромок их точно параллельны, у многих из них есть тонкий хвост у рукоятки – иногда с одним центральным отверстием для заклепки, иногда – с двумя отверстиями для заклепок, образующими петли с обеих сторон стержня. В других мечах клинок слегка сужается к хвостовику, и на каждой стороне его – два полукруглых выреза для заклепок. Во многих итальянских и французских мечах клинок сводится к длинному сужающемуся острию так, что режущие кромки его образуют стреловидный изгиб. На одном итальянском «квинкуссе» – овальной бронзовой монете, шести и пяти восьмых дюйма в длину и трех дюймов в ширину, весившей около трех с половиной фунтов, изображен меч листообразной формы с выдающимся из середины клинка ребром. На реверсе ее изображены ножны с параллельными краями и почти круглой оковкой. На реверсе другой похожей монеты, выгравированной Карелли, изображены практически такие же ножны, но вот меч, изображенный на аверсе, либо находится в ножнах, либо имеет не листообразную форму, а стороны его параллельны: рукоять тоже изогнута, есть крестовина. В общем, на одной монете меч выглядит как римский железный меч, а на другой – как листообразный бронзовый меч. Эти предметы, по словам доктора Эванса, несомненно были отлиты в Умбрии, возможно в III веке до н. э., но вот отнесение их к Аримину, как минимум, сомнительно. Из двух видов меча, появившихся на монетах одного вида, можно сделать вывод либо о том, что в Умбрии бронзовые мечи были вытеснены железными, либо о том, что изначально видом меча было некое священное оружие, позже видоизмененное, чтобы представлять обычный используемый предмет.

Железные мечи италийских племен упоминаются редко и вскользь. К примеру, Диодор Сицилийский (V, 33) сообщает нам, что у лигуров были мечи обычного размера. Возможно, они приняли на вооружение меч римской формы, который доказал свою эффективность на поле боя.

Двигаясь дальше на запад, мы читаем, как Диодор Сицилийский (V, 33) описывает кельтиберское оружие: «У них были обоюдоострые мечи из хорошо закаленной стали, кроме этого – кинжалы, длиной в пядь, для ближнего боя. Они делают железное оружие замечательным способом: закапывают железные пластины в землю на срок, достаточный для разрушения слабых составляющих, поэтому в дело идет только самая чистая и сильная часть железа. Мечи и прочее оружие делали из таким образом подготовленной стали, и они рубят столь действенно, что ни щит, ни шлем, ни кость не могут выдержать такого удара». Плутарх повторно приводит это описание, воплощающее все еще бытующее представление о дамасской (персидской) сабле и толедской рапире. Сведенборг включает закапывание в список различных способов изготовления стали; а Бекменн, вслед за Фанбергом, заявляет, что в Японии такая технология используется до сих пор.

Рис. 286.
Клинок и
рукоять из
бронзы с
частью орла

В коллекции генерала Питт-Риверса есть два меча из Испании. Первый – бронзовый, имеет форму близкую к листовидной и тонкое вытянутое острие. Длина его – двадцать один дюйм; ширина в самой широкой части – два дюйма, у рукояти – один дюйм с четвертью; хвостовик его сломан, а в плече, ширина которого два дюйма, – два отверстия для заклепок. Второй меч, именуемый владельцем «копис», тоже имеет в длину двадцать один дюйм и два с половиной – ширину, широкую тыльную сторону и клиновидное сечение. Режущая кромка у него внутренняя; целиком очертания замечательным образом напоминают непальский куккри. или кора, и в меньшей степени албанский ятаган и флиссу кабилов. На копие, однако, имеется крюк для подвешивания, а ручка имеет посередине утолщение.

«Что касается кельтиберов, – продолжает Диодор, – то они носят по два меча (предположительно это эспада и даго), всадники же их, победив своих соперников, спешиваются и, присоединившись к пешим, сражаются так же, как их подчиненные». Лузитанцы, самые доблестные представители своего народа, проживали в горной местности, особенно богатой минералами. Юстин ⁴⁸⁰ пишет о золоте, меди и киновари; по последней получила свое название и река Минго. О железе он говорит следующее: «Качества оно превосходного, но причиной тому их вода, а не само железо, ибо, только закалившись в ней, металл становится острее; не ценится меж них и никакое другое оружие, кроме того, что было погружено в Билбилис или Халиб ⁴⁸¹. Страбон представляет Иберию изобилующей

---

⁴⁸⁰ Марциал также упоминает о богатстве своей родной провинции металлами.

⁴⁸¹ Плиний (XXXI, 4, 41) также отмечает Сало, или реку Билбилис (Ксалон), и кельтиберский город под тем же названием, ныне именуемый Бомбола, место рождения поэта Марциала, находится возле Калатаюда («Кала-ат эль-Яхуд» – «еврейская крепость»), или замка Йова.

металлом, а лузитанцев – вооруженными кинжалами.

Рис. 287.
Галльский
бронзовый
меч

Северные соседи кельтиберов – воинственные кельтские ⁴⁸² галлы – были прирожденными меченосцами; они в основном полагались на клайдаб ⁴⁸³. Попав в Европу, они уже прошли свой каменный век и делали клинки из меди, бронзы и железа. Последнее, насколько нам известно из истории, вошло в обиход в IV–V веках до н. э., в позднекельтский период, как его называет мистер Франке. Материал этот, кажется, был, согласно всем источникам, весьма посредственным. Клинки в основном были обоюдоострыми, около метра в длину, тонкими, прямыми и не имеющими острия («*sine mucrone*»); для крепления рукояти у них имелся хвостовик, но никакой гарды или других приспособлений для защиты руки у них не имелось.

Но храбрость позволяла галлам неплохо справляться и с такими плохими инструментами. Ф. Камилл, диктатор, видя, что его враги рубят в основном по головам и плечам, приказал своим римлянам носить легкие шлемы, об которые клинки-махайры гнулись, тупились или ломались. То же касалось и щитов, которые изначально были деревянными; он «приказал по той же причине оковывать их тонкой пластиной из латуни» (меди? бронзы?). Учил он своих воинов и обращаться с длинными копьями, которые они могли втыкать, подныривая под оружие своих врагов. Дионисий Галикарнасский пишет, что Камилл говорил, сравнивая кельтское вооружение с римским, что, дескать, кельты достают противника только длинными копьями и большими ножами (*μάχαιρας κοπίδες*) ⁴⁸⁴

---

⁴⁸² Слова *Κέλται*, *Γαλάται*, *Γάλλο* означающие «бойцы», явно происходят не от «койлле» – «слово», а от старого слова «гал» («бой») или «гала» («оружие»). Название это хорошо отвечало их природе; они никогда не были мирными, и храбрость их вошла в поговорку: греки говорили о «Κελτικόν θράσος» – «кельтской храбрости».

⁴⁸³ «Кладибас» или «кладиас» – это производные от «гладиус». Я уже отмечал их форму, когда говорил о гальштатских находках.

⁴⁸⁴ Плутарх тоже утверждает, что галлы, нападавшие на Капитолий, были вооружены копьями. «Первым, кто встал на их пути, был Манлий... Встретив одновременно двух врагов, он отбил удар одного из них,

саблевидной формы (?). Это произошло незадолго до того, как он победил брэннских и сенонских ⁴⁸⁵ галлов, которые позже разбили римлян (390 г. до н. э.) и захватили всю столицу, за исключением Капитолия.

Галлы времен Цезаря владели большими железными шахтами, которые разрабатывали туннельным способом; их наконечники стрел производились из того же материала, галлы делали даже железные цепи. Однако они ни в коем случае не отказывались от использования оружия бронзового. Павсаний тоже говорит о *ταῖς μαχαίραις τῶν Γαλατῶν*. Диодор отмечает, что кельты носили «вместо коротких прямых мечей (*ξίφους*) длинные прямые клинки (*μάκρας σπάθας* ⁴⁸⁶), которые носили наискосок справа подвешенными за железные и бронзовые звенья. Их мечи не меньше, чем «саунионы» ⁴⁸⁷ других народов, а острия их саунионов больше, чем у мечей». Страбон также говорит, что галлы носили свои длинные мечи подвешенными справа. Прокопий, с другой стороны, отмечает, что галльские наемники в Риме носили меч слева ⁴⁸⁸. Согласно Посейдонию, галлы носили также кинжалы, которые использовали вместо ножа; это могло внести путаницу в описания.

К. Клавдий, квадригарий у Авла Геллия ⁴⁸⁹, заметив «мономахию» – «единоборство» Манлия Торквата с галлом, заявил, что последний был вооружен двумя гладиусами. Ливий описывает тот же самый поединок в лучшем своем стиле. Римлянин, среднего телосложения и скромной манеры держаться, держит пехотный щит, а на поясе у него висит испанская спата – оружие, используемое, чтобы убивать, а не для того, чтобы поугагать противника. Крупный галл, второй Голиаф, в блестящем многоцветном одеянии и доспехах, раскрашенных и инкрустированных золотом, по-варварски возбужден и показывает язык, по-детски дразнясь. Друзья расходятся в стороны, оставляя двоих соперников посередине, «больше по правилам театрального представления, чем по законам боя». Огромный

поднявшего копис, отрубив ему правую руку гладиусом». Я считаю, что слово «копис» в данном случае обозначало пугио, кинжал, или короткий меч. Боргези пишет в своей «*Oeuvres Complètes*»: «По применению и по форме, по рукоятки и шириной лезвия копис очень напоминает нашу саблю». Карисия говорит о принципиальной разнице: в то время как у палаша режущее лезвие находится на внешней стороне клинка, у кописа рабочей является внутренняя сторона. Граф Гозадини, как и генерал А. Питт-Риверс, сравнивает копис с ханджаром или ятаганом и цитирует Ксенофонта в доказательство того, что это оружие было не восточного типа. Я возвожу историю этого слова к египетскому хопшу или хершу и повторяю выражение своей уверенности: это древнеегипетский серповидный клинок со сглаженным изгибом. Но, как и следовало ожидать при рассмотрении столь старого слова, оружие, которое он обозначает, могло в большой степени изменяться в размере и форме.

⁴⁸⁵ Слово «брэнн» явно родственно уэльскому «брэннин» («король»). Сеноны оставили свое имя в названии Сегны в Иллирии, которая находилась к югу от Прекрасной Фиумы и когда-то была гнездом пиратов.

⁴⁸⁶ Здесь это слово, очевидно, употребляется в отношении прямого двустороннего палаша около метра длиной. В Средние века это оружие породило множество любопытных вариантов, таких, как «*spatha pennata*» или «*spatha in fuste*».

⁴⁸⁷ Согласно Вегецию (II, 15), саунион представлял собой легкое метательное копье самнитов, древко которого было 3,5 фута длиной, а железный наконечник – 5 дюймов длиной. Таким образом, он напоминал римский пилум. Но Диодор, очевидно, имеет в виду другое, более тяжелое оружие, которое вряд ли металось. Мейрик и Иене (с. 390) это затруднение не разрешили.

⁴⁸⁸ На нортумберландском камне в Монфоконе изображен галл с мечом на одном боку и кинжалом на другом.

⁴⁸⁹ Кн. VII, 10. Очевидно, что дуэль не является кельтским обычаем, как то полагают многие авторы. Все, что мы можем сказать, это то, что кельты зародили в Европе понятие о чести и обычай защищать ее с оружием в руках. Древним представление о дуэли было чуждо; за исключением, пожалуй, арабов, оно все еще продолжает оставаться чуждым для современных цивилизаций Востока, особенно мусульманских.

северянин, как смерч, грозящий разрушить все, что на его пути, протянул левой рукой вперед свой щит и нанес бестолковый рубящий удар по доспехам наступающего противника. Южанин, подняв острие меча, оттолкнул своим щитом низ щита соперника, приблизился вплотную, прижавшись к врагу всем телом, и, нанеся почти одновременно два колющих удара – в живот и в пах, оттолкнул врага; тот рухнул, как гора. Храбрый победитель не стал глумиться над телом, разве что снял с него крученное ожерелье – торквес и повесил его, окровавленное, себе на шею.

Полибий, рассказывая о битве при Пизе, когда Анероэст, царь гезитов⁴⁹⁰, со своими союзниками – бойями, инсубрами и таврихиями (нориканами, стирийцами) – был разбит К. Атилием (225 г. до н. э.), показывает превосходство римского оружия. Он описывает галльские махайры как «просто рубящие клинки... совершенно лишенные острия и пригодные только для того, чтобы с определенного расстояния рубить сверху вниз; из-за своей конструкции эти клинки очень быстро тупились и гнулись, да так, что, не выпрямив их с помощью ноги, нельзя было нанести и второго удара». Тот же самый великолепный автор, описывая битву при Каннах (216 г. до н. э.), повествует, что Ганнибал и его африканцы были вооружены так же, как и римляне, учтя уроки предыдущих поражений, а вот у испанских и галльских наемников щиты были такие же, а мечи – совершенно разные. Если испанский ксифос прекрасно подходил и для колющих, и для рубящих действий, то длинная и лишенная острия галльская махайра годилась лишь для того, чтобы рубить с далекого расстояния. Ливий отмечает также и нехватку острия, и то, как легко гнулись мягкие и плохо закаленные кельтские клинки.

Когда Луций Манлий напал на галлов в 181 г. до н. э., у последних были длинные плоские щиты, слишком узкие, чтобы прикрывать все тело целиком⁴⁹¹. Вскоре у них не осталось другого оружия, кроме мечей, а их они использовать не могли, потому что противник не подходил близко. Взбешенные точностью дождем сыпавшихся на их тела снарядов, ранами, казавшимися еще страшнее оттого, как черная кровь выделялась на фоне белых тел, и разъяренные оттого, что столь слабые повреждения выводят их из строя, они потеряли многих от мечей велитов. Эти «легковесы» в те дни были неплохо вооружены: у них были щиты длиной три фута, метательные копья и «испанские гладиусы», которые они доставали, переложив копья в левую руку. С этими удобными клинками они бросались вперед и протыкали лица и грудные клетки, а галлы не могли орудовать своими мечами в тесноте.

От книг – к памятникам: на урбской медали Римини, которую датируют временем победы над сенонами, изображен длинноволосый и усатый галл, а на реверсе – широкая спата с ножнами и цепочкой. Эти же изображения повторяются на других монетах из той же серии, где обнаженный галл, прикрывшись щитом овальной формы, нападает все с тем же мечом. На третьей медали галл изображен с двумя мечами, один короче другого⁴⁹². Ножны и цепочки были сделаны из бронзы или железа.

Согласно Диодору⁴⁹³, галлы шли в бой на боевых колесницах. Была у них и кавалерия

---

⁴⁹⁰ Что означает просто «копьеносцы». «Гайсат» = «гастат» и происходит от слова «гайса», отсюда и ирландское «гай» – «копье». Изидор («Словарь») переводит «*gessum*» как «*hasta vel jaculum Gallicè*». Само слово это сохранилось во французских словах «гизарма» и др. *Gaesum* предположительно имел некую гарду для защиты руки.

⁴⁹¹ Обнаженные тела и узкие щиты хорошо показаны на сцене битвы на Триумфальной арке в Оранже.

⁴⁹² Боргези считает, что один из этих мечей – копис.

⁴⁹³ Кн. V, 30.

494, но во время своих нашествий в Италию они сражались в основном пешими. У галлов было множество метательных снарядов, дротиков, катя, или кайя (бумеранг, метательная дубинка), пращей, луков и стрел, как простых, так и отравленных. Они бросались в бой с непокрытой головой, завязав длинные волосы на макушке узлом. Во многих боях галлы раздевались, может быть, бравады ради, и шли в атаку в одних лишь набедренных повязках, оставляя на себе только украшения, ожерелья, поножи и поручи. Убитым врагам они отрубали голову, привязывали ее к щиту или седлу и забирали домой в качестве трофеев, как это до сих пор практикуется в Африке. Их девушки и женщины сражались так же храбро, как и мужчины; особенно контусом – деревянным копьем, заостренным и обугленным. Выстроенные позади войска обозы образовывали хорошо укрепленный лагерь. Массивное кельтское телосложение, ужасные воинские кличи, длинные мечи в отважных руках, управляемых решительным духом, позволяли им не раз торжествовать над цивилизованными армиями.

Божественный Цезарь, который был суров в вопросах галльской *nobilitas*, *levitas* и *infirmis animi*, потратил девять лет на то, чтобы подчинить галлов (59–50 гг. до н. э.). Не успел закончиться век, как этот народ уже отбросил свои прежние варварские обычаи и одежды, меховые куртки славянско-афганского образца с открытыми впереди рукавами, шерстяные плащи «сага» и клетчатые пледы из шотландки ⁴⁹⁵, рисунок которых, возможно, представлял собой имитацию первобытных татуировок ⁴⁹⁶, медных украшений, цепей и браслетов. *Gallia comata* показала свои выбеленные вьющиеся волосы, а *Gallia bracata* (Прованс) сбросила свои штаны, которые были стянуты ремнем на талии и завязаны на лодыжках ⁴⁹⁷. Их женщины приняли римскую моду и забыли все, что о них писал Аммиан Марцеллин: «Целое войско иностранцев не смогло бы противостоять единому галлу, позови он на помощь свою жену, которая чаще всего очень сильная и голубоглазая, особенно когда начнет, раздув шею, скрежеща зубами и вращая своими огромными руками, раздавать удары, перемежая их пинками, что ощущается так же, как если бы столько же снарядов сыпалось из катапульты». О их древней и жесткой добродетели мы можем судить по рассказу о храброй жене Ортиагона и подлом центурионе ⁴⁹⁸. Этих галлов полностью подчинили римская цивилизация и латинский язык; появляются новые поэты и риторы, в городах развивались философские школы, и нечего было завидовать «готовой Галлии» – Верхней Италии ⁴⁹⁹.

---

494 Кавалерия имела организацию в виде тримаркисий («три лошади»), состоявших из «онестиоров» (впоследствии они стали рыцарями) и клиентов («сквайров»). Напавшее на эллинов войско под руководством Бренна состояло из 20 400 конных и 752 000 пеших воинов.

495 Этот образец почти универсален. Муркрофт находил его в Гималаях, а я купил «накидку пастуха» в Униамвези – в Центральной Африке.

496 Изначальным смыслом татуировки было сделать кожу более грубой; это была защита от холода. Позже у нее появилось еще одно значение, которое мы все еще встречаем в Африке, – различать между собой народы, племена и кланы.

497 Диодор Сицилийский (V, 30) писал βράκας; в новогреческом – βράκχι, в итальянском – braghe, в немецком – Brüche. Альдус и другие авторы древности по ошибке переводят *braccae* как накидку – верхнюю одежду. Йенс же поступает правильнее, переводя как накидку *sagum*.

498 Ливий. XXXVIII, 24.

499 Италия объявляла себя *Una* (единой). Она населена сегодня двумя народами, разительно отличающимися друг от друга. Границей между ними является По, разделяющая греко-латинских итальянцев юга и галло-франкских итальянцев (миланцев, пьемонтцев и т. д.) севера. Последние, варвары по происхождению, являются основой современного королевства, а южане – его слабым местом.

Алеманны, или германцы, жили к востоку от Рейна, на землях, которые на момент римского завоевания представляли собой мрачную страну болот и лесов; даже сейчас поездка из Гамбурга в Берлин объясняет древний исход племен, ринувшихся на завоевания «земли обетованной» на юге, и массовую эмиграцию в наши дни в Америку. В доблести этих воинов позже превзошли галлы, но у них не было кельтской ветрености, непостоянства. Их национальным свойством была и остается непреклонная целенаправленность. До недавнего времени Германская империя была лишь призрачной традицией; но при этом германцы ухитрились занять все европейские троны, за исключением двух. Они не создали ни одной колонии, хотя, подобно кукушкам, извлекают неплохую пользу из колоний чужих; их видное телосложение, укрепленное упражнениями, позволяет им переносить тропический и экстремальный климат лучше всех европейских народов, за исключением славян и евреев. Во всех крупных городах мира они занимают первое торговое место, что является результатом образования, тщательно настроенного на конечную цель; их прогресс последних лет, кажется, обещает «германизму» большое будущее на развалинах неолатинских народов.

Рис. 288. Обнаружен в Аугсбурге (66 сантиметров в длину). Находится в Зигмарингенском музее

У нас есть свидетельства Тацита о том, что германцы его времени, в отличие от кельтов, не пользовались коротким прямым мечом. Их национальным оружием было копье⁵⁰⁰ причудливой формы. Происхождение и природа этого оружия до сих пор остаются

---

⁵⁰⁰ Так, мы знаем о том, что бог Тир или Туиско, Марс северян, в рунах изображается знаком зазубренного копья (что напоминает знак планеты Марс). Позже он стал богом меча. От руны Тир происходит Эр («эру», «меч»), или Аер, что напоминает греческое слово *ἄρς*, которое Якоб Гримм связывает с *ἄρς* и *Eisen*.

неопределенными ⁵⁰¹. Современные источники утверждают, что древнее *framée* – это длинное копье с наконечником из камня, меди, бронзы или железа, имеющее форму пальстаба или расширяющегося кельта; а Деммин указывает на подобную же широкую лопатообразную форму у абиссинского копья. Его могли как метать, так и использовать в качестве колющего оружия, и не надо путать это оружие с огромным *hasta* Тацита, в чьи дни римское копье было четырнадцати футов в длину. Это было примечательное оружие: те, кто знал его, с благоговением говорили об этом «кровавом оружии», и у германцев долго еще сохранялась поговорка «одно копье двух мечей стоит». Однако, как ни странно, в могилах его находят редко, в то время как бронзовые и каменные метательные топоры, с отверстием и без, односторонние и двусторонние, встречаются довольно часто.

---

⁵⁰¹ Раньше оно считалось происходящим от *ferrea*. Йенс приводит и ряд других – *Bram* (шип, ежевика), *Pfriem* (удар, шило), *Brame* (граница, край), *Ramen* (целиться, бить) и т. д.

Рис. 289.
Бронза,
75 сантимет-
ров в длину;
головка из
бронзы и
кости. Из
гальштатских
раскопок

Какое-то время слово «framea», очевидно, применялось к совершенно разным видам оружия. Так, Августин считает его равнозначным спате или рамфайе; Жоанн де Жануа («Глоссарий») объясняет его как «glaive aigu d'une part, et d'autre espée» ⁵⁰².

Согласно Тациту, с железом германцы были знакомы, но широкого распространения оно не имело. Его слова подтверждаются «находками» в древних курганах и каменных кольцах, известных как Ризенмауэр, Гюннерринге ⁵⁰³, Тойфельсграбен, Бургвелле и т. д. Мифы о великанах, гномах и змеях позволяют предположить восточное происхождение этого металла. Бронзовые же клинки, с другой стороны, встречаются повсеместно. Типичный

---

⁵⁰² «Часть острого глейва или другого меча» (фр.).

⁵⁰³ «Стиндиссеры» Дании, дольмены Франции, кромлехи Англии.

образец из долины Эльбы, находящийся в коллекции Клеммина, Йенс описывает следующим образом. Общая длина оружия – 23,25 сантиметра длиной, длина клинка – 18,5; наибольшая ширина – 1,625. Форма его конусообразна, сходится к острию; на обеих сторонах высокому закругленному ребру жесткости противолежит тянущаяся до самого конца углубленная линия. Между плечами и самим клинком на обеих сторонах зазубрина в форме полумесяца. Штырь для рукояти сужается к середине, где находится длинный овальный разрез для крепления ручки; на обеих сторонах плеч, откуда начинается ребро жесткости, – отверстия для заклепок. Головки на нем нет, ее место занято пустой вилкой.

Железные мечи встречаются редко; даже во II веке до н. э., когда римляне от использования мягких металлов уже отказались, галлы и германцы продолжали их использование. Особенно это было заметно, когда германцы выступили против Арминия, в 15 г. до н. э.; в дни Тацита германцы еще не умели обрабатывать сырой металл. Остатки железных спат по большей части находят в очень плохом состоянии; материал их плохого качества, и сделаны они неважно. Их прославленные бойцы пользовались клинками двух видов; метровой обоюдоострый германский меч неотличим от такого же кельтского. Спатай особенно пользовались три племени: свардоны, саксонцы и черусцы. Со временем ею начали пользоваться готы⁵⁰⁴, и в конце концов слово *wafan* (оружие) стало использоваться только применительно к мечу. Обоюдоострый клинок его часто имел листообразную форму, как будто был скопированным напрямую с бронзового меча. Другие мечи были посередине уже, чем у рукоятки или острия, для облегчения процесса извлечения его из ножен. Хвостовик дотягивался до головки эфеса, а рукоятка делалась из дерева (березы или бука), кости или другого материала и обтягивалась кожей или тканью. Крестовины не было, но полумесяц рукояти выходил за плечи, служил для крепления заклепок и иногда снабжался гардой (*die Leiste*)⁵⁰⁵. Оружие это имело прочные ножны, часто сделанные из железа, даже если сам клинок был бронзовым, и висело на левом боку воина на кожаных ремнях.

Следующий германский клинок – кривой и односторонний: это полуспата, размером в половину спаты, подвешивалась с правого бока воина. Оружие это, кажется, было сахсом⁵⁰⁶, он же сикс, он же сакс, – излюбленное оружие саксонцев; его называли также брайтсакс и книф, а позже – скрамасакс⁵⁰⁷. Большой, железный, кривой на манер ятагана, он

---

⁵⁰⁴ Вегеций (II. 15) пишет, что они использовали «*gladii majores quas Spathas vocant*» («большие мечи, именуемые спатами»).

⁵⁰⁵ Йенс описывает три вида эфесов. Самый древний – «полумесяц», он снабжен спиралями и различными изображениями. Второй, более общеупотребительный в коротком оружии – *sahs*, имел на месте головки вилку или полумесяц с более или менее искривленными рогами, либо разъединенный, либо присоединенный поперечиной. Тут опять же на гранях изображены спирали; мы видим, как они в высшей степени развиты на более поздних скандинавских предметах оружия. Третий эфес представлял собой нечто вроде хвостовика, продолжение клинка, с округлыми краями для крепления дерева, рога или кости; посередине у него обычно была выпуклость. Головка эфеса, как таковая, у этих мечей развития не получила.

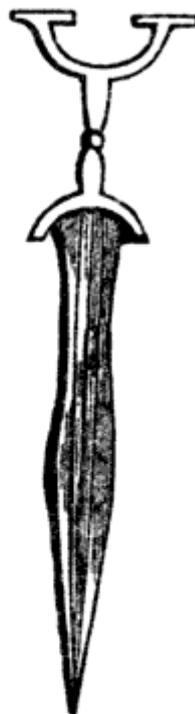
⁵⁰⁶ Слово «сахс», кажется, связано с латинским «саксум». «Гамар» («молот») имеет то же значение. От слова «сакс», возможно, происходит и меч «закко» императора Льва («Хроники»): «*Item fratrem nostrum Ligonem cum zaccosone vulneravit*» («Брата нашего Лигона поранил своим закко»). В законах вестготов упомянуты оба оружия, и длинное, и короткое: «*plerosque verò scutis, spatibus, scramis* (боевые топоры?)... *instructos habuerit*» (В большинстве же своем командиры вооружены skutами, спатами и скрамисами). «*Nimith eege saxes*» («Возьмитесь за свои мечи!» (др.-нем.) – призывает Генгист, а в Нижней Саксонии еще не забыты клятвы «*Meiner Six!*» («Клянусь своим кинжалом!») и «*Dunner-Saxen*» («Мечом грома»).

⁵⁰⁷ Деммин и другие считают слово «скрама» (палаш) происходящим от слова «скрамата», означавшего линию, которую проводили на земле между двумя сражающимися греками (!). От этого же слова он выводит и слова «шерма» и «эксрима» – «фехтование». Другие предпочитают слово «скаран» («стричь»), от которого произошло немецкое «*schere*» и английское «*shears*» – «ножницы». Слово же это, очевидно, родственно германскому «*shirmen*» – защищать.

использовался и как нож, и как метательный снаряд. У некоторых из этих метательных мечей вместо головки эфеса был крюк для лучшего крепления ручки. Швертстаб (меч-посох), или «прахтакст», описан и зарисован Йенсом ⁵⁰⁸; он похож на разновидность дольча ⁵⁰⁹ – кинжала, который крепился к длинной полой металлической ручке, как у персидского боевого топора. Этот предмет встречается редко, и редкость его приводит к мысли о том, что он был символом Сакнота (бога меча), Зио, Туи или Туиско. Доктор Эванс считает это оружие «разновидностью гальберта или боевого топора», другие – командирским жезлом или почетным оружием; но для таких объяснений он распространен все-таки слишком широко. Прекрасный образец швертстаба с бронзовыми лезвием и рукоятью был найден в Арупе (Скания); аналогичную форму имеет и китайский клинок.

Рис. 290.
Спата из
Шлезвига

Рис. 291. Короткий
кельтский меч,
40 сантиметров
длиной. Железный
клинок, бронзовая
ручка. Из Гальшта-
та. (Венский ка-
бинет древностей)

История, пусть даже и написанная врагами германцев, показывает, что это был воинственный и постоянно воюющий народ. Свадебный подарок представлял собой набор из коня в попоне, щита, копья и меча. На праздниках молодежь танцевала голышом перед

⁵⁰⁸ Йенс приводит наблюдение, что размеры сахса были крайне непостоянными. Некоторые источники считают его «миххили», большим ножом типа култелла. Но фригийская Азегга-бач дает понять, что это было убийственное оружие, запрещенное к ношению в мирное время. Иногда находят кинжал, иногда – палаш; таковы, например, скрамасаксы из Копенгагена, 90 сантиметров в длину, или из Фронштеттена, которые, хоть и в незавершенном виде, весили 4,5 унции. В Британском музее находится прекрасный образец скрамасакса с рунической гравировкой.

⁵⁰⁹ Слово это – англосаксонское «dole», «рана», перешедшее таким образом на ранившее оружие.

мечом-богом, посреди обнаженных клинков и лежащих копий. Жизнь их проходила в охоте и войне. Несмотря на их варварство, подробное знание своих болот, кустарников, гор и лесов позволило им нанести цивилизованным римлянам не одно сокрушительное поражение.

Высокоразвитый тевтонский мозг изобрел и идеально подходящую для них форму атаки. Это был их национальный способ, как фаланга, изначально египетская, стала греческой, а ее логическое развитие, легион, стал римским. Как атака полумесяцем, после того как ее приняли кафиры, стала мусульманской. Тацит писал: «*Acies per cuneos componitur*» («Войско выстраивают клином»). И римляне и греки в принципе знали атаку клином⁵¹⁰; но они использовали ее как вспомогательное средство; а у германцев атака «свиной головой» («свинфилькинг» скандинавов) была общепринятой. Изобретение этой атаки германцы приписывали Одину. Вершина клина состояла из одного ряда⁵¹¹, и количество человек в каждой последующей шеренге вплоть до последней удваивалось; семьи и соплеменники, стоя плечом к плечу, придавали этому соединению необходимую моральную сплоченность. Этот способ атаки сохранялся тысячу лет; он сыграл заметную роль в битве при Гастингсе, где норманны атаковали клином, и при швейцарском Земпахе. За всю долгую историю своего существования он не претерпел особых изменений, за исключением разве что размещения стрелков по флангам. Клин был явно идеальной формой для атаки на шеренгу или даже колонну, но вот для отступления он совершенно не годился.

Кимвров большинство авторов считает сейчас кельтским народом, возможно, родственным Кимрам – уэльсцам. Однако же мы знаем, что во II веке до н. э. они, по словам Плиния, объединились с германскими тевтонами. «Кимперы» итальянских хроник, предположительно потомки завоевателей, избежавших меча Мария (102 г. до н. э.), несомненно, говорили по-немецки.

Плутарх описывает меч кимвров как большой тяжелый нож. Были у них также и боевые топоры, и острые кинжалы «деган». Последние ценились очень высоко и благодаря своей клиновидной форме считались божественными символами⁵¹². Как это водится у варваров, оружие вождей носило ужасные имена, чтобы один звук этих имен вызывал страх. Доспехами им служили железные шлемы, кольчуги и белые сверкающие щиты. Эккарт придерживается того мнения, что это оружие было трофейным; в их курганах, как в Гольштейне, так и где-либо еще, были обнаружены, кроме каменных кельтов и наконечников копий, лишь несколько мечей, да и те не были железными.

Скандинавских готв (гетов) и вандалов в древности считали одним и тем же народом. Их бронзовый век, как считалось, начался около 1000 г. до н. э. и закончился в Швеции с началом христианской эры. У них были короткие мечи, что делало их, в отличие от кельтов, крайне опасными противниками в ближнем бою; считается, что именно готы первыми сделали копье оружием всадника. Такое же оружие использовалось и померанскими лемовиями, и их родственниками ругиями. Последние жили на южном побережье Балтийского моря, в окрестностях Рюгенвальда, и это место, один из центров каменного века

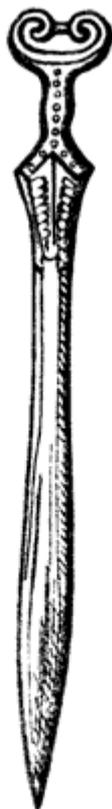
---

⁵¹⁰ Йенс (с. 439) цитирует Асклепиодота (VII, 3) и Элиана (XVIII, 4), описывающих «*cuneus*» скифов и фракийцев, т. е. варваров. К сожалению, Йенс цитирует также «голову вепря» из законов Мену («Мавана-дхарма шастра» Хоутона, VII, 187) и датирует этот отрывок «восьмым веком до н. э.», в то время как Мену жил несколько веков спустя после Тацита. Я отметил тот факт, что расстановка шахматных фигур отображает боевое построение индийского войска – впереди пехота, лошади и слоны (башни) с обоих флангов, а главнокомандующий – раджа – в середине и сзади.

⁵¹¹ В идеальном варианте впереди стоял один знаменосец, как Инго в битве короля Одо при Монпансье в 892 г. н. э.

⁵¹² В более позднее время их тщательно начищали, чтобы видны были нанесенные на них рунические надписи.

513, сохраняет, как и остров Рюген, старое варварское название. Датчане по большей части пользовались длинным *securis Danica* (*hasche Danoise*). Финны, как их описывает Тацит, не знали ни мечей, ни железа: они использовали только луки и стрелы с каменными наконечниками 514. Бронзовые мечи, находимые в Финляндии, с загнутой кромкой пластины рукояти и восемью отверстиями для заклепок, должно быть, попали туда извне.

Рис. 292.
Датский меч.
Материал —
бронза; длина —
85 сантиметров.
Копенгаген

Теперь перейдем к кельтскому населению родных Британских островов; это явно ветвь галлов. Металлических предметов, принадлежавших докельтским «аборигенам» (кто это был — иберы? Баски? Финны?), мы не имеем, за исключением палеолитических; история наших находок начинается с двух различных волн кельтской иммиграции, как на том настаивает профессор Рис, — гойделов (галлов), по имени которых была названа Каледония («*Gael doine*», или «*Gael dun*» — лесистая местность), и бриттов.

Аутентичные английские записи, по утверждениям мистера Элтона, начинаются со времен Александра Великого, то есть с IV века до н. э.; следующим историческим этапом стало нашествие англосаксов в середине V века н. э. Он не прослеживает никакой преемственности кельтов или саксонцев от людей палеолита четвертичной эпохи или от низкорослых темнокожих людей неолита, которые пришли им на смену. За ними

---

513 Кельты, зубила, наконечники копий и т. д. находят по всему полуострову Ютландия и далее на юг до Бранденбургской марки.

514 Ни Цезарь, ни Тацит не упоминают использование древними галлами и германцами луков, хотя в могилах и находят каменные, костяные и железные наконечники стрел.

последовали ширококостные, круглоголовые, светловолосые люди, которые принесли с собой знание бронзы, и, соответственно, меча.

Полковник А. Лэйн Фокс подводит четыре основные теории ⁵¹⁵ об источнике появления в Великобритании бронзы. Доктор Эванс формулирует аккуратно: «Каждая из этих точек зрения содержит определенное количество истины»; но также он делает вывод, что четвертая должна быть признана всеми археологами. Я с этим совершенно согласен, с тем только уточнением, что общим центром следует считать Египет, а Западную Азию – лишь промежуточным пунктом. У нас есть доказательства глубокой древности бронзы в районе Нила, откуда технология ее изготовления и разошлась по миру. Но вот то, что пропорциональный состав сплава почти везде одинаков (девять частей меди к одной части олова), подталкивает к предположению, что создателями «фондерий» и «трезоров» был некий народ кочующих кузнецов, что-то вроде цыган. Первый шаг из Египта был совершен в страну хеттов и Финикию; эти «англичане древности» разнесли эту технологию вширь и вдаль. Сэр Дж. Лаббок считает, что финикийцы узнали о минеральных залежах Корнуолла между 1500-м и 1200 гг. до н. э. С другой стороны, профессор Рис полностью отрицает наличие каких-либо следов финикийских технологий в Англии.

Доктор Эванс считает, что бронзовый век в целом продлился в Британии восемь – десять веков. Он подразделил бы этот период на три отдельные стадии ⁵¹⁶, и последней, когда и был произведен бронзовый меч, он приписывает длительность, как минимум, в четыреста – пятьсот лет. За ней последовал ранний железный век, или позднелегитский период. Этот металл могли использовать на юге Британии, населенной задолго до Цезаря иммигрантами-белгами, не позже IV или V века до н. э. – это приблизительная датировка самых древних галльских железных мечей. В конце концов, ко II или III веку до н. э. в белгской Британии исключительное использование в качестве материала для режущих инструментов бронзы практически прекратилось. Римские историки не оставляют нам возможности для предположений, что оружие, особенно северных бриттов, делалось из чего-либо еще, кроме железа.

Предполагалось, что найденные в Британии бронзовые мечи были либо римскими, либо произведенными в период римского владычества. Спор на эту тему был начат еще в 1751 году по поводу нескольких бронзовых лезвий, наконечника копья и других предметов, которые были обнаружены возле Ганната, в Бурбонских горах. С новой силой он вспыхнул в 1860 году на почве ревностного соперничества между немецкими и скандинавскими хранителями ценностей; «итальянский взгляд» недавно стал ревностно отстаивать Томас Райт. Доктор Эванс, тщательно изучив этот вопрос, делает следующий вывод: «Суть этого спора заключается в том, имели ли эти мечи в Западной и Северной Европе доримское

---

⁵¹⁵ Они таковы:

- . Технология отливки бронзы распространялась из единого центра вследствие миграций или завоевания.
- . В каждой местности эта технология была открыта самостоятельно, делались свои собственные инструменты;
- . Технология была изобретена в одном месте, инструменты изготавливались там же и распространялись посредством торговли.
- . Технология разошлась из единого центра, но инструменты изготавливались в тех странах, где их находят.

⁵¹⁶ Вот эти три стадии:

- . Характеризуется плоскими или чуть загнутыми кельтами и кинжалами, которые находят в курганах наряду с каменными орудиями.
  - . Время тяжелых кинжалов, кельтов с загнутыми кромками и наконечников копий с хвостовиками, к примеру найденных в Арретон-Даун. В эти два периода меча еще не было.
  - . Пальстабы, кельты с раструбами (ввозимые из-за рубежа); настоящие наконечники копий с раструбами, мечи и множество разновидностей оружия и орудий труда, которые находят в древних складах запасов.
- Странной особенностью Британии является отсутствие практически каких бы то ни было следов позднейшего бронзового периода в могилах и курганах.

происхождение». И он отмечает три провинции, которым приписывают древние бронзовые предметы в Европе. Это Средиземноморье, подразделяющееся на греко-италийскую и гельвето-галльскую области; область Дуная, включающая Венгрию, Скандинавию, Германию и Британию; и уральская, охватывающая Россию, Сибирь и Финляндию. В конце он приводит бронзовый серп с раструбом, бритву с хвостовиком, меч двух видов, щит с множеством концентрических кругов и еще некоторое количество других британских предметов, чтобы показать, что Британия была одним из великих центров бронзовой промышленности.

«Свинцовая бронза», хорошо известная в Древнем Египте, повсеместно находится в Ирландии, где некоторые образцы «металла Доуриса» имеют до 9,11 части в 99,32. Финикийцы действительно могли научиться использованию предмета с красивым золотым блеском. Доктор Эванс отмечает замечательное преобладание свинца в маленьких (обетных) кельтах с раструбами, найденных в Британии. Профессор Пеллижо обнаружил в некоторых из них 28,5 процента, или даже 32,5 процента свинца и только 1,5 процента, или меньше, олова. В других же при большом процентном содержании олова было от восьми до шестнадцати процентов свинца. Некоторые из бронзовых украшений начавшегося железного века содержат также значительное количество свинца. Кельт с раструбом из Йоркшира содержит 81,15 процента меди, 12,3 олова, и 2,63 свинца. Относительно этого случая Дж. А. Филипс выразил мнение, что «свинец является, вне всякого сомнения, специально добавленным ингредиентом»⁵¹⁷.

Римские завоеватели явно недооценивали бриттов. Страбон объявляет их каннибалами; однако он все же включает в число их продукции золото, серебро, железо и зерно. Цезарь утверждает, что они пользовались египетскими кольцами-деньгами, но доктор Эванс доказал, что в I веке до н. э. в Англии чеканили золотые монеты. И давно известно, что вряд ли можно назвать варварским народ, который пользовался *currus falcatus* – боевыми колесницами с серпами по бокам, «карбард скаррда» ирландцев, уэльскими «кербид», заимствованными у галльских кельтов⁵¹⁸. Помпоний Мела уверяет нас также, что, помимо «bigae» и «singulis», бритты имели также и кавалерию. Их произведения из стекла, кости и агата, их кафельницы – все это предполагает широкое взаимодействие, торговое и социальное, с континентом. За те девяносто лет, что разделяют Юлию Цезаря и Клавдия, бритты прогрессировали в письменности и построили значительные города. Объем полученной Англией латинской крови нашими авторами, наверное, недооценен; но открытие римских развалин, которых обнаруживается все больше, обязательно привлечет внимание статистиков и этих «новых людей, антропологов», к этому в высшей степени интересному предмету⁵¹⁹.

---

⁵¹⁷ Список анализов показывает наличие свинца в основном в находках ирландского происхождения.

⁵¹⁸ Цезарь (IV, 33): «Genus hoc est eis essedis pugnae» («Этот народ сражается, сидя в колесницах»); и еще раз он упоминает о *essedarii*. Колесница с серпами по бокам была известна ассирийцам, евреям и персам, Ксенофонт и Плутарх придавали ей важнейшее значение; даже дышло на них увенчивалось копьем. Они приобрели популярность у всех кельтских народов. При Сентинуме (296 г. до н. э.) галлы почти победили римлян, внезапно бросив в бой соединение из тысячи колесниц – «*essedae currusque*». Тектосаги, сражаясь во Фригии (до н. э.) с Антиохом Сотером, выставили перед своим строем 240 боевых колесниц с серпами, некоторые из которых были запряжены двумя или даже четырьмя лошадьми. Антиох Великий снабжал свои колесницы не только серпами, но и копьями в десять локтей длиной (?), которые торчали по бокам (Ливий. XXXVII, 41). Также этот историк отмечает и арабских наездников на верблюдах; это были «лучники, у которых были с собой и мечи длиной четыре локтя (6 футов), так что они могли доставать ими врага даже с такой большой высоты». Когда гезиты переходили Альпы (228 г. до н. э.), у них было с собой большое количество боевых колесниц (Полибий, II, 4, 5, пишет о 20 000 *αρμαμάζας καὶ συνωρίδας*), которые сослужили хорошую службу в битве при Теламоне. «Фингал» Оссиана содержит пространное описание боевой колесницы и ее использования. В кельтской Европе находят много останков этих двухколесных машин.

⁵¹⁹ Я не могу не отнести на счет итальянской крови те высокие и горбоносые черты, что отличают британцев

Бронзовые мечи древних британцев принадлежат к двум типам: с листообразным и с рапирообразным клинком; и тот и другой были хорошо отлиты. Полная длина последнего – около двух футов, самый маленький – шестнадцать дюймов, самый большой – тридцать, редко больше. Клинки эти чаще всего закругленные, но ближайшая к режущему лезвию часть слегка опущена, чтобы образовывать пустую канавку. Ширина клинка наибольшая в первой, от рукояти, трети, что облегчало извлечение меча из ножен. Почти во всех случаях меч усилен закругленным ребром жесткости, более или менее рельефным; либо имеются продольные гребни, как рихтованные, так и нерихтованные, или параллельные линии, тянущиеся либо по всему клинку, либо по большей его части. Некоторые совмещают ребро жесткости с продольными гребнями. Плечи меча либо ровные, либо имеют выемку или загнутую кромку. В редких случаях внешняя часть эфеса сделана из бронзы: доктор Эванс приводит изображение такого экземпляра. Общая длина оружия – двадцать один дюйм, из которых пять занимают круглая головка и рукоять, рассчитанная на большую ладонь. Ручка кажется отлитой прямо на клинок – похоже, что она сделана из такой же бронзы, и заклепок, которыми могли бы скрепляться эти две металлические составляющие, нет. Серповидная часть ее, середина выемки которой приходится на начало ребра жесткости (рис. 293), – характерная черта, которая на протяжении нескольких веков была свойством бронзового оружия северного производства.

Рукоять листообразного лезвия обычно состоит из роговых, костяных или деревянных пластин, которые крепятся заклепками с обеих сторон пластины рукояти. Форма последней, количество и расположение заклепок, с помощью которых крепится материал покрытия, могут значительно различаться от экземпляра к экземпляру. Некоторые рукоятки имеют аж по тринадцать крепежных отверстий; в среднем же, однако, их количество редко превышает семь. Отверстия эти имеют либо круглую, либо продолговатую форму. Когда хвостовик имеет полную длину, на рукояти наблюдается отчетливое утолщение. К концу она расширяется, явно с целью создания головки, образуемой материалом самой рукояти. Этот хвостовик заканчивается более или менее выраженным «рыбьим хвостом». У одного меча, который зарисовал доктор Эванс⁵²⁰, к основанию рукояти прикреплены две спирали – такая форма меча редко встречается в Англии, но часто – в Скандинавии. На головке эфеса другого меча есть отчетливая отливка, и он очень примечателен двумя кривыми рогами, вырастающими из нее, которые некоторым образом напоминают воронки, имея в середине каждого из них торчащий конус. Мне такое подковообразное завершение меча кажется ирландским.

от северных германцев; последние тесно перемешались со славянами, что можно понять, даже бегло взглянув на жителя Берлина. Портреты рыцарских времен помогут объяснить, что я имею в виду. В ганноверские времена «круглоголовые» опять вышли вперед, отсюда и популярный «Джон Буль», изображаемый на страницах «Панча». Это хороший работяга, но он не справится с тем, чтобы командовать и подчинять.

⁵²⁰ Я уже упоминал бронзовый кинжал из Фив, находящийся ныне в Британском музее, с его узким рапирообразным клинком и широкой плоской костяной рукояткой.

Рис. 293.
Британский
меч, бронза
(Тауэр)

Мы видели рапиры в Микенах и Этрурии ⁵²¹. Они снова появляются в Северной Европе, Англии и Франции в совершенной форме; и, хотя на складах запасов их находят редко, кажется, что они относятся к тому же периоду, что и кельты с раструбами. Несложно проследить промежуточные этапы между листообразным кинжалом и рапирой. Последняя имеет в длину двадцать – двадцать три с половиной дюйма, отдельные экземпляры – даже до тридцати с четвертью дюймов, а в ширину – $\frac{5}{8}$ дюйма, у основания – $2\frac{3}{8}$ – $2\frac{9}{16}$ дюйма. У самых крупных экземпляров – крепкое выдающееся ребро жесткости, при этом для уменьшения веса оружия вдоль каждой стороны тянутся канавки. Клинок другой формы больше похож на штык, сечение его почти квадратное; третий же имеет плоскую поверхность гам, где должно было бы быть ребро жесткости; эта форма еще не полностью устарела. Хвостовик имеют немногие клинки ⁵²²; по большей части основание или плечи клинка снабжены крепежными отверстиями для гвоздей; у некоторых клинков с той же целью расширены крылья ⁵²³.

В поздний кельтский период бритты, как и галлы, были вооружены «gladii sine mucrone» ⁵²⁴, которые Тацит именует *ingentes* и *enormes* ⁵²⁵. Эти спаты, видимо,

---

⁵²¹ Доктор Фархэм считает, что кинжал с хвостовиком является более поздним, чем тот, где рукоять крепилась к основанию клинка заклепками; его поддерживает и доктор Эванс.

⁵²² Доктор Фархэм считает, что кинжал с хвостовиком является более поздним, чем тот, где рукоять крепилась к основанию клинка заклепками; его поддерживает и доктор Эванс.

⁵²³ Бронзовая рапира самой совершенной формы была обнаружена в Ирландии.

⁵²⁴ Мечи, лишенные острия (лат.).

⁵²⁵ Мощные и огромные (лат.).

получились из бронзовой рапиры. На памятнике, обнаруженном в Лондоне и сохраненном в Оксфорде, показано, что этот клинок имеет от трех до четырех футов в длину.

Вся история показывает, что древние бритты были крайне воинственной нацией; Солин приписывает им характерную склонность: «Когда у женщины рождается мальчик, перед первым кормлением она кладет еду на лезвие меча его отца и аккуратно с меча кормит младенца, вознося молитву о том, чтобы, когда ему придет время умирать, смерть застигла его на поле боя».

Древние ирландцы были скорее дикарями, чем варварами. Дикие племена некельтского происхождения долгое время преобладали там над кедьтами-гэлами. Птолемей именуется первых «иверниями», и, как недавно предположили, это могло быть имя их народа по всем Британским островам. Те же самые дикари были отмечены Тассо в рассказе об ирландских крестовых походах:

Questi dall' alte selve irsuti manda
La divisa del mondo ultima Irlanda 526.

Современные ирландцы, по части фальсификации истории не уступая индийцам, если не превосходя их, приписывают своим предкам преувеличенный уровень культуры. В подтверждение своих претензий они приводят известные манускрипты и подобного рода предметы высокой цивилизации; но гораздо проще предположить, что это исключения, труды ученых, путешествовавших по классическим областям Средиземноморья. Если в древней Ирландии жил хоть кто-нибудь, кроме дикарей, то, позвольте спросить, где же развалины, которые производили бы впечатление хоть какой-нибудь цивилизации? Народ, творящий высокое искусство, вряд ли стал бы жить в деревнях, состоящих из деревянных лачуг и обнесенных только земляными валами.

Ирландия, как и современная Центральная Африка, все свое оружие цивилизованного вида получила от своих соседей. Шотландские пикты передали им технологию производства железа, а шотландцы – или те же пикты, жившие к северо-востоку от Ирландии 527, – представление о мече.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы с вами видели, как зарождался меч из куска дерева, заточенного и обугленного. Мы видели несколько этапов его юности и перерастания в форму кости и камня, меди и бронзы, железа и стали. Когда меч достаточно развился, Египет дал ему имя – СФЕТ; и это имя не отстает от него вот уже пятьдесят веков. В руках древних египтян меч распространял культуру и цивилизацию по всем прилегающим землям Африки и Западной Азии. Финикийцы разнесли его по всему миру – миру, известному в те времена. Греки завоевали с его помощью свою свободу и развили свое гражданское общество. В руках римлян он привел

526

Послала этих диких мужиков
Ирландия, что в море далеко.

527 Слово «пикт», по словам профессора Риса, впервые было применено автором III века по отношению к народу, населявшему территорию за Северным валом и за Солузем. Явно слово это возникло благодаря татуировкам этих людей. Рис считает, что «скотты» – это слово бриттского происхождения с тем же значением. Такое толкование лучше, чем принятое – от древнего слова «сейот» – дротик, давший название скифам и скоттам. Пикты, как албанские, так и ирландские, называли себя «круитингами» – что, как показывает ирландское слово «шаначие», означало народ, рисующий зверей, птиц и рыб на своих лицах, да и не только на лицах, но и на всем теле. И вновь мы находимся как будто в «*infinita, arcana Africa ortenda*» («бесконечной, таинственной Африке»).

к воцарению Закона и заложил основы братства всего человечества. Так, хоть он и пропитал землю кровью ее сыновей, меч всегда был верен своему предназначению – общественному прогрессу.